

ГЕНРИХ

ДВОЙНОЙ

ГЕНЕРАЛ - 2

Жил да был Кирилл Арсеньевич, пока не умер. Со всяким может случиться. Не со всяким кто-то могущественный и не без чувства юмора так поступает. Берёт и забрасывает сознание в разум одного из крупных военачальников эпохи Великой войны. Самого неудачливого.

Хотел доказать, что в катастрофе 1941 года виноват не Сталин, а генералы — твори, выдумывай, пробуй. Он и попробовал. Попробовал и убедился, что был прав.

Только падать с такой высоты смертельно опасно. Наш герой начинает понимать, что любой генерал в армии, науке, медицине или культуре обязан быть и политиком. Иначе ему конец.

Двойной генерал-2 (полуостров Сталинград)

Глава 1. Застенки Лубянки

6 августа, среда, время 10:05.

Адрес тюрьмы неизвестен.

— В-ш-ш-и-с! Дум-м! — резко дёргаю головой, но от кувалдообразного кулака совсем уйти не удаётся. Ну, хотя бы смягчил.

С грохотом обрушиваюсь на пол. Хорошо, что не достаю головой до стены, только этого мне сейчас не хватало. Ну, как не достаю? Упёрся в неё всё-таки, хорошо не с размаху. Переваливаюсь на спину, складываю руки на животе. На груди руки скрещивать — рано ещё, а подготовиться к ударам ногами, бронированными крепкими ботинками, не помешает.

Недоброжелатель скажет, что генерал допи@делся, я скажу по-другому: это зримый, — двигаю слегка занемевшей челюстью, вроде всё на месте, — результат первого тактического манёвра. Мне надо выяснить, что происходит.

Этот дюжий даже на вид старший майор Никаноров, — хотя он такой же Никаноров, как я Майя Плисецкая, по глазам вижу, что врёт, — наехал на меня танком чуть ли не с первой секунды допроса.

— Давай, выкладывай. Всё, что знаешь, выкладывай, — туманно сформулировал требование страхолудный следователь. Я задумчиво чесал затылок, старательно избегая средних размеров шишку. В тот момент отверг идею поговорить о вежливости. Чего это он мне тыкает? Решил сделать по-другому.

— Всё?

— Всё.

— Ну, таблицу умножения знаю, дважды два четыре, дважды три шесть... продолжать?

В тот момент он удержался, хотя злостью глаза набухли.

— Дурачком решил прикинуться?

— Вопросы надо задавать однозначные. Что тебя конкретно интересует, старший майор?

— Не тычь мне тут, гнида! — ревёт разъярённым быком следователь и грохает кулаком по столу.

Присматриваюсь к мебельному изделию. А соответствует! Обычную конторскую мебель давно бы развалил таким обращением.

— А почему, собсно? — вопрошаю недоумённо. — Ну, пусть ты по армейской иерархии генерал-майор, но я-то полный генерал армии. Если младшему по званию можно тыкать, то наоборот — сам бог велел. К тому ж я всё-таки Герой Советского Союза... но если у вас тут такие правила, то что ж... будем друг другу тыкать. Я не против, у меня крестьянское происхождение, с детства душа не лежит ко всяким куртуазностям.

Судя по его виду, осмысливает незнакомое слово. Тэк-с... это брешь в его позиции. Не сильно ты грамотный, старший майор.

— Гер-р-о-о-й, — через губу тянет следователь. — Знаем, какой ты герой. И звания у тебя уже нет. Чего?

Злобно таращится на протянутую к нему ладонь.

— Как чего? Решение о лишении меня генеральского звания и снятия со всех должностей. Нельзя ли глянуть?

— Накось выкуси! — прямо в лицо смотрит желтый и твёрдый ноготь из крепкого

кукиша.

— Значица, нет никакого решения. Ай-я-я-я-й, нехорошо, старший майор, подследственных в заблуждение вводить. Твоими устами ведь Советская власть говорит. И чего ж теперь получается? Советская власть меня обманывает?

Гы, — стараюсь не ухмыляться, но вроде я его пробил. Если так дальше пойдёт, неизвестно, кто сейчас признание писать будет, ха-ха-ха...

— Каким способом осуществлял связь с немецким генштабом?! — грозно вперивает в меня непримиримые очи старший майор.

— А зачем мне с ними связываться? И им со мной? — искренне недоумеваю. — С днём рождения друг друга поздравлять?

— Не увиливай! У нас абсолютно достоверные сведения, что ты — немецкий агент!

Ух, ты! Не, я давно догадывался, что обвинения в работе на иноземных врагов Родины это просто способ расправиться с политическим противником или убрать кого-то с дороги к высшей власти. Но кому это я помешал? Ответ может быть только один. С вариантами, но один. Тимошенко распознал во мне конкурента, который может его заменить. Либо те, кто тоже метит на его место, а я их обхожу с изрядным запасом.

— Пиши! — ко мне пододвигается лист бумаги с авторучкой. — Чистосердечное пиши, может и сжалится над тобой Советская власть.

— Зачем вам моё признание, если доказательства моей вины абсолютно неопровержимы? Ставьте к стенке и все дела, — отодвигаю бумагу обратно.

— Поставим, не волнуйся, — «успокаивает» следователь. — Советская власть даёт тебе возможность покаяться и умереть честным советским человеком.

Классный выверт! Королева в восхищении (с)! Мысленно аплодирую. Сто против одного, это он не сам придумал, слишком тупой.

— Голову мне не морочь, старший майор. Ты уже доказал, что можешь обманывать, так что извини. Знаем, что будет, не вчера родились. В газете «Правда» напишут про меня какую-нибудь гадость, типа продался врагам Родины за корзину печенья. Оно мне надо?

— Последний раз спрашиваю, как осуществлял сношения с немецким командованием? — следователь слегка багровеет и набычивается. Малость забавляет современная лексика. Слово «сношение» нынче не имеет никакого сексуального подтекста.

— А как я их вообще мог осуществлять? — действительно не представляю, как мог бы работать агент моего уровня? — Со мной круглые сутки мои штабные, адъютант неотлучно при мне. Кстати, ваш человек, капитан Крайков постоянно рядом трётся. По радио? Очень извиняюсь, но у меня нет рации, зато есть радиоузел. Если мне нужно кому-то отправить шифровку, я пишу текст, шифровальщик зашифровывает и относит на радиоузел. Тамошний дежурный радист отправляет в указанное время. Поясни мне, старший майор, как я могу отправить кому-то радиосообщение так, чтобы этого никто не заметил?

— Получается, у тебя есть сообщники, — с какой-то задумчивой радостью отзывается следователь.

— Проще предположить другое, — вот это меня разозлило, поэтому... — что в органах НКВД завелась группа изменников и вредителей, которые решили обезглавить самый успешный Западный фронт. Чтобы облегчить вермахту продвижение к Москве.

— К столице нашей Родины, — немного подумав, добавляю, и вот тут мне приходится уворачиваться от кулака следователя.

— Встать, гнида!!! — орёт окончательно побагровевший следователь.

— Не могу, — отказываюсь с непробиваемым хладнокровием. — У меня и так сотрясение мозга было, а тут ещё и ты... мне теперь постельный режим прописан. На пару недель.

Старший майор скрипит зубами, борется с приступом гнева. Точно! Я был прав! А спрошу-ка прямо.

— Слышь, майор... старшой, а тебе разрешили меня бить, а? — так-так, легонечко, но глазками своими бычачьими слегка вильнул. — Понятно. Значица, нарушаем приказ. Придётся отвечать, — с фальшивой удручённостью вздыхаю, — По всей строгости наших самых гуманных в мире законов. И с учётом военного положения.

— Хватит шуточки шутить, — бурчит почти мирно следователь, — вставай.

Делаю попытку приподняться и снова ложусь. Полы приятно прохладные, как ранее заметил, чистые. Так что можно и поваляться.

— Не, не могу. Голова кружится. Опять упаду, ударюсь, совсем нехорошо будет.

Смешную он рожу корчит, когда помогает мне подняться. Допрос после этого быстро заканчивается. Выдвигаю ещё один довод.

— Майор... старшой, давай так решим. Я всё твоему начальнику расскажу. Кто у тебя начальник? Берия? Вот Лаврентий Палычу всё и выложу. Тебе не могу, у нас разные уровни допуска к государственным секретам.

— У меня высший допуск...

— А у меня сверхвысший. Давай не будем спорить. Тебе действительно всё знать не по рангу.

То ли уболтал, то ли дозволенное время вышло, но меня отводят в камеру. Кстати, это вторая. Поначалу меня в другой держали, через полсуток перевезли сюда. Откуда и куда, не знаю. В фургоне окон нет, а по внутреннему убранству мне такие учреждения не опознать.

Жизнь настанет такая, что тюремная камера — долгожданный отдых от всех забот.

Лежу на нарах, как король на именинах. Раздумываю. Обо всём и помногу. Поднебесные вихри высшей власти, забросившие меня на нары, меня не заботят. Всё выяснится по ходу дела. И сделать всё равно ничего не могу. А вот подумать о своём округе... продолжаю по инерции обзывать фронт округом. Потому, что по виду фронт — полуостров округлой формы.

Маловероятно, что меня не выпустят. Народ не поймёт, армия не поймёт, никто не поймёт. Только одну возможность вижу, что меня реально исполнят. Если Сталин решил сдать страну, сознательно подставить армию и целенаправленно проиграть войну Германии. Такого не может быть даже не потому, что Сталин — упёртый большевик. Он слишком много сил и энергии отдал Советскому Союзу, чтобы слить его в унитаз. Человек всегда больше всего ценит то, во что вложил. Чем сильнее вложил, тем больше ценит. А Сталин всего себя стране посвятил. Это Горбачёв с лёгкостью невероятной мог страну сдать. Она ему даром досталась. Халявного не жалко. Потому трудно заработанные гроши уходят медленно, а выигранные в карты тысячи улетают со свистом. Так что нет. Со стороны Сталина ход невозможный.

Делов наворотил уже изрядно. Вермахт споткнулся со всего маху и разбил лоб о мой округ. В мире Кирилла Арсеньевича немцы вошли в Минск 28 июня. Здесь уже 6 августа, но о Минске вермахт может только мечтать. Оно не вредно, но бесполезно. А главное, мало что решает. Мой центральный штаб давно дублирован в Барановичах. Если богиня победы Ника будет неустанно работать на немцев, то к концу сентября, никак не раньше, они смогут

покончить с моим округом. Частично. На Смоленск сил уже не останется. И что дальше? Блицкриг сорван, к Москве до зимы даже близко не подойдут, блокада Ленинграда отменяется. Самураи на Дальнем Востоке разочарованно притихнут. Потому мне так спокойно. Выполнил программу минимум по максимуму. Пусть расстреливают «благодарные» соотечественники, до Москвы немчура уже не доберётся, сапоги в хлам стопчет, а не доберётся.

Лязгает железное окошко. Время обеда.

— Быстро встать! — строго командует конвойный.

— Пошёл в жопу! — реагирую на автопилоте, но медленно и, побряхтывая, встаю. Лёжа есть не удобно.

Еда так себе, но проглотить можно. После обеда снова возлегаю на ложе.

Голову слегка покалывает, боль небольшая, но прокручивать в мозгу названия и номера частей и соединений, командный состав, нормы вооружения и обеспечения не рискую. Ленивые размышления, это всё, что я себе разрешаю.

Кто заинтересован в моём аресте, понятно и прозрачно. А Сталин почему согласился? Вопросец. И должны быть основания, которых в упор не вижу. Немчура что-то сочинила? Эти могут, только нашим зачем верить? То бишь, публика в погонах и при должностях во что угодно поверит, если сверху прикажут, Сталину зачем верить? Чего-то я не догоняю.

Отгоняю беспокойство, что там у меня в округе. Во время моего отсутствия Болдин напортачить просто не успеет. Грамотный и обученный лично мной генерал. Искры в нём нет, но борозды, как старый и опытный конь, не испортит. Надеюсь, со мной решат всё быстро, — война всё-таки идёт, — а на две-три недели нового командующего ставить не будут. Вот если меня шлёпнут, а на моё место какого-нибудь Кулика поставят... аж холодею от ужаса, но домысливаю.

Во-первых, мне всё равно будет. Во-вторых, есть надежда, — надо признать, слабая, — что его мои ребята втихую пристрелят. Третье уже не отменишь, даже Кулик не сможет подмахнуть немцам так, чтобы они справились с моим фронтом меньше, чем за месяц. Если я этого дутого маршала недооцениваю, то две недели немцам всё равно понадобится. Ход войны уже повёрнут в нужную сторону. Образец задан, куликам сейчас будет очень трудно. Они спят и видят, как бы меня придавить, но вот незадача, воевать так же успешно они не умеют. Просрать всё, это запросто. Пустить кровь армиям вермахта — кишка тонка и на голову слабы.

7 августа, четверг, время 17:40.

Адрес тюрьмы неизвестен.

— И р-раз! И д-два! — медленно, без рывков и ускорений приседаю. А то выйду из тюрьмы бледной спирохетой, от малейшего ветерка качаясь. Невместно генералу слабый и немощный вид иметь.

Какой-то отпечаток тюрьма на мне оставит, если просижу хотя бы несколько недель. Моё особое положение подтверждает отсутствие прогулок. Не так всё грустно, есть маленькое окошко почти под потолком, куда разок в день по вечерам на часок заглядывает солнце. Аж настроение поднимается и верится, что всё завершится благополучно.

Когда ноги забиваются свинцовой тяжестью, в такой же манере начинаю отжиматься. Голова вроде не протестует.

День сегодня неинтересный был. Один не сильно длинный разговор со страшным и старшим майором. Опять требовал подробности сношений, чёртов извращенец.

— Так это твоя забота, старший майор, — леплю из него крайнего. — Допустим, уговоришь меня написать на себя поклёп о моём шпионаже в пользу немцев. Ладно. А где тебе шифры возьму? Сам придумаю? С каналами связи как быть? Содержание моего шпионажа я тебе как выдумаю? Не, всё это сочинить при большом желании можно. Но на это время нужно. Оно у тебя есть?

От моих вопросов ст. майор совсем скисает. Только я не останавливаюсь.

— А как следствие собирается объяснять факты, что мой фронт с первого дня, с 22 июня лупит немцев так, что от них перья летят? Как ты объяснишь сорок тысяч пленных немцев, двести трофейных танков и сто трофейных самолётов? Это я по приказу немецкого генштаба сделал? Пару кусочков Литвы у них оттяпал, кусок оккупированной Украины к округу присоединил. Тоже по приказу Гитлера?

Смотрит исподлобья и очень мрачно.

— Где твои бесспорные доказательства? Покажи мне их! Немцы что ли прислали? Так это вообще замечательно! Сами со мной справиться не могут, так вам поручили! — до вопроса «На кого работаете, суки?» всё-таки не дохожу. Не хочу усугублять сотрясение мозга. Но на этом допрос заканчивается. Заскучал мой следователь. Какой бы тупой не был, но весь абсурд дела до него доходит.

11 августа, понедельник, время 09:15.

Большая Лубянка 2, главное здание НКВД.

— Только не говори мне, Лаврентий, что с моими людьми что-то случилось, — это первое, что меня интересует, — всем головы поотрываю!

— И мне? — легендарное пенсне всесильного наркома поблёскивает иронией.

— Если и ты в этом участвовал, то и тебе, — буду я тут вас сортировать...

В выходные меня не беспокоили, видать, самым фанатичным работникам самых мрачных учреждений тоже нужен отдых. А с утра вывели из камеры, вернули всё, вплоть до личного оружия и привели в кабинет Берии. Оказывается, здесь в небольшой внутренней тюрьме я и находился.

— Да ничего с ними не случилось, — отмахивается Берия. — Сидят в гостинице, ждут тебя, да гуляют по Москве. Сказали им, что ты занят секретными генеральскими делами. Ты сюда погляди...

Он пододвигает мне лист бумаги. Рассматриваю. Внизу корявая подпись «Павлов», а текст немецкий и характерный. Обязуюсь сотрудничать с немецким командованием и всё такое. Убойный, короче, текстик. И откуда он взялся?

— Наш, очень давний агент переслал. Вернее, не наш, грушники постарались, их креатура.

— Сразу могу сказать, что сам факт такой почты безусловно означает одно: тот агент сгорел, — реагирую уверенно, но сам усиленно копаюсь в памяти. Что бы это значило? Я же точно знаю, что не завербован. Чуть какая-то... значит, фальшивка.

— Подпись твоя? — Берия глядит непроницаемо, ловит каждое моё движение.

— Даже этого не могу сказать, Лаврентий, — пожимаю плечами. — Сейчас-то моя подпись совсем не такая, сам знаешь, но тогда, в двадцать лет, по-генеральски я не расписывался.

Разглядываю внимательнее. Теоретически могло быть и моей подписью. Берия моим размышлениям не мешает, и меня, наконец, осеняет.

— Текст на немецком языке, если ты заметил, — Берия на мою шутку слегка

улыбается. — Немецкого я тогда не знал. В плену работал на шахте и нас, прежде чем допустить до работы, инструктировали по технике безопасности. В стиле «сюда не ходи, того не трогай». И давали подписать, насколько я помню, какую-то бумажку, в каких-то журналах расписываться. Пояснили, что это текст инструкции по ТБ, который нам корявенько поясняли по-русски.

— Выходит, тебе сказали, что это инструкция по технике безопасности и дали расписаться под ней? — нейтрально интересуется нарком.

— Да не помню я! — досадливо морщусь. — Столько лет прошло. Вроде подписывал что-то, но когда и зачем... чёрт его знает! Но о вербовке ни слова не было. Да кому мы там нужны были?! Солдатня и солдатня!

— Унтер-офицер, — поправляет Берия, — старший.

— Ну, да... как там временные говорили? Господа нижние чины... старший сержант по-нашему.

— Ладно, — мою судьбу нарком решает вот так, мимоходом и с лёгкостью, — всё решает немецкий текст. Был бы на русском, другой разговор. Подняли бы архивы, нашли бы твою подпись в то время, сличили... а так, не вижу толку.

Берия смахивает бумагу в стол. И после этого говорим мы много, долго и тяжело. Но прежде затребовал чаю с печеньками, — в тюрьме завтраком меня обделили, — и позвонить своим в гостиницу. Ребят надо успокоить и самому убедиться, что с ними всё в порядке.

Тот же день, время 20:40.

Гостиница «Москва».

— Товарищ генерал! — адъютант, водитель и три охранника облепляют меня со всех сторон. Хлопают по плечам, трясут руку, заглядывают в лицо, сияя счастливыми глазами. Чуть не расчувствовался.

— Ну, хватит, хватит... чего вы раскудахтались?

— Товарищ генерал, мы уж чего только не передумали! — то ли говорит, то ли стонет Саша. — Где ж вы так долго пропадали?

— А вам что сказали?

— Приказали ждать и ничего не спрашивать, — чуть спокойнее докладывает капитан Самойлов, старший охранник.

— Вот и не спрашивайте.

Уходим из общего холла из-под улыбочивого пригляда симпатичной дежурной в мой номер. Саша быстро накидывает на стол. Нам много не надо, немного коньяку и шоколадку. Лимонов пока в свободной продаже нет. Возможно, и не в свободной.

Ничего им не рассказывал. Но намекнул, что среди наших насквозь советских большевистских генералов не обходится без паршивых овец.

— Разберёмся... — обещаю туманно, но исподволь гляжу внимательно, как ребята реагируют. Правильно они воспринимают. Только один лейтенант делает покер-фейс, остальные без вопросов соглашаются.

Внутриэлитная грызня, без которой жизнь не обойдётся, это ходьба по болоту. Того и гляди провалишься. Вдруг до стрельбы дело дойдёт? Будут мои парни стрелять в других генералов и высокопоставленных бонз? Могут отказаться и понять их можно. Конкретно и прямо разговаривать нельзя. Подводить надо понемногу, исподволь. Время есть.

Не как обухом по лбу и не вспышкой озарения, как у Архимеда с его «Эврикой», а постепенно до меня доходит знание, доступное немногим. Оно вроде и на виду лежит, но

мало кто осознаёт. Не имей сто рублей, а имей сто друзей, — это все слышали. Близко, но не то. Иметь людей, готовых за тебя на что угодно, вплоть до риска собственной жизнью — вот главное богатство. У кого таких людей больше, тот сильнее и богаче. В данном случае сила и богатство синонимы. И не потому, что я — генерал. На меня сейчас работает Устав, иерархия, вся система. Но сколько человек сохранят мне абсолютную преданность, если я перестану быть генералом и комфронтом? Вот это количество и есть моё богатство.

Мне нужно знамя, лозунг, кредо. Что-то, под что я могу собрать людей. Думай, голова, думай. Что у меня точно есть, так это авторитет в войсках. Уже не мало.

12 августа, вторник, время 11:05.

Москва, Кремль, кабинет Сталина.

— Разобрались, Лаврентий? — спрашивает Сталин. Берия подтверждает.

Не смотрю на своего якобы друга. Разобрался он... Мне интересно, зачем это Сталину и что это было? Иногда, — не всегда, но бывает, что срабатывает, — стоит и прямо спросить.

— А что вообще происходит, товарищ Сталин? Что-то я сам никак докумекать не могу.

— Лаврентий, ты что, не объяснил товарищу Павлову?

— Немецкую писульку он мне показывал, — опережаю Берия, — мне любопытно, какие тут подводные камни...

— Сам должен понимать, нэ малчик, — Виссарионович начинает набивать свою любимую трубку. — Документ немецкий, веры ему немного, но обвинение серьёзное. Без разбирательства нэльзя...

Что-то акцент пробивается, злится вождь что ли? Пожалуй, нет, моей глупостью раздражается. В принципе, похоже на правду. Поступил сигнал — надо отреагировать. Железный бюрократический закон. Вот и отреагировали: дали по башке, засунули в камеру, допросили. Теперь можно докладывать публике: разобрались и вынесли решение.

— И наши генералы и маршалы расшумэлись, — досадливо добавляет Сталин, раскуривая трубку. Тоже захотелось закурить. По прежним вольнолюбивым привычкам двадцать первого века нет ничего проще, как стрелкнуть сигаретку у хозяина кабинета. С разрешения, конечно, покурить параллельно. Вот только хаметь в присутствии Сталина нельзя. Допустишь один его косой взгляд — беги подальше, благо страна большая. Например, в Магаданский войсковой округ советскую власть укреплять.

Пусть Сталин невысокого мнения о моём понимании, но до меня доходит весь смысл этих глупых, на первый взгляд, манёвров с моим арестом...

— Мы пока придержим приказ о подчинении тебе Северо-Западного фронта, — новость, скорее, хорошая, чем плохая, — сам понимаешь. Но помощь Кузнецову окажи, я позвоню ему.

Так даже лучше, — решаю про себя. Наш вождь неизбывно мудр. Будь я командующим, пришлось бы за всё отвечать, а так, делаю, что хочу, а ответственность на Кузнецове.

— Как там у тебя Рычагов? — невзначай спрашивает Сталин, Берия многозначительно блеснул пенсне.

— Работает. Поручил ему создать авиакорпус, если получится, то воздушный флот, как у немцев.

Сталин переглядывается с Берией.

— Не слишком ли ты увлекаешься подражанием немцам? — не попахиваешь ли ты, товарищ Павлов, космополитизмом. Так я это слышу. Придётся защищаться и объясняться.

— Вы против того, чтобы я использовал трофейные немецкие танки и самолёты? — от

моего неожиданного вопроса Сталин слегка поперхнулся дымом. Берия еле заметно улыбается. Утончённое и глубокое у этого хмыря чувство юмора.

— Почему бы не относиться к новшествам немцев в военном деле, как к трофеям?

Такая постановка вопроса Сталина озадачивает, но ненадолго. За него отвечает Берия, реакция у него чуть быстрее.

— Главное, не скатиться к низкопоклонству, товарищ Павлов.

— Пока что я их бью, товарищ Берия, — как он, так и я. Перехожу на официоз. Сталин окидывает нас внимательным взглядом. Холодок между нами он чувствует, но почему-то его это особо не беспокоит. Тоже повод подумать, где тут собака порылась.

— Я знаю, почему немцы используют крупные соединения ВВС. Легче маневрировать, пилоты быстро набирают боевой опыт. Самолётов у них меньше, приходится крутиться, чтобы создать на нужном участке перевес сил и добиться господства в воздухе. Нам так нельзя. Красноармейцы будут чувствовать себя неуверенно, если заметят отсутствие авиатехники. Поэтому не стоит концентрировать где-то авиадивизии, оголяя другие участки фронта. Самолётов у нас больше. Но вот чтобы противодействовать воздушным флотам люфтваффе, надо создать оперативный противовес. Этим и занимается Рычагов. Мне нужно мобильное авиасоединение численностью хотя бы в полтысячи самолётов.

— Ого! — не удерживается Берия.

— Это минимум. Лучше в восемьсот-тысячу. Но на первое время хватит. Они же будут просто усиливать местные авиадивизии.

— Как вы думаете, такая схема будет эффективна? — Сталину любопытно.

— Сначала не очень. Наши лётчики сильно уступают немецким пилотам в боевом опыте. У них не редкость среди асов налёт часов в восемьсот. У нас по пальцам рук можно пересчитать тех, кто пересёк черту в сто часов...

— Не прибедряешься?

— Если только чуть-чуть, — в сторону Берии, задавшего вопрос, не смотрю, — реально их число вряд ли превышает двадцать-тридцать человек. Ещё и потери достаточно велики.

— Мы месяц назад подписали союзнический договор с Англией, — роняет вождь. — Как вы думаете, товарищ Павлов, как будут развиваться военные действия с Германией?

Пару секунд думаю, как Сталин увязывает два тезиса? Ладно, не моё дело, пусть он сам с Англией разбирается.

— Возьмём самый благоприятный вариант для немцев. К концу сентября вермахт уничтожит мой округ. Ладно, к середине сентября. Остатки своих войск, включая танки и авиацию, что уцелеет, я отведу в Полесье. Само собой, выведу туда материальные запасы. Боеприпасы, продовольствие, всё. И в тылу у немцев останется огромная заноза.

Они оба слушают меня внимательно.

— Это я увлёкся. Поневоле перешёл на себя, а надо думать за немцев. Они нас запрут в Полесье, заблокируют и пойдут дальше. Если дурные — попрут на Москву, если решат взять Украину, как трофей — пойдут на Киев. Далее Крым и Кавказ. Лишат нас огромных ресурсов, включая промышленный потенциал левобережной Украины.

— Но ни до Москвы, ни до Кавказа они до зимы не успеют... — после паузы заключаю в основном дозволенные речи.

— А Крым? — встречает Берия.

— Крым, как сложится. В самом благоприятном для немцев варианте возьмут и Крым. Возможно, Латвию. Но на этом всё. Дальше начинается зима, и немцам придётся прекратить

активные действия. За зиму мы их немного отождём, а следующим летом начнём массовое избивание.

— Что нужно сделать, чтобы отменить благоприятный для немцев сценарий? — вождь любит конкретику.

— Дальнебомбардировочную тяжёлую авиацию. Хотя бы несколько десятков ТБ-7. И мы начнём регулярно бомбить стратегически важные транспортные узлы и промышленные объекты...

— Плоешти, — роняет Берия.

— В том числе. Плоешти выгоднее бомбить с Крыма, расстояние в два раза ближе, чем от меня. С моей стороны возможны удары по Варшаве, Праге, Берлину, Кенигсбергу...

— Ви можете обещать, что такие удары будут регулярными? — волнение Сталина выдают акцент и жест. Он откидывается на спинку стула.

— Поначалу да. По Варшаве я ведь уже бил. После немцы что-нибудь придумают. Какие-нибудь высотные перехватчики или ещё что-то. Наши потери увеличатся, и придётся принимать какие-то контрмеры. Надо заранее наших авиаинженеров озадачить. Усилить вооружение, поднять потолок, изобрести какие-нибудь сверхточные бомбы...

— Тебе ещё надо подумать об эвакуации, раз ты собираешься округ немцам отдавать, — поддевает меня Берия.

— В Смоленск всё эвакуирую, его они точно не возьмут, — парирую и ехидство его игнорирую. — Кстати, у меня огромное количество железнодорожных вагонов скопилось на европейскую колею. Толкните там железнодорожников, пусть колёсные пары подбросят.

— Можете поделиться? — одобрительно спрашивает Сталин.

— А куда мне их девать? Все запасные пути забиты. Хоть обратно немцам отдавай. Мы уже их приспособливаем под жильё для военнопленных. Временно, конечно. Штук пятьсот легко могу отдать. Остальные для своих нужд оставлю...

— Сколько?

— Несколько сотен, — конкретно я Берии отвечать не буду, — точно не знаю. Ведь и потери бывают. Нет-нет, да и разобьют немцы какой-нибудь эшелон. Передвижные артбатареи на платформах делаем.

— Давайте пообедаем, товарищи, — предлагает Сталин, реагируя на заглянувшего к нам Поскрёбышева.

После обеда мы проговорили ещё час. Сталин считает, что мелочей не существует и если можно сегодня решить то, что можно отложить на завтра, то надо было это сделать ещё вчера. Так что я теперь знаю, когда у меня появится десяток ТБ-7 сверх того, что есть, и когда мне начнут подгонять колёсные пары.

— Вы, товарищ Павлов, на Лаврентия не обижайтесь. Приказ есть приказ.

Это да, однако...

— Не буду обижаться, товарищ Сталин...

— Для вас Иосиф Виссарионович...

Ого! Пожалуй, это круче, чем звезда Героя. Но понятно, что при всех так называть его всё равно нельзя. Плавали — знаем.

— Не буду обижаться, Иосиф Виссарионович, если товарищ Берия мне того следователя на перевоспитание отдаст. На полгода.

— Обойдётся, — как много в этом слове Берии! И больше всего холода, до степени сибирской стужи.

— А что? — смотрю на Сталина. — Сидит в тёплом месте здоровый бугай. Пусть порошу понюхает, на фронте поработает. Я ему медальку «За боевые заслуги» организую. Как минимум. Если с огоньком поработает. Может, тогда к боевым командирам с уважением будет относиться.

Смотрю на Берию с вызовом. Твой заплечных дел мастер за мордобой ответит. Спускать не собираюсь.

— Харашо, — на этот раз акцент от замечательного настроения, — так тому и быть. Командируй своего следователя в распоряжение товарища Павлова. Но, товарищ Павлов...

Вождь грозит пальцем с никотиновым пятном.

— Использовать человека по назначению. И чтобы живой к Лаврентию вернулся.

— От шального снаряда не уберегу. Но на передовую посылать не буду. В особом отделе поработает.

На том и сошлись при крайне недовольном Берию.

12 августа, вторник, время 21:55.

Москва, кинотеатр «Ударник» близ Кремля.

— Как вы понимаете, товарищи, — всё-таки вытащили меня на сцену, как ни загораживали меня ребята, народ углядел генерала, — я за сводками Совинформбюро не слежу. Но догадываюсь, что о моих потерях не говорили, а вам наверняка интересно. Могу доложить, стесняться мне нечего. За всё время боевых действий безвозвратные потери Западного фронта чуть более тридцати тысяч человек. Это убитые, пропавшие без вести, — но таких очень мало, — и комиссованные после тяжёлого ранения. Мало это или много, судите сами. Ведь с другой стороны, у нас более сорока тысяч пленных немецких солдат и офицеров. Сколько немцы потеряли безвозвратно, как вы понимаете, немецкое командование нам не докладывает...

В зале, который до того слушал меня, затаив дыхание, оживление, смешки. Делаю небольшую паузу, даю выплеснуться эмоциям.

— Мы можем судить только по косвенным данным. Гарантирую, что на моём фронте немцы потеряли убитыми не менее пятидесяти тысяч человек...

Мой голос не звенит от торжества и гордости. Ни капельки. Спокойно сообщаю советским гражданам, жадно ловящим каждое моё слово, сухие факты.

— Реально, скорее всего, немецкие безвозвратные потери не менее семидесяти тысяч. А может и больше, мы точными подсчётами не занимаемся. С учётом пленных соотношение потерь четыре к одному или три к одному в нашу пользу. Хотелось бы, конечно, десять к одному...

В зале смех, выкрики «А лучше сто к одному, товарищ генерал!» и тому подобные. Откровенно смеюсь.

— Как вы понимаете, — шум мгновенно стихает, — немцы будут активно протестовать против таких моих сощобязательств. Товарищи! Вы должны понимать, на данный момент немецкая армия является сильнейшей армией мира. Да, надо это признать. Шапкозакидательские настроения неуместны.

Зал от неожиданности замирает. Как так, мы всё поём эту песню «Но от тайги до британских морей...» и далее по тексту?

— Вы поймите, товарищи. Мы до сих пор во многом армия мирного времени. У нас нет реального боевого опыта. Вы знаете, например, что я, как комфронта, ни одну часть или соединение, не побывавшее в реальных боях, настоящей боевой единицей не считаю.

Необстрелянный боец — не полноценный боец. То же самое относится и к командирам. Пословица «За одного битого двух небитых дают» не на пустом месте родилась.

Прошёлся по сцене, слегка разминая ноги.

— Вермахт — армия военного времени, полностью отобилизованная, имеет двухлетний опыт победоносных войн. Они с лихостью необыкновенной разгромили Францию, Бельгию, Голландию, Польшу, Грецию, оккупировали Балканы, вышвырнули с континента английский экспедиционный корпус.

— Вы, люди не военные, даже не понимаете, насколько сложен простой манёвр — передислокация крупных соединений с места на место. Это сложная войсковая операция, недаром многие командиры получили награды за присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. А в боевых условиях? Когда надо думать о маскировке, о скрытности передвижения, о противовоздушной обороне и противодействии диверсионным группам?

— Я всё это говорю, чтобы вы поняли простую вещь. Военная наука сложна и без практического опыта, который добывается ценой крови наших бойцов, победоносной армии быть не может. Да-да, слышу вопрос, что мне-то удалось... но, товарищи, мой фронт действует от обороны, это намного легче. Крупных наступательных операций мы тоже пока проводить не умеем. Хотя, может, уже умеем. Надо попробовать...

Опять в зале смех, одобрителный свист.

— Давайте заканчивать товарищи. Я уже сказал, что за сводками Совинформбюро регулярно не слежу...

Кратко докладываю о количестве трофейной техники, занятых территориях Украины и Литвы и другие приятные для ушей советского человека вещи.

— Но должен вам вот что сказать напоследок. Победа во многом куётся в тылу. Вам тоже надо ударно поработать, в том числе, над собой. Скажите мне, вот как так получается, что одна деталь от танка не подходит к другому такому же танку? Почему вы не можете в производстве техники соблюдать все размеры и допуски? А ремонтировать потом как? Что получается? Выходит эдакая махина, стоящая огромных денег, у неё ломается какая-нибудь небольшая загогулина и всё. Боеспособность утеряна.

Народ задумывается, перешёптывается, пользуюсь моментом, спускаюсь в зал. Кино сегодня свёрхпатриотическое, боевой киносборник номер 2. Поглядим, чем наши политотделы занимаются.

13 августа, среда, время 09:35.

Военный аэродром под Ригой.

Не торопясь, идём через лётное поле к штабу местной авиачасти. Небо затягивает облаками, которые становятся всё гуще. Ветерок усиливается, нагоняет облака, которые уже начинают темнеть. Это мы удачно прилетели, непогода нас не застала.

Ночью и в самолёте было время обдумать все эти пертурбации вокруг меня. Меня всё время мучил вопрос, зачем Сталину мой арест. Ладно, генералы. Воспользовались поводом, чтобы утолить свою зависть и утопить успешного конкурента. А ему зачем репрессировать самого результативного генерала, практически сорвавшему немецкий блицкриг? Что на это народ сказал бы? Просто пальцем у виска покрутил бы и то урон репутации.

Слава ВКП(б), с этой непоняткой всё утряслось. Мой арест Сталин превратил в символический акт. Это не акция, это всего лишь жест. Предъявить генералам нечего. Сигнал отработан, подозреваемый арестован и в результате следственных действий

оправдан. Кому не нравится — идите лесом и не забудьте про овраги.

И догадался всё-таки о причине странной реакции вождя на появившийся холодок в отношениях с Берией. Почему бы Сталину не быть параноиком при такой биографии? Не только Троцкий был его конкурентом в главные вожди. Бухарин, Рыков, сладкая парочка Зиновьев с Каменевым и множество других. Сказки, что они скурвились и стали буржуазными наймитами, это для простого народа. Борьба за власть — главная причина. И дело не в том, что они все к ней рвутся из-за патологической склонности к таковой. Идёт борьба проектов, ныне угасшая, — ещё вопрос, до конца ли угасла, — как и куда развиваться стране.

Сталин — главный рулевой, это побочный, хотя и неизбежный, эффект победы сталинского проекта развития. Победила концепция отдельного социалистического государства в окружающем океане капиталистических и феодальных стран. Так что это не борьба за власть в чистом виде. Власть — инструмент реализации советского проекта в том или ином виде. Главное преимущество сталинского варианта в том, что он уже даёт весомые и зримые плоды. Страна сумела совершить гигантский скачок вперёд.

Так что паранойя верховного вождя вполне объяснима и обоснованна. В такой ситуации, видя рассорившихся подчинённых, каждый из которых невероятно силён, он не может не чувствовать удовлетворения. Неприязнь между вассалами неплохая гарантия от сговора против сюзерена. Для Сталина мог стать ночным кошмаром заговор против него всего двоих людей. Всесильного наркома НКВД и победоносного генерала, которому прямая дорога в наркомы обороны. НКВД в союзе с армией? Тут ничего не поможет, против лома нет приёма. А вот когда НКВД примеривается к горлу генералитета, а генералы прикидывают, как прижать вездесущие органы половчее, ха-ха-ха, тут можно поиграть. Интриган наш вождь, приходится учитывать сей факт.

Кажется, я совершил ошибку, попытавшись сойтись с Берией. Слава ВКП(б), она исправлена.

— Здравия желаю, товарищ генерал армии! — на пороге штаба меня браво приветствует незнакомый полковник ВВС.

Привет, привет, славный Северо-Западный фронт, героически прославивший Литву за одну неделю.

13 августа, среда, время 14:40.

Местечко Мадона, здание гимназии близ штаба фронта.

— Здравия желаю, товарищи командиры! — оглядываю зал, где разместились разнокалиберные командиры числом около двух сотен. На сцене стол, за которым сидят комфронта Кузнецов, начштаба Клёнов и корпусной комиссар Диброва.

Народ для разврата собран, можно начинать. Именно, что разврат, да в самом жёстком садистском стиле, так как любят наши советские офицеры. В этом времени не замечал систематических угроз стандартного для Советской Армии образца. Обещаний отыметь всякими извращёнными способами и тому подобное. Но откуда-то те традиции выросли? Хм-м, может, это я сейчас дам им начальный импульс и направление?

По прилёту сюда с первых слов затребовал организовать встречу с командирами всех уровней, от лейтенантов до генералов. Со всеми, до кого можно дотянуться за пару часов. Больше у нас времени нет.

— Сразу докладываю, что Ставка планирует подчинить ваш фронт моему Западному. Официально это произойдёт не скоро...

Зал начинает слегка шуметь. Такие новости надо переварить. Прислушиваюсь. Одобрительный шум или недовольный. Скорее, одобрительный. Всякому хочется встать под руку победоносного полководца.

— Пока решение половинчатое. Северо-западный фронт сам по себе, но вашему командованию приказано выполнять все мои пожелания.

— Первая моя просьба выполнена, именно поэтому вас здесь и собрали.

Делаю паузу, мне тоже надо настроиться...

— Собрал я вас вот зачем. У меня ко всем вам один вопрос: как вы умудрились всю Литву целиком отдать немцам за неполную неделю?

Еле заметно и кривовато ухмыляюсь. Глумливой улыбкой конченого садиста. С размаху бью по самому больному месту.

— Товарищ генерал армии, к-х-м... — пробует что-то сказать Кузнецов. Его начштаба сидит, понуриив голову, комиссар смотрит исподлобья. Останавливаю Кузнецова запрещающим жестом.

— Не планируете взять на себя повышенные соцобязательства и сдать Латвию за три дня?

Кузнецов багровеет, в зале нарастает глухой гул. Открытого ропота нет, все понимают, что полное право имею так говорить. Я пока ни пяди Белоруссии не отдал. Строго говоря, Гудериан и его шеф фон Бок уже вторгаются в наши пределы, но... сейчас сам об этом скажу.

— Почему вы не поступили так же, как и мы? Да, немцы на данный момент пересекают границу Белоруссии, но платят за каждый метр нашей земли. Обильно платят. Собственной кровью. Более пятидесяти тысяч убитыми с начала войны их потери на нашем фронте. А знаете, сколько они потеряли про оккупации Литвы? Моя разведка говорит, что санитарные потери немцев около трёх тысяч. Всего-то. Ещё в Даугавпилсе им кровь пустили, но сами знаете, что мы вовремя вмешались и подтянули туда дивизию.

Кажется, уже никто в зале старается не смотреть на меня.

— Вина лежит на каждом из вас, — мой голос без напряжения разносится по залу и бьёт каждого, доставая до нутра. — На всех, кроме рядовых. И чем больше ваше звание, тем больше вина. За исключением товарища корпусного комиссара и, вообще, политработников, — бросаю взгляд на Диброва, — хотя... товарищ корпусной комиссар, 28-й стрелковый корпус вы прохлопали. Так ведь?

Дибров отворачивает голову, поджав губы.

— Я вам объясню, как вы добились таких впечатляющих успехов. Во-первых, вы пропустили удар диверсионных групп, который начали забрасывать на нашу территорию за два-три дня до 22 июня. Так, Фёдор Исидорович?

Молчит Фёдор Исидорович.

— Диверсионные группы «Бранденбург-800» перерезали вам линии связи, взяли под контроль ближайшие мосты и обеспечили войскам вермахта беспрепятственный проход в режиме лёгкой прогулки.

— Во-вторых, вы прохлопали первый авиаудар.

— В-третьих, качество вашего командования войсками ниже уровня ратных ополчений Александра Невского. Поясню. Командование узнаёт, что где-то прорван фронт и посылает туда стрелковую дивизию. Без авиаприкрытия, без разведки, не обеспечив связи. Пока дивизия доходит до назначенного рубежа, она попадает под воздушный налёт, а то и

неоднократно. Теряет до трети личного состава, изрядную часть транспорта, боеприпасов и вооружений. И главное. Бросив дивизию неизвестно куда, вы не знаете, что на неё накатывается армейская группа, в составе которой пара танковых дивизий и пара моторизованных, которая просто-напросто давит нашу несчастную дивизию, не снижая скорости.

— На этом дело не кончается. Узнав о гибели дивизии, вы не формируете спешно армейскую группу войск, не организуете глубокоэшелонированную оборону, а посылаете навстречу ещё одну дивизию или даже полк. И немцы, посмеиваясь и покуривая на ходу, давят танками одну вашу часть за другой.

На генералов за столом не оглядываюсь. Жалко и неприятно на них смотреть. Пожалуй, надо снижать давление.

— Вот мы быстро их приучили собственный устав соблюдать. И без бокового охранения и авангардной разведки не делать ни шагу. То и дело они попадали под миномётный или артиллерийский обстрел, напарывались на заминированные участки, их уничтожала наша штурмовая авиация. Они попытались в самом начале окружить Брест. Одну группу войск мы уничтожили, вторая успела унести ноги, но всыпали им знатно.

Хотел спросить, кто им мешал так воевать, но не стал сыпать соль на раны.

— Да, я понимаю, что наш устав упирает на наступательные действия, но ведь и оборону не отрицает. Добавлю: отступление — законный войсковой манёвр, который надо проводить так, чтобы максимально обескровить наступающего противника и замедлить его продвижение.

— Вам всем надо учиться воевать. Всем! Начиная от рядового до генерала. Пуще всего, генералам! Подумайте над этим, хорошенько подумайте. Несколько дней у вас есть. Дня через два-три я пришлю вам группу инструкторов, и приступайте к обучению. Учиться вы должны постоянно. Даже боевые действия рассматривайте и как экзамен и как очередной урок.

Окончание главы 1.

Глава 2. Плен — всегда не сахар

27 июля, воскресенье, время 15:25.

Сельхозугодья колхоза «Красный Октябрь»,

8 км к западу от поселения Кобыльник, Вилейская область.

— Эй, Фриц, клади аккуратнее, левее, левее! — орёт дед в домотканой рубахе и таких же портках. На ногах, однако, сапоги фабричного импортного производства. Немецкого. Не иначе у капитанармуса их третьей роты 8-го трудового батальона на что-то обменял.

— Я не Фриц, я — Карл, — устало спорит Карл Финк, бывший ефрейтор связист 18-ой дивизии панцерваффе.

— Мне похеру, у меня головы не хватит вас всех запоминать, — отбрасывает дед, перехватывая и привязывая верёвку за бортом телеги. Над телегой висится холм пшеничных колосьев трёхметровой высоты.

Финк, забросив вилы на плечо, направляется к группе камрадов, увеличивая их численность до восьми человек.

Хороший сегодня день. Как им любезно разъяснило большевистское начальство, летом в селе выходных не бывает, но сегодня можно считать, почти выходной. Они закончили уборку последнего поля озимых до вечера, и на сегодня работа закончена. Для герра майора Нечипоренко, один вид которого вызывал у всех камрадов холодок в груди, точно выходной. Потому лекций, разучиваний революционных большевистских песен тоже не будет. Благословенный денёк.

— А ну, шире шаг, немецко-фашистские оккупанты! — командует сопровождающий их герр сержант с малиновыми петлицами, светловолосый крепыш с автоматом и постоянно презрительным взглядом. Нет у этих варваров погон, как только они распознают друг друга по этим загадочным геометрическим знакам?

Камрады прибавляют шаг, рабочий день сегодня короткий, сил хватает.

— Фридрих, а что, это правда, будто Карл Маркс — немец? — щупловатый Фридрих, учившийся в гимназии, знал заметно больше своих камрадов, поэтому и адресован вопрос ему.

— Еврей он был, а не немец, — сплёвывает Фридрих.

Сержант-охранник, уловив слово «юде», фокусирует на них взгляд, полный подозрения. Камрады смолкают. Через пять минут Карл не выдерживает и жалуется.

— Три источника и три составные части марксизма-ленинизма. Никак не могу понять, как одно и то же может быть источником и одновременно составной частью?

Поле, шурша стерниной под ногами, полого снижается. Идти становится веселее.

— Очень просто, — объясняет Фридрих, к ним прислушиваются остальные. — Не одно и то же, немного по-другому. Есть три теории — они источник марксизма-большевизма. А следствия и выводы из этих теорий составляют содержание марксизма.

— Данке, Фридрих, — благодарит Карл, — теперь всё понятно.

— Ненавижу их, — вдруг шепчет Фридрих. — Они нарочно над нами издеваются, заставляя зубрить марксистскую теорию.

— Это плен, — вздыхает Карл. Частично облегчённо вздыхает. Их казарма, бывший и переоборудованный коровник, уже в пределах видимости. Идти совсем немного.

Плен это не санаторий или курорт. Хорошо, что хоть кормят их прилично. Не так, как в

родном вермахте, страна всё-таки отсталая. Об апельсинах даже не слышали, слово «сардины» не знают, одно слово варвары. Издеваются, это правда. Карл припоминает, как их охрана, немного выпив, — у кого-то день рождения был, — вытащили десяток «зальётчиков», как они их называли. Отделение несчастных заставили выучивать какую-то русскую песню. Учили так долго и упорно, что у Карла, который тогда нёс службу дневального и не мог спрятаться, пара строк в памяти будто выгравировалась. Ещё одна небольшая психическая травма, незаметная на фоне всего их унылого существования.

«Взвей-тес кастр-ами синья ночки! Мы — пийонэры, дьети рабочих!».

Дальше Карл не запомнил, очень старался не запоминать. Помогало то, что русские солдаты уже после этих строк, выведенных заунывными голосами «зальётчиков», начинали ржать, как табун взбудораженных лошадей. Один даже с табуретки упал. Непостижимо идиотское у этих варваров чувство юмора.

Карл шёл сзади, поэтому не сразу понял, почему все вдруг ускорились. У их казармы-коровника кучкуется группа камрадов, оттуда идёт дымок, рядом какие-то вёдра, куча соломы...

О-о-о! Камрады под руководством местных суеются вокруг приличных размеров свиной туши. Карла хлопает по плечу однополчанин Вальтер.

— Герр Егорыч подарил нам поросёнка. Хорошая свинья, под центнер весом, нам всем на три дня хватит.

Егорыч это оберхаупт, начальник здешних крестьян. Они его как-то по-другому называют, но это слово никто из них выговорить не может. Вальтер прав, хороший подарок. Изредка большевики балуют их курами и прочей птицей, но чаще они пробавлялись тушёнкой. Такой свежинки, как сегодня, ещё не было. Что интересно, тушёнкой кормили немецкой, из фатерланда. В родном вермахте Карл морщил нос, когда вместе с другими её получал, приелась. Здесь же все её уплетали за милую душу. А ещё никому не нравился рыжаной хлеб, какой-то тёмный и с легким кисловатым привкусом. Недавно начали давать и белый, но понемногу и не регулярно. Белый хлеб почти такой же вкусный, как в Европе, тут же стал обменным товаром. Кому не хватало сигарет, менял их. Кто не курил, обменивал свой табачный пайёк на хлеб.

Настроение поднимается, подгоняемое пахучим дымом и ожиданием роскошного ужина. Дело спорится. Свинью закололи и опалили двое местных. Пара мужчин в возрасте. А затем камрады отодвинули русских бауэров в сторону и принялись за разделку сами. Карл восхитился сноровкой камрада Вальтера и не только он. Русские поволновались, но Вальтер вырезал желчный пузырь не хуже опытного хирурга и так же ловко вывалил из туши кишечник.

— Хальт! Хальт! Цурюк! — кричит вдруг Вальтер одному из мужичков, вознамерившемуся отволочь кишечник в сторону двух рядом усиленно машущих хвостами собак. Вальтер подзывает пару камрадов, те забирают требуху в сторону к тазику с водой.

Русские, переглянувшись, двигаются за ними. С любопытством наблюдают, как аккуратно кишки вычищаются, ополаскиваются, промываются до стерильной чистоты.

— Это вам зачем? Что вы с ними делать будете? — камрады русских понимают плохо, но тут переводчик не нужен.

— Гуд, гуд, вкусно... — на это бауэры опять переглядываются и пожимают плечами.

Подходит сержант-конвоир, о чём-то говорит с камрадами. Этот злой сержант неплохо знает язык.

— Начиняют их фаршем и колбасу делают. Пальчики оближешь. И просто пожарить можно, тоже ничего, — объясняет сержант бауэрам то, что Карл только что слышал на родном языке.

Ещё через час свинку разобрали на молекулы. Повизгивающим от нетерпения псам достались только копыта с короткими костными обрубками и так, обрезки по мелочи. И остатки морды, лишённой языка, мозгов и чуть не добела оскобленные кости.

Чешущие озадаченно затылки бауэры уходят, делясь по дороге впечатлениями.

7 часов вечера, ужин.

— Угощайтесь, камрады, — к компании друзей подходит Вальтер, неся в широкой тарелке дымящиеся и пахучие кусочки, плавающие в слое растопленного жира и жареного лука.

Каждому досталось и не понемножку, а изрядно сдобрив миску со шрапнелью. Почему-то именно так русские называют перловую кашу. И по наблюдениям Карла относятся к ней пренебрежительно. Он наблюдал перед ужином любопытную сценку.

Один из конвоиров подошёл к полевой кухне, — их, немецкой кухне, — и затребовал у кашевара пробу. Карл отметил крайнее изумление на его лице и прислушался, подобравшись поближе.

Повар удивился удивлению солдата.

— Гуд, гуд, это вкусно, — затем принялся объяснять, выслушав солдата. — Надо выдерживать в чистой воде пять часов, потом сливать воду и варить.

На лице солдата отражается понимание. Варвары, даже таких простых вещей не знают. Карл хмыкнул и пошёл к своим, подходила очередь к котлу. Вся компания располагается неподалёку. И выясняется, что не только Вальтер их может порадовать.

— Камрады, — к ним, разместившимся прямо на травке, подскакивает куда-то отходивший Фридрих, — не торопитесь всё съесть. Кто хочет отведать большевистский шнапс?

Он весело подмигивает и вытаскивает из-за пазухи пол-лит-ру, так её местные бауэры зовут, с прозрачной жидкостью.

— Где взял? — удивился один Вальтер, остальные радостно загомонили.

— Каптенармус снабдил. За что? Твою долю ему загнал, — подмигивает Фридрих и заливается счастливым смехом. — Не хмурься! Фриц премировал лично тебя за успешную разделку поросёнка, но ты же поделишься с камрадами?

Фриц Хессель, их каптенармус, тот ещё выжига. Постоянно крутится около Егорыча, что-то выменивает, что-то выпрашивает и часто удачно.

— П-х-х-ва! — выпучивает глаза Курт, первым попробовавший местный шнапс. Борется с собой изо всех сил, что-то ему удаётся затолкать вовнутрь, но часть проливается наружу.

Вальтер подозрительно принюхивается к своему стакану, пробует на язык, морщится.

— Крепкая, градусов семьдесят. Разбавить надо...

— Дай сюда! — их конвойный сержант подобрался незаметно и прихватывает бутылку из рук Фридриха. Коротко прикладывается, отпивает, задумчиво гоняет жидкость по рту, и только после этого глотает. Камрады смотрят, выпучив глаза.

— Звиздишь, супостат, — говорит что-то непонятное сержант и поясняет, — градусов шестьдесят. Налей полстакана и сверху воды, для вас, слабаков, нормально будет. Наверное...

Сержант уходит, а потрясённые камрады долго смотрят вслед.

Перед отбоем в отсек, где уже валяется на «кровати» Карл, заходит Фридрих, падает на своё лежбище. Раньше хуже было, спали прямо на соломе, расстелив кусок брезента. Сейчас тем же брезентом обтянули соломенные маты, получился неплохой матрац. Спать, когда привыкнешь к постоянному хрусту, вполне можно. Всяко лучше, чем по окопам мыкаться.

Чуть позже, с помощью местных из чурбаков, досок и жердей «сообразили» кровати не кровати, но приличные лёжки. Карл удивился, когда узнал, но, оказывается, местные варвары тоже не привыкли просто на полу спать. Поэтому отнеслись к потребностям «супостатов» с пониманием.

Через неделю-другую их снабдили приличными подушками. На настоящем птичьем пуху. Правда, смешанном с опилками. Каптенармусу и ещё десятку человек, званием постарше, выделили не самопальные подушки. Местные поделились, что изумило не только Карла...

— Карл?

— Да, Фридрих.

— Как тебе в плену?

— По-разному. Сегодня неплохо, но завтра придёт герр майор... — на эти слова Карла его приятель издаёт стон.

— Согласись, что в плане удобств мы живём всё лучше. Кормят, не как в фатерланде, но от голода не страдаем. Работа посильная.

— Я всё думаю, Карл. Как так получилось, что мы в плен попали? — на Карла смотрят тоскливые глаза.

— На войне всякое бывает, — Карла охватывает философское настроение. — Генерал Павлов переиграл нашего Хайнца. Бывает...

— Мы будто в болоте тонем, — Фридрих шлёпает себя по шее, предавая казни надоедливому комара. — В тёплом болоте мирной жизни. Ловлю себя на мысли, что мне больше не хочется воевать.

Карл вздыхает. А зачем им воевать? Судя по уверенному виду их конвоиров, они отвоевались. Решает ответить.

— Фридрих, мы остались живы, а кому-то не повезло. И ещё не повезёт.

— Нас могут освободить наши...

— Не приведи господь, — Карл аж вздрагивает. — Если большевики не успеют нас вывезти, они нас просто расстреляют.

Карл напоминает приятелю, что было неделю назад. До этого несколько дней к ним приближалась канонада. Глаза многих камрадов стали светиться надеждой — наши близко. Ещё больше всех возбудила мощная и довольно близкая, километров за пятнадцать-двадцать, бомбёжка. Они опытные солдаты и сразу распознали родные юнкерсы по звуку от пролетевших рядом самолётов. Но выскочившие из «казармы» камрады вернулись обратно разочарованные. С помощью ухмыляющихся конвоиров. Позже пронеслась весть, которой многие не хотели верить. Юнкерсы бомбили генерала Хайнца. Большевики использовали трофейные самолёты. Не хотелось в это верить, но тот же Фридрих с мрачным видом подтвердил, что юнкерсы сопровождались русскими самолётами. Бипланы даже с большого расстояния ни с чем не перепутаешь. В люфтваффе таких нет.

Теперь Фридрих вздыхает. Через пять минут друзья затихают под шерстяными одеялами. В пододеяльниках, между прочим. Жизнь-то постоянно улучшается. Если бы еще не герр майор.

28 июля, понедельник, время 07:25.

Площадка рядом с «казармой» военнопленных, колхоз «Красный Октябрь».

Drum links, zwei, drei!

Drum links, zwei, drei!

Wo dein Platz, Genosse, ist!

Утренняя зарядка заканчивается ежедневным, кроме воскресенья, утренним издевательством. Это герр майор приказал, сволочь большевисткая. Их военнопленная рота дружно марширует под песню немецких коммунистов, утапывая грунт до каменной твёрдости. Для Карла и многих других неожиданная новость, что у германских коммунистов, этих предателей нации, был свой марш.

Самый настоящий садист этот герр майор. Сначала заставил выучить, а затем петь хором. И не просто петь. Карл помнил, как плотный и крепкий, среднего роста герр майор с малиновыми петлицами с тремя красными «шпалами» буквально бесновался. Его помощник, молодой офицер с тремя красными кубиками объяснил причину.

— Это бодрая, энергичная песня. А вы поёте, как на похоронах...

А как иначе? Некоторые камрады потом жаловались, что их чуть не стошнило. Самому Карлу тоже было не по себе.

Как-то всё утряслось. Научились они петь громко, стараясь не задумываться о смысле. Фридрих попробовал поговорить с тем самым помощником, который велел называть себя старшим лейтенантом. Вернулся разочарованный.

— Он говорит, что Советский Союз Женевскую конвенцию не подписывал, а в Гаагской ничего не сказано по поводу уважения к религиозным и политическим воззрениям.

Настроение поднимает завтрак. Кормят их всё лучше и лучше. Неделю назад стали давать сливочное масло по утрам. Почему нет? Их же ребята помогали отремонтировать маслобойку и даже улучшить, в роте есть очень неплохие механики из ремонтного батальона.

И предстоящий рабочий день радовал Карла. Друг Фридрих сумел выпросить его себе в помощники в мастерскую при местной кузнице. Фридрих хоть сам не ремонтник, он служил заместителем командира пехотного штурмового отделения, но до войны работал на сталелитейном заводе и в слесарном деле знал толк. А сам он когда-то, ещё школьником, подрабатывал в автомастерской. Да многие из камрадов имеют опыт работы с железками. Германия — индустриальная страна.

Приём на работу прошёл мгновенно. Фридриху хватило одного ответа на его простой вопрос:

— Пяять умеешь?

— Яволь! — такой опыт у Карла имелся.

До кузницы краем деревни, они проходили мимо огородов, их довёл один из конвойных автоматчиков. Весёлый парень отворяет неказистую дощатую дверцу и кричит внутрь.

— Михейч, принимай германский пролетариат!

— Михейтч, это кузнец. Он здесь главный, — поясняет Фридрих Карлу.

— Гутен таг, Михейтч, — здоровается с широкоплечим невысоким мужчиной с мощными руками Фридрих. Карл повторяет приветствие и сразу решает, что кузнец им не рад.

— Он с утра всегда такой, — поясняет Фридрих и добавляет, — да и не с утра тоже...

Конвойный уходит, Карл задумчиво провожает его взглядом. В окошко видно, как

солдат удаляется.

— Он что, охранять нас не будет?

— Будет, — бросает Фридрих. — Вокруг деревни посты стоят. Не сбежишь, если надумал.

Да и куда бежать, если подумать. Ходили такие разговоры, когда к ним стала приближаться канонада. И быстро увяли, когда грохот пушек и разрывы авиабомб стал постепенно удаляться. Окончательно надежду погасил каптенармус Фриц, как самый информированный из них. Он обратил внимание камрадов на то, что канонада смещается на юго-восток очень медленно, иногда по сутки-двое грохочет с одного места.

— Что это значит, камрады? — вопрошал Фриц. — А то и значит, что русские каким-то образом лишили нашего Гудериана звания «быстроходный». Наши не наступают, а выгрызают землю у русских. Наверное, это даже хорошо. А то получится, как в прошлый раз.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил недовольно кто-то. Последний намёк многим был неприятен. Большая часть камрадов была из 18-ой дивизии панцерваффе. На данный момент дивизия уже была вычеркнута из числа действующих соединений вермахта, но об этом никто не знал.

— Очевидный факт, камрады, — Фриц слегка вскидывает вверх ладони. — Если наши ударят сюда, то русские, спокойно и не торопясь, уведут нас вглубь территории. И местное хозяйство эвакуируют, скотину точно угонят. Русские говорят, что Гудериан в самые удачные дни продвигается не больше, чем на пять километров.

Аргумент. Они, даже нагрузившись скарбом, легко сделают за сутки не меньше двадцати километров. А если машину или хотя бы телеги в помощь дадут, то и сорок будет по силам. И то, что канонада уходит в сторону от них, они сами слышат.

Работать Карлу понравилось. С фермы, которая летом находится в лесу, им принесли кучу дырявых железных вёдер. Не эмалированных, оцинкованных. Такие вёдра со временем всё-таки ржавеют, цинковое покрытие не вечное, и первым делом щели появляются в месте стыка дна и боковины.

— Это паять? — с сомнением оглядывает железную рухлядь Карл.

— Найн, — Фридрих приступает к работе, параллельно обучая приятеля. — Русская методика реанимации хлама.

Жесть одного ведра идёт на вырезание нового днища, чуть шире, чем диаметр дна. Хватает на два экземпляра. Лишние миллиметры загибаются вверх (или вниз, как посмотреть) под прямым углом. Уменьшенный таким образом диаметр уже должен точно соответствовать нижнему диаметру ведра.

— Или немножко больше, — Фридрих показывает ладонями расходящиеся направления, — чтобы внатяжку вбить. Смотри не перестарайся с допуском. Сильно широко сделаешь, всё поведёт, и ничего не добьёшься.

Вставлять новое дно надо не до конца, оставить полоску жести, которую надо загнуть вовнутрь и «обнять» «бортик» днища. Закончив первое изделие, Карл показывает его другу. Тот заставляет его сплющить получившийся шов, прибить его ко дну.

— Тогда точно не отвалится, — поясняет Фридрих.

Михейтч особого внимания на них не обращал, грохотал своими молотками, изредка привлекая на помощь Фридриха. Карл не вникал, что они там отковывали. Какие-то скобы, костыли...

Жестяные работы Карлу понравились. Начиная с третьего ведра, он работает, почти не

задумываясь, и к концу дня кучу дырявых ведёр сменяет стопка отремонтированных. Когда они прибирались в кузне в конце дня, — Карл слегка потряхивал правой рукой, гудящей с непривычки, — к ним заглядывает Егоритч.

— Ого! — восхищается оберхаупт и говорит что-то непонятное, но по тону одобрительное. — Вы прямо стахановцы.

Он вознаграждает их пачкой русских папирос. Карл не курит, поэтому Фридрих забирает их себе.

— С меня сахар или белый хлеб, выменяю — отдам.

Ощущая приятную усталость, друзья возвращаются в казарму. Обед им привозили на телеге. Удивился Карл такому обслуживанию, а Фридрих посмеялся его удивлению.

— Всем развозят. Не принимай это за особую заботу. Собирать всех на обед в одно место — огромная потеря времени. Многие ведь работают за несколько километров от деревни. Легче им обед привезти, чем приводить или привозить в казарму.

Гляди-ка! Карл немного удивляется такой разумной постановке дела. Не всё русские делают через левую пятку.

Когда они приходят к казарме радостной вестью встречают их камрады. Герр майор сегодня не приедет. Не будет этого садиста и завтра. Карл вместе со всеми испытывает головокружительную эйфорию.

— Господи! — возводит очи к небу Фридрих. — Спасибо тебе за два счастливых дня.

Вокруг весёлый оживлённый гомон, в казарме почти никого нет, все на улице. Любуются солнечным вечером, сидят кружками, обсуждают новости. Счастья добавляет лень конвоиров. Так-то они должны погонять роту на вечерней прогулке, заставляя горланить ненавистный коммунистический марш. Ограничиваются построением, переключкой и дружным выкриком «Гитлер капут!» и «Да здравствует Сталин!». И даже не ругают за недостаточную громкость.

Перед вечерним построением Фридрих приносит Карлу изрядный кусок рафинада. Жить можно и в плену.

Герр майор приехал только в среду.

4 августа, понедельник, время 09:30.

США, Вашингтон, Белый Дом.

— Давайте вы начнёте, Джордж, — президент решает начать с представителя военных. Все остальные, которых всего двое, Донован и Гопкинс, молча соглашаются.

Генерал Маршалл подходит к занавешенной крупной карте, одёргивает шторку.

— В целом можно решить, что начало войны для Германии складывается удачно, — генерал водит указкой по карте западных областей СССР, где обозначены линии фронта. — Немцы легко выбили русских из Литвы, — это одна из прибалтийских стран, — сильно продвинулись на Украине. Здесь на юге им удалось оккупировать до сорока процентов от всей территории Украины. Таким образом, группы армий «Север» и «Юг» достигли впечатляющего результата.

— Без сомнения, это можно считать успехом. Это и было бы успехом для Германии и катастрофой для России, если бы так же легко немцы взяли бы Белоруссию, — генерал обвёл указкой овальную область на карте. — Но группа армий «Центр» будто в скалу упёрлась.

— А что там произошло в Литве и Украине? — Рузвельт положил одну руку на свой любимый письменный стол и теперь вертит в руке авторучку. Они все сидят за столами и столиками, так удобнее манипулировать документами.

— На севере от Белоруссии в Литве, фронт русской армии обвалился почти мгновенно. На юге, Украине, русские войска, более многочисленнее, чем в Литве и Белоруссии, ещё посопротивлялись несколько недель, но в итоге были разгромлены. Хотя и не совсем. Вмешался генерал Павлов, тот самый командующий в Белоруссии. Он подверг коммуникации группы «Юг» массированным бомбёжкам, оспорил у люфтваффе господство в воздухе и часть уже оккупированной территории вернул, — Маршалл обрисовал небольшой кусочек уже захваченной Украины. Затем указка поднялась выше.

— То же самое он сделал на севере. Отнял у немцев сравнительно небольшую территорию занятой ими Литвы. Тем самым он ясно дал понять немцам, что не собирается отсиживаться у себя в Белоруссии.

— Подытожьте, Джордж, — просит президент.

— Выводы мы делаем такие. Катастрофа, в которую могли попасть русские, не произошла. Напротив, немцы попали в сложное положение. Им надо либо быстро разгромить Павлова, либо организовать линию фронта очень сложной формы. К тому же она будет в два раза длиннее, чем на начало войны. У Германии большая армия, есть союзники, но вряд ли их генштаб планировал линию фронта такой грандиозной протяжённости.

— Какие потери понесли русские? — Рузвельт хочет прояснить обстановку до конца.

— Немцы в своих газетах утверждают, что не меньше полумиллиона...

— Врут, — негромко вставляет Гопкинс.

— Даже если не врут, — продолжает Маршалл, — этого мало. Продвижение войск остановлено. Немцы не могут наступать, оставляя в тылу миллионную группировку войск, вооружённую до зубов. Значит, Советы успеют провести мобилизацию и относительно быстро удвоят численность своих войск. До начала войны в регулярной русской армии служили пять с половиной миллионов человек...

Маршалл кивает на Гопкинса, многие данные, которыми он сейчас оперирует, в клювике принёс из Москвы именно Гарри.

— Пусть останется пять, Сталин мобилизует ещё столько же, и перед немцами встанет огромная русская армия, в два раза большая по численности. Причём не только в живой силе, самолётов и танков у русских тоже больше.

— Какова численность немецкой армии?

— Англичане говорят, что Гитлер выставил против России три с лишним миллиона солдат. Плюс румынская, венгерская и финская армии. Всего свыше четырёх миллионов.

— Русские могут позволить себе платить за каждого убитого немецкого солдата двумя своими, — задумчиво произносит Рузвельт.

— Сталин утверждает, что потери примерно один к полутора в пользу немцев*, — замечает Гопкинс.

— А у генерала Павлова?

— Точно неизвестно. По косвенным данным можно судить, что соотношение потерь личного состава... — Гарри явно цитирует, обычно он так не говорил, — у Павлова примерно два к одному в его пользу. Не меньше.

— По каким косвенным данным? — Рузвельт вникает в дело скрупулёзно.

— Санитарные потери Павлова около тридцати тысяч, при этом у него в плену пятнадцать тысяч немецких солдат и офицеров. Ещё примерно шесть тысяч они похоронили на своей территории, когда уничтожали вторгнувшиеся войска, — докладывает Гопкинс.

— Опыт последних войн показывает, что число раненых в два-три раза больше

убитых, — добавляет Маршалл, — а число пленных при наступательных боях не более половины от количества убитых. Можно оценить безвозвратные потери немцев не менее пятидесяти тысяч человек. В боевых действиях против Павлова.

— Талантливый генерал, — роняет президент. — Итак, как вы прогнозируете дальнейшее развитие событий, Джордж?

— Немцы попытаются уничтожить группировку Павлова и смять его фронт. Это может у них получиться, но, несомненно, Павлов заставит их захлёбываться собственной кровью. В лучшем для немцев случае, после уничтожения войск Павлова, они выровняют фронт к зиме, но больше ничего сделать не успеют. Надо ещё учитывать климатические условия, мистер президент. В сентябре-октябре начинается сезон дождей, а дорог с твёрдым покрытием в России не так много. Тяжёлая техника увязнет.

— Сталин утверждает, что немцы не готовы воевать в зимних условиях, — вмешивается Гопкинс.

— Англичане подтверждают, — подкрепляет Донован.

— А за зиму Сталин укрепит свою армию, вооружит её, и она станет немцам совсем не по зубам, — резюмирует Рузвельт. — Война примет характер затяжной, а у России ресурсов больше.

— И станет ещё больше, — добавляет Рузвельт после паузы. — Мы им поможем. Гарри, ты что-нибудь добавишь? Коротко?

— Русские уверены в победе, — Гопкинс хотел встать, но президент делает запрещающий знак рукой. — Сталин и его люди спокойны и невозмутимы. Они утверждают, что Гитлер протянет не более полутора лет. Мобилизация в России идёт полным ходом, промышленность переведена на военное положение.

— Нам надо спешить, друзья мои! — заключает Рузвельт, слегка хлопая рукой по столу. — Иначе Россия расправится с Гитлером в одиночку. Гарри, форсируй переговоры по ленд-лизу с русскими. Мы дадим им всё, что они попросят.

— Билл, какие новости от наших островных друзей? — одна тема закончена, можно послушать Донована, а Гопкинса оставить на десерт. Хотя он главное сказал, но о мелочах тоже забывать никогда нельзя, — решает президент.

Примечание

Рузвельта все знают. Г.Гопкинс — его личный и ближайший помощник, недавно вернулся после встречи со Сталиным. Сталину он понравился. Донован — шеф информбюро, ставшим предтечей разведки США. До этого момента внешней разведки у США не было. Д.Маршалл — начальник штаба армии США, советник президента.

30 июля, среда, время 17:35.

Клуб колхоза «Красный Октябрь».

Один из непреложных и неприятных законов состоит в том, что счастливые дни когда-нибудь заканчиваются. Правда есть и обратная сторона: несчастная полоса тоже не бесконечна. Но сейчас они вступают в чёрную полосу. Не только Карл это ощущает, все чувствуют. Даже пронырливый помощник Фрица, Алекс Кунстман, монументально полный с круглым и постоянно доброжелательным лицом. Чистокровный ариец, судя по всему, кроме поведения, кое-какими особенностями напоминающего неистребимое еврейское племя.

Колонной по одному под привычным приглядом автоматчиков они входят в бревенчатый многооконный клуб. Вход под боковым приветливым фронтоном, через широкое крыльцо, больше напоминающее веранду. Место для регулярных вечеринок местной молодёжи.

Через пять минут вся рота рассажена по скамьям перед сценой. Лёгкий гул, который всегда сопровождает достаточно большое количество народа в одном месте, мгновенно меняется на глухую тишину, когда на сцену выходит герр майор со своим помощником и становится за трибуну.

Стихают все не просто так. Настроение у всех падает до точки замерзания, тут не до разговоров. Конвойные автоматчики, стоящие у стены, замолкают из чувства дисциплины. Вряд ли из солидарности. Это их сейчас начнут морально насиловать, конвойники же, как давно подозревает Карл, воспринимают эти собрания, как бесплатный концерт. Карлу кто-то рассказывал, что в средние века народ очень любил публичные казни преступников. И веселился, глядя, как отлетают головы и другие части тела и как смешно дрыгаются тела на виселице. Что-то такое проглядывало и в поведении русских солдат. Одно слово — варвары.

А работать-то как интересно! Они с Фридрихом и Михейтчем реанимировали подбитый танк Т-1. Им неплохой экземпляр приволокли, со стосильным мотором. Пробитую башню сняли, она вообще не нужна. Егоритч обещал автомобильное стекло найти и газосварку подвезти. Оберхаупт хочет сделать трактор, их русским очень не хватает.

Техническая задача увлекла Карла не на шутку, про Фридриха и говорить нечего. Он привлёк ещё Петера, худощавого невысокого светлорыжего парня, что служил механиком-водителем танка, чешского Pz.(38)t.

— Фрицы, Гансы и прочие Зигфриды, — герр майор начинает со стандартного приветствия, которое его помощник не переводит. И так всё понятно.

— Довожу до вашего сведения, что ваш доблестный трудовой батальон успешно борется за почётное право именоваться... — майор делает паузу, давая помощнику время перевести.

— Восьмым трудовым батальоном имени Розы Люксембург! — торжествующий возглас герр майор сопровождает жестом фокусника, показывая красный треугольник вершиной вниз.

Карл делает каменное лицо, народ перешёптывается, не все знают, что за баба такая, Люксембург. И он не знает. До Карла доносится «еврейка, коммунистка». Ш-шайсе!

— Удвойте усилия, чтобы победить в социалистическом соревновании среди трудовых пролетарских батальонов и этот вымпел и гордое звание будут ваши!

Герр майор немного ждёт и хмурится.

— Я что-то не понял... а где бурные аплодисменты, выражающие неподдельную радость?! — грозно вопрошает герр майор через свой рупор в лице оберст лейтенанта.

Вся рота тут же начинает бить в ладоши. Все знают, что будет, если герр майор впадёт в гнев. Куда там до него гестапо! Те по одному человеку наизнанку выворачивают, а этот за полчаса из всей роты половину крови выпивает. Упырь большевисткий!

— То-то же, — бурчит герр майор.

Время от времени Карлу чудится, что его помощник несколько вольно переводит своего начальника. Уж больно у него вид весёлый. Ехидные улыбочки конвойных привлекают внимание герра майора.

— А вы там чего веселитесь? — эти слова Карл понимает через раз, но общий смысл доходит. Вот следующие не очень.

— Материалы 18-ой партконференции ВКП(б) хорошо изучили? — герр майор, уже на радость камрадам, вперяет грозный взор в солдат. — Я проверю!

Весёлый вид конвойных как волной смывает.

— Отдельно добавлю, — продолжает герр майор. — Политотдел фронта, как в целом, партия и правительство, всегда сочетают моральное и материальное стимулирование. Победителей соцсоревнования премируют новым обмундированием... у нас много вашей фашисткой амуниции. Будет выдан дополнительный праздничный паёк. Готовится ещё одно решение. Возможно, оно будет принято, и вы первыми начнёте получать денежное довольствие советскими деньгами. И сможете их потратить в наших советских магазинах.

Камрады переглядываются. Всё-таки в самом гадком человеке или явлении, — лично Карл не знал, к какой категории отнести герра майора, — бывает что-то хорошее.

— Есть у меня для вас ещё один подарок, — с искренним восторгом говорит герр майор.

Вместе с остальными камрадами Карл каменеет в ожидании. Он с огромной тревогой улавливает в улыбке помощника герра майора какую-то особую глумливость. На последующих словах с трудом сдерживает стон.

— Наконец-то я достал «Капитал» Карла Маркса на немецком языке! — герр майор потрясает книгой и рявкает:

— Бурные аплодисменты где!

Старший лейтенант откровенно прыскает от смеха, но быстро справляется с собой. Конвойные дисциплинированно молчат, но лица у них почему-то делаются багровыми. Карла толкают в бок, и он присоединяет свои усилия к «бурным аплодисментам».

Из клуба все камрады выходят, слегка пошатываясь. После ужина их ждёт вечерняя прогулка. И герр майор потребует полной отдачи при исполнении тошнотворной коммунистической песни. Карл не знал, каково русским солдатам в немецком плену, но был уверен: так изошрённо над ними не издеваются. Проклятая азиатская изошрённость в пытках!

30 июля, среда, время 07:15.

Примерно 5 км строго к западу от оз. Свирь.

(Около 25 км к юго-западу от колхоза «Красный Октябрь»)

Из небольшой рощи на пологом пригорке выходит несколько человек в форме РККА. Перед ними в полукилометре небольшая речушка, которую только курица вброд не перейдёт. Все трое вооружены автоматами. Один из них, с тремя кубиками в петлицах, снабжён планшетом.

— Вот здесь и расположитесь, товарищи сержанты. Там и там, — старший лейтенант показывает рукой места, где, по его мнению, должны разместиться его подчинённые. — Пойдёмте, посмотрим поближе.

Троица идёт к речке, забирая вправо. Командир по дороге инструктирует.

— Ближе трёхсот метров к речке не располагаться. Надо дать противнику преодолеть её и скопиться на нашем берегу.

— А если нас обнаружат? — спрашивает сержант, который старший. Второй просто сержант. — Немцы могут разведку вперёд пустить.

— Могут, — соглашается командир. — И сапёров могут. Вам ничего не надо делать, вас прикроют. Если вас всё-таки обнаружат, открываете огонь по всему, что движется, и уходите.

— На колёсах? Или на своих двоих? — второй сержант не остаётся в стороне от разговора.

— Я тебе сейчас взыскание повешу, — строжает командир. — Планируешь ценную боевую технику бросить?

— Технику могут повредить, — не пугается сержант, спускаясь к воде и снимая сапоги.

— Ты куда? — спрашивает командир уже раздевающегося сержанта.

— Вы ж сами сказали, что где-то здесь брод. Проверю.

Сержант идёт по пояс вдоль берега и через тридцать метров ему становится по колено. Речка в этом месте разливалась до колоссальной ширины в десять метров. Становится понятно, где брод. Хотя и так можно заметить по коровьим следам, но проверка лишней не будет.

— Дно мягкое, илистое, — докладывает сержант, выжимая трусы и начиная одеваться, — техника может увязнуть.

— Они могут жердей или досок накидать, — командиры обязаны уметь думать за противника.

— А перед этим — соломы. И пойдут, аки посуху, — замечает старший сержант.

— Понятно, что пойдут именно здесь, — решает командир. — Но зря ты дальше не проверил, Егоров.

— Там русло сужается, товарищ старший лейтенант, — отмахивается сержант, натягивая гимнастёрку, — сразу можно сказать, что глубже. Если только искупаться...

Через полчаса, бродя вдоль берега, находят первое удобное место, заметив его издали.

— Смотрите-ка, там вроде небольшая ложбинка.

Все трое идут в ту сторону.

— Хорошее место, — решает командир, — грунт отвозит не надо. Подкопаете, обровняете, замаскируете, и в трёх шагах вас не заметят.

Через полчаса в этом месте копались четверо во главе с сержантом, командиром зенитного расчёта. Под маскировочным куполом. Верхний слой грунта с травой бойцы срезают пластами и откладывают в сторону. В обнажившемся чернозёме вырывают коробку глубиной полтора метра. На такую глубину копать не надо, в чём и удобство. Ложбинка почти на метр ниже окружающего луга.

С тыльной стороны, противоположной от речки, делается пологий съезд.

— Может, не будем дорожку делать, товарищ сержант, — просит один из красноармейцев, как и все, поблёскивая капельками пота на голом торсе.

— Хочешь, чтобы тебя по следам обнаружили? Я в отличие от тебя хочу ещё пожить и кучу фрицев под дёрн уложить, — хмыкает сержант.

— Да встанет трава, ничего видно не будет, — горячится боец.

— Через пару суток, может, и встанет, — философствует сержант, — а через пару часов?

— Они что, через два часа подойдут? — боец переполняется скепсисом и кивает в западную сторону. — Далековато они ещё.

Судя по временами доносящейся канонаде до фронта действительно не меньше восьмидесяти километров.

— А разведка? — сержант кривится от недомыслия подчинённого. — Хороший ты наводчик, Знобин, но тупой. А про авиаразведку ты тоже ничего не слышал? По уму мы вообще-то ночью должны всё делать. Просто не успеваем и звук мотора ночью далеко

слышен.

— Не топчи траву, охламон! — покрикивает сержант на всё того же Знобина. Всему этим рядовых надо учить. Притоптанную траву намётанный глаз тоже заметит. И всё, плакала вся маскировка.

Бойцы при участии сержанта, Никитин никакой работы не чурался и большого начальника из себя никогда не строил. Они начали делать «дорожку» к роще метров за восемьдесят, где стояла их ЗСУ на базе Т-26. Сержант время от времени перекладывал шест длиной на ширину колеи. На ширину гусениц, чуть больше, двумя полосами под гусеницы, они срезали дёрн и откладывали в сторону. Пройдя несколько метров, возвращались и клали его на место. Полностью дорожку освободят только перед самым заездом установки в «гнездо». Потом обкладывают её частично дёрном с травой, частично просто пучками травы на куске маскировочной сетки.

Они дошли до половины, когда их позвали на обед.

С аппетитом уминая борщ, один из бойцов задумчиво говорит:

— Работай я так же дома, меня бы давно в передовики записали и в партию приняли.

— Ага, — соглашается ехидно Злобин, — и медаль «За трудовую доблесть» на широкую грудь прикрутили. А ты откуда, Паш?

Паша Ковалёв, пожалуй, чуть покрупнее широкоплечего Злобина, невозмутимый флегматик, отвечает только после порции вкусного борща.

— Курские мы...

— Это вы мужики хватские, семеро одного не боитесь? — Злобин уже опустошает второе, которое сегодня, на радость бойцам, на вермишели, а не перловке.

— Это вятские. У нас соловьи на всю Русь знаменитые, — отвечает Паша, когда собеседник уже теряет интерес к теме.

Сержанта эти сцены веселят до упаду. Подчинённого, который любит подначивать сослуживцев, время от времени надо ставить на место. И за что ещё ценил сержант своего наводчика, тот был не обидчив.

— Всегда ты меня веселишь, Знобин, когда Ковалёва засмеять пробуешь. У тебя такое лицо глупое, когда он на твою шутку через полчаса отвечает. Ты-то давно сам забыл, о чём речь. Как в анекдоте.

— Каком? — тут же оживляются все и в особенности Злобин, который уже вытряхнул в рот ягоды от компота.

— Едет на телеге семья эстонцев, — начинает сержант. — Отец и два взрослых сына. Один парень глядит на небо и говорит: «Скоро дождь начнётся». Через полчаса второй сын отвечает: «Не, не начнётся». Ещё через полчаса отец делает замечание: «Не ссорьтесь, горячие эстонские парни».

Бойцы заливаются смехом, оба. Через пару минут к ним присоединяется Ковалёв. Весёлая парочка хохочет уже над ним.

— Паша, врешь ты всё! — толкает его в плечо Знобин. — Из Эстонии ты, а не из Курска!

— Из Курска он из Курска, — заливается смехом сержант, — будь эстонцем, он бы через полчаса засмеялся...

Дав подчинённым двадцать минут отдыха после обеда, сержант снова гонит свою команду на земляные работы. После обеда хорошо бы сиесту организовать, как итальянцы. Или тихий час, как в пионерлагере, но здесь вам не тут, здесь — армия, к тому же в

состоянии войны.

— Так что, вперёд и галопом, — заканчивает краткое внушение сержант. — Ведро пота заменяет пролитый в бою литр крови. Так наш генерал говорит.

К ужину доблестный зенитный расчёт заканчивает все работы. Зенитка в «гнезде» замаскирована, на дорожке восстановлен травяной покров, ни одна разведка не обнаружит, пока не наступит на пушку.

— Ты говоришь, работать тебе тяжело, — пеняет Знобину сержант, — а вот сейчас узнаешь, почём фунт настоящего лиха.

Все сидят в «гнезде» в небольшом закутке сзади под маскирочной сеткой, густо «украшенной» пучками травы. Вернее, лежат и полулежат на густом слое пахучей травы и веток. Не на голой же земле им спать. Сбоку в «гнезде» ближе к переду ниша для известных дел свойственных всем живым организмам. Почти автономный схрон они выстроили.

— Что за лихо? — настораживается Знобин.

— Теперь мы два дня будем сидеть тут, ждать и не высовываться...

— А горячие обеды?

— Переходим на сухой паёк, — сержант хлопает рукой по рюкзаку. Знобин морщится. Поесть он тоже любил.

— И на кой хрен это всё...

— Танкоопасное направление, — неожиданно быстро реагирует Ковалёв. Знобин, ошарашенный небывалой скоростью реакции товарища, глядит на него молча.

* Приукрасил товарищ Сталин. Реально вряд ли меньше, чем 2:1 в пользу немцев. Потери в Прибалтике — не менее 70 тысяч, на Украине — не менее 100 тысяч, плюс 30 тысяч у Павлова. Суммарно усилиями всех фронтов, — тысяч 60–70 на Западном фронте, 30–40 на остальных, — вермахт понёс санитарные потери примерно в 100 тысяч. Хотя Геббельс, конечно, врёт намного круче.

Окончание главы 2.

Глава 3. Бои местного значения

13 августа, среда, время 17:15.

Местечко Мадона, штаб Северо-Западного фронта.

— Хорошо, что мне вас сразу не подчинили, — откровенничаю в кругу штабных офицеров. Кроме трёх высших командиров, начштаба, комфронта и корпусного комиссара, здесь начальники всех служб.

Считаю, мне крупно повезло с Ватутиным. Надёжный начштаба — половина успеха в любом деле. А сделать предстоит много. Николай Фёдорович, круглолицый и добродушный с виду мужчина, входит в число самых прославленных генералов Великой Отечественной. Вернее, войдёт. В послезнании есть огромное преимущество до сих пор, несмотря на то, что вся схема войны безвозвратно ухнула в тартарары.

— Товарищи! — обращаюсь ко всем. — Наверняка вы думаете, что мне повезло, что у меня была какая-то палочка-выручалочка или командиры подобрались сплошные таланты и гении военного дела. Всё не так, товарищи. Мы начали готовить свои войска к военным действиям за четыре месяца до войны. И до сих пор не останавливаем обучение. Боевые действия это тоже учёба, в котором немцы — наши жестокие и требовательные учителя.

Помещение вроде просторное, это учительская бывшей гимназии, но не рассчитанное на такое количество крупных и важных мужчин. Тесновато. На первый взгляд странное ощущение, помещение не маленькое, локтями не толкаемся. Думаю, дело в генеральских чинах. Каждый большой начальник распространяет вокруг себя ауру власти, которой тоже нужно место. Поэтому и ощущение тесноты, что нас, генералов, здесь много.

— Если говорить коротко, то мы сумели приблизить армию мирного времени максимально близко к режиму воюющей армии. Но! — поднимаю многозначительно указательный палец. — Мы обучали войска всё-таки в мирное время, а сейчас идёт война. Поэтому механически перенести наши наработки к вам не получится.

— Первым делом... приказывать пока не имею права, поэтому просто настаиваю: систему обороны, когда каждый боец в отдельной ячейке, считать вне закона. Красноармейцы в отдельных «гнёздах» прочную оборону обеспечить не могут. По многим причинам...

Это только один момент. Вспомнил тут, как мы с Никитиным организовывали учёбу. Курсанты и бойцы учились выбирать место и формировать оборонительную позицию. Мы тогда в процессе организовали восемь линий обороны, на которые сейчас нарвётся фон Бок. Они друг от друга всего на двести-триста метров. Попробуй-ка, прорви восьмислойную оборонительную линию. Мы эти окопы оборудовали, обиходили, замаскировали и не забросили. Побочный и очень полезный эффект обучения. Учили выстраивать оборону, заодно соорудили мощный оборонительный комплекс.

Здесь поступим так же. Озадачу своих инструкторов. Проще всего с лётчиками. Выгребу все авиачасти до дна, всю неопытную молодёжь и отправлю Рычагову. Он разберётся.

Только сейчас понимаю, какую гигантскую работу мы провернули. Связь, авиация, зенитное прикрытие, бронепоезда, разведывательно-диверсионные роты при каждом полке. Расшифровка одного коротенького слова «связь» потянет на несколько страниц текста. Проводная сеть по всему округу, система ВНОС, способы шифрования, начиная от иносказаний до прямого шифра, передаваемого азбукой морзе. С нервной системой фронта,

именно такую функцию несёт связь и сеть ВНОС, тесно связана авиаразведка, работают РЛС (пока их называют РУСами, — радиоуправляемый самолёт). В этой области, в эфирном пространстве, тоже бушует война. Мы подслушиваем немцев, они — нас и уже применяли по нам глушилки. Мой фронт пока придерживает этот козырь.

Подготовка диверсантов — отдельная и тоже очень большая песня. Во-первых, принципы отбора. Выбирались спортсмены, таёжные охотники, отличные стрелки. Либо просто здоровые и легко обучаемые парни. В первую голову шерстили среди недавно отслуживших. И сколько они километров по белорусским лесам истоптали, представить страшно. Есть ведь и, во-вторых. В моём округе за ними подразделения НКВД гонялись. И как учить их здесь? В боевых условиях? Нет у меня нескольких месяцев для их обучения. Максимум месяц.

А сколько усилий вбухано в обучение зенитчиков и артиллеристов? Это ведь тоже титаническая работа. Тесно связанная с обучением лётчиков. Зенитчики учились определять направление, скорость и высоту полёта самолётов. Изучали силуэты своих и вражеских аппаратов, а то ведь могли и по своим врезать.

Не отставали все остальные. Железнодорожники, интенданты, ремонтники... часа полтора им рассказывал. И до полуночи мы набрасывали план действий.

Плохо то, что не могу найти ключа. Если к какой-то проблеме подобрать ключ, то решится она неизбежно, а то и быстро.

5 августа, вторник, время 08:10.

Позиции мобильной зенитной батареи, 5 км к западу от оз. Свирь.

(Около 25 км к юго-западу от колхоза «Красный Октябрь»)

— Ну, наконец-то! — стонет от прорвавшегося, как поток воды через размытую плотину, чувства облегчения наводчик Знобин.

Весь остальной расчёт улыбается нервно, но заметно, что эмоции бойца разделяют все его товарищи, включая командира расчёта. Когда сержант Егоров предположил, что торчать им тут с неизвестным исходом не переторчать пару дней, он выказал необычайный оптимизм. «Торчать» им пришлось намного дольше.

В конце первого дня усиленного дежурства их вывели с позиций. Нет, машины не выводили, только расчёты. Комбат здраво рассудил, что мариновать людей в засаде круглыми сутками неизвестно сколько времени, не стоит. Ему бодрые бойцы нужны, а не маринованные помидоры вместо них. Так он сказал Егорову, а тот своим подчинённым.

Поэтому они весело проводили время за рощей на пригорке. Или в ней, когда на небе показывались немецкие самолёты. Пищу принимали, как нормальные люди, из котла, а не жевали сухари с консервами из рюкзака с НЗ. Тренировки, само собой, как неизбежное и привычное зло, тоже были, но искупаться в речке чуть поодаль, где кусты нависают над водой, сержант позволял каждый день. Не война, а санаторий какой-то, пионерский лагерь, — высказался как-то Знобин.

— Так что ты не прав был, наш сержантский товарищ, — съехидничал как-то наводчик командиру, нежась на травке после купания. Знобин напомнил командиру о его прогнозе торчать в засаде два дня или два часа. Ответил сержант стандартно и лениво.

— Устав забыл? Командир всегда прав. Немецкие самолёты летали эти дни? Летали. Могли следы от гусениц заметить, которые посреди луга заканчиваются? Могли. И что тогда? А тогда тихонечко подогнали бы пушечку, из кустиков сделали бы два выстрела, и полетела бы похоронка в тыл на героически погибшего рядового Знобина.

Ответить на это нечего. Сержант, как всегда, технично и без напряжения, опустил Знобина на твёрдую землю с поднебесных высот его глупых фантазий.

— А на вас бы не полетела, — пробурчал Знобин. Как не оставить за собой последнее слово?

— И на нас бы полетела, — согласился сержант, — но по твоей вине. Это ж твоя идея была. Поэтому ты никогда старше ефрейтора не поднимешься. Нет у тебя... — сержант пощёлкал пальцами, подыскивая слово, — стратегического мышления, вот!

Уже пару дней назад неопределённость их положения стала истаивать. Бывало раньше такое: занимали позицию, замаскировывались, ждали, а потом снимались и уезжали, не сделав ни одного выстрела. И сейчас им запрещали обстреливать немецкие самолёты. Неопределённость методично уничтожалась приближающейся канонадой. Германское наступление продолжалось, Гудериан останавливаться не собирался. Ожидание изматывало бойцов, а сознание того, что противник до них никак добраться не может, вселяло оптимизм. Дают немчуре прикурить, раз они так медленно ползут.

— У, блять! — лениво изрёк Ковалёв. Из воды вышли двое, заряжающий, прибывший три дня назад до заполнения штата, и пулемётчик. Спугнули лягушку, которая запрыгнула на могучую грудь Ковалёва и притаилась в редколесье курчавых волосков.

Флегматичный, когда не сидел за рычагами управления машиной, механик-водитель прогонять лягушку не спешил. Так и смотрели они друг на друга с задумчивым видом, пока земноводному не надоело, и зелёная попрыгушка не ускакала дальше.

Слово «Наконец-то», вырвавшееся из уст Знобина относилось не к появлению на том берегу солдат в форме цвета фельдграу, презрительно именуемого красноармейцами мышиным. Открыто они высунулись позже. Не только немцы учили РККА, обратный процесс тоже происходил. На противоположный бережок не выехала мотоциклетная разведгруппа, вообще никто даже носа не высунул. Но разведка, безусловно, там уже была. И корректировщики огня. Иначе, почему так точно они стреляют? Эти возгласом Знобин приветствовал первый немецкий выстрел, тем паче, что он был пристрелочным и не по ним.

До Знобина доходит, насколько предусмотрительным оказалось их командование, включая сержанта Егорова. Последние сутки они сидели в «гнезде», не высовываясь. Немецкая разведка вряд ли больше нескольких часов тут паслась. Знобин прогоняет холодок от сердца, а если бы они нырнули в «гнездо» на глазах у немцев? Кончилась бы на этом их война.

— Блять... — тихо ругнулся ещё кто-то, когда в роще на пригорке раздался очередной разрыв. Тяжкая неопределённость закончилась, начинается жутковатая ясность. Дальше бойцы молчат, возможно, кто-то тихо про себя молится. Немецкие снаряды рвутся всего в сотне-полтора метров от них. Маловероятно, что им достанется случайное и точное попадание, но логика обычно забивается в дальний уголок при близкой и смертельной угрозе.

Немцы методично выкашивают рощу. Кто-то порадовался на том берегу, когда после точного попадания взлетела, но ненадолго, в воздух сорокопятка.

— Пару пушек на прямую наводку подтащили, — комментирует сержант и даёт стереотрубу Знобину. Ему огневые точки подавлять, должен знать, где. Знобин протискивается к командиру.

— Заметил? Вторая метров на сто правее...

— Как бы они там наших не зацепили, — переживает новенький член расчёта,

веснушчатый блондин из Брянска.

В роще наблюдательный пункт, торчала пара деревянных стволов макетов пушек. Слегка высывала ствол небрежно замаскированная сорокопятка. Немцам надо бросить кость, чтобы они других целей не искали. А то ведь могут для очистки совести и луг обстрелять.

На переживания новенького весь остальной расчёт, кроме тугодума Ковалёва, дружно хмыкает. Кто-кто, а командование о себе позаботиться не забудет. Нет там уже никого, кроме пары наблюдателей.

Всё плохое, как и всё хорошее, когда-то кончается. Закончился и артобстрел к вящему облегчению красноармейцев. Попадание под артобстрел или бомбёжку надо приравнять к самым жестоким испытаниям, достойным не самого первого круга ада. Каждый близкий разрыв снаряда или бомбы сопровождается сотрясением привычной и надёжной опоры — земли под ногами. Одно это способно ввергнуть даже мужественного человека в состояние паники. Расчёт имел кое-какой опыт, но под полноценный обстрел ни разу не попадал. Относительно близкие разрывы бомб переживал и пулемётный малоприцельный обстрел сверху, от своих летающих оппонентов. Бойцы продержались, бледнея и кусая губы, но продержались. А вот вышучивать веснушчатого заряжающего Митьку сил уже не хватало. Даже у Знобина. Повезло им, что они находились, хоть и близко, но в стороне. А ещё Знобин испытывал парадоксальную благодарность профессионализму немецких артиллеристов. Не будь они так точны, то могло бы и прилететь.

Напряжение не спало до нуля и после той особенной тишины, наступающей вслед за разрывом последнего снаряда. На бережок по грунтовой дороге, пробившейся сквозь кусты, осторожно выкатывает танк, водит стволом в разные стороны, будто принюхиваясь.

— Чех, — определяет тип танка сержант. Кто-то из старослужащих вполголоса объясняет веснушчатому про танк чешского производства. Кроме нелюбопытного Ковалёва все остальные неотрывно глядят сквозь маскировку. Щелей хватает, они не под бронеколпаком.

Стоящий рядом с танком немец, момент его появления никто кроме сержанта не уловил, тщательно осматривает противоположный берег в бинокль.

— Убрали все свои хари, быстро, — шипит на подчинённых сержант и сам аккуратно отводит стереотрубу в сторону. Не хватало ещё, чтобы какой-то остроглазый что-то заметил. Пальнуть по подозрительному месту — святое дело. Снаряд стоит в миллион раз дешевле, чем возможные потери от незамеченной вовремя огневой точки.

У-ф-ф-ф, пронесло! — общая мысль прорывается общим вздохом. Не замечают немцы ничего подозрительного, на бережок выходит группа солдат, оживлённо переговариваясь, проверяют брод, стучат топоры. Вражеские сапёры быстро сооружают переправу, — вернее, назвать это донным настилом, — сбивают жерди и брёвна скобами и тросами. В илистом дне танки-то пройдут, а колёсный транспорт может и увязнуть. Поэтому сначала прошла пара машин, после них бронемашины и уж за ними десяток танков.

Передовая группа численностью в танковую роту, усиленную разведавангардом с приданной пехотной ротой не понеслась сразу вперёд и очертя голову. Войска Павлова заставили части вермахта вспомнить свои лучшие национальные черты — педантичность и аккуратность. Поэтому на луг выходит тройка сапёров и начинает методично просвечивать грунт миноискателями.

— Блять! — в сердцах выдаёт стандартное ругательство Знобин. В который раз за день.

Неудобно сейчас начинать. Противник, конечно, в куче, но в многослойной куче. Часть танков закрывает другие машины. Удобнее всего колонны стричь. Хотя Знобин участвует в таком массовом загоне впервые, но тут любому понятно.

Начинать неудобно, но если сапёры к ним приблизятся, то придётся.

Через полминуты Знобин выдыхает, а сержант усмехается. Не зря они накануне тут коров выгуливали. Попросили ближайший колхоз пригнать десяток коров. Приходилось смотреть, чтобы они в «гнезда» не провалились, зато наследили они знатно. Вот немецкие сапёры только начали луг обследовать, как самый сообразительный из них, смеясь, показывает что-то сослуживцам, тычет пальцем в землю. Наверняка следы обнаружил и коровьи лепёшки. Свежие, что прямо указывает на то, что мин нет. По крайней мере, противопехотных. Следы от машины, огибающие луг и пригорок с рощей, тоже есть. Командир батареи озаботился. Чуть ли не с хлебом-солью фрицам встречу организовали. Если бы на лугу крупными буквами выложили бы «Добро пожаловать!», лучше не было бы.

Немцы, однако, не расслабились. Совсем уж. Пара отделений, рассыпается в цепь и продвигается уже не к роще, а к её жалким остаткам. Она и так-то не особо густая была, а после обстрела только на дрова пригодная. Несколько танков повернули башни в ту же сторону.

— Пулемётчик, — негромко окликает сержант и больше ничего не говорит. Всё и так ясно.

— Митька, подкалиберный, — командует Знобин.

— Осколочный, — поправляет сержант и с лёгким разочарованием, — снова потерял маршальский жезл? — объясняет:

— Про пушки на том берегу забыл?

— У, бл... — бурчит наводчик. Клацает приёмный лоток, принимая обойму снарядов.

Проходит минута, другая. Немцы всё ближе, уже можно разобрать, как они переговариваются между собой.

— Берёшь на себя правую. Та, что слева, в секторе первого расчёта, — шёпотом даёт последние инструкции сержант. — Потом подкалиберными по танкам. Тимофей, на тебе пехота...

Знобин медленно, очень медленно доворачивает зенитку в сторону немецкой пушки, спрятанной в кустах. Буквально на несколько сантиметров перемещается хобот зенитки. Водитель и прицельный берутся за автоматы, сержант за винтовку. При стрельбе прямой наводкой по наземным целям работы для них нет.

Как ни напряжённо ждёшь начала боя, всё равно от первого выстрела вздрагиваешь. Как шилом в задницу, — думает про себя Знобин. Всё правильно сделал первый расчёт — ударил по пушке почти напротив себя, затем хлестнул длинной очередью по скоплению техники. Начинают дымиться несколько машин и бронетранспортёров, танки одновременно, как стая птиц, поворачивают клювы стволов в сторону неожиданной угрозы. Но не все. Со стороны первого расчёта танковые клювики поникли. Видимые повреждения только на одном, танку досталось три снаряда. Дырки в башнях остальных на таком расстоянии не видны...

— Давай, — негромко командует сержант и Знобин давит педаль. Больше ждать нельзя. Немецкий расчёт должен уже заканчивать прицеливание в сторону зловредной огневой точки.

— Ду-ду-ду-ду-тум! — послушно отзывается пушка и в месте расположения немецкой пушки расцветает гроздь разрывов.

Начинает стучать пулемёт Дегрятёва. Немецкая цепь, начавшая загибать фланг, чтобы атаковать первую зенитку, шарахается в сторону. Двое далеко не уходят, слишком близко подошли, теперь пришлось прилечь. Не по своей воле.

Знобин всаживает в танки обойму за обоймой. Первый расчёт немцам тоже подавить не удалось, и он переходит на осколочные, выкашивая пехоту близь своих соседей.

— Ковалёв! — кричит сержант. — Задний ход! Всем приготовится к движению! Тимофей, остаёшься на месте прикроешь нас!

Рискованное решение, — думает Знобин, — но деваться некуда. Несколько бронемашин и танков осталось целыми, выходить под губительный огонь с двух сторон не спешат. Их можно достать, но надо сменить позицию.

Рокот завёдшегося мотора совпал с новой пулемётной очередью Тимофея. Сержант подстраховывал его огнём из СВТ-шки, придерживая особо шустрых. Ландшафт для пехотной атаки не самый удобный, удобных буераков на лугах не бывает. Не сильно густая трава даже до колен не достигает.

Знобин испытывает ещё один неприятный момент, когда ЗСУ выползает из «гнезда», с натугой урча мотором. Ствол пушки смотрит в землю, и поднимать его бессмысленно. Пару секунд Знобин чувствует себя, как приговорённый у расстрельной стены.

Но вот он снова видит перед собой противника и может выбирать цели. По бортовой броне, отзываясь на автоматный стрекот, будто сухим горохом сыпануло.

— Осколочный! — кричит Знобин заряжающему. Лёгкому танку он и осколочным броню пробьёт, а тут своих поддержать надо. На помощь к атакующим уже перебегает подкрепление.

Никто обойму в лоток не ставит.

— Заснул, что ли?! — Знобин толкает в плечо заряжающего, и тот вдруг валится на платформу безвольной куклой, роняя из дырки в голове тяжёлые тёмные капли. — Блять!

— Всё сам, всё сам... — сварливо бормочет наводчик, заряжая пушку и кладя на колени ещё пару обойм. На несколько секунд стрельбы. Знобин уже не так нервничает, как первый раз, когда рядом кого-то убивают.

ЗСУ уже отъехала метров на сорок, Знобин замечает Т-3, осторожно выглядывающий из-за неподвижного «чеха». Зря он осколочными зарядил, да ладно, и так сойдёт. Лоб корпуса и башни Т-3 украшается дымными вспышками. Спустя секунду танк медленно отъезжает назад.

— Останови! — командует Знобин Ковалёву и велит ему подменить заряжающего. Водитель реагирует настолько быстро, что у Знобина мурашки по спине бегут. Чересчур непривычно видеть таким неестественно проворным их вечно будто полусонного водителя. Знобин не успевал за ним, поливая огнём всё пространство перед «гнездом» и вокруг него.

— Привет вам, фашисты, — цедит сквозь зубы Знобин, вспоминая ужас, пережитый ими совсем недавно, — горячий и осколочный...

Обстрел из автоматической зенитной пушки тоже надо отнести к адовым испытаниям. И, пожалуй, на ступеньку выше, чем обычный артобстрел из среднего калибра по укрепленным позициям. Психика Знобина могла бы и пошатнуться, если бы немцы продолжали переть вперёд. Могла появиться неуверенность, как воевать с такими, которые не боятся вообще ничего? Но нет. Вражеские солдаты наступательных поползновений не предпринимают, потихоньку отползают. Те, кто в состоянии.

В один краткий момент Ковалёву не надо метаться молнией. К ним бегут сержант с

пулемётчиком, видимо, раненым. Одна рука на шее командира. Знобин переходит на стрельбу одиночными. Только чтобы прикрыть своих. Паше Ковалёву в бою иногда и команды не нужны, вставив очередную обойму, он выскакивает наружу с автоматом. И до тех пор пока ЗСУ не заезжает в рошу, передвигается рядом перебежками, прижимая остатки немецкой пехоты к земле.

Знобин уже выцеливает уцелевший немецкий танк. У него появляется идея, как до него добраться. Даже отсюда он может только задеть верхушку башни. Но вот если...

— Дай-ка мне подкалиберные, Паша... — Знобин тщательно целится и выпускает две очереди, десять снарядов в одну точку, башню «чеха».

И всё-таки пробивает её насквозь, достаёт последний немецкий танк. Куда он денется, когда башня «чеха» напоминает крупное и страшненькое решето. Вкупе с предыдущим подарком танк можно списывать со счёта.

— Всё! Хватит! — командует сержант. — Уходим отсюда. Дальше без нас разберутся.

Теперь работать только Паше, — думает Знобин, устало опуская руки и убирая ногу с педали. И ещё немного сержанту, который забинтовывает руку пулемётчика.

Все молчат, когда ЗСУ-шки уже относительно спокойно отъезжают от разгромленной роши и разгромленных немцев. Над головами очумевших от боя зенитчиков вдруг раздаётся до ужаса неприятный вой.

— Пиздец, — равнодушно роняет сержант, — полковые миномёты заработали...

8 августа, пятница, время 07:40.

КНП 13-ой армии,

Ашмянская возвышенность, близ границы Литвы и Белоруссии. Пока ещё на литовской стороне.

Генерал Никитин.

Передовая линия фронта не менее чем в двух километрах. Генералы и старшие командиры наблюдают за происходящим.

Происходящее никого не радует. Страшненькое зрелище напоминает сильнейший ливень с резким ветром. Бывают такие ливни, когда кажется будто сильный ветер дует сверху вниз, придавая струям воды убойную силу. Гигант циклопических размеров мог бы такое сделать с водяным шлангом с хорошим давлением. Струи не падают на землю, а бьют по ней, взмётывая вверх пыль, брызги, водяную взвесь.

Генералы осознают, что наблюдают практически гибель передового батальона, попавшего под кошмарный артиллерийский ливень. Разрывы снарядов и мин встали сплошной стеной, которая не исчезает в течение уже нескольких минут. В воздух летят не брызги, а комья земли, обломанные жерди, осколки, брёвна и клочья человеческой плоти. Вермахт ударил по передовой обороне 13-ой армии всеми калибрами. Комдив-100 самый мрачный из военачальников, это его батальон погибает.

— Координаты?! — ничего не поясняя, и так всё понимают.

— Координаты есть, товарищ генерал, — полковнику Пафнутьеву, главному артиллеристу армии, разрешено ко мне так обращаться, — авиаразведка работает. Но мы их не достанем, далеко сидят. Только пару миномётных батарей корпусная артиллерия может достать...

Не договаривает полковник, позиции 203-мм гаубиц раскрывать нельзя, у них сейчас прикрытие слабоватое. Только полковник не учёл кое-что.

— Дай мне «Аврору», — команда связисту, а лицо полковника становится

одновременно смущённым и радостным. Забыл он про бронепоезд.

Через пару минут «Аврора» получает координаты и ещё через десять минут позиции немецких миномётов отработаны 150-мм фугасами. Они могли и уйти, но так или иначе огонь им пришлось прекратить. Только на стальном ливне на позиции батальона это почти не сказывается.

— Это какие ж силы немчура собрала?

— Пал Семёныч, — он артиллерист, должен сразу сказать, — сколько стволов работает по батальону?

— Сто — сто пятьдесят.

— Полторы сотни, не меньше... — будь меньше, не смогли бы немцы держать полосу сплошной стены разрывов на участке около восьмисот метров.

Закончились несколько дней относительного затишья. Недавно мы здорово выбили немцам панцерные зубы. Лишили их почти трёх сотен танков. Но они у немцев не кончились. Подкрепления подтащили, не иначе.

— Здоровеньки булы, Серафим Иваныч, — только один шляхт вижу, только один человек может меня спасти. Подполковник Григорьев, командир 190 штурмового авиаполка.

— Приветствую, Иван Семёныч, — сквозь шорох и лёгкий треск, но вполне ясно слышится голос подполковника.

— Треба помощь, нас тут фрицы забижают. Закидали меня своими подарками. Покажи им кузькину мать.

— Сколько от линии?

— Вёрст десять-двенадцать.

— Нет, товарищ генерал. Извини, нечем. Всего пять штурмовиков осталось...

— И жирная добыча для них. Аж сто мишеней, не промахнёшься.

— Там мессеры пасутся. Всё равно никакой штурмовки не получится, только грызня с ними. Да ещё на той стороне...

На той стороне, это неприятно, это он прав. Сбитые лётчики уже не вернутся. Там немцев густо, сразу прижучат.

— Ладно, Иваныч, нет так нет, будь здоров.

Артналёт продолжается. Есть время пораскинуть мозгами. Бросаю стереотрубу, и с облегчением бросаю, зрелище неприятное.

— Что будем делать, товарищи краскомы? — остальные тоже бросают наблюдение, уходят за мной блиндаж и рассаживаются, кто где. На фронте столов с кумачовыми скатертями нет. Кто-то зажигает лампочку, запитанную от аккумулятора. Ввожу в курс дела, вдруг, кто чего-то не понял.

— Дивизионной и корпусной артиллерией достать позиции вражеских гаубиц не можем. От авиации они тоже прикрылись. И осталось её с гулькин нос. Так что выбить эту палку из рук немчуры нельзя. И если не ничего не придумаем, они так и будут выбивать из нас пыль.

— С батальоном что делать будем? Отводить? — переживает комдив-100 за своих.

— Не вставай впереди паровоза, Иван Никитич. Сохранить людей надо, но прежде всего — боевая задача. Кто атаку будет отбивать, если батальон отойдёт?

— Так заменим, Иван Семёныч...

Отмахиваюсь. Но не от мнения, а слова лишаю.

— Поступило предложение поставить на место батальона свежий. То есть, засунуть

полнокровную часть в работающую немецкую мясорубку. На разбитые позиции. Товарищи, думайте лучше!

Подкинули нам задачку немецко-фашистские оккупанты. Можно и отодвинуться на полкилометра, это немного. Но немного сегодня, немного завтра, через пару недель к Минску подойдут. К тому же на фронте сформируется «язык», который удлиняет линию обороны. Силы придётся растягивать, значит, концентрация войск снижается. Думай, казак, думай!

5 августа, вторник, время 10:05.

Примерно 5 км к западу от оз. Свирь.

Наводчик Знобин

Контратака за зипунами

Жалко Митьку убили. Смешно до колик за молодыми наблюдать, которые даже направление полёта мин определять не умеют и сразу паникуют. Хотя молодой молодому — рознь. Из учебных центров — парни хоть куда. Взять хотя бы меня.

Ковалёв и его коллега замедляются и съезжают с грунтовки. Навстречу едут грузовики с бойцами и прицеплёнными пушками, несколько лёгких танков, короче целая колонна.

— Куда это они? — слабым голосом спрашивает пулемётчик.

— Туда, — машет рукой сержант. — Молодец, Ковалёв.

Чего это он молодец? А, понял... тут же смех разбирает. Собрат Ковалёва по рычагам свернул на подветренную сторону и теперь их накрывает волна пыли. Не сильно обильная, но маленькая неприятность — тоже неприятность. Которая нас миновала благодаря предусмотрительности опытного Ковалёва.

— Расколотить танки противника это даже не полдела, это четверть дела, — если сержант помалкивает, то приходится мне. Хотя люблю я это дело.

— Видишь ли, мой раненый пулемётный и героический друг, — во, как заворачиваю, даже сержант косится с уважением, — немцы — народ рачительный и хозяйственный. Если разбитую технику оставить им, то они из четырёх разбитых танков вернут в строй три. А четвёртый отправят в переплавку. Сталь-то там ого-го!

Мой раненый друг слушает внимательно. Слушай, слушай! Как говорит наш не менее героический сержант, меня не переслушаешь. Натужно взрывает мотор, установка медленно заползает на дорогу. Подожду чуток, мотор ревет с воистину железным хамством, хрен перекричишь.

— Поэтому разбить и сжечь немецкую технику мало. Надо её оприходовать. И что получается?

— Что? — баюкая раненую руку, находит силы для любопытства пулемётчик.

— Допустим, мы подбили двадцать танков. Но фактически немцы потеряют только пять. Маловато будет. А вот если мы эти танчики подберём, то рачительным фашистам не на чем будет проявлять свою хозяйственность. И снизить потери с двадцати танков до пяти не смогут.

— А-а-а, — понятиливо тянет пулемётчик.

— Вот тебе и «а». Ты, Тимоха, думаешь, это всё? — судя по недоумевающим глазам, он так и думает. Ладно, лишь бы пулемётчик был хороший. Хотя никому не мешает быть сообразительным.

— И пусть, Тимоша, мы не такие хозяйственные, как умелые фашисты...

На мои слова сержант почему-то ржёт, к нему присоединяются остальные. В том числе

и я. Но мужественно продолжаю свои речи через три минуты. Тем временем мы сворачиваем в лесок. Знаю я это место, скоро наша база будет. И на душе становится спокойнее. В лесу нас сверху видно плохо, а база под масксетью.

— Пусть мы не такие умелые, но благодаря некоторым, особенно мне, — тычу пальцем в свою мужественную грудь, — наши тоже восстановят пятнадцать танков из двадцати...

— А почему тебе?

— А потому что я стрелял только по башням, — старался по-крайней мере, — моторы старался не задевать. Так что часть танков своим ходом отгонят. Потом башенку залатают и готово дело. И что получается?

Подходим к финалу. Торжественному.

— А получается, мой пулемётный друг Тимофей, замечательная вещь. Оставь мы эти танки немцам, то их урон был бы всего пять штук...

— Зато теперь двадцать, — доходит до Тимофея простейший расклад.

— Нет, мой героический друг, не двадцать. Потому что теперь мы восстановим пятнадцать танков, и разница увеличится до тридцати пяти...

О том, что заслуга умножения немецких потерь уже не наша, умалчиваю. О том, что обработка местности 120-миллиметровыми миномётами это артподготовка для контратаки, тоже. Меня осеняет ещё одна идея, вытеснившая всё остальное.

— Сержант! Упроси начальство! Я видел там симпатичный броневичок, вот бы нам его, а? Поставим спаренный пулемёт, и будет у нас ещё одна боевая единица?

— Не учи учёных, — лениво заканчивает разговор сержант. Мы подъезжаем. Начинаются хлопоты с уводом Тимофея, который машет нам на прощание здоровой рукой. И грустные, надо хоронить заряжающего.

15 августа, пятница, время 10:45.

Минск, штаб Западного фронта.

Генерал Павлов

— Таким образом, мы отбили попытку прорыва Гудериана в этом месте, — Анисимов показывает место на карте (примерно 5 км к западу от оз. Свирь), — но как выяснилось в дальнейшем, это было либо вспомогательным, либо отвлекающим манёвром. А той же ночью в пяти километрах западнее немецкие диверсанты сумели бесшумно уничтожить передовые посты одной из рот 108-ой дивизии...

— Методички для Устава караульной службы обновили этим случаем? — спрашиваю вроде Анисимова, а смотрю на Климовских. Начштаба кивает.

— К сожалению, также почти полностью погибла захваченная врасплох рота. Этой же ночью на наш берег переправились полсотни танков и до полка пехоты. Третий полк дивизии был вынужден отойти на шесть километров за два дня...

Три километра в день это не быстроходство, это я Анисимову запросто прощу. Тем более его не до конца укомплектованная армия сильно растянута. Более могучий Никитин держит в два раза менее протяжённый фронт. Правда и плотность войск противника у него намного выше. Прёт на него фон Бок тяжёлым катком.

Скоро два часа будет, как выслушиваю доклады своих генералов о событиях за время моего отсутствия. Здесь нет Болдина Ивана Васильевича, и когда с ним встречусь, не знаю.

Докладывает Никитин.

— Мы не сразу догадались, что надо делать, Дмитрий Григорыч...

8 августа, пятница, время 09:15.

КНП 13-ой армии,

Ашмянская возвышенность, близ границы Литвы и Белоруссии. Пока ещё на литовской стороне.

Батальон всё-таки отвели. Уцелело не больше сорока процентов. И пришлось посылать курьера с приказом об отходе. Смежные части тоже предупредили, но уже по телефону. Связи с попавшим под удар батальоном не было. Никакой. Одно это вызывало мысли нехорошие, что и оправдались. Комбат погиб и тем же снарядом разбита радиостанция.

— Зараз поглядимо, шо они будут робить...

Когда немцы идут в атаку, мы делаем то же самое по тому же месту. Устраиваем хоть и пожиже, стволов у нас раза в два меньше, но такую же завесу. Сначала по ним и сопровождая до самых позиций.

Беспокоящий огонь вели по немчуре даже ночью. Тем днём они уже атак не устраивали.

Утром в штаб армии прибывает Болдин.

9 августа, суббота, время 10:20.

Штаб 13-ой армии, за 10 км от линии фронта.

Генерал Никитин

— Какая примерно была полоса поражения? — Иван Васильевич меня не ругает, не костерит, душа-человек.

— Не более ста метров.

— То есть, линия окопов туда-сюда полсотни метров? — уточняет ио комфронта.

Шоб у них чирьи на жопе выросли! Не удерживаюсь от хотя бы мысленных ругательств и вспоминаю Павлова, который заставляет учиться у немцев. За десять километров их артиллеристы кладут снаряды с убийственной точностью. Потому и морщусь, когда приходится признавать мастерство артиллерийской немчуры.

— Делайте так, — Болдин даёт мне схему, которая заставляет меня уважать его ещё больше...

— Иван Васильич! Почему мы не догадались?! Це ж так просто!

У немчуры изрядный перевес сил. Раза в два, а то и больше. Болдин напомнил мне приказ Павлова. Передо мной не стоит задача стоять насмерть. Ещё чего! Дмитрий Григорич поставил задачу предельного обескровливания немчуры. Медленно отступить имею право. Но только медленно!

При таком раскладе мне надо беречь не территорию, а бойцов. Понимать надо. Вот Болдин и предлагает красивую тактику. Артиллерии у нас хватает, вместо роты держим на позициях взвод, который подпускает немцев поближе и расстреливает их. Танки можно бить с более дальних позиций. Да и пехотинцы им спуску не дадут. Гранат и бутылок с бензином у нас на всех хватит.

После того, как атака отбита, взвод быстро под прикрытием миномётного огня и постановкой дымовой завесы уходит. Немцы снова утюжат пустые окопы, опять идут в атаку под огнём всех доступных видов артиллерии. И пусть захватывают позиции, которые нами тоже пристреляны. И на следующую атаку их уже не хватит в этот день...

15 августа, пятница, время 11:30.

Минск, штаб Западного фронта.

Генерал Павлов

Внимательно выслушиваю своих генералов. Всё очень неплохо. Немцы давят? Да пусть! В самые для себя удачные дни фон Бок, — или кто там, Гот? — продвигается не больше, чем

на километр. Такими темпами он до Минска будет добираться до морковкиного заговенья. До Минска ещё шестьдесят километров! Никакой попутный ветер не поможет.

С Севзапфронтом всё решил. Не знаю пока, насколько удачно, но решил. Обучение войск в условиях военного времени имеет свои преимущества. Во-первых, мотивация намного выше. Во-вторых, ни на какие полигоны отвлекаться не надо. Враг за рекой, значит, всё, что за рекой — полигон. Дали координаты артиллеристу, отследили с самолёта, — причём даже залетать за линию фронта не надо, — довели результат. Аналогично штурмовикам и бомбардировщикам. Дали безопасную цель, — ту же железку или колонну на дороге, — оценили результат. В-третьих, очень на Ватутина надеюсь. Особенно в деле организации надёжной радиосвязи и сети ВНОС, которая будет, как у нас, составной частью системы авиаразведки и оповещения. Совместно с РЛС «Редутами», когда их поставят на фронт.

С разведывательными диверсантами вопрос тоже обдумал. Сначала хотел снять целиком какую-нибудь роту, но передумал. Достаточно одного командира из лучших, нечего обижать своих, лишая их сильнейших бойцов. А командир и соберёт людей и обучит всех. Кстати, во время обучения и выберет себе самых-самых. Наверное, Никоненко пошлю. Чуть позже. Пока самому нужен, да он и бродит где-то по тылам.

Подозреваю, что Никоненко не любит возвращаться в свой полк. Оно, конечно, отдых и всё такое, но срабатывает известный солдатский принцип: поближе к кухне, подальше от начальства. А немецкая кухня, ему видать понравилась, гы-гы-гы...

Кстати, парню пора следующее звание присваивать. И орден какой-нибудь подобрать. Давно пора и есть за что.

15 августа, пятница, время 18:30.

Минск, квартира генерала Павлова.

Облепленный своими женщинами кое-как преодолеваю сразу ставшую тесной, хотя объективно просторную, прихожую. Сапоги пытается с меня снять Адочка, но куда ей. Так что сам, всё сам. Хотя и трудно, когда дочка висит на шее.

— Почему тебя так долго не было?! — одним этим воплем детской души можно выразить все эмоции, и её и Шуры.

— Все претензии, Адочка, Ставке Верховного Главнокомандования и Советскому правительству. В письменном виде.

Меня конвоируют на кухню кормить. Передо мной возникает широкая мелкая тарелка с горкой обжаренной картошки с двумя котлетами. Адочка сидит у меня на коленях. Немного неудобно, но отстёгиваться Ада отказывается, и у меня нет ни малейшего желания её сгонять.

— Дим, а правда, чего так долго-то? — Шура глядит на меня безотрывно, подперев щеку рукой.

— Страна в сложном положении, Шур. Северный фронт хотят на меня повесить...

— Опять переезжать? — вздыхает жена.

— Нет, — принимаюсь за котлету, Адочка тоже поклёвывает. — Хотя как сказать... эвакуироваться из Минска придётся. А не съездить ли тебе к родителям в Сибирь? Родители на внуку хоть посмотрят?

— Настолько всё плохо? — Шура грустнеет.

— Нет. Только Минск может оказаться под бомбёжками. Немец рвётся сюда, как голодный пёс к свежей косточке. Можем и не удержать...

Отвлекаюсь на ужин, немного молчим. Шура начинает разливать компот.

— Мне ягодок побольше, — требует Ада.

По Северному фронту потом жене расскажу. При дочке не буду. Не доросла пока до серьёзных разговоров.

С повышенным благодаря вкусному ужину настроением иду в гостиную. Ада тут же расставляет шашки, играть в свои любимые уголки. Шура со слабой улыбкой наблюдает за нами. Очень устал, поэтому проигрываю дочке без напряжения.

— А Борька где?

— Борька в Смоленске. В артиллерийское училище поступает, — докладывает Адочка, весело постукивая шашкой.

Неумолимая реальность властно предъявляет свои права и на моё личное время. Нет у нас сейчас этой привилегии. Ни у кого. Не знаю, как это происходит, но по особой требовательности звонка распознаю самый высокий уровень. Москва.

— Подожди, Адочка, — оцениваю диспозицию на доске, — я всё равно уже проиграл, так что не огорчайся.

Ухожу в прихожую, плотно закрываю двери.

— Добрый вечер, товарищ Павлов, — слышу знакомый акцент. Сталин.

— И вам также, товарищ Сталин.

— Рановато ты домой уходишь, товарищ генерал, — журит вождь беззлобно.

— Ну, как же рано, — улыбаюсь, — на полторы недели отлучился, не на один день. Вам моя дочка уже хочет пожаловаться...

— На кого?

— На вас, товарищ Сталин.

— Такую жалобу я не смогу оставить без внимания. Ты уж извинись перед дочкой за меня, — после кхеканья, видимо, заменяющего смешок, говорит Сталин.

— Как у вас там дела, товарищ Павлов?

— Да нормально, товарищ Сталин. Буду готовить Минск к эвакуации, а через неделю, наверное, начнём, — беззаботно отвечаю главнокомандующему.

— Это вы называете нормальным? — акцент усиливается.

— Господство в воздухе нам у люфтваффе вырвать не удаётся, — объясняю обстоятельства. — Нельзя сказать, что оно у немцев, но преимущество у них есть. Численное и кадровое. И если немцы очень сильно захотят, они войдут в Минск недели через две.

— И они хотят?

— Да. Им надо уничтожить мой фронт, иначе у них ничего не сложится.

— Им это удастся?

— Даже возможности такой не вижу. Если только ценой всей их армии. Но тогда и война закончится. У них просто воевать некому будет.

Сталин немного молчит, переваривает новости. Хотя какие это, к чертям, новости?

— Не надо сдавать Минск, товарищ Павлов.

— Главный вопрос не в этом, товарищ Сталин. Главное в том, сколько немцы готовы заплатить за Минск. Если они положат на него двадцать передовых дивизий, то, думаю, нам надо согласиться на такую цену.

— Пачиму?

— Потому что после этого вермахт потеряет от трети до половины своего атакующего потенциала. Опытных солдат передовых, штурмовых частей в вермахте не более

полумиллиона. Ну, пусть шестьсот тысяч. И если он оставит в Белоруссии и на подступах к Минску тысяч сто пятьдесят — двести, то сами понимаете, какая это цена. Фактически я бы поставил вопрос так: сдать Минск за очень большую цену и выиграть войну немедленно или положить лучшие силы моего фронта, отстоять Минск и...

— И проиграть войну?

— Нет. Отложить победу на долгий срок и заплатить за неё большей кровью.

Сталин молчит. Пауза длится и длится, а я вспоминаю одну очень важную мелочь.

— Товарищ Сталин.

— Да.

— Мы же сейчас с американцами дружим? Нельзя ли их попросить?

— Слушаю вас, товарищ Павлов.

— Нам очень много чего нужно, но лично я на первое место ставлю телефонный провод с надёжной изоляцией. Так чтобы можно было его в воду бросить и не бояться плохой связи. Мы перед войной организовали свою окружную военную телефонную сеть, но когда начнутся осенние дожди, она выйдет из строя. И ничего тут не поделаешь.

— В каком количестве вам нужен провод?

— Трудно сказать. Одно знаю точно: речь идёт о тысячах километров.

— Харашо, товарищ Павлов, я позвоню президенту Рузвельту. Но вы всё-таки постарайтесь Минск не отдавать.

— Постараюсь, товарищ Сталин.

На этом разговор заканчивается. Вешаю трубку. От твёрдого ответа я удержался, слава ВКП(б). Не понимает товарищ Сталин кое-чего. Или какие-то неведомые мне политические резоны заставляют на меня давить. Война это шахматная партия, в которой надо выиграть, поставив противнику мат. И цепляться при этом за целостность какого-то коня, — Минск на большее не тянет, — или даже ладьи, за которую можно Западный фронт считать, не разумно. В конце партии обычно от бравого шахматного войска начального состава остаётся совсем немного. Бывает, что и несколько пешек.

На первом месте — Победа. Цена победы — на втором.

— Ну, чего ты так до-о-олго? — немедленно предъявляет претензии дочка, когда покидаю прихожую.

— Мне сейчас передали, что товарищ Сталин очень извиняется перед тобой, Адочка. За то, что он меня так надолго задержал.

— Врёшь! — немедленно выпаливает Адочка, немилосердно светя глазами.

Окончание главы 3.

Глава 4. Борис

14 августа, четверг, время 10:10.

Смоленск, сквер рядом со штабом артучилищем.

— Привет! Чего такой грустный? — обращаюсь к худощавому пареньку в очках и буйной шевелюрой. Наверняка еврей и натурально грустный, как Вечный Жид.

Делать особо нечего. В училище у меня заявление приняли и тут же послали нафиг. Процедура приёма начнётся не раньше первого сентября. И это не точно, — сказали в канцелярии и махнули на прощание рукой. В сторону двери. Ну, и хрен с ними.

Как-то мне не улыбается сидеть в классах, ходить строем и, вообще, учиться, когда война идёт. Не, я всё понимаю, папанька во всём прав, но терпежу нет. Потому особо не расстраиваюсь. План, что делать дальше, у меня есть.

Взгляд у еврейского паренька мрачный и тоскливый.

— А ты чего такой весёлый?

— Погодка классная, — что правда. Солнышко сияет, птички поют, чуточку напугал гудением возле уха тяжёлый шмель.

— Погода классная, — пинаю какой-то камушек, тот вприпрыжку скачет вдаль, — заявление в училище приняли, до занятий пол-месяца, гуляй — не хочу.

— А у меня не приняли, — с невыразимой грустью отзывается паренёк. — Придурки!

Обхожу вокруг него, внимательно оглядывая тощую фигуру.

— Что? — следит за мной грустными, чёрными очами.

— Сколько раз подтянешься? — ответа не следует. Понятненько.

— Артиллерист должен быть крепким, бодрым и сильным. Как ты будешь пушку вращать, миномёт на себе таскать и всё остальное?

— Мозгов, выходит, не нужно?

— И откуда ты такой умный взялся? Меня Борис, кстати, зовут, — протягиваю руку.

— Яков, — суёт узкую ладонь паренёк.

— Рабинович? — слегка хихикаю.

— Почему Рабинович? Эйдельман, — не понимает юмора парень. Замораживаю следующую шутку в стиле «А какая разница?». Может не проникнуться.

— Я — Павлов, — улавливаю взгляд и отнекиваюсь. — Нет. Однофамилец.

Кто мой отец, предпочитаю не афишировать. В Минске нахлебался. Непроизвольно мы передислоцируемся к лавочке и располагаемся там.

— Я — студент мехмата...

— Это что?

— Механико-математический факультет МГУ. Закончил в этом году второй курс и забрал документы. Решил пойти в артучилище, — принимается за печальное повествование Яков. — Как-то услышал, что самая трудная и нужная специальность — корректировщик огня. Установка прицелов, углов стрельбы, взятие поправок — почти голая математика. А с числами я на ты. Могу трёхзначные числа в уме перемножать...

— Сто восемьдесят три умножить на двести шестнадцать, — выдаю пример наобум. Яков замолкает секунд на десять, уходит в себя.

— Тридцать девять тысяч пятьсот двадцать восемь.

Со своей стороны трачу почти десять минут, чтобы вычислить ответ. Пришлось блокнот

доставать с карандашом.

— Верно, — честно говоря, я ошарашен, но стараюсь не подавать вида. Достаяю таблицы стрельбы из 82-мм миномёта, с которыми мы в школе упражнялись.

— Держи...

— Это что?

Объясняю. Яков протягивает листы обратно.

— Мне несколько часов надо, чтобы все эти таблицы в голове уложить.

Несколько часов ему, гадство, надо! Мы несколько недель учили, и то... Договариваемся на одну страницу, которую студент изучает минут пятнадцать. Терпеливо жду, тщательно оглядывая изредка проходящих мимо девушек. Через четверть часа начинаю гонять Яшку по этой странице, поражаясь всё больше и больше. Ответ даёт спустя две секунды. Будто поместил всю страницу в голове и по запросу считывает ответ. И ещё кое-что замечаю, но пока не уверен.

— Поехали со мной в Минск?

— Что мне там делать? — грустно вопрошает парень. — У меня денег впритык на обратную дорогу.

Зато у меня есть, как раз на двоих и хватит. Уверенность внутри появляется и крепнет, что упускать его нельзя.

— Ну, ты ж хотел стать коррективщиком? У меня дядя в гарнизонном штабе служит. Подполковник. В Минске есть курсы для артиллеристов. Что-то вроде инструментальной разведки, точно не помню. Попробую тебя туда пристроить. Билет до Минска тебе, так и быть, на свои куплю...

— А если не получится?

— Получится, — а с чего это не получится, если учесть, кто мой папанька? — А не выйдет, в ополчение пойдёшь, тем же коррективщиком для миномётов.

Яков думает недолго и соглашается.

— Знаю, почему ты согласился, — заявляю с апломбом, просто не могу удержаться. — Потому что ты — еврей, а я тебе пообещал, что отвезу в Минск за свой счёт.

Яков ржёт, что окончательно убеждает меня в правоте. Чувство юмора у парня есть.

Гуляли по городу весь день. По пути заглянули в чайную, перекусили. По ходу дела присматриваюсь к новому приятелю. Приметил кое-что. Парень на год меня старше, но он будто вынырнул из своей родной обжитой среды в какую-то другую. Все животные умеют плавать, но обычные сухопутные твари лезут в воду только по необходимости. При миграциях, например. Антилопа в воде. Или чайка, нырнувшая в воду.

Как в зеркало в него смотрюсь. Особенно, когда он тоже на кое-что обращает внимание.

— Почему-то с тобой нас ни один патруль не задерживает. Я пока до училища дошёл, у меня три раза документы требовали.

— Я — местный, — смеяться смеюсь, а сам думаю. Хм-м, действительно, исподволь, как ловкий диверсант в меня всё-таки прокрался снобизм «золотого мальчика». Очень редко меня останавливают люди в форме. В Минске иногда кое-кто норовит честь отдать, и если рядом папаня, то держите его семеро. Неосторожному достаётся так, что у непривычного человека уши вянут.

Сам не могу понять. Если в Минске меня тупо могут в лицо знать многие, то почему в Смоленске реакция похожая? Хм-м, а ведь, правда, веду себя, словно я тут везде хозяин. Ха-ха-ха, хозяйский сын в хозяйской лавке! Мой отец над всеми тут командир. А что такого?

Все честные советские люди должны себя так вести. «Человек проходит, как хозяин Необъятной Родины своей», что не так? Есть одно объяснение: смотрю на них, как начальник. Один раз засёк, как под моим взглядом красноармеец верхнюю пуговицу застегнул.

Гулять нам не перегулять. А ведь поезд до Минска только завтра. Особенности военного расписания. Армейские эшелоны то и дело ходят, но гражданских туда не пустят, даже генеральского сынка.

— Военных на улицах полно, но чувствуется какое-то спокойствие, — рассуждает Яков. — Даже в Москве ощущается напряжение, а здесь — нет. Утром в Военторге апельсины видел, представляешь? Их и в Москве-то не найдёшь! Обычные магазины столичные напоминают.

— Апельсины? — веселюсь от души. — Да ну их нахрен! Их не укупишь. Это трофейные, Яш. Мне отец рассказывал, что наши несколько эшелонов с продовольствием у немцев прихватили. Ты приглядишься! Многие консервы с немецкой, английской, французской маркировкой.

Потихоньку двигаем к вокзалу. Билетами лучше запастись заранее. Через час запаслись. И большую часть времени прождали, пока перерыв в кассе кончится. Пассажиров в сторону фронта кот наплакал.

Выходим, гуляем дальше.

— С одноклассником хотел приехать, — болтаем с Яковым дальше, любуемся пейзажем, — но приятель Стёпа меня бросил, записался на какие-то спецкурсы.

— Не знаю, что за курсы, — отвечаю на молчаливый вопрос, — военная тайна и всё такое. Но главное, что быстро, месяца два будут учить, а потом в бой. В училище не меньше года дрючить будут...

— Зато звание дадут, — резонно замечает Яков.

— Я его понимаю, у самого свербит, — вздыхаю, — но папаня... и дядя в приказном порядке отправили сюда. Грят, артиллерия — бог войны и всё такое. И вот идёт война, а я вроде как в стороне.

— Благодаря вашему командующему не обязательно на фронт вчерашних школьников отправлять, — замечает Яков, покусывая травинку. Мы сидим на косогоре, который разрезает стальная долина железнодорожный путей.

— И что ты думаешь о нашем командующем? — мне становится жутко любопытно.

— То же, что и все, — пожимает плечами парень. — В Москве его боготворят, в других местах, наверное, тоже. Даже в поезде наслушался... легенд всяких.

— Каких?

— Ну, будто бы пол-Украины обратно у немцев забрал.

— Враньё! Только Полесье и то не всё. Ну, там еще кусочек, Луцк-Ровно-Дубно, хотя... — на секунду задумываюсь, вспоминая карту, — по территории, как Молдавия.

— Ого!

— Молдавия маленькая, — слегка скептически морщусь, — так что да, врут. Примерно треть от оккупированной части Украины, а вовсе не половина. Хотя, кто знает, что там южный фланг мутит, может, уже и половину оттяпали. Мне, видишь ли, последние фронтовые сводки на стол не кладут.

О том, как посмеивался папаня, когда рассказывал, сколько тысяч свиней, коров и другой скотинки войска перегнали в Белоруссию, помалкиваю. И треть урожая

оккупированной части Украины, а то и больше, опять-таки достанется нам, а не немцам. А что не так? Армию кормить надо? Надо. А беженцев? Папаня говорил о четверти миллиона, но когда это было? Сколько сейчас? Полмиллиона? Их тоже кормить надо.

Зная своего отца, уверен, что он нагрёб с запасом. Централизованные поставки тоже идут, хотя мой родитель бурчит, что с ними прижимают. Трофеев нахапал...

— Ты знаешь, Яш, — вдруг осознаю парадоксальную вещь, — а ведь правда, у меня ощущение, что с началом войны мы стали жить лучше. В смысле продуктов, каких-то мелочей и всё такое.

— Кому война, а кому мать родна? — наконец-то выходит из тоскливой меланхолии мой новый приятель.

— Истинно так. Ладно, — хлопаю его по плечу и встаю, — пойдём, поищем, где переночевать.

Яков о своём статусе не догадывается. А я не говорю, вдруг что не срastётся. Получится — узнает.

16 августа, суббота, время 09:20

Минск, правительство республики, зал заседаний.

Военный Совет Западного фронта.

— Минуточку, Пантелеймон Кондратич, — прерываю первого коммуниста Белорусии и заодно своего зама по Совету, — вынужден поправить. Слегка, но всё-таки поправить.

— Во-первых, мы призвали сто двадцать тысяч мужчин призывного возраста, всё так. Но у нас городского населения двадцать процентов, а в Смоленской области даже выше. Значит, нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве не сто двадцать тысяч, а тысяч девяносто.

— Во-вторых, у нас около четырёхсот тысяч беженцев. Понятное дело, что, в основном, женщины и дети, но какие-никакие, это тоже рабочие руки.

— В-третьих, у нас уже около двадцати тысяч военнопленных, что ещё снижает дефицит рабочей силы. До семидесяти тысяч. С учётом беженцев можно прийти к выводу, что дефицита работников в сельском хозяйстве у нас нет.

Пономаренко вздыхает, ненадолго отводит глаза, но не сдаётся.

— Вы правы, товарищ Павлов, — морщится, но признаёт, — но дело в том, что сейчас лето, скоро уборочная...

— Озимые убрали?

Пономаренко оглядывается на одного из своих. На Совете присутствует масса народу, который в Совет не входит, но без него никак. Встаёт секретарь ЦК по сельскому хозяйству.

— С учётом Смоленской области чуть более девяносто процентов от уровня прошлого года, — получая кивок от Пономаренко, садится.

Главный коммунист Белоруссии жаждет помощи армии, как в мирное время, когда не только армия, но и город, все бросались на помощь селу. Не то, чтобы я против, но ведь война. Как любит приговаривать Никитин, понимать надо. Ладно. Кое-что мы сделать можем.

— Иван Прокофич, — по технике у меня главный генерал-майор Михайлин, — сколько вы можете сделать тракторов из трофейной техники, непригодной к бою? До начала уборочной?

Генерал задумывается.

— Масса другой работы, Дмитрий Григорич. Продолжаем мобильные зенитки, в основном, лепить.

— Тогда так, — хреновый я был бы генерал, не умея принимать решений быстро. — разрешаю использовать пленных специалистов для переделки трофейной техники. Это первое. Второе. Привлеките сельских специалистов для той же работы. Из МТС. Дадут людей — получают трактор. Примерно так. Сколько при таких условиях можете сделать тракторов?

— А можно сделать чуть по-другому? — видя вопросительный взгляд, Михайлин торопливо объясняет. — Дело в том, что трофейная техника обычно превосходит по своим характеристикам наш Т-26. Мы могли бы на них ставить зенитные пулемёты, в том числе, трофейные. Или даже пушки...

— С пушками ты не загибаешь? Там конструкторскую документацию не один месяц готовить надо.

— Есть танки, на которые зенитная платформа ставится целиком...

— Хорошо. Можно и так. А Т-26 ты хочешь переделывать в трактора?

— Да. Снимаем вооружение, радиостанцию, башню, часть бронезащиты, изменяем передаточный коэффициент и получаем вполне бодрый трактор.

— Ты понимаешь, что командиры частей отдадут тебе машины с истраченным моторесурсом?

— Мы научились делать капитальный ремонт двигателей, — усмехается Михайлин чуть гордо, а я демонстративно делаю запись в блокноте «Поощрить Михайлина и его службу за успехи».

— И сколько вы можете сделать тракторов всего? С учётом всех возможностей?

— Зависит от количества дополнительных работников...

— Просто скажи по минимуму и по максимуму.

— Самое меньшее — двадцать, если всё сложится — пятьдесят.

— Значит, можно ожидать тридцать-сорок машин, — смотрю на Пономаренко, тот удручённо вздыхает.

— Армия забрала у села три тысячи тракторов.

Опять прибедряется...

— И дала полторы тысячи лошадей, — это мы с Украины пригнали, ещё полтысячи, тех, что покрепче, я забрал на нужды фронта. И сколько-то себе Рокоссовский оставил. Говорит, что пятьсот, но подозреваю, что раза в полтора больше.

Сам понимаю, что маловато будет, но полторы тысячи лошадей это тоже не мелочь. Однако на уступки приходится идти ещё. Сбор урожая тоже стратегическая задача.

— Сделаем так, — решение зреет быстро. — Трактора от Михайлина пойдут в районы боевых действий. Исключительно в зоны ответственности 13-ой и 11-ой армий. Во всех остальных местах армия примет посильное участие в уборочной. Колхозам мы можем облегчить жизнь просто: при их содействии, войсковые части самостоятельно собирают ту часть урожая, которая отходит им по плану поставок. С использованием своей техники. Насколько знаю, обеспеченность тракторами и машинами сейчас не меньше восьмидесяти процентов от штатного. Вполне хватит.

Пономаренко взял бы и больше, только кто ему даст.

— Трактора от Михайлина останутся у меня?

— Да.

— 13-ая и 11-ая армии помогать не будут?

— Нет. Они воюют. Если только пленными вас обеспечат.

— Побольше бы...

На это пожелание Пономаренко вслед за мной хохочет весь Совет со всеми специалистами.

— Ты не поверишь, Пантелеймон Кондратич. Сам этого очень хочу...

После разрядки совещание пошло веселей, хотя есть и неприятные дела. Помимо всего прочего отмечаю Рокоссовского, который даже боеприпасов не просит. Удовлетворяется присылаемым. И все попутные дела вершит собственной волей. Чисто маркграф средневековый. Хм-м, кажется, я ему позывной придумал.

— Нам, товарищи, придётся подумать об эвакуации...

— Товарищ Павлов, неужто отдадим немцам Минск?! — вскидывается Пономаренко.

— Немцы очень хотят захватить нашу столицу, — пожимаю плечами, — удастся или нет, не могу сказать. Силы они собрали превосходящие, и командование фронтом может попасть в положение Кутузова в 1812 году. Или отдать город или погубить армию. Если вопрос встанет именно так, то я поступлю согласно этому историческому примеру.

Молчание могло быть стать ещё тяжелее, если бы не предыдущая вспышка веселья.

— Не надо огорчаться, товарищи. Самое вероятное, немцы подойдут слишком близко, чтобы горожане могли продолжать прежнюю мирную жизнь. Начнутся артобстрелы, бомбёжки... поэтому!

— Вы, Пантелеймон Кондратич, пошлите человека в Смоленск. Пусть подберёт вам помещения для хранения архивов. Их можете вывозить хоть с завтрашнего утра. Вывозите вообще всё, без чего можете обойтись при оперативном управлении.

— Далее. Детей, детские учреждения и школы эвакуировать в первую очередь. Продумайте куда и как. Зоны эвакуации, куда немцы гарантированно не дойдут: Смоленская, Витебская, Могилёвская, Полесская, Пинская, юг Минской области. Все остальные регионы мы тоже не собираемся отдавать, но там велика вероятность бомбёжек.

— Далее, — надиктовываю готовое решение, причастные к этому записывают. — Вслед за детьми и образовательными учреждениями эвакуировать семьи комсостава и все учреждения чисто гражданского назначения.

— Это какие? — интересуется третий секретарь ЦК Белоруссии.

— Не знаю. Дома культуры, например, частично торговые организации. Медицинские учреждения, кроме полевых медсанбатов. Учебные заведения. Если немцы подойдут близко, эвакуировать будем всех гражданских.

— И самое важное уже для меня. Самуилович!

— Я здесь, товарищ генерал!

— Ты свой радиозавод начинаешь эвакуировать немедленно. В Барановичи. То есть, сразу ты всего не сделаешь, но эвакуационные мероприятия начинай немедленно. Готовь в Барановичах площадку и тому подобное.

Оглядываю присутствующих. Директор авиазавода Анисимов тоже здесь.

— То же самое касается авиазавода, — Анисимов встаёт под моим взглядом. — Вам — в Смоленск, на тамошний авиазавод. Наверняка придётся новый цех строить, поэтому поторопитесь. Если нужна будет помощь, обращайтесь напрямую ко мне.

На самом деле, я не собираюсь просто так отдавать Минск немцам. Ещё чего! Я его немцам продам. Задорого! И плату приму только кровью. Потоками немецкой крови.

14 августа, четверг, время 18:55.

Смоленск, частный сектор рядом с вокзалом.

Борис.

— Руки у тебя из заднего места растут, но по сравнению с этим жидёнком ты — великий мастер, — бурчит старуха, тыча в Яшу узловатым пальцем.

Занозистая старуха, высокая, худая и ещё крепкая. Сам видел, как привычно мешок с места на место переставила. Неполный, но руки оттягивает.

Это хозяйка, к которой мы напросились на ночь. Запросила всего три рубля, а сейчас мы ужин зарабатываем. Поленницу уже переложили, забор худо-бедно укрепили, сейчас покосившийся туалет поправляем. Яша натурально ничего руками не умеет. Хозяйка, Пелагея Петровна, верно говорит. Раньше думал, что это я ничего не умею, но нет, оказалось, что дело не настолько безнадежно. Вот у Якова на самом деле всё грустно и тоскливо. Гвозди забивать ему не позволил, по первой же хватке определил, что впереди нас ждут кровопролитие и травмы при отсутствии полезного результата.

Заводим снизу под кабинку балку, по виду крепкую, и возимся с уровнем, чтобы важное строение стояло ровно. К разрытому месту у балки подходит курица, что-то высматривает, затем энергично начинает разгребать землю.

— Кыш! Зараза! — Петровна отгоняет возмущённо кудахчущую птицу. Старуха притаптыкает за ней землю.

— Вроде нормально? — отхожу в сторону, смотрю с разных точек. Петровна что-то бурчит, ставлю себе зачёт. Бабуська из той породы людей, что никогда довольными не бываю, тут надо ориентироваться на уровень злости и досады. Сейчас уровень приемлемый, соответствует благодушному удовлетворению нормального человека.

Когда бабуська отлучается в хату, Яков, оглядываясь, негромко говорит:

— Может, лучше было где-нибудь в рошице переночевать?

— На голой земле спать? Есть опыт ночёвок в лесу?

По лицу понимаю, что нет. У меня есть, спасибо активному пионерскому детству. И устройство лежбища в лесу, какого-нибудь шалаша, приготовление пищи и всё остальное заняло бы больше времени и сил, чем посильная помощь запрягшей нас престарелой хозяйке.

За ужином Петровна окончательно добреет, когда к её варёной картошке добавляю банку тушёнки из своего НЗ.

— Не нашенская какая-то... — водит пальцем по иностранным письменам старуха.

— Съедобная, Пелагея Петровна, не отравитесь, — ободряю хозяйку, и она опрокидывает в котёл всю банку разом. Не жалко, у меня ещё есть. К тому же Петровна не скупится на огородную зелень и выделяет каждому по варёному яйцу.

— Льготное снабжение? — тихонько спрашивает Яков про тушёнку.

— Ты ж сам всё в магазине видел, вот родители в дорогу и снарядили, — вру, конечно, мою генеральскую семью снабжают щедро. Но с другой стороны, ничего такого, чего не было бы у остальных.

Поболтали за ужином. С нами-то всё ясно, приехали в военное училище, нас завернули, вот домой и возвращаемся. А у Петровны жизнь длинная. Старший сын в Сибире завербовался «конбинат строить», младший в армию ушёл, за него Петровна и волнуется.

Перед сном посидели на крыльце, а как легли, то заснули, как провалились.

16 августа, суббота, время 18:20

Минск, военное кладбище.

— Нехорошо, Иван Васильевич, ты поступил, — с укоризной гляжу на обелиск, на

котором неведомым мне способом (гравировка, вообще-то, обычная — автор) высечена личность моего зама и друга Болдина.

С адъютантом и начальником охраны сидим на лавочке. На приступочек у обелиска ставим рюмку с водкой, накрываем хлебцем. Себе налили, война войной, а помянуть надо.

— Нехорошо бросать друзей в трудную минуту, — продолжаю упрекать. — И приказы нарушать тоже не дело...

Не дело, конечно. Приказу этому сто лет в обед. Начальствующему составу, начиная с командира полка и выше, передвигаться только в бронированной технике. Танке или бронемашине. Иван Васильевич же, отработав с Никитиным контртактику против немецких новшеств, уехал обратно на легковом авто. Откуда только этот шальной мессер взялся?! И пролетел-то разок, шмальнул очередь наудачу и гляди-ка! В машине всего две дырки, все целы, а Болдин наповал.

— Война — дело такое... — вздыхает майор Панкратов, дюжий, быкообразный детина.

Мы, не чокаясь, опрокидываем в себя по сто грамм водки, занюхиваем и закусываем ржаным хлебом.

— Зря его здесь похоронили, — думаю вслух. — Надо было в Барановичи везти.

— Думаете, немцы возьмут Минск? — осторожно спрашивает Саша.

— Это им будет очень затруднительно, — улыбаюсь с некоторой злобой. — Но бомбёжки наверняка будут.

— Зачем им кладбище бомбить?

— Незачем. Но случайно может прилететь.

Это да. Затруднительно будет немцам Минск взять. Три дивизии постоянно тренируемого ополчения, плюс полк НКВД, части обеспечения, комендатура с военкоматами, части ПВО с сотней зенитных стволов разного калибра. В общей сложности, численно можно смело приравнять Минский гарнизон четырём дивизиям. Мало будет, ещё введу. Одну или две.

Через десять минут уходим.

16 августа, суббота, время 19:15

Минск, квартира генерала Павлова.

Вчера Борька поздно вечером вернулся домой. Мне всё некогда, а сынуля сам не догадался позвонить в Смоленское училище. Хотя сейчас семь пятниц на неделе, могут два раза за день всё изменить. Заявление приняли, документы проверили, в назначенное время приезжай и начинай учиться. Так что ладно, уже не зря съездил.

Приволок с собой нового приятеля. Говорит, что гений в математике, ну-ну... вчера-то некогда было, а сегодня проверю.

— Дядя Яша, а ты в Москве Сталина видел? — Адочка уже вроде всё у гостя выпросила, но вот всё находит и находит новые вопросы. Яков слегка подвисает, затем отрицательно мотает головой.

— А мой папа видел! — торжествует девочка.

— Ада, ну, что ты такое говоришь? — укоризненно качаю головой. — Что значит «видел»? Я с ним очень хорошо знаком. Он мой начальник. Ты думаешь, кто меня каждый раз в Москву вызывает?

Немного поразмышляв, отвечаю дочке очень лёгкий подзатыльник. Настолько лёгкий, что почти поглаживание.

— Носик чуть пониже опусти, Адочка.

Дочка хихикает.

На ужин рыба с частой в нашем доме картошечкой. После ужина надо посмотреть на этого Эйдельмана вплотную. Борька дул в уши про него захлеб. Вроде как парень за несколько минут запомнил целую страницу стрельб для 82-мм миномёта. А за вечер в поезде всю таблицу, все десять страниц. С поправками. Это что? За один вечер он стал корректировщиком огня для миномётной батареи? Так и хочется сказать: н-ну, нахер!

После чаепития минут сорок гоняю Якова по таблице. С-сука, ни одной ошибки не сделал! Борька говорил, что не уверен, но вроде скорость его реакции постоянно растёт. Поначалу две секунды на ответ тратил, это правда. А в конце отвечал почти мгновенно. Приходит в голову ещё одна мысль.

— А ты так долго можешь? Не устал? Интеллектуальное истощение — вещь крайне неприятная.

Эйдельман задумывается и отвечает после паузы.

— По ощущениям минут двадцать ещё точно могу.

— Рисковать не будем, — подхожу к двери, вызываю Аду. — Дочка, организуй с мамой два кофе.

Дождался счастья в этом мире, запасся трофейным кофе, и надолго запасся. Народ к кофе в этом времени совершенно непривычный, так что конкурентов у меня нет. Исключение — военнопленные, только кому это надо — баловать их. Курорт им тут что ли?

Из недавнего разговора с генерал-майором Анисимовым.

— Так у тебя получилось поймать Гудериана в огневой мешок?

— Нет, Дмитрий Григорич. Я ждал его севернее, а он к речке прижался, мимо прошёл. И форсировал в другом месте. Всё равно мои его подловили, но позже. Но кое-какие новости у меня есть.

— Лишь бы приятные...

7 августа, четверг, время 12:40.

Лес в 8 км юго-восточнее от городка Пабраде

Старший лейтенант Никоненко.

Как лучше всего проникнуть в тыл врага? Ко всему, абсолютно незаметно? Элементарно! Надо надёжно схватиться при отступлении наших войск и вот мы на месте. Главное в этом деле — выбор удобного места, но такого, чтобы немцам оно не понравилось.

Вот и весь секрет.

Сижу на пеньке рядом со схроном. В первые сутки, пока немцы лес прочёсывали, буквально под землёй сидели. Тесно, чёрт возьми, но несколько часов продержаться можно. Впрочем, троица счастливых на деревьях замаскировались. Дойчи могли что-то и заметить, но через лес бой проходил, так что и убитые немецкие солдаты тут были, следы от пуль, осколков. Опять же натоптано. Так что нет тут нас.

На то, что чуть не над нашими головами бой прогремит, мы не рассчитывали, но так даже лучше. Теперь дойчи уверены, что лес «чистый».

Подходит радист. Их у нас двое, как и радиостанций. Протягивает четвертинку бумаги, исчерканную цифрами.

— Что у нас там? — радист сразу уходит, а я достаю из планшета таблицу шифров и принимаюсь за работу. Если прислали шифровку, значит, дело терпит. При оперативной связи, когда обстановка меняется ежеминутно, разговариваем открыто, хотя Эзопов язык никто не отменял.

Так-так... на краю леса в нескольких километрах отсюда расположились позиции батальона дойчей. Прикрытие коммуникаций, заслон от наших войск. Это мы знаем, наблюдаем за ними второй день. Языков не берём, не хотим их настораживать. Батальон усилен парой противотанковых батарей. Знаем мы эти пушечки, 50-мм машинки сноровистые, но против Т-34 не пляшут. В лобовую броню, по-крайней мере.

Командование что-то задумало и нам предписано:

1. Снять часовых с тыла.

2. Расположить бойцов и огневые точки так, чтобы они надёжно накрыли огнём противника с начала боя.

3. Предотвратить работу противотанковых батарей. Желательно пушки захватить.

4. Желательно захватить в плен всех, но не обязательно.

Люблю я такие приказы. Между строк читается примерно так: противника пленить, но не любой ценой. Не получится, и хрен с ними, клади их всех в одно место. Москва не осудит, а Господь на небе разберётся, кто и сколько нагрешил.

По выполнению операции известить командование по радио.

Смысл приказа прозрачен — ликвидировать заслон. Постоянные требования при таких акциях:

1) Минимум собственных потерь.

2) Максимум трофеев. Военнопленные — тоже трофей.

Приоритеты в таком же порядке. Если не считать самый высший — выполнение боевой задачи.

После обеда собираю командиров взводов.

— Отдых заканчивается, господа офицеры, — иногда позволяю себе такие шуточки, сам не знаю, почему привязалось.

— Так это, оказывается, отдых был? О-о-о... — закатывает глаза взводный-2. Клоун проклятый.

— Хорошо, — почему не поддержать лёгкий трёп. В лечебных дозах рекомендую всем.

— Хорошо. Заканчиваем каторжные работы и готовимся к веселью. Так пойдёт?

Сижу на чурбаке босый, пусть ноги отдыхают на ласковой прохладной травке. Строгие уставники осудят, но у нас свой устав. Мы можем за сутки делать по сорок-пятьдесят кэмэ, причём гружёными и скрытно. После марша или до него провести тяжёлый бой. Потому сам собой у нас складывается свой устав: при малейшей возможности бойцы и командиры отдыхают на полную катушку. Например, недалеко обнаружили укромное местечко у ручья, натянули там масксеть и бойцы там постоянно плещутся. Моются, стираются, просто купаются. Единственное требование — пара постов рядом. И звукомаскировка, само собой. Ну, это у нас всегда. Большинство предпочитает дрыхнуть. Часов по двенадцать-пятнадцать в сутки. Тоже одобряю, ведь процесс беззвучный. Кстати, тех, кто громко храпит, у нас нет. Отбраковываем на стадии отбора пополнения.

Кроме пассивного отдыха, есть и активный, народ учится. Учится всему: скрытному передвижению, стрельбе изо всех видов оружия, немецкому языку, управлению техникой, сапёрному делу. Диверсант — специалист очень широкого профиля.

Не люблю возвращаться к своим. Не, сейчас легче, когда мы стали напрямую генералу Анисимову подчиняться, а раньше был мрак какой-то. Интенданты бумажками долбят, командиров выше крыши, и каждому расскажи, да доложи. Вот этого совсем не понимаю. Сделал доклад комполка, ну, так и спрашивайте у него, он в курсе. Нет. Прибудет комиссар

дивизионный, потом комдив, его начштаба и так далее. И каждому — лично. А то затребуют к себе. За ними из корпуса... ребята отдыхают, а я бегаю, как лошадь ипподромная.

Анисимов правильно сделал, хоть и стонал мой комполка. Теперь могу посылать всех, а то ни вздохнуть, ни... но отрицательный рефлекс пока жив. Дома не отдохнёшь, заездят.

— Особо предупреждаю, — оглядываю своих ребят, — не нарвитесь на отхожие ямы. Так что не только прислушивайтесь ко всему, но и принимайте.

Хм-м, всё-таки накрученные мои парни, даже хохочут почти беззвучно.

— У свёрхлюдей даже дерьмо — свёрхдерьмовое, — выдаёт взводный-2, вызывая новый беззвучный взрыв смеха.

Что интересно, он сам такой и во взводе у него большинство весельчаки. Или подбирает так или они с него пример берут.

— Вторая сложность. Входы в блиндажи надо блокировать. Если дверь наружу открывается, то всё просто. Подпереть колом. А если вовнутрь?

— За ручку, — предлагает взводный-1. — Заклинить железным прутком или привязать верёвку, второй конец на кольшечек в землю.

— Где взять такую арматуру?

— Стволы трофейных карабинов. Опять же верёвки в резерв...

— И автоматчика с гранатами у каждого блиндажа, — закругляю обсуждение.

Всё остальное — рутина.

— Всё перемололи? — думаем вместе, не забыли ли чего. — Ладно. До ночи есть время, появятся вопросы — доложите. Усилить наблюдение за противником. И готовьтесь. План простой. Ты и ты (взводный-1 и -3) пойдёте слева, вы — справа. Я со своей группой займусь внешним охранением и артиллерией.

Требование усилить наблюдение воспринимают с пониманием. Когда-то его не было, того самого понимания. Неопытному человеку действительно не понятно, зачем усиливать присмотр, когда позиции немцев давно изучены. Типичная ошибка дилетанта. Перед началом надо смотреть в оба, потому что один дополнительный и незамеченный пост может сорвать всю операцию. Противника мы всё равно уничтожим, но в полноценном бою, с потерями и большим шумом. А шум это наш самый главный стратегический враг.

Тот же лес, время 23:20.

Мы начали. Моей группе надо подождать, пока первая половина моей роты сделает свободный проход.

Кто-то скажет, что мы слишком рано нападаем. Угу, пусть учит учёных в другом месте. Знаю, что есть особый предутренний час, когда могут заснуть на посту самые стойкие. Птицы ещё не проснулись, вся природа тиха по-особенному, отключаются даже страдающие бессонницей.

Вот только любой шорох, даже дыхание, слышится особенно отчётливо. Сон в этот час исключительно крепок, но и нашуметь легче лёгкого. А вот сейчас совсем другое дело. Шорохи и шаги никого не напрягают, как и ругательства вполголоса, если они по-немецки, конечно. Кто-то выходит покурить, чтобы не травить камрадов в тесном блиндаже, кто-то направляется к отхожему месту или отливает рядышком.

Потому мои ребята работают уже не менее получаса. Прислушиваюсь. Я-то звук «т-у-ум-м» распознаю. Это демпфер на арбалетах, без него они бы звонко щёлкали.

Отличная вещь, кстати говоря. Все любят ругать командование, и я — не исключение, но вот это они здорово придумали. И, вообще, повезло нам с командующим... так, пора!

«Блиндаж с караулом блокирован», — на пальцах объясняет встреченный боец. «Где посты?», — на этот вопрос вразумительного ответа не получаю. Ладно, разберёмся. Если пару дней даже изредка люди ходят по одному маршруту, неизбежно появляется тропинка. Никаких трудностей! Вечером выпала роса, и она украшает траву везде, кроме мест, где прошла смена часовых. Полная луна нам в помощь. Вот по дорожке травы со сбитой росой мы и крадёмся.

Пост — пулемётная ячейка, сразу за кромкой леса, фактически на одной линии с артиллерийскими позициями. Показываю напарнику, что ему нужно делать, достаю финку. Тумкает арбалет, в затылке одного из пулемётчиков вырастает стальной штырёк. Аккуратно, но быстро ложусь на второго, придерживая ему руки и одновременно прижимая лезвие под подбородок.

— Молчать. Одно громкое слово — горло перережу. Моргни три раза, если всё понял и обещаешь не шуметь.

Напуганный гансик моргает. Напарник быстро вяжет ему руки, финку не убираю. Лучшая основа для любых договорённостей — нож под горлом. Мне нужен язычок, так забот будет меньше.

Гансик осторожным шёпотом выкладывает всё. Ни одной новости, что успокаивает. Два пулемётных гнезда, они же посты охраны артбатареи. У пушек сейчас никого, расчёты спят в блиндажах, — дойч кивает в сторону леса. Ну, и замечательно. Отводим пленного под деревья, уходим в сторону второго поста. С тыла брать часовых — одно удовольствие.

Через полчаса, ещё не закончив выволакивать дойчей из блиндажей, отдаю команду радисту подавать сигнал командованию об успешной нейтрализации вражеского заслона. За всё время только одна автоматная очередь прозвучала. Так как ответного огня не было, значит мои стреляли. Потом узнаю, по какому поводу.

8 августа, пятница, время 01:15.

Лес в 8 км юго-восточнее от городка Пабраде

Старший лейтенант Никоненко.

По грунтовой дороге, на вираже, касающейся леса, ползут пять танков и бронемашина. Танки — «троечки», бронемашина тоже немецкая. Остановившись у леса на четверть минуты, небольшая колонна бронетехники скрывается в лесу. Через несколько минут на дороге с двух концов навстречу друг другу идут две колонны. Из леса понурые немецкие солдаты без оружия и под конвоем, навстречу бодрые и вооружённые красноармейцы. Красноармейцев чуть больше.

Когда рокировка заканчивается, командир прибывшего на место немцев батальона усаживается рядом немецким КП в самом вместительном блиндаже. Заходить внутрь не хочет. Видимо, брезгует, да к тому же там немецкий майор с парой своих людей. Мы их оставили, кто-то же должен быть на связи с дойчами. Чем дальше о нас не знают, тем лучше.

Прибывшего капитана Крылова сразу зачисляю в свои. «Павловский призыв», он, как и я, оттуда. Из молодых, да ранних.

— Старлей, ты мне поможешь пушки перетащить?

Всё правильно. Это первым делом надо проворачивать, оборону разворачивать в другую сторону.

— Не вопрос, капитан. Сейчас дам сопровождающего, он проведёт твою бронемашину к северной границе леса... тебе ведь туда надо?

Капитан кивает.

— А потом по колее протащишь пушки тем же броневиком. Или танком.

— Может надо разделить на две части? — вслух думает капитан. — Половину на север, половину на юг.

— На юге танки поставишь, чем они хуже? А северное направление опаснее.

— Почему?

— Если пойдут с юга (если совсем точно, то с юго-востока, прим. автора), значит, они возвращаются и вторжение отменяется. На полноценное окружение дойчей вас слишком мало.

Капитан впадает в недолгое размышление и соглашается.

— Дима! — зову своего ординарца и велю привести взводного-4 и какого-нибудь проводника из его людей. Их взвод ту часть леса контроливал, им и расплачиваться за это.

— Я тебе ещё нужен? — вопросительно гляжу на собрата, опередившего меня в званиях.

— Утром понадобится. Мне нужны твои люди в немецкой форме и неплохо бы водителей. У меня их маловато. Кто-то из твоих машину водит?

— Примерно половина.

— Полсотни человек? — поражается капитан.

— Нас меньше сотни, так что человек сорок — сорок пять.

Капитан темнит, всего не говорит, а мне и не надо. У меня приказ: до завтрашнего вечера я в его распоряжении. Иду радовать своих командой отбой до шести утра. Рота уходит к себе. В немецких блиндажах собирать немецких вшей мы брезгуем.

17 августа, воскресенье, время 11:35.

Минск, штаб фронта.

— Н-ну, нахер! — восклицание генерал-лейтенанта Клича настолько напоминает мне мою же реакцию, что не удерживаюсь от смеха в откровенно жеребьячем стиле.

Работаем с утра. От текучки никуда не денешься, поэтому Якову пришлось пару часов поскучать, пока мы разгребали текущие дела. Что странно, несмотря на вроде бы угрожающую военную обстановку, никакой нервозности нет. Единственная крупная операция, — переброска моторизованной дивизии из Белостока в распоряжение Никитина, — носит почти рутинный характер.

На самом деле Эйдельман не скучал. Я дал ему таблицы тяжёлых миномётов и гаубичной полевой артиллерии. И 120-мм миномёты он освоил с неестественной быстротой.

Полчаса уже мы с главным артиллеристом фронта общаемся с Яшей Эйдельманом. Парень, которого мне доставил Борька, поразил вчера меня, и вот теперь моего главного артиллериста.

Мы гоняем его по таблице полчаса, и он не делает ни одной ошибки. Поправками на ветер пока его не терзаем. Он и сам сразу сказал, что лучше отложить.

— Как ты умудрился выучить таблицы за два часа? — прямо подозрительно мне. — Борька говорил, что на 82-мм миномёты у тебя полдня ушло.

— Между теми и теми миномётами сильная корреляция, — отвечает парень, чуть подумав. — Наверное, из-за общего принципа стрельбы.

— Какие ты слова умные знаешь, — восхищаюсь в пику слегка ошалевшему Кличу. — За одно это тебя на довольствие ставить надо.

— Так, товарищ генерал армии, я забираю его себе, — приходит в себя Клич и тут же пытается наложить лапу. На чужое.

Мы с ним давно и коротко знакомы, поэтому не чинюсь, сую ему кукиш.

— Нет уж. Что нашёл я, то — моё.

— Дмитрий Григорич, корректировщик-универсал, это же...

— Не переживай, — успокаиваю генерала. — Без тебя не обойдётся, но лучше всего ему наверху работать.

Клич разочарованно вздыхает. Но отдавать ему Яшу нельзя. Наши советские наскоро испечённые генералы всё, что угодно, могут заиграть. Имеет представление мой главный артиллерист о временных рамках применения таланта Эйдельмана? Никакого! И очень быстро заездит парня до умопомешательства. До нашего генерала только тогда доходит, что силы человека не беспредельны, когда его бойцы начинают в обморок падать от усталости. Это до хорошего генерала дойдёт.

Обедать мы тащим парня с собой. За столом, между борщом и гречевой кашей, инструктирую его.

— Первый мой приказ такой. Занимаешься этим делом не более часа в день. В экстремальных случаях два раза в день по одному часу, с перерывом не менее шести часов. Но после такого двойного дня обязательно сутки отдыха. Понятно?

Яков кивает. Затем пробует оспорить.

— Мне кажется, я могу больше.

— Это хорошо, что есть запас. Но залезать в него надо осторожно.

Приступаю ко второму. Влезает Клич.

— Мне тоже кажется, что ты перестраховываешься, Дмитрий Григорич...

— Вот поэтому я тебе его и не отдам. Ты парня заездишь, а потом скажешь, что так и было, после паузы продолжаю раздумывать вслух. — Реальный бой, где корректировщику приходилось бы так интенсивно работать в течение часа, представить не могу. Но мало ли чего не было.

— Мне лучше работать интенсивно, чем один раз в пять-десять минут, — вдруг замечает Яков. И поясняет в ответ на наши вопросительные взгляды.

— Мне нужно время и некоторое усилие, чтобы погрузиться в таблицы. Войти в состояние. А если я буду то входить, то выходить, вот тогда, боюсь, или ошибаться начну или уставать.

Клич задумчиво, и, кажется, слегка разочарованно хмыкает. Гляжу на него с насмешкой.

— Для тебя новость, что любое оружие или механизм имеет свои ограничения и особенности использования? — при парне не говорю прямо, но Николай Александрович считывает: «Хреновый ты генерал, если так!». Его узкое лицо ещё больше вытягивается. Обиженно замолкает.

— Как тебе обед? — гостеприимство никто не отменял, пусть я — генерал, а он — студентик.

С обедом мы покончили, возвращаемся в мои апартаменты. Нам, а особенно Якову, предстоит хлопотливый день.

— Обед на высоте. Как в мирное время.

Пожалуй, лучший комплимент мне, как командующему. По пути Клич отваливается в сторону, а я поручаю Якова своему адъютанту. Не сразу, конечно.

— Сейчас подготовлю приказ на него. И в канцелярию отправлю. Будем брать на довольствие. Как корректировщика огня наземной артиллерии при штабе фронта.

И поясняю Якову.

— Жить пока будешь у меня, потом определимся. Встанешь на довольствие, пока как

рядовой. Немного поучишь устав, изучишь личное оружие, примешь присягу и всё такое. Так... пока посиди.

Мы у меня в кабинете, пишу приказ на него, отдаю в канцелярию, и военная бюрократия бесцеремонно забирает Эйдельмана в свои неумолимые руки.

— Не теряй его из виду, Саш, — не приказываю, а прошу адъютанта, — мало ли что. Забегаюсь, да забуду о нём. А у него даже пропуска нет в мой квартал.

Окончание главы 4.

Глава 5. Войсковой манёвр

18 августа, понедельник, время 08:10.

Сообщение Совинформбюро

На Западном фронте в направлении Вильнюс — Минск гитлеровские войска упорно продолжают наступать. Войска Западного фронта, оказывая ожесточённое сопротивление, отходят к Молодечно. Немецко-фашистские войска несут тяжёлые потери, но продолжают наступление, вводя в бой всё новые и новые резервы. За последние сутки потери гитлеровских войск: восемь самолётов, семь танков и бронемашин и до батальона пехоты.

На остальных участках Западного фронта без перемен. На Северо-Западном и Юго-Западном фронте — бои местного значения.

Штаб фронта.

— Не умеют ещё наши пропагандисты работать, — хладнокровно замечаю своим генералам. Вижу, что настроение у них, нет, не похоронное, но и не бодрое. Мы всё-таки отступаем, а зачем, я им не говорю. Сюрприз будет.

— Почему? — Климовских озвучивает общий интерес.

— Надо было чуть-чуть не так сказать, и сообщение выглядело бы совсем по-другому, — продолжаю интриговать, интрига — наше всё.

— Какое? — мои генералы аж шеи вытягивают и затихают, как кошка перед броском на мышку.

— «Войска Западного фронта, нанося противнику тяжёлые потери, НЕТОРОПЛИВ отходят к Молодечно», — раскрываю, наконец, интригу. — Чувствуете, как меняется тон? А то «отступают» видите ли. Мы не отступаем, мы совершаем войсковой манёвр.

Чувствуют. Вижу по посветлевшим лицам. Но решаюсь подсыпать сладкого ещё. Не, полностью всего раскрывать не буду.

— Вы что, до сих пор не поняли, что происходит?

Лица генералов отображают интенсивную работу мысли. Ухмыляюсь. Открыто и немного гадко.

— Хреновые вы генералы, если не понимаете... Климовских! Додумался, что ли? Помалкивай. Пусть сами соображают. Запрещаю говорить, слышишь меня? — строго смотрю на начштаба. Тот прячет улыбочку, кивает.

— Всё! — стучаю ладонью по столу. — Давайте о деле. Пётр Михайлович! Готовьтесь получать следующее звание. Владимир Ефимович (Климовских, начштаба — автор), сделайте бумаги на присвоение звания генерал-лейтенанта. На Никитина и Анисимова — тоже. Никитину за удар по Вильнюсу, Анисимову — за последние дела, чувствительно он Гудериана потрепал.

— А Петру Михайловичу за что? Мне формулировка нужна, — поясняет Климовских.

— Железнодорожники нам хотя бы одну операцию сорвали? Всегда и всё вовремя подвозят. Два лёгких зенитных бронепоезда сформировали из собственных резервов. А как они движение организовали, вы же в курсе? На каждом маршруте маскировочные площадки. Поезда заезжают под маскировочную сеть и ждут, когда небо станет чистым. Люфтваффе сверху ничего рассмотреть не может. Кто это придумал? Генерал Васильев это придумал. За одно это орден надо дать.

Кстати, связистов тоже надо отметить. Приказ о том, чтобы им медали и ордена давать за любую мелочь, — за самый мелкий бой, поражение даже единичной боевой техники, всё, что угодно, — давно есть. Но надо бы в целом службу наградить.

— Приказ довести до всех командиров до уровня полка по всему фронту. Пусть все знают, что дела идут хорошо, — потому как, когда дела плохи, никого не награждают и званий не повышают.

Ладно, пора и в самом деле о делах. Что у нас там с подготовкой зенитчиков? А с товарным обеспечением? Не пора ли снова эшелоны у немцев угонять? Как там мои новые армии, формируются ли? Новую технику, — танки, пушки, самолёты, — кому распределять?

Концовка рассказа-доклада Анисимова генералу Павлову.

8 августа, пятница, время 08:15.

Грунтовая дорога у леса в 10 км юго-восточнее Пабраде

На танке Т-III, перегородившему дорогу, вольно раскинув ноги, нежится на солнышке лейтенант Штольц, он же старший лейтенант Никоненко. Но сейчас он — Штольц, и форма соответствующая. Сегодня он — начальник специальной панцергруппы и команды сапёров. Перед ним хмурый фельдфебель, водитель подъехавшего опеля.

— Фельдфебель, я же не возражаю. Езжайте, — лейтенант делает великодушный жест рукой. — Но не жалуйтесь, когда взлетите на воздух.

Лейтенант глядит оценивающе на автомобиль и вдруг замечает:

— Машина — конфетка! Жалко будет...

— Что-о-о!!! — выходит из себя гауптман, не выдержавший ожидания и выскочивший из машины. — Извольте доложить по форме, лейтенант!

Штольц-Никоненко лениво спрыгивает с танка и неожиданно преобразается. Чётко вытягивается в струнку, щёлкает каблуками и рявкает:

— Герр гауптман! Ночью были замечены русские диверсанты. После перестрелки их отогнали. Потерь с обеих сторон нет, но сапёры обнаружили только что установленные мины. Противопехотные и противотанковые. На данный момент идёт разминирование и проверка дороги. Докладывает лейтенант Штольц, ротный командир 2-го батальона 12-го пехотного полка.

Герр гауптман подозрительно оглядывает лейтенанта, но затем смягчается.

— Вольно. Сколько будет продолжаться разминирование?

— Не могу точно сказать. Думаю, около часа. Затем для окончательной проверки пустим два танка, где будут одни водители. Только потом откроем движение.

— Мне тут целый час стоять? — изумляется гауптман.

— Зачем? — ответно удивляется лейтенант. — Я же объясняю, езжайте в объезд. Затратите на него лишних всего пятнадцать минут.

— А там не заминировано?

— Та дорога не может быть заминирована. Она частично в расположении батальона и только что проложена через лес.

Уговорил! Опель-адмирал съезжает в сторону и скрывается в лесу. Через несколько минут сигнальный показывает Никоненко: всё, клиент принят, ждём следующего.

И главное, почти всё правда. И объезд не заминирован, и проходит через расположение батальона. Только не немецкого, а русского. То, что дорога впереди не разминирована, а наоборот, то мелочи жизни.

Никоненко ещё раз глядит на сапёров в немецкой форме, лениво ковыряющих дорогу.

Когда немцы рядом — лениво. Сейчас они шустро закладывают фугас посередине. В самом начале «минированного» участка лежат несколько круглых мин советского производства.

С обратной стороны приближаются ещё несколько машин. Пока несколько машин. Никоненко знает, что основной поток начнётся минут через пятнадцать. Вот тогда придётся поработать. По-стахановски.

— Короче, мы тогда сотню машин вместе с грузом у немцев позаимствовали. Там пара бронемашин была и три легковых, — довольно улыбался Анисимов.

— Давай тот Опель-адмирал товарищу Сталину отправим? — предлагаю я.

— А зачем он ему?

— Ему — ни за чем. Наградит кого-нибудь. Можно и тебя наградить, но ты себе ещё что-нибудь подберёшь. Пока ездить всё равно нельзя.

Анисимов соглашается.

— И двадцать машин из числа мобилизованных из колхозов верни им. Хоть какая-то компенсация. Лично я у тебя ничего забирать не буду. Только ты часть продовольствия пусти через военторг.

Мы немного поржали, когда спорили на тему, кто кого должен кормить.

— Народ должен содержать свою армию! — утверждал Анисимов.

— Народ и армия едины! — возражал я.

— Что потом с дорогой сделали?

— Подождали, когда плотность движения возрастёт, и взорвали стометровый участок. Затем начали обстреливать остальных из пушек. На сутки трассу перекрыли...

— Надо было ещё захватить...

— И-э-х! Не травите душу, товарищ генерал, — кручинился Анисимов. — Обнаружился дефицит водителей. Не брать же немцев на службу.

Водители у него ещё были, конечно. Но в частях на севере. Далековато.

— Второй день повоевали ещё, потом отошли. Когда немцы крупные силы подтянули.

Славненько они там повоевали. Сотня трофейных машин, сотня уничтоженных, батальон пленных, батальон положили в бою и пару батальонов сильно потрепали. С минимальными потерями. Всегда бы и везде так.

— Никоненко где?

— Ушёл дальше в немецкий тыл.

— Дай-ка ему задание... — мне страсть, как надо знать расположение немецких аэродромов. Бывшие наши бомбить бесполезно. Немцы знают, что мы знаем их местонахождение.

19 августа, вторник, время 09:05.

Дорога в сторону Молодечно за 5 км до него.

Лейтенант Беляков.

Надо бы отлежаться после контузии, но приходится идти. Неходячих машинами везут, но на всех не хватает, приходится топтать ножками. Мне, так по-другому и нельзя. В машине трясёт, головная боль становится нестерпимой. Осколок в башку — полбеды, зарастёт, а ходить мы умеем, пятнадцать камэ даже не разминка. Налегке-то.

Рядом сипит майор, из артрразведки полка. Тоже ножками топает с перевязанной рукой. Настроение у нас не очень. У всех не очень, у всей колонны из полусотни бойцов. Нас, командиров, не считая сержантов, всего двое. Майор из старых, мы так называем всех, кто служил до войны. Нас, молодёжи военного призыва, много. Кто-то уже до командиров

батальона дорос, но я, как и большинство, на взводе сижу. Да мне больше и не надо.

Идём и болтаем. Больше я, майору дышалки не хватает.

— Задолбали дойчи, — жалуясь я, — то и дело тактику меняют. Представьте, товариш майор, что они делают. Накрывают нас артиллерией, и пока мы ховаемся, пехота подходит на сто метров и ближе. Только пушки замолкают, они уже гранатами нас забрасывают. А то и танк подгонят. Как отбились, сам не понимаю. У соседей дежурный взвод весь положили...

Слегка поправляюсь.

— После, правда, их наша арта накрыла...

— А ты думал... — гордо пыхтит артиллерист.

Навстречу пылит небольшая колонна автомобилей и броневиков.

— Гадство, б... — пыхтит майор, — опять в кювет сворачивать.

— Зато отдохнём, — утешаю его. Мне-то всё равно, а ему дух перевести надо.

Колонна вдруг съезжает с дороги, давая нам пройти. Из второго броневика кто-то выходит. Ого! Кто-то с большими звёздами!

— Никитин что ли? — всматривается майор. — Нет, Никитин повыше вроде...

— Генерал! — ахаю от неожиданности, горло перехватывает. — Генерал Павлов!

Не понимаю, что со мной, голову поднимаю выше, почти на строевой шаг перехожу. И все остальные — тоже! Не понимаю, как определить чувства, начинающие меня переполнять. Нас всех. Сосед майор втягивает живот и расправляет плечи. Всем хочется выглядеть бравыми и лихими. Ранили? Херня! Отдохнём чуток и зададим дойчам перцу!

Это не просто из-за того, что наш комфронта нас видит. Он и вся его свита выстроились вдоль дороги и отдают нам честь. Колонна останавливается, сопровождающая нас девушка-санинструктор бежит к генералу с докладом. Даже издали видно, что девушка волнуется, запинаясь и краснеет. Стоящие рядом командиры улыбаются. Генерал что-то спрашивает, опять выслушивает, кивает и зычно командует:

— Вольно!

— Вольно, — пищит девица, оборачиваясь к нам, и, полыхая всем лицом, бежит к колонне.

Мы возобновляем движение. Хочется опять перейти на строевой шаг, но генерал уже руку к козырьку не подносит, машет рукой, как бы говоря: «Идите уже, не напрягайтесь, вы не на параде».

Что меня толкнуло на нарушение устава, сам не знаю. Майор рядом аж зашипел от такого.

— Товарищ генерал армии, разрешите обратиться? — говорю прямо из строя, а этого делать категорически нельзя.

— Обращайся, лейтенант, — совершенно безмятежно генерал не обращает внимания на нарушение дисциплины.

Колонна без всякой команды, нарушив строй, который произвольно выравнивали при виде высокого начальства, останавливается.

— Когда мы перестанем отступать, товарищ генерал армии? — набрав в грудь воздуха, выпаливаю главный вопрос, который, знаю, мучает многих. В желудке становится чуть холодно от собственной дерзости.

— Это не отступление, лейтенант, — генерал грозит мне пальцем, — это войсковой манёвр. Зачем и почему?

Ненадолго он задумывается. Но нам всем уже легче. Все понимают, что командования есть какой-то план и ничего страшного не происходит.

— Мне надо знать, где край силы у немцев, — наконец говорит генерал. — И где он у вас. Хочу знать, на что способны мои бойцы и командиры.

Опять замолкает, все напряжённо ждут. Хоть я и мелкий, но тоже командир и кое-что понимаю. Не всё можно говорить подчинённым и он сейчас решает, что нам можно открыть.

— Понимаешь, лейтенант, я могу прекратить это в любой момент. Но надо выбрать самый удобный, когда немцы выдохнутся. Вы не отступаете, вы решаете важную боевую задачу. Она в том, чтобы нанести противнику максимальный урон. А в обороне это делать удобнее.

Все слушают, затаив дыхание. Впитывают не только слова, выражение лица, тон, которые можно охарактеризовать двумя словами: спокойствие и уверенность. Строя давно нет. Как-то незаметно все сгрудились вокруг нас, вытягивают шеи, ловят каждое слово.

— Могу прекратить это в любой момент, — спокойно повторяет генерал. — Скажите, ваши силы уже на исходе, терпения уже нет?

Толпа начинает возмущённо гудеть.

— Нет, товарищ генерал армии, — раз уж я начал разговор, мне и продолжать, — силы есть и потерпим сколько надо.

— Неделю... — запинается генерал, — нет, две. Через две недели мы погоним их обратно. С какого места, не скажу. Военная тайна. А чего это вы сгрудились? А ну, строиться!

Мы быстро восстанавливаем колонну и слушаем следующий приказ.

— Товарищи красноармейцы, сержанты и командиры! — генерал по виду не напрягается, но все прекрасно его слышат. — Слушайте боевой приказ. Всем срочно выздоравливать. А то не успеете к началу наступления!

Генералу ещё пришлось послушать троекратное «Ура!», но вроде его это не огорчило, ха-ха-ха...

19 августа, вторник, время 09:35.

Та же дорога за Молодечно.

Генерал Павлов.

Едем дальше на КП 13-ой армии. Клянусь себя за забывчивость. Теоретически вроде все всё знаем. Знаем и о том, что отступление снижает боевой дух войск. Но теоретически. Парни, с которыми сейчас разговаривал, сами не понимают, какие они герои. Отступают, но держатся за каждый метр, как голодные коты, вцепившиеся в свежую рыбёшку.

Надо исправлять. Задача у армии Никитина и так тяжёлая, нужно их подбодрить. И сделать это, не раскрывая своих планов. Мне и требуется, чтобы всё выглядело так, будто 13-ая армия терпит поражение. Не катастрофическое, но тем не менее. Только как-то упустил я, что на наших бойцов это действует удручающе.

— Да открой уже люк! Жарко же, — команду лейтенанту, начальнику броневика.

— Сейчас, товарищ генерал. После поворота, чтобы пыль в сторону относил.

КП 13-ой армии.

Прямо не знаю, что сказать. Никитин устроился с комфортом. Командный пункт у него передвижной. В виде очень неплохого бронепоезда. Гаубичной артиллерии нет, так что не сильно тяжёлый. Но ведь всё равно уязвимый. Пусть маскировка, пусть по-быстрому в нужных местах уложили вторую колею и отводы. Только бронепоезд всё равно лакомая

мишень!

— А стационарный капэ што, неприметная? — возражает непробиваемый, как собственный бронепоезд, Никитин. — Зато мобильность какая! Захочу и махом за сто камэ отпрыгну. Понимать надо.

Вникнув, успокаиваюсь. Есть аппарели, по которым могут быстро съехать бронемашины и грузовики с оборудованием, и штаб быстро переместится аки посуху независимо от бронепоезда. Каковой в случае необходимости и вероятной близости может организовать огневое прикрытие, как от воздушных, так и наземных атак. Рота охраны опять же.

Устраиваемся в штабном вагоне. Узел связи на соседней платформе, прямо в машине. Мобильность прежде всего. Чем больше здесь нахожусь, тем больше нравится идея штабного бронепоезда. Хотя чего я? Ведь и сам, бывает, в бронепоездах езжу. А там, где я, там и КП фронта.

— Чего ты такой смурной, Семёныч?

Оказывается, та же беда, что у всех, вынужденное отступление настроение снижает.

— Ты ж генерал, — взываю к разуму, — должен понимать. У тебя задача такая: довести немцев до Минска. При этом нанести ему максимальный урон. При минимальных потерях.

— Потери... — вздыхает Никитин, — рота в день. Это если спокойно. А то ж и по две.

— Если при этом немцы теряют по четыре роты, то всё правильно. Соотношение потерь два к одному в нашу пользу меня устроит.

— Так оно... — хмурость с его лица не исчезает, но слегка просветляется, — людей своих жалко...

17 августа, воскресенье, время 09:20.

Участок обороны 210-й моторизованной дивизии (20-ый мехкорпус)

Лейтенант Беляков, командир дежурного взвода.

Артобстрел непосредственно по позициям, где находишься, жуткая вещь. Интересно, чей хуже, наш или немецкий. Мы же в долгу не остаёмся. И если фашистская сволочь выдерживает наши обстрелы, то выдержим и мы ихние. Первый раз, что ли? Вовсе нет. Второй.

Забился в нишу спиной к противнику, но поворачиваться тылами к окопам ещё хуже. Туда, бывает, снаряды залетают, и какой-то древний инстинкт не позволяет отворачиваться от непосредственной угрозы.

Как только мы применили новую тактику, потери сразу уменьшились. Это когда дойчи накрывали позиции сплошной пеленой огня. Выживала, в лучшем случае, половина. Мы стали оставлять вместо роты взвод. Остальная рота бдительно следит метрах сзади в ста и дальше. Пулемётчики и снайперы на скрытых позициях. Но пулемётчики стреляют только в крайнем случае, потому что хитромудрые дойчи придумали новый способ нас прижучить. Они стали подбираться к позициям метров за сто, когда артподготовка ещё ведётся. Затем резкий бросок вперёд, — счёт буквально на секунды, — метров на шестьдесят — семьдесят, когда расстояние до нас на бросок гранаты.

Несколько раз у них так получилось. Конечно, мы в ответ накрывали их огнём, но тут вступают в дело особенности контрбатареинной борьбы, в которой дойчи, — ржавый серп им в задницу, — сильнее наших артиллеристов.

Сейчас мы приспособились. Перед самым броском, когда дойчи* уже подбираются совсем близко, крупный калибр замолкает. Бьют только лёгкие миномёты. Это означает, что

мне надо подавать команду «Внимание! Приготовиться» и эфки уже можно кидать, у них разлёт осколков до двухсот метров.

Все эти мысли мне нужны, как хоть какая-то броня от мандража, с которым еле справляюсь. У, с-сука... непроизвольно трясусь головой, уши будто ватой забивает от близкого разрыва. По каске шуршат песчинки и комочки грунта. И толчок в спину. По его силе определяю 75-миллиметровый калибр. Значит, пока никого близко нет. Иначе своих съёс бы.

Вот грохнуло совсем близко, мина в окоп угодила. Ударило по ушам и хлестануло веером осколков по деревянному щиту. Ячейки ими прикрываются. Подозреваю, не выручит, если снаряд прямо за ним рванёт, но от касательных осколков спасает.

Это мина. А снаряды? Прислушиваюсь. Снарядами уже не кидаются, значит, пора. Преодолевая рывком внутренний барьер, внутренне выходя на уровень особой свободы, отбрасываю щит пинком. Высовываюсь в окоп, ору:

— Рота! Приготовиться!!!

Руки работают сами по себе, мандраж волшебным образом превращается в кураж. ППШ наизготовку, тряпку со ствола (для предохранения от грязи) — долой, в руке уже эфка и будь я проклят, если помню, когда вынул чеку.

Но это ещё не фокус, фокус мы сейчас изобразим. Ладонь раскрывается, внутри гранаты щёлкает, в ответ из груди рвётся дьявольское веселье. Двадцать один! С приседом и резким выпрямлением тела вверх и назад, чтобы не высунуться из окопа выбрасываю эфку вверх по круто навесной траектории. Двадцать два!

— Гефаэ! Гранате!

Ага, значит, вы уже здесь... Двадцать три!

Как и задумано, эфка с грозным хлопком распускает смертельный веер на высоте. Теперь ложитесь, не ложитесь, господа дойчи, каждый хапнет свою долю.

— Рота! К бою!!!

Кладу автомат в канавку в бруствере, в моём секторе трое-четверо. Один точно шевелится. Прицеливаюсь — короткая очередь — дойч дёргается — прыжок назад в общий ход и переход к другой точке. Они у нас через каждые пару метров. По покинутой позиции хлещут пули, вовремя ушёл. Уходить надо вовремя, как и приходить. Выбираю следующего, в момент стрельбы отмечаю, что не так уж их и много. Швыряю эфку, надо, чтобы они головы пригнули. Одновременно ору:

— Рота! В атаку! — и после взрыва:

— Вперёд!!! — выпрыгиваю сам, как чёртик из табакерки, и, не оглядываясь, знаю: все бойцы делают то же самое. Если живы.

Живы! Летит несколько эргэдешек, кто-то кричит «Ура», раздаются автоматные очереди. Дойчей натурально немного, всего в два-три раза больше нас, не меньше трети полегло. Нам легко их бить, стоя лучше видно их всех, возящихся на изрытом снарядами поле.

Всё заучено до автоматизма. Первые (командир всегда первый) поливают из автоматов, вторые делают бросок и садятся на колени или ложатся, перехватывая эстафету стрельбы. Теперь мы! Бросок вперёд! Лучше зигзагами. И вот мы уже вплотную. Осталось добить оставшихся. Они тоже стреляют, пара моих ребят остаются на неподвижной огневой позиции.

Немецкая и наша артиллерии молчат. Дают нам разобраться по-свойски. И потом не

будут, раненых мы не добиваем. Обычно.

— Граната!

Прыгаю в сторону, вжимаюсь в землю, но разрыв слишком близко... бам-м-м!

— Очнулись, товарищ лейтенант? — на меня смотрит знакомое лицо, мир вокруг слегка раскачивается. Жив? Жив. Меня несут на носилках. Дойчи не стреляют, мы — тоже. Попробовали они как-то. Тогда нам приказали сделать то же самое, добить раненых, оставшихся на поле. Мы отказались, — я отказался, а за мной и вся рота, — и почему-то наказывать нас не стали. Ударили по полю тяжёлыми миномётами и перемешали всех в одну кучу, и живых и мёртвых. Потом, как мне рассказывали, особый отдел отправил одного пленного с сообщением дойчам: будут наших раненых добивать — ответим тем же. Так цивилизованность диких русских варваров победила первобытное зверство высококультурной европейской нации.

Сейчас дойчи спокойно относят с поля своих, раненых в первую очередь, убитых — во вторую. То же самое делаем мы, спокойно уносим своих. Вот и я получил свою долю, меня уносят. Но вроде целенького, голова только болит, а руки-ноги на месте.

19 августа, вторник, время 11:10.

Бронепоезд с КП 13-ой армии.

Генерал Павлов.

Никитин заканчивает рассказ. Повествование со всеми результатами в численном виде. Цифры бьют под дых, почти тридцать тысяч общие потери с начала наступления немцев. Тысяч пятнадцать, получивших ранения лёгкой и средней тяжести, вернутся. Но если бы я не ротировал его войска, от 20-го мехкорпуса (фактически моторизованного) и 2 стрелкового корпуса мало что осталось бы. Пять дивизий, это примерно пятьдесят тысяч личный состав. 24-ую дивизию из 21-ого стрелкового корпуса подтянули к Молодечно, как резерв.

— Это мясорубка какая-то, Грыгорич!

— Взаимная мясорубка, согласись.

Никитин вздыхает. Подбадриваю его, а сам знаю: хоть все пять дивизий лягут под дёрн, я на это пойду. Потому что знаю, фрицев ляжет в два раза больше. Семёныч переживает и, пожалуй, это правильно. Не знаю, как бы к нему относился, если бы он хладнокровно кровопускания из своей армии воспринимал. Лишь бы не мешало выполнять боевую задачу.

— А танки ты как потерял? — мой вопрос нагоняет ещё одну тучу на его лицо.

Докладывает. Устроил при отступлении танковую засаду, чтобы ударить во фланг и перемолоть передовые части. Немцы обнаружили, причём почти случайно, обстреляли невинную с виду рожицу и сорвали маскировку. Десять танков Т-34 — долой.

— Штуки четыре отремонтируем, — грустно обещает Никитин.

Меня это не особо огорчает. Семёныч не осознаёт, и я обращаю его внимание, что немцы редко стали использовать танки для взлома обороны. Работают артиллерией и пехотой при активной поддержке авиации.

Решили стянуть все резервы к Молодечно: 29-ую моторизованную из Белостока (6-ой мехкорпус), 24-ую стрелковую дивизию и 155-ую дивизию из Барановичей. Моему дубль-центру сил достаточно, там ещё корпус вокруг стоит.

— 209-ую мотодивизию ещё подтяну, — решает Никитин. Имеет право, 17-ый мехкорпус я ему тоже отдал.

— Танковые не трогай, они при обороне почти бесполезны.

— Наступать не будэм?! — в глазах Семёныча разочарование.

— Большого наступления на твоём участке в ближайшее время не предвидится, — окончательно огорчаю генерала, — а на локальные операции у тебя танков хватит. Вместо подбитых новые подбросим.

Наступать на крупные силы это, конечно, грутально и горячит кровь, однако отвагу лучше проявлять отдельно от слабоумия. Бить надо в слабые места, поэтому вильнюсское направление для нас закрыто.

Обсуждаем перспективы.

— У Молодечно устроим свалку, стенка на стенку, — предлагаю, а Семёныч молча кивает, — проверим проклятых фашистов на прочность по-серьёзному. Потянешь командование такой группой войск?

Семёныч, чуть подумав, опять кивает.

Возражений не предвидел, их и не было. В районе Молодечно начинается зона густых оборонительных линий, которые понастроили во время обучения ещё до войны и в самом начале. Там и сейчас обучение ведётся. Кстати, давно не заглядывал, надо этот пробел заполнить.

В этой зоне фрицам воевать, как бегать со спутанными ногами. Вправо, влево? Болота. Что? Высохли? Так мы их размочим, делов-то!

— Ещё кое-что придумал, тебе понравится, — растолковываю идею, Семёныч светлеет лицом. Сам не знаю, получится или нет, но попытка — не пытка, как говорит мой бывший друг товарищ Берия.

— А теперь собери мне командиров всех уровней, до которых можешь дотянуться в течение часа. Мне с ними поговорить надо...

Два часа спустя.

Едем обратно в Минск. Через минские учебные оборонительные линии, которые скоро станут боевыми. Поговорил с ребятами, успокоил. Сказал то же самое, что и раненым. Насколько могу судить — прониклись. Прониклись и успокоились.

20 августа, среда, время 19:40.

Минск, железнодорожный вокзал.

Улыбаюсь, хотя настроение грустное. Ноблесс облич — положение обязывает. При народе командующему унылое выражение лица не положено. Поэтому улыбаюсь.

Первый эвакуационный состав отправляется через полчаса. В ухо дышит неотлипающая от меня Ада, напротив вздыхает Шура, рядом топчутся Борька и Яков. На самом деле эшелон не первый. Советские и партийные органы уже отправили первую партию архивов в Смоленск. Но если не считать грузовые, то это первый.

Слегка хрипя, динамик приятным женским голосом услаждает наш слух «Катюшей».

— Погодка-то не очень, — слегка кривится Борька, — прямо к месту.

Небо действительно затянуто тучами, но дождь никак не соберётся.

— Глупый ты, — Адочка немедленно ретранслирует мои слова, что я ей на ушко шепнул, Борьке, сопровождая их высунутым языком, — а ещё сын генерала. Погода замечательная! А почему, как думаешь?

Сын задумывается, Яков улыбается и не вмешивается. Незаметно подсказываю дочке правильный ответ.

— Погода нелётная, бестолковый! — радостно выпаливает Ада и снова показывает язык. — Поезд бомбить не будут!

Борьке стыдно, что он сразу не догадался, Яков улыбается и молчит.

— Вас и так не будут бомбить, — бурчит сын, — вон зенитные бронев вагоны стоят. Хорошие хоть зенитчики, пап?

— Конечно, хорошие. Самые лучшие, — утыкаюсь носом в пушистую детскую голову. — Неужто ты думаешь, что я доверю кому попало охрану дочки?

Рядом толкуются другие командиры. Моих штабных почти нет, только полковника Виноградова заметил. Многие уже вывезли, я же располовинил штаб, частично мои люди безвылазно работают в Барановичах. Васильев уже перевёз туда семью, он там чаще бывает, чем в Минске. Михайлин переправил своих в Гомель, у него там главная база.

Злые языки могут вякнуть, что де генерал Павлов организовал для эвакуации своей семьи и семей больших начальников литерный состав по высшему разряду. Злоупотребление своим положением, то, сё... Вякнуть могут. Чтобы затем засунуть свои языки в глубокое тыловое место. ВСЕ составы с детьми идут под высшей литерой. Семьи комсостава, партийных работников и политруков всех уровней, тоже идут под этой литерой и с лучшей охраной. Даже составы с пополнением, вооружениями и боеприпасами идут на ступеньку ниже.

— Пап, а пойдём, посмотрим на зенитки, — просит Ада, и отказать ей невозможно.

— Только не долго, — беспокоится Шура. Парни оживляются, хоть какое-то движение. Молодёжь мужского пола долгих прощаний не любит. Тоже не люблю, но и расставаться не хочется.

Когда подходим к голове поезда, — провожающего и отъезжающего народа не так чтобы много, и все уступают дорогу, — видим картину, которой пока никто не написал. Весёлое прощание славянок со славянами. Зенитчики, ясен пень, все бравые ребята, частично передислоцировались на перрон, частично сидят, свесив ножки на крыше и бортах платформы. А как же? Рядом группа девиц, штук шесть, не старше восемнадцати на мой неискущённый в этом времени взгляд. Девчонки смотрят с любопытством, которое становится жгучим, когда бойцы встают по стойке смирно после команды сержанта.

— Вольно, — бурчу не слишком радостно. Обстановку воспринимаю, как двусмысленную. В узком кругу своих подчинённых я совсем не уставник. И здесь в чисто гражданской ситуации, — провожаю семью в дальний путь, — строевая подготовка душу не греет.

— Общайтесь с девушками, бойцы. Это приказ, — и отхожу чуть в сторону.

— Вот, Адочка, твоя зенитно-пушечная вооружённая охрана. Гляди.

— А можно туда? — дочка показывает пальчиком, вовнутрь ей хочется.

— Тебе нет. Женщинам на военные объекты вход воспрещён.

Дочку так веселит слово «женщинам», что она не огорчается запрету.

— А нам? — встречает Борька. Яков поддерживает его взглядом.

— Если командир батареи разрешит...

— Я за него, — сержант встаёт навтыяжку, — наш лейтенант бумаги какие-то оформляет. Если вы, как командующий, не против, то и я не возражаю.

— Перекладываешь ответственность? — укоряю сержанта. — Ладно, я — не против. Они пока ополченцы, но знакомить их с разного вида вооружениями мы обязаны. Вперёд!

Мои парни мгновенно исчезают в бронированном вагоне с сержантом. Ада завистливо провожает их взглядом. Минут через десять с трудом выковыриваю их из вагона. Идём обратно.

— Борис, подставляй плечо, пусть она на тебе покатается напоследок, — Борька

вздыхает, но покоряется. Зато Адочка протестует против замены скакуна.

— Ада, Боря остаётся, он воевать будет, а ты ему в такой малости отказываешь, — после моего упрёка Адочка даёт Борису себя пересадить.

Шура с трудом отлипает от меня, когда паровоз даёт гудок. Вместе с остальными пассажирами мои заходят в вагон, мы встаём под окнами. Шура слёзы утирает, Ада с неё пример не берёт, не плачет, настоящая дочь генерала.

Идём вслед за поездом, машем рукой напоследок. У-ф-ф-ф! Уехали. Как гора с плеч. Непонятное чувство облегчения испытываю.

— Ну, что, парни? Как говорил один остряк, нет такого семьянина, который не мечтал бы хоть изредка побыть холостяком? — подмигиваю.

— Па-а-а-п... — укоризненно смотрит Борис.

— Спроси вон у тех девчонок, что они делают сегодня вечером? — снова подмигиваю и киваю на стайку девушек чуть в стороне. Гусар я или кто?

Борис цепенеет, Яков хохочет.

19 августа, вторник, время 17:45.

Оборонительные линии юго-восточнее Молодечно.

Генерал Павлов.

Ту-дум-м-м! Бл...! Макет гранаты, — обычный булыжник, обмотанный тряпкой, — после подскока бьёт меня по голове. Вот, сука! Хорошо, что на мне каска, но могло и ключицу сломать. Случаи травматизма на учениях не редкость.

Поднимаю голову. Редкая цепочка обороняющихся уже рядом, а «выстрелить» я не успел. Кряхтя, поднимаюсь.

— Вы «убить», товарищ генерал армии, — ко мне подходит лейтенант, командир обороняющегося взвода.

На мне рабочая форма без опознавательных знаков, но меня в лицо все знают.

— Блядский высер, без тебя знаю...

— Все остальные тоже, товарищ генерал армии...

— С-сука! — ругаюсь вдогонку своим не самым приятным ощущениям, давно так не прыгал по полю и перехожу на нормальный тон. — Доклад принят, лейтенант.

Ковыляю к окопам, надо подводить итоги учебного боя. Мы отрабатываем тактику с учётом последних придумок фрицев, чтоб им на голову корова насрала. Против профессионализма можно выставить только профессионализм более высокого уровня. Не, конечно, можно щедро насыпать энтузиазма, патриотизма и фанатизма. Также сойдёт. Только второй рецепт не обходится без обязательного ингредиента: фанатизм надо изрядно разбавить кровью наших бойцов. А вот эту составляющую считаю самой огромной ценностью.

Проверив одну роту, долго материл капитана, командира роты. Прекратил только тогда, когда выяснил, что он у нас недавно, прибыл из запаса. Хм-м, оказывается, у меня и такие есть.

На второго уже не надеялся, хотя он из моего призыва. Но нет. Видит бог... то есть, ВКП(б), мы старались изо всех сил с соседней ротой. Бежали зигзагами, рывками. Ничего не получилось, оборона вовремя бросила гранаты. Как положено, по навесной траектории, согласно концепции противодействия последним директивам немецких полевых штабов.

Каждое правильное действие обороны приводит к потерям наступающих. Кинжальная контратака вблизи, — официально принятый и утверждённый командованием, то есть,

мной, термин, — рискованна, но имеет ряд плюсов.

1. Бросок гранаты из положения стоя получается дальше. Поэтому мои бойцы, и так до предела тренированные, закинут дальше, чем залёгшие немцы.

2. Обзор лучше. Дистанция близкая, а красноармейцев первой линии, нацеленных именно на эту тактику, вооружаем автоматами.

Есть минус. Стоящие в полный рост — хорошая цель для вражеского огня. Приходится принимать этот риск, потому что альтернатива — полное поражение. Слишком близко подошедшие фрицы тут же забрасывают окопы гранатами, и нашим приходит хана.

Поиграть и при таких условиях можно. Стрелять с колена, передвигаться зигзагами.

— Санитарные потери при такой тактике ожидаются в пятьдесят процентов с учётом потерь от предварительного артогня высокой плотности, — говорю внимательно слушающим меня бойцам и командирам. — Выгодный обмен. Посмотрим, долго ли фрицы выдержат условия, когда за одного нашего павшего будут платить двумя-тремя убитыми.

— Каждый выдержавший такой бой боец, считая раненых и убитых, достоин медали «За отвагу». Успешный бой, конечно. Запиши, Саш, — поворачиваюсь к адъютанту, приказ надо готовить, — и за пять успешных боёв, если не было других наград, буду представлять на орден Ленина. Или Красного Знамени.

— С целью облегчения занятий и формулировок в приказах, приказываю называть этот метод ведения боя «кинжальной контратакой». Тоже запиши, — вопросы терминологии многие недооценивают, а зря. Коротким словом, пусть словосочетанием, обозначается сложный процесс, требующий множества навыков и состоящий из ряда отдельных коллективных действий.

— Теперь по итогам проверки. Первое: лейтенанта Панченко представить к следующему званию. Капитану Ефремову устный выговор.

— Второе. Провести инспекцию всего учебного полка на предмет владения тактики ближнего боя, кинжальной контратаки и всех сопутствующих умений. Меткость стрельбы, дальность и меткость броска гранаты и так далее. Главным инспектором назначить старшего лейтенанта Панченко. Командиру полка организовать работу инспекции и принять меры по её итогам.

Мы на воздухе сидим, хоть и под масксетью. В низинке — военный народ, моё высокопревосходительство, адъютант и командование полка на пригорочке. Гляжу на часы вслед за комполка.

— Что, время ужинать? Тогда все свободны.

— Встать! Смирно! Вольно! Строиться повзводно в колонну по три!

Мы сваливаем, за нами раздаются следующие команды, затем мерный шаг пары сотен бойцов.

— Не слишком ли мы размахнулись, товарищ генерал армии, — осторожно спрашивает за ужином комполка, майор Середа, — за один бой медаль давать?

— Почему нет? Если каждый уничтожит по два-три фашиста за один раз, — потом подмигиваю майору. — Страна с радостью заплатит одной медалью за жизнь трёх фашистов. Не самая высокая цена.

Мы остались поужинать. Кстати, не так это просто, надо заранее говорить. Со мной ведь рота охраны, — их тоже заставил потренироваться, — два-три человека батальон не объедят, а вот рота... Ну, на такие случаи интенданты всегда резерв держат. И тоже ещё одна проверка. Не такая простая, потому что фокусы кашеваров прекрасно знаю. Мы берём себе

порции, но не притрагиваемся к ним, а меняемся со случайно выбранными красноармейцами. Так что погуше и с лучшими кусками нам наваливать бесполезно.

Единственная привилегия, от которой не отказываюсь, в том, что мы за столом сидим. Не вижу ничего предосудительного, мы, в конце концов, гости. Так что пара лейтенантов уступили нам с Сашей место. Остальные прямо так, на травке.

15 августа, пятница, время 21:40.

Неприметный лесок в десятке км севернее Пабраде.

Старший лейтенант Никоненко.

— Вы меня не расстреляете? — дойч-связист мужественно прячет страх, даже голос не дрожит. Но боится, это видно. Первый раз, что ли я на них смотрю?

— А надо? — это я шучу так. Парнишке повезло, мне раненого надо эвакуировать, а в У-2 или трофейный штормх двое в качестве груза запросто влезают. Если приспичит, то и троих можно впихнуть. У меня, вообще-то, двое раненых, не удержался в самом начале, пощипал ту колонну и мы быстро и с комфортом уехали на немецком транспорте.

Правда, избавляться от них та ещё тягомотина. Но привычная. По паре самых шустрых на машину, они их отгоняют подальше, бросают, и на своих двоих в точку сбора. Так мы здесь и оказались. И можно приступать к выполнению боевой задачи. Нонче она одна — разведка. Диверсантствовать нам запретили. Чтоб шума было поменьше.

Когда мы раскулачивали дойчей, пришлось пострелять. Потому бойца с серьёзным ранением отправляю в тыл, а легкораненый побеждает ещё.

Связист — всегда желанный язык. Много чего связисты знают. Лучше только штабные офицеры и фельджандармерия. И брать связистов довольно просто, если линию связи обнаружил. Мы сымитировали взрыв гранаты... ну, как сымитировали? Гранату и взорвали. После ждём гостей, дожидаемся, когда они восстановят связь, принимаем их и быстро уходим. Двоих пристрелили, за оружие успели схватиться, один руки поднял. А нам больше не надо.

Интересненькие вещи паренёк с банальным именем Карл Миллер нам поведал. Линия идёт от полка дивизии, которая под Гудерианом. Все основные данные пишу в сопроводительную записку.

— Герр... — Карлуша запинается, опознавательных знаков на моём масккостюме нет.

— Обер-лейтенант, — милостиво сообщаю пленному.

— Герр обер-лейтенант, — торопится рыже-конопатый худощавый дойч, — я у мамы один...

— Ты что, дурак совсем? — искренне удивляюсь. Не первый раз это слышу и каждый раз удивляюсь.

— Ты на войну пошёл, какая тебе нахрен мутер? Для тебя новость, что на войне могут убить?

Сжаливаюсь всё-таки над съёжившимся фрицем, то есть, Карлом. Фамильярно хлопаю его по плечу.

— Не переживай. Может ты и погибнешь. Но не от моей руки, это точно. Отправлю тебя за линию фронта. Только ты мне должен пообещать, — грожу пальцем воспрянувшему дойчу, — что расскажешь там всё, что знаешь.

Есть ещё причины, чтобы переправить его к нашим. Мне некогда вести с ним многочасовые беседы, по крупницам вытаскивая ценные сведения. Надо знать, какие вопросы задавать. Ну, показал он на карте, где находится штаб 446-го пехотного полка 134-ой

пехотной дивизии. Это я могу спросить. И под чьим командованием дивизия, тоже могу узнать. Ну, входят они в группу войск Гудериана, — здесь, кстати, я сделал стойку, — и всё остальное могу спросить.

Спросить могу. А как такой объём передать? Радист целый час будет, как дятел, морзянкой чесать. За этот час нас быстренько окружают, и уже все мы станем кандидатами в языки. Нет уж! Штабным косточку лучше кинуть, Карлуша второй год воюет, много чего знает. Не зря он обер-ефрейтор.

— Сёма! — выкликаю радиста. — Запроси с той стороны срочную эвакуацию. Для раненого и языка-связиста.

Ночью, на полянке за три километра от места пленения обер-ефрейтора Миллера, загорается шесть костерков. К которым через десять минут приближается сверху негромкое тарыхтение. Сигнальщик чертит фонариком знаки. Световой пароль. И через пару минут на поле садится У-2. Извозчик прибыл.

Замечательно. Провожаем самолёт уже через четверть часа после посадки. Приказ мне дали несколько расплывчатый, но всё-таки мы его начинаем выполнять. Собрать как можно больше информации о соединениях дойчей в районе Вильнюса. Особливо за аэродромы. Мы в стороне от Вильнюса, и про авиачасти Карлуша не в курсе, но добытые сведения вовсе не бесполезные.

А теперь ходу отсюда. Убитых связистов мы там прикопали в сторонке, так что сразу место их гибели не найдут, линия длинная. Поэтому время у нас есть, что это вовсе не значит, будто мы можем его попусту терять.

21 августа, четверг, время 10:10.

Минск, штаб Западного фронта. Узел связи.

— Константиныч, ты с дуба рухнул? Куда твоя крыша отъехала? Ты зачем это сделал?

Не то, чтобы я сильно огорчился, но он натурально меня потряс.

— Подожди, подожди... ты понимаешь, что тебе надо растягивать свои силы, а у меня резервы все расписаны?

— У меня достаточно сил, Дмитрий Григорич, — Рокоссовский говорит спокойно и уверенно. — К тем войскам, что были со мной, добавилось ещё сорок тысяч. Я посчитал, что у меня получается избыточная плотность войск, и вы сами говорили, что Полесье надо прибрать к рукам целиком.

Сорок тысяч! Откуда столько? Константиныч рассказал про добровольцев, которых он набирает из местных, про окруженцев, продолжающих прибывать.

— Цанава ещё пограничников принял. Несколько сотен.

— Тебе ж обеспечивать придётся гражданских как-то...

— Мы три трофейных эшелона попутно взяли.

На всё у него ответ есть!

— У меня к вам только одна просьба. Мне восемь тысяч пленных некуда девать. Не заберёте?

— Заберу, конечно. Уборочная на носу, — ворчу, но это для вида. Оба это понимаем.

— Озадачу штаб. Они доведут до тебя график подачи эшелонов...

— У меня и свои есть.

— Договоритесь. Но если срочно, то давай через сутки первый эшелон отправляй. Только охрана твоя. А там разберёмся с графиком на ходу... всё у тебя?

Прощаемся. Кладу трубку, выхожу из комнаты, потирая лоб. Надо же, Житомир

захватил. Что ж теперь делать, не отдавать же обратно, ха-ха-ха! Мало у меня забот, так приобрёл городок. И пленных. А зачем мне голову ломать, пусть Пономаренко думает, куда их лучше пристроить. И у него проблем с этим нет. Колхозы в драку за военнопленных кидаются, рабочие руки всем нужны.

Примечание от автора

Среди военной молодёжи младших командиров под влиянием всеобуча по немецкому языку распространяется пронемецкий сленг. В реальной истории такого не было. Немцев все называли фрицами, а молодые лейтенанты «павловского призыва» дойчами.

Окончание главы 5.

20 августа, среда, время 20:25.

Минск, железнодорожный вокзал.

— Товарищ генерал армии! — уверенный голос прерывает наш полусемейный междусобойчик. Повезло Борьке, отвлекают от постановки ему боевой задачи познакомиться с девушками. Или не повезло?

Моё внимание занимает Богданов Иван Александрович. Услужливая, хотя большей частью смутная, память Кирилла Арсеньевича подсовывает обрывочные данные. Погранохрану организовал на высоком уровне, это я уже сам видел. После катастрофического поражения ЗапВО служил на больших должностях уровня армии и даже фронта...

— Товарищ генерал, вы мне кое-что обещали, но до сих пор...

Копаясь в памяти, чего это я ему обещал? Что-то невнятное, мол, подыщу работу, большую и пыльную. И что-то даже имел тогда в виду, но что, вспоминать бесполезно. За давностью времени.

— А Цанаве вы что, не нужны?

— Вакансий моего уровня нет, — жалуется генерал, — не ротным же мне идти.

Молодёжь от меня деликатно отстаёт и... о-о-о-у! Борька с Яковым всё-таки зацепились языками с девчонками. Ожидаю, когда сын посмотрит в мою сторону, украдкой показываю пятерню — у тебя пять минут. Так же незаметно Борька отрицательно дёргает головой.

Ругаться нет ни смысла, ни причин. Подъедет домой своим ходом, не маленький.

— Поехали, Иван Саныч, — мы садимся в броневтомобиль.

Кажется, у меня есть идея, надо подробно обсудить.

20 августа, среда, время 21:50.

Минск, квартира генерала Павлова.

— Вроде всё так, Иван Саныч, — меня гложат сомнения, — но чего-то важного, какой-то изюминки не хватает.

— А какая у вас изюминка была, Дмитрий Григорич? — Богданов само внимание.

Почти час обсуждаем его новое назначение. С самим назначением никаких проблем. Будет начальником боевой подготовки СевЗапфронта. На правах заместителя командующего фронтом. А вот как выстроить систему боевой подготовки, большой вопрос. Мою можно использовать только ограниченно, она проводилась в мирное время, а с началом войны трансформировалась естественным образом. Были подготовленные кадры, инфраструктура, наработки. Как лучше поставить дело с нуля в военное время мы не знаем.

Богданов уже предложил, — всеми руками за, — заметно улучшать снабжение и вооружение частей, прошедших аттестацию. Например, менять мосинки на СВТ, давать один лёгкий пулемёт на отделение и дополнительный паёк. Лучше из трофейных продуктов, — это я уже добавил. Тупо деньгами премировать можно.

— Изюминка у меня была простая, но в условиях войны не применима. Части как бы «воевали» между собой. Постоянно маневрировали, пытались взять «языка», добраться и условно уничтожить стратегические объекты. Пилоты следили за ними сверху, отрабатывая методику авиаразведки. Если кого-то замечали, им плюс, замеченным минус...

Объясняю, а сам всё думаю.

— Если кратко, то изюминка была в том, что все соревновались, «воевали» каждый с каждым. Диверсанты «брали языков», НКВД «ловило» диверсантов, — и-э-х-х, было времечко! — все были при деле.

Богданов меня удивил. Вот честно, удивил. Взял и несколькими фразами снял все мои сомнения.

— Не ожидал, что назначение тебя станет таким удачным. Не обижайся, но я по факту считал, что кота в мешке покупаю.

Хлопает входная дверь, раздаются весёлые голоса. Кажется, у Борьки всё на ять.

21 августа, четверг, время 09:15.

Минск, штаб Западного фронта.

С утра отдал проекты приказов, теперь подписываю и отдаю в работу.

Приказ № 1128 от 21 августа 1941 года

Командиру диверсионной роты 48-го полка 6-ой кавалерийской дивизии старшему лейтенанту Фирсову А.С. присвоить очередное воинское звание — капитан.

Командующий Западным фронтом _____ /генерал армии Павлов

Приказ № 1129 от 21 августа 1941 года

1. Генерал-лейтенанта Богданова И.А., находящегося в резерве штаба Западного фронта командировать в штаб Северо-Западного фронта на должность начальника боевой подготовки на основе запроса командования Северо-Западного фронта.

2. Поручить г-л Богданову сформировать и командировать вместе с ним в штаб Северо-Западного фронта группу инспекторов боевого обучения.

Ответственных за подготовку:

1) диверсионно-разведывательных подразделений;

2) зенитных расчётов;

3) артиллерийской разведки;

4) личного состава пехотных подразделений, включая командиров до уровня батальона;

5) подразделений связи.

3. В штабе Северо-Западного фронта г-л Богданову организовать службу комплексной разведки на основе:

1) сети постов ВНОС;

2) авиаразведки;

3) войсковой разведки;

4) артиллерийской разведки;

5) агентурной разведки.

Командующий Западным фронтом _____ /генерал армии Павлов

На словах пояснил Богданову, что ему обязательно надо взять капитана Фирсова с парочкой его лучших сержантов. Молодец он (Богданов).

— Дмитрий Григорич, вы же сами сказали, что немцы — наши учителя, — говорил мне Иван Саньч вчера. — Пусть они и принимают экзамен, мы лишь оценивать будем. Очень просто: успешно провели боевую операцию — экзамен сдан. Провалились — делайте выводы, учитесь дальше.

Поулыбался я тогда так, что Богданов стал глаза отводить. Признаю, иногда ухмылка моя становится особо гадкой. Мотивация на крови, что может быть сильнее. Плохо учился? Сложишь голову в первом же бою.

— Командиров, допустивших крупные промахи, без разговоров понижать в звании и

должности. Особо отличившихся — в штрафбат, — после этих слов Богданов смутился, а я заулыбался.

Так закончились наши совещательные посиделки. В полночь генерал ушёл, он не так далеко живёт.

Там же. Время 11:00

После слегка вынесшего меня из колеи разговора с Рокоссовским сажусь править карты. Этот «К в квадрате» далеко пойдёт. Пришлось даже усилие приложить, чтобы придавить гидру генеральской ревности. Как бы он меня не переплюнул, — такие мысли пришлось душить.

Пусть переплёвывает. Будет кому Юго-Западным фронтом командовать.

Карта боевых действий на севере.

Не отмечен ещё 3 мехкорпус, который профукал Кузнецов, а мы восстанавливаем его в составе 11-ой армии.

В Смоленске формируется 24-ая ударная армия. В её составе комплектуются новобранцами и выпускниками военных училищ 31-ый моторизованный корпус из трёх дивизий: 241-ая, 242-ая и 243-я моторизованные дивизии. Сорок трофейных танков им уже передали. Добавить бронемашин, ЗСУ и есть танковый батальон из трофейной техники. На мотодивизию достаточно. У немцев в танковой дивизии всего два танковых батальона, в которых 100–120 танков. Всё остальное — зенитчики, разведчики, сапёры, мотопехота, артиллерийские противотанкисты и прочее.

Командирский костяк 31-ого моторизованного корпуса составили политруки уровня до батальона. Это у меня моторизовано-политический корпус, ха-ха-ха... есть и обратная сторона: 10-ая, 3-я и 4-ая армии практически без политруков сейчас. И не решил пока, хорошо это или плохо. Собственно, другие армии тоже. Командиров жестокий дефицит, поэтому политруки младшего звена почти полным составом идут в пехоту взводными и ротными командирами.

Без обычных стрелковых дивизий нет армии. Поэтому в 24-ой армии создаётся 71-ый стрелковый корпус с дивизиями 244, 245, 246.

Номера дивизий в этих соединениях идут подряд, потому что они свеженькие, только что созданные.

Карта боевых действий на юге.

Рокоссовский забросил диверсантов, — мы только собираемся так диверсантов экзаменовывать, а он уже делает, — в тыл. Они захватили немецкий эшелон и тихо вошли в город с юга. С одной стороны. С другой Житомир атаковали подразделения с трофейными танками. Чтобы с толку сбить. Запутать немцев удалось, они подпустили колонну слишком близко. Дальше остаётся ударить по газам и ворваться в город. Но пять танков он потерял. И до батальона пехоты. Сказал, что три из пяти можно отремонтировать и отправил их в Гомель.

Сейчас Двойной К восстанавливает 27-й корпус, от которого осталось всего два боеспособных полка (предположительно — замечание автора, не нашёл подробных данных о судьбе этого корпуса).

Состав корпуса: 87-ая, 124-ая, 135-ая стрелковые дивизии.

Ещё немного и у моего Маркграфа будет полноценная армия. Цанава там ещё орудует со своей дивизией.

Окончание главы 6.

Примечания к главе.

Может показаться странным, что Павлов раздёргивает и ослабляет 10-ую армию. перебросил 6-ую и 36-ую кавдивизии, 29 мотодивизию. На самом деле, он стремится пропустить через реальные боевые действия наибольшее количество частей. Обстрелянное подразделение ценится намного выше необстрелянного. По окончании сражения за Минск Павлов планирует вернуть эти соединения в 10-ую армию. Естественно, они будут пополняться людьми и техникой.

Глава 7. Первым делом — самолёты

22 августа, пятница, время 14:05.

Филиал учебно-боевого авиацентра в Полесье, зона Рокоссовского.

Алексей Кондратьев, лётчик, курсант.

Редкая минута отдыха. Нет, я не жалею, что хотел, то и получил. Полной ложкой и по самую макушку. Настродался в полку, к которому приписан. Латвия, СевЗапфронт, аэродром близ Резекне. От полка осталось четыре самолёта, на ходу, но заштопанные. Вокруг каждого стоя голых до полётов лётчиков, пробиться зелёному новичку — глухой номер. Так что когда нас, молодых и не только, спешно отправили в Белоруссию, обрадовались все.

— Там хоть полетать дадут... — сказал кто-то из оптимистов.

— Кто его знает... — проныл кто-то из пессимистов.

— Если нас куда-то отправляют, значит, где-то там не хватает лётчиков, — припечатал веско умный я.

— Это центр обучения, — возразил пессимист.

— Лётчиков! — поднял палец я и заткнул нытика. Самый последний дурак понимает, что по-настоящему обучить лётчика можно только за штурвалом «живого» самолёта.

Как потом выяснилось, не совсем я был прав. Оказывается, многому лётчика можно и на земле обучить.

Это сейчас мы лежим на травке под деревьями после сытного обеда. В центре обучения личного времени хорошо, если час в сутки. Как-то смешно получается: пока учились, ни вздохнуть ни почесаться. А фактически на линии фронта живём, как люди. Суворов — гений военного дела, это же он сказал: тяжело в учении, легко в бою. Точно!

Дрючили нас так, что вспоминать страшно. Некоторых быстро отбраковали. Нет, списали не в пехоту, а в бомбардировщики. Что с ними ещё делать, если они от перегрузок чумеют? Центрифуга. С такими тренировками мы никогда не сталкивались. Раскручивали нас до восьми «же», хотя сами инструкторы утверждали, что больше четырёх-пяти ни один самолёт не выдержит, так что нефиг и пробовать такое в реальном бою.

— Зачем тогда? — немедленно прозвучал глупый вопрос, на который ответил я, опередив инструкторов. Разве я мог такой шанс упустить. Кого-то куснуть... да я спать потом не смогу!

— Балбес ты, — тыкнул пальцем ему в лоб, благо сидел недалеко, — а вдруг наши замечательные авиаинженеры выпустят самолёт, который десять «же» выдержит? Чо будешь делать? В танкисты пойдёшь?

Инструктор одобрил мои слова и подтвердил их.

— Всегда надо иметь запас. Во всём.

Сейчас мы тоже учимся. И одновременно воюем. У каждого — опытный ведущий. Их четверо и берут нас на задание по четверо. Учебно-боевая эскадрилья «чаек». Такое обучение мне нравится. Настолько, что в нас, в меня, так точно, зарождается какое-то дьявольское веселье. Спрошу у ребят, они тоже так думают?

— Ребята, а вам тоже смешно? Как и мне?

— Ты о чём? — на меня смотрят три пары глаз нашей учебно-боевой эскадрильи. Учебной её половины.

— Ну-у-у... как мы учимся? Летаем на полигоны, стреляем по учебным мишеням, так?

А сейчас что делаем? Сейчас мы будем использовать в качестве учебных мишеней живых фашистов.

Ржу. Меня веселят две вещи одновременно. Разве не смешно использовать немецкие колонны или боевые позиции в качестве учебных мишеней, за успешное поражение которых нам оценки ставят? Чуть ли не в школярские дневники. Лица моих товарищей, что не могли сами додуматься до элементарного, веселья добавляют.

— Миш, сам подумай, — обращаюсь к одному, который затеял письмо писать. — Собыёшь немецкий самолёт — тебе пятёрку поставят.

— Не понял, — хмурится Мишель, — в личное дело сбитый не запишут што ли?

— Ха-ха-ха... — если бы уже не валялся на траве, щас точно упал бы.

— Ой, не могу! — аж ногами сучу от восторга и не могу удержаться. — Конечно, нет. А если тебя собыют, то поставят двойку в журнал и спишут, как не сдавшего экзамен. Тяжело в учении — легко в бою.

Последней фразой ввожу Мишеля в полный и окончательный ступор. Почти воочию вижу, как его мозг выворачивается наизнанку в попытке понять непознаваемое. Остальные не такие тугоумные, как Миша, и начинают ржать. Может, подражают.

— Веселитесь? — раздаётся над нами голос капитана. Всем приходится вскакивать по моей команде «Смирно».

Капитан, наш славный временный комэск, отличается невероятной серьёзностью. Кажется, он даже смеяться умудряется, не смеясь. Не понимаю, как он так может? Вижу временами, что веселится от души, но при этом лицо неподвижное и глаза серьёзные.

— Это хорошо, но мало. Пойдёмте, по-настоящему похохочем, — вдохновляет нас на подвиги комэск.

Соврал малость. Потеха началась много позже.

Через полчаса. Настоящей потехи пока нет.

— Внимание! Смотрим во все стороны, ждём две жёлтые ракеты, — предупреждает голос серьёзного капитана Митрохина через наушники.

— Две жёлтые ракеты слева, — замечаю чуть раньше, но даю проявить себя и другим. Что, всё я, да я.

— Вираж влево в сторону ракет! — командует комэск. — Горку вниз! До ста метров! Резче, парни, резче.

Быстрое снижение — перегрузка наоборот. Вес не давит, напротив, исчезает. И содержимое внутренностей... куда?! А ну, назад!

А вот и родная перегрузка, когда выходим на горизонт. Перегрузочка родная и слабенькая, не то, что на центрифуге. Мы сейчас вроде и учимся, но уже на этапе «легко в бою».

Капитан на ходу вводит в курс дела. Зачем этот манёвр нужен. Садимся. Дозаправляемся и снова в небо. Класс!

Мы летим на высоте не больше километра. Комэск время от времени поднимается выше. Встреча с мессерами в наши планы не входит. Пока. По плану обучения у нас штурмовка. По учебным целям. Насколько понимаю, подкрадываемся к Тернополю с востока.

Пейзаж, состоящий из множества прямоугольных и не очень прямоугольных полей, напоминает разноцветную мозаику. И чем-то он меня царапает... оп-па! Мой ведущий вдруг начинает пересекать мне курс, берусь за ручку, восстанавливаю положение. Силуэт ведущего

должен неподвижно висеть в строго определённом месте лобового остекления. Слева, ближе кверху.

— Молодец, Чибис, не спишь... — отзывается ведущий.

Не сплю, не сплю и, слава небу, вроде формируется у меня рефлекс держаться за ведущим, как на привязи.

Будто толчок от манёвра испытал, доходит до меня, что не так с красивой мирной картинкой под крыльями. Мирная она, вот в чём дело! Территория занята немцами, но по виду ничего не изменилось! Так же цветут поля, и зреет урожай, время от времени вижу сельских жителей на телеге или пешком. Изредка показываются машины, мы их пропускаем. Хотя можно и со стрельбой из пулемётов поупражняться. Только это мы уже проходили.

— Вижу цель! — сообщает сверху комэск. — Доворот вправо на десять градусов! Не подниматься!

Капитан и сам «спускается», к нему подклеивается ведомый. Летим. Вглядываюсь вперёд, но не забываю озираться. Нас так учили: не будешь оглядываться — проживёшь весело и не долго.

Нашли! Видим эшелон, торопливо убегающий на запад. Мишень обнаружена.

— Атакуем попарно. Огонь открывают только ведомые. По мере готовности.

Элементарно! Нас ведь буквально за ручку водят. Повторяю манёвр с доворотом и лёгким снижением. Снижение нужно для прицеливания, после пуска ракет — делаем горочку.

Слева от первой пары срываются и уходят выше вагонов две огненные стрелы. Мазила! Чуть вздрагивает мой аппарат, протыкая воздух длинными светящимися иглами. Одна ракета взрывается на насыпи, а вторая... вроде попал по вагону. Но что-то не то... выворачиваю голову, пытаюсь рассмотреть. Почему-то вагон почти целый.

— Ты в окошко угодил, — хохочет мой ведущий, старлей Перепелица, — ракета за вагоном разорвалась.

Враки! Вторую стенку всё-таки разнёс. Заходим на повторную атаку. На этот раз первые двое, то есть, и я в том числе, целим по паровозу. И разносим его в клочья. Только одна ракета ушла мимо, и не моя!

Надо было сразу так делать. Сейчас нам остаётся только добить неподвижную цель. Что там, кстати? А всего понемногу. Вот один разгорающийся вагон начинает изображать из себя фейерверк. Боеприпасы. Другие просто горят. Ещё один начинает взрываться, за ним третий. Какие-то фрицевские пушки, танки и пулемёты останутся на голодном пайке.

Летим обратно. Но не сразу. Сначала на восток, через километр — на северо-запад. Путаем следы.

— Внимание! Мессеры! — предупреждает нас вечно серьёзный капитан. — Уходим на север.

— Может, встретим? — выполняю манёвр, но спросить не грех. А что? Их восемь, и нас столько же. Разберёмся.

— Это тема будущих уроков, — капитан берёт тон строгого учителя. — К тому же...

Уходить-то мы уходим, только фрицы решают по-своему. Засекают нас и пытаются догнать. Разворачиваемся, идём во встречную атаку, меня переполняет восторг. Пока далеко, но уже ловлю в прицел вражеский силуэт. Не судьба. Наши ведущие выпускают навстречу крылатым гансам ракеты, те прыскают в сторону. Мы — в другую.

Через несколько минут до меня и остальных доходит, чем мы занимались до своего

разбойного налёта. Отработкой манёвра ухода от преследования. Сверху самолёты имеют маскировочный окрас. Но лучше всего он срабатывает на фоне леса. Мы спокойненько идём в сторону родных осин, берёзок и дубов, а фрицам приходится противозенитно маневрировать. При резких изменениях курса, удержать нас в поле зрения практически невозможно. Мы теряемся на фоне леса. Идём на высоте ста метров. Они так не могут, снаряд в брюхо получают.

Две ракеты означают проход с прикрытием. Это как двери. Мы пролетаем, они закрываются. Небо над нами закрывают зенитки. От их огня мессеры шарахаются в сторону и теряют нас из вида. К моему разочарованию. Восторг, переполнивший душу, до сих пор не улёгся. Две мои огненные стрелы, воткнувшиеся во врага и рвущие его в клочья. Вот что побросило моё настроение до небес, в которых я сам уже находился. Одна моя ракета вспахала железный путь перед паровозом, другая ударила в его железный ряд колёс. Удачнее пальнул кто-то из товарищей, угодил в цистерну котла, главную часть паровоза. Но и мой вариант, как бы ещё не лучше. И тут нас лишают счастливой возможности увидеть горящий и дымящий мессер, настоящего и грозного враг. Печально, но со старшими не спорят. Только не в армии.

— Немцы быстро всё поняли, когда потеряли пару мессеров от зениток, — объясняет нам уже на аэродроме капитан. — Они тоже знают, что две ракеты обозначают близость зенитных позиций.

— Эдак мы можем пускать ракеты и без зениток, — тут же встречаю.

— Пока зениток хватает, — отмахивается капитан, — но если что, то можно и так.

— Ибо нехер! — заключаю под общий смех.

А чего нам не смеяться? Плюс пара часов боевого налёта — раз. Разгромленный эшелон в послужной список — два. Все целы и невредимы — три. Чтоб все хорошие люди так жили. Лётчики, прежде всего.

Ещё капитан расшифровывает, вернее, заканчивает объяснения, которые не успел дать перед стычкой с мессерами.

— Есть приказ генерала Павлова. По возможности, вступать в бой с мессерами, только имея численный перевес, — объясняет капитан. И рассказывает дальше.

Приказ, по его словам, редко когда имеет смысл. Немцы придерживаются того же правила. Нападают только при численном перевесе или при возможности внезапной атаки.

— Инициатива за ними, — говорит капитан, — у них скорость больше. Они могут нас догнать. Мы — нет. Но мы можем их подловить.

Как подлавливать мессеры, нам ответили после ужина. В кино показали.

Смотрим внимательно, впитывая в себя каждый кадр и каждое слово. Нас, лётчиков, тут два с половиной десятка, на две эскадрильи хватит. На самом деле в зале больше, зенитчикам тоже полезно смотреть, врага надо знать в лицо. Но пехотные и танковые тоже присутствуют. Наши инструкторы их пускают с железным условием, чтобы даже дышали неслышно. Нам можно шептаться, им — нет.

Сначала кинооператор обходит вокруг мессера на земле. То приближаясь, то удаляясь.

«Мессер», — говорит зрителям баритон, — «Основной истребитель люфтваффе, германских ВВС. Официальное обозначение в люфтваффе — Мессершмитт ВФ.109-Е. Кроме самой массовой модификации «Е», Эмиль, появляется модификация «F» — Фридрих...»

Спокойный, как на академических лекциях, голос рассказывает характеристики «Эмилей» и «Фридрихов». Грубо говоря, скорость «Эмилей» — 500, «Фридрихов» — 600. И

те и другие быстрее нас. Хотя эмильку Миг догонит.

А экране возникает чертёжная схема и некий батальонный комиссар тычет указкой в бензобак и другие части самолёта. Это мы уже знаем, вживую щупали. И без особых пояснений ясно, что самое лучшее бить по лётчику, по кабине. Давайте уж быстрее реальный бой!

Манёвры в воздухе начались через пять минут.

«Мессеры любят уходить от атаки по вертикали...» — на какое-то время комментатор замолкает, а на экране маневрируют мессеры, уклоняясь от атак ишачков, — «Излюбленный способ нападения со стороны солнца, с использованием фактора внезапности. Напасть открыто тоже могут, если есть численное преимущество...»

Враки! Сегодня нас восьмерых гоняло тоже восемь.

С лёгким гомоном из ставшего к концу фильма душным кинобарака. Пока светло, стемнеет через неполный час, поэтому вспыхивающие кое-где огоньки горящих спичек и тлеющих папирос режим светомаскировки не нарушают. Хотя за пару дней пребывания здесь ни разу над головой немецких самолётов не видел. Местные говорят, что фрицы боятся летать в нашей зоне. Неизвестно, какая роща выстрелит и какой ствол, торчащий в небо, окажется не осинкой, а зенитной пушкой.

В казарме, бараке земляного типа, прохожу мимо Мишеля. Опять он с письмом возится? Да он псих какой-то! Один шаг в его сторону, быстрое движение — конверт в руках! Что у нас тут? Кидаю взгляд на адрес: Полоцк, улица Зелёная 56? Фамилию не знаю, какая-то Захарова, имя обозначено только буквой «Л»... так-так...

— Отдай!!! — слышу вопль раненого бизона, пальцы не сжимаю и руку не убираю. Конверт вырывается из рук, отшатываюсь от толчка. За такую грубость Мишель будет наказан. Жестоко. Что-то давно у меня развлечений не было.

— Так-так-так, — подражаю пулемётной очереди.

Выхожу в общий проход между двумя рядами кроватей, упираю руки в бока. Глаза у парней вокруг светятся в предвкушении очередной репризы. Она сейчас будет. Знаю я эту «Л». Люба — симпатичная невысокая тёмнорусая девушка, с выдающимися в нужных местах спортивными достижениями.

15 августа, пятница, время 14:15

Полоцк, ж/д вокзал.

Лёха Кондратьев.

Стоим уже пять минут и никакого толка! Окно мы общими усилиями открыли, сижу, как бабушка в окошке, разглядываю перронную публику. Негустую, надо сказать. Неужто... о! Оглядываюсь назад, к друзьям.

— Парни, приготовились! — обстрел вопросительными взглядами и возгласами пропускаю мимо.

Четвёрка девушек, на которых нацеливаюсь, приближается. Чем ближе, тем сильнее уверенность, что девчонки стоящие. Когда до нашего окна им остаётся метра четыре, и уже ловлю их якобы случайные взгляды, отдаю команду. Я ж командир, какой-никакой.

— Девушки, стой! Раз-два! — не просто так команду отдаю, я не какой-то зелёный сержантишко. Девчонки произвольно шли в ногу, когда идут люди примерно одного роста с одинаковым шагом, само собой так получается. Команда «раз!» подаётся под шаг левой ноги, то есть, стройной девичьей ножки, «два!» — под правую, которую уже просто приставляют к левой. Нет. Девушки почти остановились, но строй нарушили и кто-то

забежал вперёд, кто-то отстал.

— Девушки, со строевой подготовкой у вас не очень... — выпрыгиваю из окна, парней зову за собой.

На перроне незамедлительно иду в атаку. Противник не должен иметь время прийти в себя. Быстрота и натиск — вот гарантия успеха при взятии любых крепостей.

— Сколько можно ждать!?! — мой голос преисполнен неподдельным возмущением. — Мы уже десять минут здесь стоим! Где вы ходите?!

Все девочки ошеломлены, — цель достигнута, — а одна из них, как впоследствии выяснилось, по имени Люба, растерянно спрашивает:

— А вы нас ждали?

— Конечно!!! — надо сделать максимально честные и серьёзные глаза. Оглядываюсь назад, щёлкаю пальцами.

— Паша (Соколов, — завидую, удачная фамилия для военного лётчика), быстро организуй списочек, — знаю, у него есть блокнотик. Ему положено, он наш комсорг.

Когда девушки опомнились и начали смеяться, мы уже всё них знали. Ну, как всё? Имена, фамилии и адреса. И когда там Мишель успел с Любой на одну волну встать, хоть убей, не заметил. Впрочем, мне Вилена глянулась, она постройнее будет...

— Танька, ты чего тут, зараза? — какая-то крепкая тётка, навьюченная чемоданами, баулами и сумками, на пороге возраста, когда их начинают окликать бабушками, нарушает наше общение. Одна из девушек, та самая Таня, должна была встретить свою тётку, приехавшую к родственникам.

Мы своих новых знакомых реабилитировали. Быстро и весело домчали весь груз на выход с вокзала. Там уже пришлось расстаться. Таня обязана тётушку препроводить до места дислокации, подруги её, — Вилена, Люба, Ира, — не хотят бросать. Да и нести много. Запасливая тётка. На нашего старшину в лётной школе похожа. Тот тоже ржавого гвоздя не выбросит.

Конец фрагмента воспоминаний Кондратьева.

Казарма лётчиков Полесского авиацентра.

— Так-так-так... — прокурорский тон и взгляд. Вовсе не наигранные. Недаром Мишель прячет глаза.

— За спиной товарищей, никого не предупредив... — по-настоящему испытываю огромное горе от такого предосудительного поведения своего лучшего, как считал, товарища. Практически друга. Вздыхаю.

— А что случилось? — вопрошает один из опоздавших к вечернему цирку. Вовремя! Пора объяснить коллективу всю глубину падения окончательно зарвавшегося товарища.

— Что же это происходит, друзья? Кто обеспечил нашему славному коллективу общение с четырьмя красавицами? Разве это был не я? — на последней фразе сглатываю комок в горле от глубокой обиды. Сзади кто-то хихикает. Стараюсь высмотреть, кто этот отщепенец, лицо моё вытягивается от горестного недоумения.

— Наш, так называемый товарищ, узурпировал втихушку от друзей самую прелестную из них и строчит ей письма! А где гонорар? Где, я вас спрашиваю? Мишель, неужто я, обеспечивший тебе знакомство с такой замечательной феей, не достоин скромного вознаграждения? Неужели тебе жалко уступить другу обеденный компот? За...

Завожу глаза вверх, шевелю губами, высчитываю. Народ начинает придерживать челюсти руками, удерживая рвущийся наружу смех.

— Всего за неделю, Мишель, — деловито объявляю стоимость моей помощи. — По рукам?

Мишель пробует брыкнуться.

— Да с чего это? Я бы и сам... — тут его все на смех поднимают.

— Хорошо, — грустно принимаю отказ. — Придётся написать Любе, что ты за неё даже пару литров компота скупись отдать. Я бы за такую девушку и двух вёдер не пожалел, а ты... Эх, ты...

Мишель сломался, когда десять парней изъявили готовность подтвердить мои слова в том же письме. Потираю руки, жизнь на ближайшую неделю станет чуточку наряднее.

— Продешевил ты, Лёха, с компотом, — равнодушно упрекает Паша, когда мы уже укладываемся спать. Наши кровати рядом.

— Предлагаешь оставить лучшего друга без штанов? А ещё комсорг...

Устыженный Паша замолкает. Желая спокойной ночи. Соображать к тому же надо. Что мне стоит начать шантажировать Мишеля? Тем, что скажу Любе, что он купил её за семь стаканов компота? Он мне и семьдесят семь отстегнёт. Да всё, всё отдаст! Рабом моим станет! Навечно! Хотя нет, это не по-нашему, не по-советски... проваливаюсь в сон.

Быстрые девичьи ножки, смеющиеся лица, сверкающие глаза... всё меняется на бешеную круговерть центрифуги...

Первый ночной полёт на У-2, голос инструктора в наушниках: «Ориентируйтесь на русло речки, не забывайте посматривать на звёзды, так вы будете знать направление полёта в каждый момент...».

Другой голос, уже за кадром: *«Мессеры могут уходить не только на вертикаль, но и на пикировании, при этом манёвре достигая скоростей заметно выше максимально достижимых при обычных условиях»*. Собственные мысли: хм-м, так на любом самолёте можно скорость поднять...

Вспышка бесконтрольной злости: инициатива за мессерами! На устаревших ишачках и чайках мы отдаём первый ход фрицам. Они всегда играют белыми. И почти всегда могут в любой момент выйти из боя. Мы их не догоним.

Вижу один способ заставить их принять бой. Или согласиться с неприятным разменом.

При нападении на бомберы, им придётся с нами биться, пока юнкерсы не уйдут. Или отдать их нам на съедение. Вывод первый: мы управляем боем, когда застаём бомберы на горячем. Если опять вспомнить шахматы, то фрицы попадают в цугцванг, любой ход ведёт к поражению. С одной оговоркой: в воздушном бою они могут и победить.

Кондратьев скрипит зубами во сне, ворочается.

Мессер уходит, начинает выполнять горку. Манёвр шаблонный, ожидаемый, поэтому удачно беру его на прицел. Очередь из всех четырёх пулемётов! Уходит сволочь! Виляет в сторону и уходит! Стрельба чуть дальше эффективной дальности, метров четыреста пятьдесят. И как мне его достать?

Голос инструктора:

«Будем говорить прямо, мессеримитт по комплексу параметров превосходит И-16 и И-153. Ещё надо учесть огромный боевой опыт немецких асов. Никто из них не имеет менее двухсот часов налёта, у многих налёт выше восьмисот часов и даже более тысячи. У многих в активе есть сбитые самолёты. Французские, польские, английские, советские. Не редкость достижения в несколько десятков воздушных побед. Исходя из этого, командование не приказывает, но рекомендует применять лобовую атаку и таран. Генерал

Павлов приказал сказать лётчикам прямо: на данном этапе боевых действий он считает размен одного нашего истребителя на один вражеский победой и достижением».

Это всё хорошо, но как же мне его достать? Всё мучает и мучает жгучее желание достать неуловимого врага. А если?

Как часто бывает, ключ к загадке вспыхивает во всей красе и тут же исчезает. Успеть ухватить ускользающую идею за хвост! Не получается! Кондратьев просыпается, подскакивает на кровати, пытаясь уцепить и выудить удачную идею, к глубокой досаде успевшей провалиться в подвалы подсознания. Не получается!

23 августа, суббота, время 07:15.

Аэродром авиацентра в Полесье, зона Рокоссовского.

Алексей Кондратьев, лётчик, курсант.

— Задача ясна? Вопросы есть? — строгий взгляд комэска пробегает по нашему строю.

Вопросов нет и быть не может. Слишком оглушительная задача. Мы как-то привыкли, что нас учат очень интенсивно, но последовательно, без прыжков через ступеньки. А тут такое. Хотя... наши ведущие с нами, им-то задача привычная.

Мы разбегаемся по машинам, усаживаюсь в кабину, руки сами нажимают нужные тумблеры, крутят ручки. Напоследок вытаскиваю ручку запуска, привычно выдерживаю десять секунд и утапливаю. Мотор «схватывается» с первого раза. Хорошая примета!

Жду. Завёлся быстрее, чем жду очереди на взлёт. Иду четвёртым, за своим ведущим. Сегодня нас десять пар, усиленная эскадрилья. Ещё восемь самолётов остаются, оголять свой фронт нельзя. Да, мы летим помогать соседям, южному фронту или как они там делятся?

Загрузились мы по полной. Чувствую, что самолёт немного с натугой идёт. Патроны к пулемётам, ясен пень, полные коробочки. Эрэсы в половинных блоках по четыре штуки на обе стороны. Есть ещё полные блоки на семь штук. Ракеты дело знакомое, а вот с бомбами дела мы ещё не имели. Короче говоря, загрузили нас, будто на войну отправляют, ха-ха-ха...

Летим обычным порядком, комэск наверху, — его осиротевший ведомый с нами, — мы внизу густой цыганскою толпой. Нас пригласили в гости на юг. Это замечательно, давно на море не был. С самого рождения.

Через сорок минут полёта.

— Чибис, а можно мне, а? — выворачиваю голову на дорогу в паре километров от нас, кажется, наших пленных ведут, колонна в сотни три-четыре.

— Сыч, мой чибисёнок рвётся подвиг совершить.

— Пусть совершает, — почти равнодушно отзывается комэск, — а мы посмотрим...

Колонна красноармейцев под жарким солнцем уныло бредёт по дороге. Пролетающая вдали группа самолётов, явно советских, вызывает оживление. Но загоревшаяся в глазах надежда тут же гаснет, уступая место ещё более глубокой тоске. Самолёты курс не меняют, им всё равно.

Противоположно, опаска в глазах дюжины конвоиров исчезает. Русским наплевать на своих, попавших в беду, камрадов.

Никто не замечает, что от строя самолётов отделяется один. Отделяется и уходит на снижение. Группа чаек уже далеко позади колонны. Оглядываться никто не видит смысла. Поэтому никто не замечает вынырнувшую из-за лесополосы крылатую машину.

Пулемётная очередь с неба, хлестнувшая по линии конвоиров справа от колонны, застигает всех врасплох. Выпучив глаза, красноармейцы долгую секунду таращатся на паникующих конвоиров, двое из которых корчатся в пыли. Один корчится, второй —

наповал.

Кому пришла в голову отчаянная мысль, кто крикнул «Бей их!», дознаться позже не удалось. Вернее, таких оказалось не меньше десятка, только крикнул-то один. Это все слышали.

Лётчик-курсант Кондратьев.

Оглядываюсь. Вроде удачно прошёлся. Ещё раз? Нет необходимости. На месте конвоиров копошатся кучки красноармейцев. Четверо бывших пленных остались лежать на дороге. Вздыхаю, к сожалению это редкость, бой без потерь.

Пролетаю ещё раз над ними, покачиваю крыльями: давайте, братцы, я сделал всё, что мог, дальше сами. Набираю высоту, надо догонять своих. Как там у них дальше сложится, поглядим на обратном пути. Хотя вот сейчас появляется вопрос, который надо было задать утром после объявления приказа. На какое время нас посылают? На два дня, три, неделю?

23 августа, суббота, время 09:00.

К востоку от Одессы, Куяльницкий лиман.

Одессу отрезали от большой земли. Позавчера*. Сообщение осталось только по морю. Лиман — естественная преграда на пути к окружённому городу. Полосу земли от лимана до моря перекрывает линия обороны, которые румыны упорно пытаются прогрызть.

Бойцы в окопах мрачно наблюдают за приближением юнкерсов. Прежде чем расползтись по укрытиям успевают кое-что услышать. Обычно бомбардировщики встречали разнообразными и часто по-одесски вычурными проклятиями.

— Шоб вас вечно на Привозе обсчитывали.

— Мою Сарочку вам в тётци.

— Ерша морского вам в выхлопное место...

И так далее. Сегодня бойцы хмыкают на стон, — о нет, не это, лучше пусть незванный татарин в гости! — Один боец с раскосыми глазами отзывается:

— Запросто, друг. Как отведут с передовой — кит к тебе.

(кит — идти по-татарски)

— В обмен на чудо, Селим, — мученически заводит глаза к небу недавно поставленный в строй одессит. — Сделай им ноги отсюда, Селим, и приходи в гости в любое время. Придуприждаю сразу. Татарину, да незваному, рад не буду, но приму, как родного.

Уже не с таким мрачным настроением бойцы рассасываются по окопным нишам. Каким-то неведомым путём бойцы Приморской группировки нащупали такой же способ защиты от бомбёжек и артобстрелов, какой практиковали на Западном фронте. Только там придумали генералы, а здесь — одесситы с Молдаванки. Прячется лучше по отдельности, а не кучей, — здраво рассудили ополченцы и стали делать в окопах ниши. Самые умные — буквой «Г», так что даже угодивший прямо в окоп снаряд поблизости мог «нарушить мне контузию» и всё. Оглохнуть от близкого взрыва — приятного мало, рассуждали одесситы. Но накушаться осколков и разметаться телом на несколько десятков метров по округе — намного хуже.

Какое б настроение не было, оно проваливается ниже пола в подвале, когда на головы красноармейцев с выматывающим душу воем начинают сыпаться бомбы. На позициях вырастают кусты взрывов, после ударного воздействия укутывающие землю удушливым дымом и пылью.

Неожиданно кошмар бомбёжки, которыми румыны и немцы педантично изматывали советские позиции дважды в день, не прекращается, нет. Оркестр не сразу прекратит игру,

если неожиданно уберут дирижёра. Не важно кто, киллер, insult или кирпич, упавший на голову. Но внимательное искушённое ухо сразу поймает момент, когда это произошло. И даже зрение не способно точнее определить миг, когда оркестр лишился своего вождя.

Вроде так же сыпятся бомбы, но некоторые почему-то в стороне. Изматывающая и смертельно опасная пытка вдруг резко обрывается с криком:

— Смотрите, братцы, смотрите!!!

У англосаксов есть устойчивый стереотип «Кавалерия из-за холма», обозначающий нежданную и мощную поддержку припёртым к стенке и готовящимся к славной смерти в бою героям. Чувства, которые обуяли красноармейцев сродни торжествующему восторгу парнишки, которого зажали в переулке несколько хулиганов, и вдруг после жестоких издевательств и побоев вылетает из-за угла ватага старших друзей. И вот он миг абсолютного счастья и победного триумфа. Дюжие друзья безжалостно избивают шайку хулиганов, выбивая из них кровавые сопли, ломая кости, гнусные рожи плюща об асфальт.

Всё-таки взрослые люди, потому умножьте эмоции на три или на пять, невзирая на более яркое восприятие подростков. Всё-таки их хотели убить, а не просто нос расквасить.

Кто-то из них переживёт эту жестокую войну. Хотя бы кто-то. И до конца жизни он сохранит эти воспоминания в числе самых впечатляющих и счастливых. До конца жизни на лице будет расцветать улыбка при одной мысли об этом дне.

Восемь, их было всего восемь юнкеров, на которые наваливаются аж двадцать неизвестно откуда взявшихся чаек. Такое соотношение даже асам высшей пробы на мессерах показалось бы таким же «вкусным», как кол в глотку. Даже у них был только один шанс уцелеть — быстро удрать. Но «штуки» так сделать не могут, хотя пытаются изо всех сил, сбрасывая бомбы, где попало. Какие-то из воющих взрывоопасных предметов падают на своих.

Чайки весело и азартно гоняют «штуки» по широкому небесному полю. Те, чихая дымом и вынужденно одеваясь в огненную мантию, горестно и трагически падают, падают, падают. И быстро кончаются.

Лётчик-курсант Кондратьев

Эфир переполняет гомон. Меня переполняет ощущение абсолютного счастья. Ведущий, как опытный кинолог, натаскивающий молодых собак на дичь, дарит мне это чувство. Прижал юнкерс слева, тот метнулся прямо под мои стволы, и я вбил в него огненные пулемётные струи. Главное, что в кабину попал. Прибил, как муху.

— Мне, мне, мне!!! — Паша орёт по радио, изливая злость и досаду. — Мне не дали!

Комэску требуется добрая четверть минуты, чтобы прекратить вакханалию в эфире. И тут же ставит следующую задачу. Слава синим благословенным небесам, боевую. Мы же не только истребители, но и штурмовики. И бомбы у нас есть. Хоть маленькие и в небольшом количестве.

Утюжим вражеские позиции. Наши ведущие, наши наставники ворчат. Неточно кидаем. Так мы же в первый раз!

Приглаживаем румын ракетами. Товарищи приглаживают. Наша пара разносит в хлам миномётную батарею. Парни работают ещё по каким-то целям...

— Чего это они? — оглядываюсь на удивление ведущего. Ха-ха-ха... наши пехотные

друзья под шумок пошли в атаку и теперь добивают противника в его окопах.

Ору в эфир слова, в которые внезапно отлились все эмоции последних минут:

— Пред нами всё цветёт, за нами всё горит!

— Не надо думать, с нами капитан, он всё за нас решит...

Мне отвечают хохотом. Отзывается и капитан:

— Решу, решу... так, ребята, на высоту и экономное барражирование. Ближе к окраине города. Ждите меня.

Капитан нас покидает, опять оставляя своего ведомого сиротой-одиночкой.

Возвращается комэск довольно быстро и отдаёт странный приказ:

— Летим домой.

— Даже не заправимся? — удивляется мой ведущий.

— Нет.

Вот это новость! А как домой доберёмся?

23 августа, суббота, время 09:50.

Куюльницкий лиман, бывшие румынские позиции.

— Так, это что здесь? — одессит Гоша (по паспорту-то Игорь), не обращая внимания на активные возражения боевых соратников, бесцеремонно пытается реквизировать самые вкусные трофеи. Несколько бутылок вина и какие-то консервы. Гоша уже набил чем-то рюкзак, проинспектировав полуразрушенный блиндаж, из которого только что вылез.

Поодаль, метрах в пятнадцати, прямо на земле, сидят понурые, успевшие вовремя поднять руки румыны. Около трёх десятков. Рядом со спорящими весело скалит зубы татарин Селим.

— Не надо жлобиться, друг, — убеждает Гоша, — это не мне, это всем вам.

Он обращается ко всем. Но прежде к Селиму.

— Таки не получится у тебя всё, что ты задумал, — грозит пальцем. — Татаринком ты родился, татаринком живёшь, татаринком и помрёшь...

Селим всем лицом выражает полное согласие, «айе» (да / конечно — по-татарски).

— Но незванным ты ко мне в гости не явишься. Потому как я тебя приглашаю. Всех приглашаю! — возвышает голос Гоша.

— Адрес! — требует подошедший командир взвода, и Гоша мученически заводит глаза к небу с видом: убивать надо таких умников в колыбели.

— Молдаванка...

— Точнее!

— Запорожская 15, — Гоша примиряется с суровой действительностью «ну, не получилось, так не получилось».

Тут же находит выход, одессит всегда его найдёт.

— Ты берёшь с собой это, ты это... — не удалось реквизировать, сами принесут. Гоша увлечённо формирует материальную базу для встречи гостей заранее, тыча пальцем в товарищей и то, что они не успели заныкать.

21 августа, четверг, время 10:25.

Минск, штаб Западного фронта.

Во всё виновато начальство. Если что случилось, то без разбирательств можно бить по голове командира, чем старше, тем вернее. Не ошибёшься. Хотя бывают объективные обстоятельства, но в таком разе виноват начальник повыше. Не предусмотрел, не подстелил заранее соломки.

Но в реальности, поди найди виновного. Днём с огнём не сыщешь. А ещё есть такая неприятная вещь, как подстава. И начальству подставить подчинённого сумасбродным приказом раз плюнуть. И неудачу затем списать на него же. Де, не справился, слабая подготовка не позволила выполнить боевой приказ, повинен смерти и всё такое.

Как раз такой приказ я и получил от Тимошенко несколько минут назад. Отказаться не получилось. Южный фронт — не моя зона ответственности. Но я попал в ловушку, шаблонную для сильно умных. На неё прозрачно намекает пословица «кто везёт, на том и едут». Южный фронт держится кое-как, только за счёт упавшего энтузиазма германской группы «Юг». И за счёт перебоев с поставками. Авиация моего южного фланга пиратствует на украинских коммуникациях практически безнаказанно. И я догадываюсь, почему. Люфтваффе стянуло большие силы к Минску, оголив другие места.

Но черноморское побережье они к рукам прибирают. Там море, по которому можно грузы доставлять и флот подвести. Гляжу ещё раз на карту, м-да... Одесса — ключ к Крыму. Если немцы её возьмут, то Крым окажется под сильным давлением. Выдержит? В истории Кирилл Арсеньевича не выдержал.

Враг на полную катушку начнёт использовать Одесский порт. Это по железке замучаешься дивизию перебрасывать, а кораблями — только в путь. Дивизию за раз можно переправить тремя-четырьмя крупными транспортами. А там, выбирай место и высаживайся. Попробуй прикрыть всю береговую линию! Две с половиной тысячи километров! Пусть Азовское море пока наше и закрыть надо только полторы тысячи. У меня почти миллионная группировка и протяжённость фронта примерно такая же. Но надо учесть Полесье и обширные болота Припятской низменности. Взорвал пару мостов и закрылся. Дс зимы никто не пройдёт.

С Крымом не так. Доступен со всех сторон. И окружение Одессы угроза не только для города, появляется угроза для Крыма. А там и до Кавказа рукой подать. И до грозненской лёгкой нефти.

— Они не могут, Дмитрий Григорич, — вздыхал Тимошенко, — на том фланге авиации у Жукова почти нет. Не может он обеспечить авиационное прикрытие. Ну, если хочешь, перебрось хотя бы пару эскадрилий поближе к Крыму...

— Сразу нет, Семён Константиныч. Там ровная степь, совсем другая специфика. Мои авиаторы привыкли аэродромы в лесах прятать, а там как? Всё по-другому, приспособливаться надо. У моих самолётов маскировка лесная, зелёный камуфляж. В жёлтой степи на ровном месте они, как на ладони будут.

По паузе понимаю, что аргумент попадает в цель.

— Маскировочные сети есть, — находится Тимошенко

— У кого? У Жукова? Точно есть?

— У тебя есть.

— У меня зелёные. Лесные, а не степные. Семён Константиныч, это не моя зона ответственности, не мой ТВД, тамошняя специфика ни мне, ни моим людям не знакома. Переброска авиачасти надолго? Сразу нет, мне самому авиации мало.

— Дмитрий Григорич, чего я тебя уговариваю? — маршал начинает терять терпение. — Это приказ. Вынужденный. Сам, как генерал, должен понимать, чем грозит потеря Одессы.

— Надо найти другое решение. У вас рушится стена, и вы разбираете соседнюю, целую. Поменяете шило на мыло, дальше что?

— Тебе двух эскадрилий жалко? — тон становится жёстче.

— Мне и одного самолёта жалко, если его без пользы гробить.

— Не без пользы, — сухо возражает маршал. — Ладно, я тебя понял. Приказ отменить не могу. В течение пары суток окажи авиаподдержку Приморской группировке в районе Куяльницкого лимана. Всё.

И прослезился. То есть, отключился. Не дал мне даже выторговать хоть что-то. Мне, как любому руководителю, всегда кажется, что меня обходят со снабжением. Казалось бы, если бы не объективные данные. Понять тоже можно, потери надо восполнять... может зависить свои потери? Опасное это дело, но стоит обдумать.

Уже в кабинете тупо смотрю на телефон, до сих пор перевариваю новость. Кому звонить? Копцу? Нет, Паше Рычагову.

Паша тоже начинает ругаться. Дозвонился до него через четверть часа. По городскому, что интересно. Спокойно выслушиваю, даже смеюсь про себя. Всё-таки я молодец, соображаю. Паша говорит то же самое, что и я Тимошенко, хоть и другими словами. Вклиниваюсь, когда он сбавляет обороты.

— Паша, я и сам всё это знаю. Но приказ пришёл сверху. Давай думать, как с крючка слезть и рыбку съесть.

Рычагов озадаченно замолкает.

— Дословно приказ звучит так: оказать авиационную поддержку. Понимать можно, как угодно.

— Связь с Одессой есть?

— У меня даже с Жуковым связь только через Москву, — кривлюсь от досады, — со связью у них полный швах.

— Дурацкий приказ, — выносит вердикт Паша. — Понимаю теперь, почему они все так провалились.

Конечно, дурацкий. Любая, самая незначительная военная операция планируется. А тут нарком обороны просто спустил ЦУ сверху и умывает руки. Разбирайтесь сами. Насколько помню по прошлой параллельной жизни, у Приморской группировки авиации не было совсем. Может прятали где-то пару разведывательных или связных самолётов, не более того. К тому же их зажали на относительно небольшом пятачке. Обнаружить аэродром и накрыть его бомбовым, а то и артиллерийским ударом, как два пальца об асфальт.

Если нет авиации, нет и соответствующего материального обеспечения. Ладно, ишачки и чайки сожрут любой бензин. А как быть с боеприпасами? Наверняка патронов для ШКАСов и БС-ов нет. Не говоря уже об эрэсах или бомбах.

— Надо сделать так, чтобы им не пришлось садиться там, — Паша озадачивает уже меня.

Он прав. Сам этого боюсь. Сесть они где-то смогут, чайке всего-то надо сто метров полосы. Любая ровная дорога подойдёт. Сесть они сядут, а вот позволят ли им взлететь? Возьмут в оборот, заставят остаться насовсем.

— Они сядут, не заправить их не смогут, даже если будут давить остаться... — размышляю вслух. Мы сразу решили отправить чайки, они и с бомберами справятся и от мессеров отобьются и отштурмовать могут. Но разовый пробег чайки всего семьсот пятьдесят км. С самого моего южного аэродрома до Одессы почти пятьсот. Как ни крути, дорога в один конец.

— Полбака будут заправлять, — мрачно прогнозирует Рычагов. — Плавали — знаем.

Последнюю присказку он у меня украл. Меня скоро всего на цитаты растащут. Верно он

замечает. Полбака не хватит домой улететь, а полчаса активного полёта это уже что-то. Поэтому местные командиры так и поступят, чтобы лётчики домой не улетели. Думаем дальше.

— Есть одна идея, — замедляет речь Паша.

Х-ха! Мы всё-таки придумали. Правда, надо будет моего Маркграфа озадачить. В общем, пришлось нам до последней мелочи продумывать всю операцию. Генералы мы или где?

21 августа, четверг, время 15:10.

Небо над позициями 13-ой армии. ТБ-7, борт № 1 Западного фронта.

— Частичное накрытие, — доводит результат лейтенант-наблюдатель, — перелёт.

— Ты разницу высот не учёл, — спокойно комментирует Яша. Мой Борька чешет лоб.

— Наши миномёты метров на шестьдесят выше, — продолжает Эйдельман и после паузы выносит вердикт. — Эффективное расстояние на пятьдесят метров ближе... скорее на сорок, но не будем мелочиться.

Борис, после протирки лба, диктует радисту новые данные. В этом деле я не специалист, но, кажись, эта сладкая парочка балует артиллеристов по самое не могу. Сразу выдают установку, на сколько и куда выставлять все прицелы.

Они распределили роли по моему настоянию. Борис взял на себя миномёты, 82-мм и 120-мм. Яков — гаубицы. 76-мм, 152-мм и 203-мм. Это очень много! Для тяжёлых гаубиц число типов снарядов больше десятка. И у каждого своя динамика. Как это всё помещается в голове одного человека — отказываюсь понимать. Он один, то есть, вместе с Борисом могут заменить мне всех корректировщиков огня, которые на каждой батарее есть.

Пожалуй, надо сделать так. Никто не вечен, эти двое тоже. И отдыхать надо. Поэтому изменю порядок действий. Сначала наблюдатель или они сами дают направление и расстояние до цели на батарею. Это доводится до местного корректировщика и он пытается лично дать прицельные данные. Затем сверяет их с доведёнными сверху и набирается опыта. Время от времени они будут работать самостоятельно. Яков с Борисом не будут висеть в небе круглосуточно. Надо будет генерала Клича озадачить, чтобы разослал своим методические указания.

Наблюдаю за сражением внизу. Никитин постоянно плачется и выпрашивает резервы, но на самом деле справляется. Если не на отлично, то на четыре с плюсом. Немцы пытаются разровнять его позиции, наши начинают контрбатареиную борьбу и с небесной помощью от нас эта борьба идёт на равных...

— Есть частичное накрытие...

Слышу в внешне бесстрастном голосе наблюдателя, — кстати, давно он тут, пора ему звание повысить, — нотки торжествующего веселья. Отрываюсь от бинокля. В чём дело?

Мои парни тоже улыбаются.

— Яшка немецкие гаубицы на ходу зацепил, — говорит Борька, — когда они позицию меняли. Одна гаубица точно скovyрнула.

— Да? — снова приникаю к биноклю. Да, точно. Немцы торопливо улепётывают, бросив одну пушку. И тут снова попадают под удар. Это уже не частичное накрытие! Яшка-то не спал, пока все веселились. Поймать движущуюся цель, когда снаряд летит полминуты? У парня не голова, а вычислительный центр! Обычный, даже очень опытный корректировщик такого не сделает!

Через полчаса немцы подлавливают нашу миномётную батарею. Тяжёлую. Лишь бы

люди уцелели, — думаю, глядя на мощные взрывы. Так и живём...

* — В реальной истории Одессу окружили 13 августа.

Алексей Кондратьев, младший лейтенант. Призван в 31-й иап 8-ой смешанной авиадивизии (Северо-Западный фронт) из Серпухова, где закончил лётную школу.

Окончание главы 7.

Глава 8. Разведка. Пометки на карте

<https://youtu.be/BkdGyj5BGAM> — Киножурнал первых месяцев Великой Отечественной (Союзкиножурнал № 64, 1941 г.)

<https://youtu.be/3auvLyLzWmE> — Киножурнал 1941 год, выпуск № 66-67
23 августа, суббота, время 10:55.

Небо над Украиной. Усиленная эскадрилья Полесского авиацентра.
Алексей Кондратьев.

Правильно я сказал про капитана Митрохина, что он всё за нас решит. Он командир, у него голова большая, пусть и решает. Никто из нас не докумекал сам, как он собирается добраться до родной взлётки, когда в баках не больше половины горючки от потребной на такое расстояние.

Митрохин объяснил. После того, как приказал свернуть на запад, против ветра. В этом районе и на нашей высоте он достигал метров десяти в секунду...

— Нам хватит. Должно хватить, — поправляется капитан. — Идём против ветра, набираем высоту...

Он объясняет дальше, но особо его уже не слушаю. Всё понятно. За счёт встречного ветра мы даже на малых оборотах, хоть и медленно, но поднимаемся. А дальше начнём покупать расстояние за высоту. По словам капитана, десять камэ высоты мы запросто разменяем на пятьдесят камэ расстояния.

Через тридцать минут полёта, на высоте восемь с половиной тысяч, мы отключаем движки и закладываем вираж на северо-восток. Ветер становится почти попутным. Галсами идём. Как моряки на парусниках в своё время. Винт на авторотацию, движки отключаем.

Летим и слушаем командира по пути. Вопросов-то много. Какого рожна мы не сели и не заправились в Одессе?

— Две причины, — рассказывает комэск. — Я не просто так туда летал. На моих глазах они ремонтировали взлётку. Не смогли её даже к нашему появлению приготовить. Это ещё ладно, сесть мы и на обычную дорогу можем. Но воронки от бомб показывают, что немцам известно расположение аэродрома. Мы шухеру навели, надо ждать контрудара. А как бомбардировщик может уничтожить истребитель? Элементарно. Разбомбить на земле.

Вон оно что!

— Если не готова взлётка — не готово ничего. По радию с ними связаться не смог, хотя частоты оговорили заранее. Горючка для нас могла найтись. А могла и не найтись. Боеприпасов точно нет, если только случайно завалились. Они ведь пехотные, патрон для ШКАСа от обычного винтовочного не отличат.

— Короче, там в Одессе, всё под вопросом. Зато угроза реальная. Нам лучше оставшиеся пятьдесят-сто километров до своих пешком пройти.

Смотрю на карту, прикидываю расстояние. До самого близкого места, в районе Дубно, километров четыреста пятьдесят от Одессы. Топлива у нас на двести пятьдесят, не больше. Или на триста двадцать, если добить неснижаемый остаток в десять процентов. Выходит, планировать надо сто тридцать камэ или чуть меньше.

Хотя неправильно подсчитываю, мы же не по прямой идём. Но высчитывать лень, тут надо корпеть полчаса над столом. Одно знаю — половину оставшейся горючки мы истратили. А то и больше.

Лечу, вернее, планирую и вздыхаю. Вздыхаю и лечу. Столько целей пропускаем. Одних эшелонов видел пару штук только прямо под нами. Чувствую даже с высоты, как там фрицы волнуются и боятся. Живите пока, фашисты проклятые.

Что-то меня ещё подспудно беспокоит. Вроде всё хорошо, но какая-то заноза в мозгу сидит.

Полчаса спустя. Двадцать километров юго-западнее Житомира.

Садимся прямо на грунтовку в поле. Вроде ровная и нас там ждёт пара бензовозов, другая техника. Пара грузовиков и танк. Немного напрягает, что немецкий, но комэск уверенно идёт на посадку, и форма у окружающих военных наша. Мы, те, у кого ещё тарахтят моторы, доедающие последние капли топлива, кружим вокруг на высоте до километра.

Надо спешить. Ничего опасного не замечаем, но ситуация может измениться в любой момент. Комэск благополучно садится, его аппарат тут же сгоняют с дороги в поле, подъезжает бензовоз, вокруг суется люди. Окончательно успокаиваюсь. Это наши техники, распознаю привычную суету, когда заряжают пулемёты.

Когда садится третий, мой мотор начинает чихать. Запрашиваю разрешение на посадку, выясняется, что нас таких четверо. Вот так, так теснясь и толкаясь, заполняем постепенно обе стороны дороги. Когда сажусь, меня очень успокаивает тот факт, что комэск уже взлетает. Разгоняюсь прямо по ржаному полю. Местные селяне будут недовольны, зато мы теперь с прикрытием.

Когда садимся на родную взлётку, выскакивает на поверхность ночная идея, которую уже не чаял вспомнить. Воздушный бой помог. Заметил тогда, как шарахаются от эрэсов юнкерсы. Кто-то шмальнул по ним, но комэск сразу стал орать в эфире. Пообещал засунуть ракету кое-кому кое-куда. Начальственный гнев понятен. В воздушном бою эрэсы малоэффективны, хорошо если из пары десятков хоть одна ракета попадёт. А вот по наземным целям, да групповым, самая вкуснятина.

Так вот, предсказать, куда вильнёт крылатый фриц, невозможно. Наобум приходится упреждение брать. Но если мессер выскакивает на свою любимую горку, то у него только две возможности для ухода. Вильнуть влево или вправо. Вниз не может, для этого надо сначала зависнуть, зафиксировать высоту. Долго. Вверх он и так идёт. И если перекрыть ему уход влево, то можно смело брать поправку прицела вправо. Никакой угадки, именно туда он и метнётся.

Как закрыть одно из направлений? Эрэсом. Видел, как они от них шарахаются. Юнкерсы, правда, ну и что? Лётчики на мессерах из другого теста сделаны что ли?

17 августа, воскресенье, время 23:30.

Северный выступ Лаворишкесского (вокруг Вильнюса) леса.

Старший лейтенант Никоненко.

Старшего сержанта Нефёдова со вторым взводом отправил на северо-восток краем Лабанорского урочища. Пришлось разделиться. Как-то чересчур густо тут войска стоят, трудно всей ротой пройти. Всего у меня восемьдесят штыков, два взвода, у каждой радист с радиостанцией, так что связь держим.

Штаб озадачил меня поиском немецких аэродромов. Сегодня заметил, как над лесом снижаются, явно готовясь к посадке, юнкерсы. Отметил место на карте, направление и примерную высоту. Теперь ждём трицу пластунов. Сами сидим в небольшом овражке в полукилометре от края леса.

Блядский высер! — как любит говаривать наш генерал. Слышны автоматные и

винтовочные выстрелы. Берусь за бинокль, хоть и темень, но от месяца какой-то свет есть, а вот и вспышки выстрелов. И это не мои стреляют, выстрелы в нашу сторону.

— Огонь никому не открывать! Дима! — рукой показываю снайперу, где занять позицию. Справа от меня.

Дима, до того незаметный даже вблизи в своём маскхалате, взбирается по склону. С лёгким шуршанием скатываются вниз комочки земли.

— Смотри наших не задень, — только сейчас на краю восприятия улавливаю какое-то движение.

Надеюсь, не зацепит. Если видны вспышки выстрелов, значит, это чужой, и никто обзор не перекрывает. Один за другим снайпер делает несколько выстрелов и отползает в сторону. Научились? Только хотел открыть рот для отдачи команды сменить позицию!

Через несколько минут в овраг сваливаются все трое. Один ранен, его держат под руки. Раненого тут же сдают санинструктору.

— Не пробьёмся, командир, — убеждает старший разведгруппы, ефрейтор Степан Махонин. — Весь край леса — сплошные посты на расстоянии чуть ли не вытянутой руки...

— Прямо весь?

— Ну... мы метров двести оползали, везде одно и то же. Влезли глубже... мама дорогая, там фрицев, как на вокзале.

В голове брякает звоночек, ладно, это потом.

— Один чуть не обоссал меня, буквально в метре приладил. Думали, гадали, как незаметно языка взять... не, глухо всё.

Через полчаса, соорудив носилки для раненого, уходим. Лесом бы лучше, но не тогда, когда там дойчей больше, чем деревьев. И несмотря на то, что уходим вроде бы открытыми участками, без маскирующих укрытий редко остаёмся. Где небольшая рощица, где ложбинка, вокруг речек, ручьёв и озёр обязательно деревья или хотя бы кусты. Так последнее время и живём. Днём спим, отдыхаем и наблюдаем, а ночью у нас марш-броски.

18 августа, понедельник, время 07:05.

Разведвзвод, старший лейтенант Никоненко. Восемь километров западнее от предыдущего места.

— Командир, — подходит радист, — штаб требует доклада.

— Сам знаешь, нечего им докладывать. Задание пока не выполнено, — морщусь с досады.

— Всё равно требуют. Хоть что-то...

Досада отступает, когда вспоминаю вчерашний доклад. Край леса — неплохая мишень для авианалёта. Скопление живой силы, можно разбомбить, можно пожечь. Разбавить можно и другими сведениями...

— Садись, пиши, — на мои слова радист лучится радостью, видать, достали его.

— Координаты... — диктую координаты, но не настоящие, у нас карты хитро перековерканы. — замечена высокая концентрация пехоты.

Перечисляю вчерашнее расположение и сегодняшние наблюдения. Есть скрытые позициивне леса.

— Замечены юнкерсы, идущие со снижением в направлении... — признаю, был не прав. Это может помочь. Аэродром где-то там.

О своём впечатлении, что Вильнюсское урочище наспиговано войсками, умалчиваю. Догадки не для официального доклада. Упоминаю, что скрытный проход в расположение

немецких частей не возможен и запрашиваю силовой. Если разрешат, то вызову второй взвод, и пройдемся вместе огнем и мечом. До аэродрома, наверное, не дойдем, зато повеселимся и языков наберем кучу.

Судя по наблюдениям, здесь такая же ерунда, как и на прошлом месте. И даже хуже, к лесу уже не подойдешь. Дойчи закрыли огромную территорию, никак не влезешь. Не, влезть можно всегда, только долго не протянешь.

Боец приносит завтрак. Или надо назвать его ужином, с нашим-то расписанием?: Вдыхаю пахучий парок. Три дня назад наткнулись на выводок кабанов. Зверь сторожий, незаметно подойти можно, но только не несколькими десятками человек. Но тут над головами гудели самолеты, забили слабый шум от передвижения. И стадо рвануло как раз в нашу сторону. Одного бойца почти сшибли с ног, зато остальные не растерялись и наглого кабанчика истыкали стрелами. Незаменимая вещь арбалет. Как мы раньше без него обходились, не понимаю.

Короче, мы сейчас доедаем свежинку. Коптить только запретил, так что сняли шкуру, хотя со свиньями так по-свински обычно не поступают. Что делать, демаскироваться нельзя.

— Немного попахивает, — принимаюсь к ячневой каше.

— Есть можно, — не соглашается снайпер Дима, примостившийся рядом.

Можно, конечно. Всё равно вкусно, кабанчик молодой ещё, не успел мужским духом насквозь пропитаться. Выкладывать ведь заранее для нас его никто не будет. Не повезло самку завалить, так что ж теперь сделаешь. Только поперчить.

У Димы позывной Вьун. Не такой уж он и тощий, но когда первый раз увидел его ползущим, — чисто змея, — так и обозвал. На гражданке этот тамбовский паренёк охотой увлекался, — активно участвовал в разделке кабанчика, — так что стрелять и подкрадываться его почти не пришлось учить. Это не я, которого с автомеханического техникума выдернули.

Туго нонче дело идёт. Вот раньше был полный блезир, немец непуганый, хоть голыми руками бери. И брали. Сейчас сторожий стал, не хуже тех же кабанов. И всё равно мне нравится. Не выношу тупых командиров, а они далеко не все умные. Лично нам повезло, могу нахрен послать любого, подчиняемся напрямую Анисимову, а тот мужик дельный.

Со школы такая хрень. Не понравится учитель, всё, начинаются сложности. Не могу себя удержать, чтобы не подъялдыкнуть. Ну, и начинается. Так-то хорошо учился, но троек мне в аттестат навтыкали аж четыре штуки.

А за линией фронта сама собой исполняется одна часть древней солдатской посконной мечты. Подальше от начальства. За вторую часть, — поближе к кухне, — ответственными назначены дойчи. Надо только уметь с них спросить. И страсти. А мы — умеем. Так что все мы уже и французские коньяки попробовали и шоколадом с сардинами нас не удивишь. А как же? С такими приятными мыслями намазываю на кусок хлеба кусочек масла. Немецкого, между прочим. Или Провансальского, нам по херу...

Пора на боковую, но заглядываюсь в бинокль на сценку. К пасущему на лугу коров мужичку в широкополой шляпе подходят трое дойчей. Если коротко, то забирают одну тёлку. Грабёж? Не похоже. Мужичок сильно довольным не выглядит, но фрицы что-то ему дают. Вроде как деньги. Когда дойчи угоняют тёлку, мужичок чешет затылок, а затем угоняет стадо из оставшихся семи коров подальше. С местными надо быть осторожнее, — думаю про себя. Как-то мирно они с дойчами общаются. И слышал ещё, что Вильнюс они немцам сами на блюде преподнесли.

— Если его в селе наняли, то хозяйка будет ругаться, — замечает Дима, лежащий рядом.

— Темнота-а! — возражает другой боец. — Это с хутора скотина, там одной семьёй живут. Не обеднеют с одной тёлки.

Ну, да. Это ж Прибалтика, они коллективизацию просаботировали. Колхозы есть... наверное, но в основном так, кулаки и подкулачники*.

А как мне всё-таки к аэродромам выйти?

18 августа, понедельник, время 16:50.

Разведвзвод, старший лейтенант Никоненко. Семь километров к северу от городка Ширвинтос.

— Егор убит, — роняет на ходу пробегающий мимо боец. В мозгу перещёлкивает, потом буду собой гордиться по праву, а пока...

Лицо перекашивает от вспышки злобы, вцепляюсь левой рукой в глотку сидящему прямо на земле фельдфебелю.

— Я тебе сейчас глаза прямо пальцами выковыряю, падаль, — шиплю ему в лицо с непередаваемой яростью. — Тебе лучше не знать, через что я с этим убитым вами парнем прошёл. Я тебя собственными кишками удавлю...

Слегка преувеличиваю. Такого ещё не делал, и пробовать не хочется. Но если придётся...

Пользуюсь моментом. Мелькает в глазах пленного какая-то неуступчивость. А у меня, между прочим, лучшего друга убили, у-у-у, гнида! Кладу его на землю ударом кулака в лоб, продолжаю сдавливать горло брыкающегося фрица. Мне надо дожать его до момента паники, смывающей из сознания всё. Чувство долга, спесь юберменша, храбрость и прочую мужественность. Так, вроде припёрло? Вытаскиваю нож.

— Ну, что? Говорить будешь или начнём тебе глазки выдавливать?

— Гут, гут, герр...

— Команданте. Будешь говорить? — пока задумчиво вожу ножом ему по лицу, тот торопливо соглашается, «я, я...». С видимым усилием отнимаю нож, мне хочется распотрошить его на месте. Это легко прочитать на моём лице. Он и читает, своими какими-то белёсыми глазками и всем округлым, как у ваньки-встаньки, телом.

Подзываю сержанта Кузнецова. Кратко инструктирую и отхожу. Этому нас тоже учили. Один должен быть злым, второй добрым. Игра на контрасте.

Суета вокруг стихает. Позаимствованные у немцев два грузовика отгоняются в рощицу рядышком, трупы наряда жандармов уволакиваются и быстро прикапываются. Покойнички уже в одном белье, а у трёх мотоциклов уже расположился почти та же самая патрульная группа. Кто-то ещё приводит себя в порядок, но в целом картинка мирная. Остальные тоже уходят в тину.

Полдня убили на этот пост фельджандармерии. Всё-таки решил их взять, ничего другого придумать не могу. Мне надо решить две взаимоисключающие задачи: добыть сведения и не дать немцам заподозрить, что я их добыл. Не знаю, как это сделать, агентурной работой никогда не занимался. Может, стоит начать?

Затрадили на семь человек полдня и одного бойца. Махонин второй раз ошибается, но не осуждаю. За одного битого у нас трёх небитых дают. Специфика. И вообще, не бывает серьёзных выходов без потерь. У нас и сейчас пятеро новеньких, первый раз за линией фронта. Хочу сделать из него сержанта и замкомвзвода. А там, глядишь, и в командиры выбьется. Операцию по захвату поста жандармерии в целом провёл успешно. Кто мог

предположить, что немцы скрытную пулемётную точку организуют. Вторую, чёрт побери! С другой стороны. Одну-то сняли быстро и чисто.

Могли и обойти этот пост, но уж больно удачно пара машин попалась. В сторону фронта едут густо, обратно чуть менее густо, и пустые. Вечером поток стихает. Вот припозднившихся мы и взяли. Мои ребята научены снимать водителей, не разбивая пулями стёкла. Подъехать на машинах к посту и расстрелять не ждущих подвоха фрицев тоже не трудно. Километр туда и обратно дойчей не видно.

Кузнецов для начала раздевает фельдфебеля. Кстати, это тоже сильно убавляет уверенность. Раздевает и напяливает на себя, теперь он старший наряда фельджандармерии. Ухожу в рощицу к своим. Кое-что надо обдумать.

Обдумать получается только после доклада Кузнецова. Через полчаса. А до того вдруг вспомнил одноклассницу Лильку, весёлую хохотунью с завидным таким передком. И задком, что уж тут...

Как-то робко вокруг неё кружил подростком. Сейчас чувствую, всё сложится. С высоты прожитого и пережитого ясно понимаю, что глядела девушка на меня с интересом. Для начала больше ничего не надо, а через пару дней... ладно, через пару недель на сеновал или в другое укромное место утащу. Никаких сомнений. Если вышла замуж, уехала или потеряла интерес, не страшно, девчонок вокруг огромные толпы. И некоторые из них потрясающие...

— Про аэродромы он не знает... — рассказывает Кузнецов.

— Со вторым, который ранен, показания сверил? — объясняю расклад. Хитростей в наших делах до горла. Например, мимоходом кто-то «невзначай» проговаривается, что все остальные убиты. Не надо оберфельдфебелю знать, что какой-то унтер-фельдфебель тоже жив и весело лопочет на родном нижнесаксонском диалекте.

— Хоть что-то он про них должен знать. Может, видел, а то и знает, где живут и отдыхают лётчики в ближайшем городке. Или попадались солдаты люфтваффе на дорогах. Самолёты иногда над головой летают, пусть рассказывает, где, когда и куда...

Ловля скользкой рыбёшки голыми руками в мутной воде, вот что это такое. Соврать ему, как два пальца обмочить, а проверить возможностей мало. Ладно, наше дело — первичный допрос. И данные о том, что пост должен сниматься и переезжать севернее, меня вдохновляют. Выходит у нас есть время. Немного, но есть. А дальше начнётся бардак и веселье. Взяв этот пост, мы вышли на свет. Скоро, совсем скоро, дойчи поймут, что в этом районе орудует разведгруппа, и нас начнут искать.

— Давай, — сказал не голосом, а взглядом, под тяжестью которого Кирилл, со спортивным разлётом плеч парень, один из молодых, не особо ловко и сноровисто, но быстро, втыкает узкий стилет.

У стоящего передо мной оберфельдфебеля будто вытаскивают из тела стержень. Валится на землю мешком, слегка дёргает ногами и затихает. Позеленевший Кирилл отворачивается и склоняется к земле, издавая характерные звуки. Аккуратно вытаскиваю стилет из уха упокоившегося фрица, — забавно, что именно так его и звали, — вытираю об исподнюю рубашку.

Морщусь. Сильно морщусь. Очень сильно морщусь. Не от вида крови и трупа. Замечак выползшую на воротник вошь. С-сука! Придётся кому-то сегодня варить в котле обмундирование и бельё. Другого надёжного способа в полевых условиях не знаю.

— Парни, — подзываю двух бойцов, — прикопайте это...

Кирилл стоит уже на четвереньках, пугая страшными звуками какого-то муравья на

земле. Присматриваюсь. И-э-х, молодёжь...

Рывком за шиворот воздеваю салагу на ноги, волоку в сторону. Придётся в чувство приводить.

— Прополощи рот! Сплюнь! Ещё раз прополощи! — после санитарных процедур протягиваю фляжку, взятую от подоспевшего Димы. Мой снайпер выполняет заодно функции ординарца. От глотка водки глаза у парня сбегаются в кучу, но так ему лучше. Почти силой вливаю в него граммов сто. Поручаю его ещё одному бойцу с наказом уложить спать и не беспокоить.

Спать ложатся все, кроме дежурной смены, которая заодно изображает из себя немецкую фельджандармерию.

Старшего жандарма по имени Фриц решил прихлопнуть из-за нескольких причин. Отправить за линию фронта могу только двоих. Одного, плюс мой раненый. Трое влезают с трудом, обычно таким способом убитых отправляем. Второй, младший жандарм, к моему лёгкому удивлению, оказался не менее осведомлённым и намного более разговорчивым. «Уговаривать», как старшего его не пришлось. Тараторил так, что записывать не успевали. Важное обстоятельство. Когда допрашиваемый не обдумывает ответов, есть надежда, что не врёт. Просто времени нет, чтобы сочинить какую-нибудь лапшу.

23 августа, суббота, время 12:55.

Белосток, ж/д путь за чертой города.

Бронепоезд «Гермес», мобильный штаб генерала Павлова

— Я тут заметил, Константин Дмитриевич, несколько раз ездящие туда-сюда танки. Пустопорожние грузовики. Какого хера?

Голубев смотрит слегка удивлённо. Расшифровываю:

— Я накачиваю топливом твою армию не для того, чтобы твои люди, не зная горя, гоняли на грузовиках за сигаретами в магазин или развозя по частям почту и всякую мелочь. Если срочно, то мотоциклом или на лошади. Какой-нибудь мешок может и всадник привезти. У тебя целая кавдивизия тут прохлаждается.

Голубев производит впечатление спокойного и надёжного человека. Такой он и есть, если не ошибаюсь. Но, бывает, надо действовать быстро и тогда не знаю, справится ли.

Веточкой лениво похлёстываю по кустику крапивы, берущей насыпь приступом. Мой бронепоезд готовится к отъезду не спеша. Поодаль у вагонов хлопочет несколько бойцов. Воду зачем-то таскают из ближайшего озерца. За два часа не могли заpastись? А, это командиры решили вагоны освежить помывкой полов. Жарко.

— ГСМ у нас в жутком дефиците, Дмитрич, я скоро Героя буду присваивать за одну угнанную у немцев цистерну, а ты тут пануешь. Я тебе так скажу: когда из-за нехватки топлива твои танки не смогут наступать, головой за это ответишь. Ну, если не головой, то генеральским статусом точно. Станешь первым полковником в РККА, который командует армией. Это если на корпус тебя не сдвину.

— Режим жёсткой экономии, хорошо меня понял, генерал? — наконец-то пробирает, Голубев слегка ёжится. — Это не касается боевых задач, разумеется. Авиаразведки, например. Или доставки твоей генеральской задницы в часть для инспекции.

— А как же танкистов учить? — в глазах генерала беспомощность.

— А как Рычагов лётчиков учит? Не знаешь?! — поражаюсь неосведомлённости подчинённого. Придётся объяснять.

— Товарищ генерал! — подбегает Саша. — Когда отправление?

— Через десять минут, — надеюсь, мне столько времени хватит, адъютант убегает к паровозу.

— Дмитрич, из какой-нибудь в ноль убитой машины делаете тренажёр. Вообще-то, целый учебный класс надо сделать. Хотя бы из пяти машин в каждой дивизии. Принцип дубовый. Инструктор даёт команду на движение, «Вправо на столько-то градусов», «Влево», «Назад», «Вперёд», «Полный ход» и так далее. А водитель дёргает рычаги, доводя свои навыки до полного автоматизма. Затем задания надо усложнять. Реальное вождение тоже надо устроить, но уже как экзамен. После этого обновлять навыки периодически. Пусть тренируются на скорость делать ремонт самых частых поломок, типа разорванной гусеницы. В бою такое постоянно будет. Для наводчиков тем же самым по тому же месту...

Мы проходим ещё раз туда-сюда вдоль штабного вагона.

— Застоялись мы, Дмитрий Григорич, — вздыхает Голубев.

— Прекрати! Почти вся твоя армия уже состоит из обстрелянных частей, — мой голос снова строжает. — И не должен никто отдыхать! Если нет боёв, то все бойцы и командиры должны учиться. Непрерывно. Циркуляры вам штаб для чего присылает? Для воскресного чтения? Учиться должны все и всё время, а не просто команду идти в бой ждать!

Паровоз подаёт короткий свисток, запрыгиваю на подножку.

— И всё-таки, Дмитрий Григорич, когда уже воевать начнём? Может нас надо к Минску перебросить?

— Ты простой вещи не понимаешь. Чем дольше ты стоишь, тем лучше у нас дела. Если в сентябре в бой пойдёшь, то считай, войну мы выиграли. Думаю, через недельку-полторы двинешься. И учти!

Голос усиливаю. Бронепоезд начинает движение, но пока Голубев шагом не отстаёт.

— Немцы — твои главные экзаменаторы! И как бы ты ни старался, они всё равно тебе навалют. Вопрос только, как сильно. Или слегка потреплют или основательно кровь пустят. По результатам станешь либо полковником, либо генерал-лейтенантом.

Ну, или генерал-майором останешься, — добавляю про себя, заходя в раскалённый вагон.

23 августа, суббота, время 18:30.

КП 13-й армии, 8 километров западнее Молодечно.

Блиндаж у Никитина ещё более оборудованный и защищённый, чем раньше. Дугой, с надёжными переборками, которые не всякий снаряд повалит. И узел связи отдельно, за полсотни метров, да ещё дублированный. Одобряю.

— Ты чего такой смурной, Семёныч? — отрываюсь от стереотрубы. Никитин опускает мощный бинокль. Мой. Махнулись оптикой на время.

— Надоело отступать, Григорыч... — бурчит генерал. Его свита смотрит на него сочувственно и с опаской. Мне это нравится, только смех разбирает.

— Я тебе сколько раз объяснял, ты не отступаешь, ты выполняешь сложный и ответственный манёвр. И хорошо выполняешь. Я доволен.

Лица окружающих нас командиров, и немного у Никитина, светлеют. Мне есть от чего быть довольным. Никитин снова отступил, отдав фрицам очередные четверть километра. Но заплатили они по высшей ставке.

Никитин буквально вцепился в мою идею, что я ему как-то подал и реализовал её на ять. Когда немцы подходили на расстояние броска гранаты, их выкосили почти всех одним махом. Они же идут, хоть и неровной, но линией, а за полсотни метров до позиций заранее

установили мины. Хитромудрым способом. Подрыв централизованно сразу всех электродетонатором. Сапёры реализовали мою идею с выдумкой. Мина, — использовали 120-мм миномётные, — взрывалась не сразу, а сначала подскакивала на полметра-метр вверх.

120-мм мина работает с жуткой результативностью. Двадцать пять метров — радиус полного поражения, пятьдесят метров — все ростовые цели. А тут она ещё на высоте взрывается. Десяток мин одновременно и немецкую роту, как корова языком слизнула. Ой, что после этого началось!

Спросил по ходу дела, как они так изумрились? Я-то предлагал просто снаряды вкопать, это совсем легко, техникой этого дела владеют на моём фронте почти все. Даже связисты.

Объяснили. У мины контактный взрыватель ударного действия. Ударилась о землю — сработала. Они вешают шапочку на нос мины, зацепленный проводами, верёвками, чем попало. За грунт. Главный цимес в том, что когда мина подпрыгивает, провода натягиваются, шапочка из жести давит на кончик мины и взрыватель срабатывает.

Почему мина взлетает? Да по тому же принципу, что из трубы миномёта. Только вместо ствола круглая ямка глубиной полметра. Есть и сложности. Ямку надо травой или соломой маскировать. Грунтом нельзя, мина от уплотнённого слоя земли при движении вверх тоже может сработать. От прикрывающего ямку куска дощечки тоже. В принципе, не страшно. Взрыв всё равно будет, только поражающего эффекта меньше. Но три-четыре килограмма легкоусваиваемой взрывчатки в любом случае серьёзно. Не убьёт, так с ног свалит и контузией наградит.

— Сколько у вас там людей? — спросил в пространство и тут же получил ответ, что взвод. Как уже принято. Дежурный взвод вместо роты.

— Убирайте их оттуда, — так-то вмешиваться нельзя, но подам это под соусом разработки и опробования новых тактических приёмов.

Убрали взвод технично. Рвануло несколько дымовых мин, и взвод по-быстрому сделал ноги. Пока фрицы переваривали случившийся афронт. Успели! И вот после этого началось! Обозлившиеся фрицы обрушили на позиции, уже пустые, тайфун огня. По моему настоянию, наши артиллеристы начали контрбатареиную борьбу с максимальной осторожностью. Мы уже знаем, что они по звуку выстрелов вычисляют наши артпозиции. Но при таком своём же сумасшедшем обстреле скорее оглохнут, чем что-то услышат.

Зато попёрли танки, которые фрицы с некоторых очень берегут. Тоже не проблема, прилетели противные до ужаса для фрицев чайки, фрицы подтянули мессеры, мы Миги и Яки. Фрицы прислали ещё мессеров. Веселья полные штаны для всех. Три танка остались на нейтралке, два уползли назад. Два мессера рухнули на землю, ещё два ушли со снижением, зацепили, но не смертельно. Наши потери пять самолётов, но безнадёжно в землю воткнулась одна чайка. Ещё одна чайка села поблизости, два Мига и Як упали, но лётчики сумели выпрыгнуть.

— А чего наши немецких асов на парашютах не добивают? — все словно язык проглотили, никто не отвечает.

— Григорыч... — замялся Никитин, когда я оторвался от трубы, — наши лётчики отказываются в беззащитных стрелять.

— Ух, ты! А твои зенитчики тоже в благородных графов играют? — не злюсь, просто интересуюсь, но Никитин подрывается к телефону. И начинает орать.

С удовлетворением прислушиваюсь. Оглядываю остальных.

— Тоже считаете меня подлым гадом?

Негромко галдят, что де, нет, как вы могли подумать, товарищ генерал армии... ну-ну, а глазки прячут. Ты гляди-ка! Дворян вычистили, а они снова народились. Земля у нас что ли такая? Климат для них благоприятственный? Белая кость, блядский высер!

— Дурни вы все! Немецкие лётчики это шваль и бандиты, которых надо уничтожать любыми способами. Вы знаете, что они любят охотиться за санитарными поездами и гражданским транспортом? — а в глазах-то уже недоверие. Понятно, почему. У нас-то такого нет.

— На нашем фронте такого не бывает по простой причине. Санитарные поезда мы крестами не обозначаем и всегда снабжаем зенитными платформами. Иногда маскируем под бронепоезда. Мы их отучили, понимаете? Вы просто не в курсе...

Рассказываю случаи, когда наши бронепоезда маскировались под санитарные, рисовали сверху белые кресты, а затем сбивали легковерных тварей, пытающихся развлечься за счёт «беззащитной» цели.

— Понимаете? Зато сейчас, как только увидят белые кресты на вагонах, тут же улепётывают. Отсюда вывод. Но сначала вас спрошу, какой?

Никто не догадался, только у Никитина что-то мелькнуло в глазах. Но, видать, не сумел поймать идею за хвост.

— Если есть у фашистов возможность безнаказанно кого-то расстрелять, они это сделают. Не важно, кто это. Санитарный поезд, отдельная санитарка, лётчик на парашюте. Поэтому на этом можно выстраивать какие-то ловушки. Например, зенитную батарею замаскировать под медсанбат, понимаете? Ну, или рядом расположить. Скрытно.

Как всё стихает, Никитин меня провожает.

— Григорыч, когда уже мы перестанем отступать? Да я всё понимаю... — сдаёт назад, когда я завожу глаза к небу.

— У тебя и так потери... сколько за последнее время?

— Полехче щас стало. После последнего пополнения процентов десять санитарных потерь.

При масштабах армии это больно! Под началом Никитина сто тысяч штыков, не считая временно приданных частей. Но далеко от реальности Кирилла Арсеньевича, когда личный состав дивизий при непрерывном отступлении таял до тех же десяти-пятнадцати процентов. Только уже не потерь, а оставшихся в строю.

— Семёныч, — мы спускаемся по склону холма к моему броневнику, подминая сапогами спелые травы, — ты давай, ускоряйся. Что-то ты слишком медленно отступаешь...

С глумливым наслаждением разглядываю его очумелое лицо, переполненное изумлением.

— Через трое суток ты должен оставить Молодечно.

Никитин сужает глаза, хмурится, думает.

— Дать им бой в городских условиях?

— Нет. Объявляй эвакуацию для гражданских. Два-три дня им за глаза хватит. Никаких боёв в городе, просто уйдёшь.

Опять думает.

— Заминировать полгорода и взорвать, когда войдут?

— Нет! Просто уйдёшь! К тому времени четыре дивизии закончат передислокацию и

развёртывание... — этим дивизиям легко это сделать. Между Молодечно и Минском огромное количество учебных позиций. Прибывшие что-то добавляют, изменяют, но база есть.

Никитин начинает сиять, как только до него доходит, что готовится генеральное сражение. Мне, наоборот, слегка кисло. Мы останавливаемся поодаль от моего броневика, полурота охраны начинает готовиться к выезду, но к нам не подходят. Знают, что генералы любят секретничать ещё больше, чем девчонки в своих компаниях.

Не горю желанием устраивать Бородинскую битву. При одной этой мысли на душе противно, будто слышу звук железа, скребущего по стеклу. Это ж сколько молодых парней головы сложит! И соотношение потерь один к двум не сильно утешает. Но раз товарищ Сталин настаивает, то приходится. Опять же сами бойцы и командиры в бой рвутся. Давят на меня и снизу и сверху. Приходится лавировать. Для этого и снял из других армий четыре дивизии. Чтобы обстрелять и закалить их в жестоких боях. Пригодится. А там, как сложится. Сумеет немцев остановить — хорошо. Не сумеет — ещё лучше.

18 августа, понедельник, время 20:30.

Разведвзвод, старший лейтенант Никоненко. Деревушка в 15 километрах к северу от городка Ширвинтос.

И когда моё реальное звание старшего лейтенанта догонит мою, «карьеру» в вермахте? Мне уже как-то унижительно присваивать себе чин ниже гауптмана, то есть, капитана по нашему.

Мне, вальяжно расположившемуся на стуле, сидящий за столом обер-лейтенант отдаёт «мой» аусвайс. Обер-лейтенант заметно старше меня, с начинающей лысеть головой, полноватый. Видно, из запаса мобилизован и совсем недавно. Ну, мне же лучше.

— И где ваша дивизия находится? — подозрительности в голосе нет, только любопытство.

А я всё думаю, сейчас его мордой об стол или как-то по-другому поступить? Нас в помещении всего четверо. Местный начальник с порученцем и я с «оберфельдфебелем фельджандармерии», которым стал сержант Кузнецов. Ему порученца уложить, раз плюнуть. Ну, если меня опередит.

Останавливает меня сильное нежелание шуметь. Мы — разведка, а не штурмовое подразделение, должны работать тихо и незаметно. И как мне тихо и незаметно прикопать семь десятков территориальной литовской части? Немцы тут, видимо, только в качестве командиров и кое-каких специалистов. Обер-лейтенант — немец, его помощник литовец.

— Недалеко от Вильнюса, — морщусь не от вопроса, а от факта своей удалённости от «родной» дивизии. — Как сюда занесло? Гоняюсь за русской разведгруппой. Ш-шайсе!

Вхожу в раж и начинаю разоряться на предмет слабого противодействия вермахта русской глубокой разведке.

— Совсем мы расслабились! Делают, что хотят, ходят, где хотят! Недавно расстреляли на дороге две машины. Семь трупов, среди них майор! Все документы пропали! Ш-шайсе! Но никому дела до этого нет!

Это я про свои же подвиги рассказываю. Хвастаюсь таким необычным способом. Документы майора ещё не смотрел, да и не собираюсь. Сопроводительную бумагу накропаю, а там пусть в штабе изучают. Они любят в бумажках ковыряться.

— У вас какой-то необычный акцент, — добродушно отмечает обер-лейтенант.

— Вы же видели моё имя в документах, — отмахиваюсь. Легенда у меня на коленке слеплена, но по уму. Зовут меня сейчас Олаф Браун.

— Матушка моя — шведка. Она по-немецки вообще забавно разговаривает...

Шведом, вернее, полушведом в нынешней Германии быть можно. Очень даже можно. Не еврей и не славянин, и нордичества хоть отбавляй. Северная же страна.

Вижу, что моего собеседника тянет на долгие задушевные беседы, на которые я не расположен в силу понятных причин. Если дойдёт до подробностей о моих мифических нордических родителях, то быстро засвечусь.

— Связь есть, герр обер-лейтенант?

— С Ширвинтосом нет, с Укмерже есть, — докладывает обер-лейтенант.

— Почему нет связи с Ширвинтосом?

Почему — я знаю, Олаф Браун знать не должен. Забавная складывается картинка. Связь здесь чисто гражданская, по телефонным линиям. Мне смешно, но логически объяснимо. Не могут же немцы за месяц покрыть всю Литву сетью военно-полевой телефонии. Да и необходимости нет. Далеко мы от линии фронта, в этом всё дело.

Обер-лейтенант пожимает полными плечами.

— Послали связистов выяснить...

— Сколько времени прошло? — мои вопросы сухи и лаконичны.

— Два с лишним часа.

— Ушли пешком?

— До места обрыва в трёх километрах их подбросили на мотоцикле.

Думаю, вернее, изображаю раздумья несколько секунд.

— Их уже нет в живых, — конечно, нет. Даже знаю, где их последнее пристанище в родной литовской земле. Хотя нет, один был немец. Мы дождались, когда они устранили обрыв, учинённый нами, — якобы тяжёлая сухая ветка с дерева упала, — затем приголубили их и восстановили обрыв. Тоже не так просто, организовать скрытный обрыв. Находится место скрутки проводов, её раскручивают, оголённую часть проводов откусывают, а потом провода снова скручивают, но уже в изоляции. Обнаружить трудно, потому что скрутка из оголённых проводов с течением времени тоже темнеет. Намётанный глаз надо иметь, явно видимого обрыва нет.

Резко встаю. Хозяин кабинета тоже поднимается, тревожно заглядывая мне в глаза. Идея приходит в голову неожиданно, мгновенно проникаюсь её изящной красотой.

— Они здесь! Рядом! — мои глаза уже полыхают огнём азарта и злобы. Хорошо-то как! Поймал я всё-таки кураж, когда всё удаётся и море по колено.

— Посты вокруг деревни есть?

— Яволь! Два скрытных поста, не считая часовых на въезде. Часовые снабжены полевыми телефонами, — оберлейтенант машет рукой в сторону смежного помещения.

— Не обижайтесь, герр оберлейтенант, но у ваших людей нет боевого опыта, — оберлейтенант соглашается всем лицом, — поэтому скрытные посты доведём до четырёх, и находиться там будут мои люди. Въезды тоже усилим моими солдатами. Поставим пулемёты.

Ставлю задачу дальше. Посты постами, но мне всех остальных надо собрать всех в одном месте. Иначе что, гоняться за ними по всей деревне? Оно, конечно, весело, но уж больно долго и шумно.

— За дело, оберлейтенант! — натываюсь глазами на портрет «обожаемого» фюрера за столом начальства, выбрасываю руку вверх. — Хайль Гитлер!

— Зиг хайль! — уже на ходу на мгновенье рефлекторно замирает оберлейтенант.

Поочерёдно все двери большой деревянной избы хлопают за всеми нами. Выбегаем на улицу, и начинается бешеная суэта. Под шумок одними глазами и незаметными жестами расставляю по двору своих автоматчиков. Перед открытыми воротами мой грузовик, оттуда вылезает пулемётный расчёт. Подойдя к ним поближе, отдаю команду вполголоса. Расчёт залезает обратно. Проинструктировать водителя и дело в шляпе.

Литовский сержант, начальник караула, если по-нашему, быстро уходит с моим отделением в дюжину человек. У всех автоматы и два МГ-34. Пароль и отзыв я им уже сочинил.

Двор постепенно наполняется местными зольдате́н. Литовская территориальная оборона, шуцманшафт. Ну, шуцманы, так шуцманы. Вывожу их на улицу, мне надо их в одну шеренгу построить.

— Доблестные солдаты Великой Германии! — для начала решил пролаять речь. — Вам выпала большая честь принять участие в операции против русской бандитской группы, которая орудует где-то рядом. Твёрдо верю в то, что вы с честью справитесь с возложенной на вас миссией. Но нам некогда митинговать! Слушай мою команду! Личное оружие на землю и три шага назад! Шнелля, шнелля!

Неуставная команда. По идее выполнять не должны, но рефлекс подчинения офицерам в немецкой форме преодолевает всё. Ощущается в этом нечто холопское. Смотрю на них сверкающими холодной яростью, — к врагам великого Рейха, как они думают, — глазами, заложив руки за спину.

Оберлейтенант, его порученец, пара связистов-немцев, санинструктор, — всех сюда собрали, включая внутренние наряды, — уже под контролем моих ребят. Они же собирают и складывают карабины, уложенные в ряд. Машина начинает урчать мотором и разворачивается кузовом к строю. Оттуда на ничего не понимающих полицейских строго смотрит ствол готового к стрельбе МГ-34.

— Я же вам сказал, идиоты! — оборачиваюсь к сбитому с толку оберлейтенанту. — Русские диверсанты рядом! Так это мы и есть!

Оберлейтенант бледнеет и валится на землю. Остальные тоже в лице меняются, но хоть не падают. Работы нам сегодня ещё до самой высокой крыши. Надо разобраться с пленными и расстреливать их не хочется, хотя никто меня за это даже словом не осудит. Надо вызвать самолёты и принять их ночью, значит, надо писать сопроводительные документы. Много чего надо.

Нахрапом лезть в интересные командованию места, то же самое командование запретило. Смысл понятен. Если прорвусь огнём и мечом к аэродрому, то немцы будут знать, что мы знаем. Так что толку мало. Если только самому аэродром уничтожить. Только сейчас не те времена. Если за много километров такая плотная защита стоит, что творится рядом? Всю кожу в кровь сдерёшь, а не пролезешь.

— Слушай, оберлейтенант, — присаживаюсь на корточки рядом с растерянно хлопающим глазами офицером, — всё спросить хочу. А почему тут местных жителей нет? Куда вы их дели?

Как интересно. Оказывается, это немецкая деревня, и после того, как сюда вошла Красная Армия, фольскдойчи метнулись в фатерлянд. Ну, а избы остались.

Докладная старшего лейтенанта Никоненко,
командира 1-ой отдельной разведроты 11-ой армии, позывной «Пьеро»
в штаб 11-ой армии. От 18.08.1941.

Районы к северу и востоку от Ширвинтоса — глубокий тыл немецких войск. Сильной охраны важных военных объектов пока не обнаружено. Гарнизоны населённых пунктов состоят из частей охранных дивизий, комендантских частей и подразделений военизированной полиции, состав которых набирается из местных жителей. Есть дезертиры из бывшего 29 стрелкового корпуса РККА.

По обрывочным и неподтверждённым сведениям в Ширвинтосе находится госпиталь для военнослужащих люфтваффе. Есть, по показаниям «языков», отдыхающие лётчики.

Рота будет продвигаться дальше на север. Движемся двумя отдельными группами, вторую возглавляет старший сержант Нефёдов. Незаметно осуществить движение не удастся, но есть запас времени примерно в сутки. Попытаюсь обнаружить объекты с севера, возможно, с той стороны нет сильной охраны.

Переправляю самых важных «языков», добытые документы и удостоверения уничтоженных немецких солдат и офицеров.

Гарнизон в семьдесят человек деревни Шашуоляй, в которой нахожусь сейчас, выведен из строя.

Провожая ночью прибывшие самолёты. С души будто валун падает. Вроде незаметно при большой численности группы, но наличие раненого сильно нас замедляет. Не всё же время мы на машинах ездим.

Выводил из строя личный состав полицейской роты лично. Прострелил каждому голень из парабеллума. Так, чтобы пуля задела кость или близко прошла. Сейчас со стонами, охами и ахами отлёживаются в самом большом амбаре. И одну избу пришлось им отдать.

Второй У-2 после короткого разгона отрывается от земли, увозя с собой фельджандарма и оберлейтенанта. Какой-никакой, а всё ж таки офицер. С передаваемыми документами штабистам будет что пожевать в ближайшие дни. И чем карту разукрасить.

Пойду-ка я спать, день выдался суматошный. Немного подумав, разубаююсь. Приятно пройтись по росной травке. Здесь она мягкая и тянется до самой деревни.

** — Никоненко не в курсе, что коллективизация в Прибалтике началась изрядное время после войны. Никаких колхозов до войны там не было.*

Окончание главы 8.

Глава 9. Серая полоса

Предисловие.

На исходе той ночи, когда Никоненко отправлял языков и документы за линию фронта, эскадрилья пешек обработала северный выступ Лаворишкесского леса, в котором разведчики Никоненко обнаружили скопление немецкой пехоты. Возникший пожар после бомбёжки, в том числе зажигательными капсулами, немцы тушили целые сутки.

25 августа, понедельник, время 07:30.

Позиции 603 сп, 161-ой сд, 4 км южнее д. Ворняны.

(Островецкий район, Гродненская область)

— Привет, Прохор! — в окоп сыпятся бойцы.

— Здравствуйте... — бурчит неохотно невеликого роста, но кряжистый снайпер. Отвлекают тут всякие...

И чего эти умники-командиры понавыдумывали! Дежурный взвод выдерживает артналёт, отражает первую атаку и отходит на резервные позиции. Так доотходишься, что отходить некуда будет. Что-то он тогда и буркнул недовольно и непроизвольно. А командир услышал и отбрил:

— Да, до самого Берлина отступать будем, если чо...

Спустя секунду взвод начал ржать. Весёлый у нас командир. Молодой и весёлый. И действительно, всё как-то перепуталось, что немцы угрожают нам с востока, и отступать, если что, придётся на запад.

Что-то там командир про новую тактику объяснял, Прохор пропускал мимо ушей. Вы — командиры, вы и думайте, а наше дело солдатское — приказы исполнять. Что-то в голову всё-таки зашло. Взвод вместо роты в окопах для того, чтоб потерь меньше было от артподготовки. Так вон они идут! Без всякой артподготовки прут пять танков, и фигурки серые за ними мелькают. Вот и приходится остальной роте возвращаться. Прохор всматривается в прицел, нет, далековато пока. Фрицы пошли в атаку, выйдя из-под деревьев небольшого леса. Им надо пройти низинку, пологую, почти невидную и такой же, заметный только при беге с грузом, подъём к позициям роты.

Справа от Прохора щёлкает выстрел.

— Без команды не стрелять! — это командир возмущается.

— Санёк, у тебя что, лишние патроны завелись? Так ты лучше мне отдай. Толку будет больше, — бурчит Прохор.

Обсажен Саньками, как мухами. И справа и слева, оба Сашки. И что характерно, как-то они отличают, к кому он обращается. Хотя бывает, даже не видят его, как сейчас. Каждый в своём отрывке. Мистика, неведомая науке. Щас-то понятно, тот, кто выстрелил, тому он и говорит. Но бывает, заговорит с одним, когда оба рядом, и откликается безошибочно тот, кто ему нужен.

Ембическая сила! Только собирался нажать спуск! Почти синхронно бахают две сорокопятки, и выбранный в качестве первой мишени солдат ныряет в траву. Атакующие уже пересекают русло высохшего ручья, так что теперь вымахавшая в полный рост отава* (трава, выросшая на месте уже скошенной) хорошо прячет залёгшую пехоту.

Ого! От этих мелких пушчонок есть толк. Один танк по инерции заворачивает боком, — всегда так с ними, когда гусеницу на ходу рвут, — сорокопятки начинают азартно лаять. И

вдруг танк начинает дымить и взрывается с треском разрываемой ткани. Башню откидывает набок.

— Боекомплект рванул! — восторгается Санёк справа. Который торопыжка.

Сорокопятки сумели пробить боковую броню. Помню, нам показывали во время обучения. У тройки есть на корпусе за гусеницами лючок и в башне есть. И броня там слабее. В один такой люк артиллеристы и попали.

Вот теперь нам становится туго. Танки начинают лупить по нашим позициям. Хорошо, что пушки в полусотне метров от меня. Вторая пара до сих пор молчащих пушек под шумок ссаживает гусеницу ещё с одного танка. И тут же замолкает. Засекут их фрицы или нет? Второй танк уже не разворачивается, он стоял. Водит башней, ищет, откуда его приложили.

Наконец-то моя работа начинается. Фрицы возобновляют атаку. Разутый танк поддерживает своих огнём. Привычно ловлю в прицел фигуру в дымном тумане, жму спуск. Вроде падает. Ищу другого. Выстрел. Третий. Пора менять позицию. Вряд ли меня застукают, но как привык, так и работаю. И так засиделся. Больше двух выстрелов с одной позиции делать нельзя. При снайперской дуэли больше одного. А я уже три раза пальнул.

Саньки палят в белый свет, как в копеечку. Встал ближе к правому. Тот обращает довольное лицо...

— Пригнись, дурачина! — дёргаю его вниз за ворот. И как раз над нами пули свистят. У танков не только пушки есть.

— Трех точно завалил! — взახлеб похваляется Санёк, светясь всеми конопушками и лазурно-голубыми глазами.

— А теперь хлебрезку себе завали... — проверяю его винтовку, — никого ты не завалил, дубина стоеросовая. У тебя прицел на сто метров...

Выставляю на четыреста, потом поправляюсь. Уже меньше, а пока ещё стрелять начнёт, так что ставлю на триста.

— Санёк!!! — ору второму. — Поставь прицел на триста.

Стрельба слева прекращается. Ещё один дуболом! Все Саньки в мире выточены из дерева? А як же Александр Пушкин и тёзка его Македонский?

Успеваю ещё два раза сменить позицию и уложить пару фрицев, когда начинается какой-то ужас.

— Стой! Куда?! — хватаю Санька, того что слева, дёргаю за ремень назад. Как-то совсем без сопротивления он валится прямо на меня. В щёку плещет горячим.

Секунду назад, светя на меня побелевшими зенками, проорал что-то про танки и рванул из окопа. Сам хотел, если честно, но когда увидел со стороны дурака, каким сам чуть не стал, опомнился.

Это не танки. Это артподготовка, которую фрицы затеяли только сейчас. Танки нас тоже полируют, но на такой кошмарный ураган они не способны. Нас будто из шланга поливают, и каждая капля — снаряд или мина.

Надо бежать отсюда! — рвётся изнутри животный ужас. Видел такое в глазах скотины, что сообразительнее, что понимает, её забивать ведут.

Сидеть!!! — командуют остатки разума, которые тают, как снег под тёплым дождём. Сижу и натурально трясусь в своём отнорке. Утешаю себя тем, что дрожу не от страха, трясушка от земли передаётся. Окопы наши затягивает дымом и пылью, которую рвут и сгущают всё новые и новые разрывы.

Что-то меняется. Гул, пробивающийся сквозь ладони, прижатые к ушам, усиливается,

но... так это наши! Фрицы лупят по нам, наши пушкاري по ним! Как-то на душе сразу становится легче.

Через полчаса.

Ташу контуженного Санька-торопыжку. Вспотел бы сам, если б сверху не лило. Повезло парню, отключился от близкого, прямо в окопе, разрыва и провалился в своём отнорке весь артобстрел. А то бы выскочил, как тёзка, под осколки и пули. От второго Саньки, которому шею подрезало, забрал документы и винтовку.

Бой прекратился из-за дождя. Так гроза грохнула, что с утра всё с силами собиралась, не хуже артобстрела. Всё. Теперь танки увязнут, пехоте тоже не по нутру в грязь плюхаться. И ладно бы просто испачкаешься, так ведь и оружие в грязи изваляешь, и как потом стрелять?

Поэтому отходим, отползаем, прячась за кусты и редколесье, но спокойно. Пушкари, видел, одну пушчонку тащили. Остальные, наверное, всё... да и самих-то их немного осталось. И от роты меньше половины. Ещё один такой бой и роты не будет.

20 августа, среда, время 18:15.

Разведвзвод, старший лейтенант Никоненко. 5 километров к северу от г. Укмерге. Южная оконечность Шимонисского урочища.

— Прекратить огонь! — по инерции ещё тарахтят несколько автоматных очередей.

Внимательно осматриваю поле, усеянное трупами. Вроде кто-то ещё шевелится. По команде «Контроль» из роцицы выходит редкая цепочка моих бойцов. Наискосок к моим выходит ещё одна цепочка. Хотя это тоже мои, взвод Нефёдова. Приказ кончить всех, можно не говорить, не первый раз. Звучат одиночные выстрелы. Нам не нужны ни языки, ни свидетели. Дойчи знают, что мы есть, но не знают, сколько нас. Пусть и дальше не знают.

Мне Нефёдов пожаловался, что увязалось за ним какое-то подразделение, численностью в пару взводов. Идиоты! Всё равно, что парой легавых пытаться медведя затравить или стаю волков. Но вцепились, как клещ. Да с собаками, тем след взять, раз плюнуть. Можно и табаком воспользоваться, да только ведь не засыпешь им несколько гектаров. А собачий нюх отшибается не на сутки. Если опытные, то могут на руках псов перетащить за сотню метров, а там снова «Ищи, Рекс». Раз так удержишь, а потом — всё. Одну-две собаки в резерве будут держать.

Засаду Нефёдову устраивать не разрешил. Кто-то из дойчей обязательно уцелеет, и численность группы сержанта станет примерно понятной. Сейчас пока обнаружат убитых, пока прикинут, что к чему, время-то и пройдёт. И когда они ещё догадаются, что на самом деле групп две. Мы ещё кое-что делаем. Нас снабдили радиомаячками, которые включаются с установленной задержкой и бодро выстреливают в эфир всякую галиматью, похожую на радиошифровку. Парочка ещё осталась. Одноразовые они, но нам больше и не надо.

— Привет, командир, — после выстрела в очередную германскую голову здоровается Нефёдов. Пожимаю его с виду мягкую руку. Он у нас такой, полноватый, но выносливый и ещё гири хорошо кидает.

— И дальше по отдельности пойдём?

— Да. Видишь, как удобно друг друга страховать.

Отходим в сторонку, под деревья, надо маршруты наметить, пароли и коды шифровок обновить. Работы полно. Нашим парням тоже. Документы и боеприпасы собрать, тела в лес и валежником закидать. За сутки-двое их обязательно найдут, но нам этого времени за глаза хватит.

25 августа, понедельник, время 09:50.

Минск, штаб Западного фронта.

Десять минут назад закончил совещание. Обсудили фронтовую обстановку и несколько организационных вопросов. В тылу всё нормально, эвакуация Минска проходит нормально, от государственных и партийных органов осталось только верхушка, которая вся скопом поместиться в двух вагонах.

Самое неприятное известие в том, что Гудериан, по всей видимости, решил удовольствоваться малым. Не блокировать целиком правый фланг Никитина, зажимая пару дивизий, а ограничиться окружением одного-двух полков 161-й дивизии и идти на соединение с Готом. Намного раньше, чем я предполагал, и, возможно, чем он сам планировал.

Раньше немцы не стеснялись брать в кольцо целые корпуса и даже армии. Сейчас умерили аппетиты. И концентрация немецких войск в том районе такая, что, минимум, один полк от 161-ой эсдэ они откусят. Вот и решали, что делать: выводить 603-й полк из окружения или пусть сидит на месте. Решили оставить его в режиме круговой обороны. Выводить поздно. При таких манёврах потери достигают девяноста процентов. Нахер мне такое не нужно. Лучше им закопаться поглубже и основательнее, пусть фрицы их выковыривают. Теряя время, личный состав и тратя боеприпасы.

Признаться, прохлопал ушами этот момент. Не ожидал, что Гудериан так рано пойдёт на соединение с Готом. Неожиданный ход. Рассуждал-то я правильно, немцам выгодно растянуть и раздёргать наши силы. И будь ещё погода лётной в это время, поглядели бы мы, как у них вышло бы. Хотя авиации у них и больше... что там за шум в приёмной?

— Что за вид, военный!? Где знаки отличия?! По команде «смирно» стой, кому говорю! Откуда такой взялся?! За такие нарушения формы одежды тебя под трибунал отдать надо.

Выглядываю. Потом выхожу. Трогаю за плечо лощёного, как с иголки одетого краскома, перед которым пытается стоять навтыжку Яша Эйдельман. Пытается, а не стоит, потому что не умеет. Лощёный раздражённо поворачивается, останавливая намерение сбросить мою руку. Опоздал. Я не собирался класть ладонь ему на плечо. Ещё чего!

— Представьтесь, — благожелательно предлагаю энкаведэшнику, как вижу по малиновым петлицам.

— Старший лейтенант госбезопасности Николай Хохлов, товарищ генерал армии, — чётко докладывает лощёный. Образцово выглядит парень. Как с плаката сошёл. Отдельного наркомата госбезопасности уже нет, но ГУГБ в составе НКВД есть. Так что сразу и понятно откуда и зачем.

Пояснить лощёному кое-что придётся. Уж больно мне не понравилось тоскливое выражение в Яшкиных глазах. Так и сделаем. Не при Якове.

— Яш, ты чего хотел?

— Узнать, товарищ генерал, летим сегодня или нет?

— Если погода позволит, то после обеда, часа в два. Всё у тебя?

Яков кивает, отпускаю его. А теперь Лощёный!

— Товарищ старший лейтенант, вынужден вас предупредить. Если ещё раз повысите голос на этого парнишку, мы с вами начнём серьёзно ссориться...

Поднимаю руку, останавливая возражения.

— Во-первых, он — ополченец. Некоторая несурезица в форме одежды явление распространённое и, увы, пока непреодолимое. Согласно моему приказу основное время обучения личного состава ополчения уходит на боевую подготовку. Затем уставы. Всё

остальное — как придётся и на ходу.

— Во-вторых, этот парень присягу не приносил. Фактически он гражданский и под военный трибунал попасть не может. Даже если он вас обматерит или применит физическое насилие, то будете подавать на него жалобу в народный суд.

— В-третьих, он у меня на особом положении, но подробности посторонним знать не положено. Вы ко мне по делу?

Последний вопрос приводит лощёного в окончательное замешательство. Он всё пытался сохранить лицо и не принять окончательно вид побитой собаки, и резкая концовка выбивает его из колеи. Так случается, когда неожиданно исчезает сильное давление. Лощёный не сразу понимает, что противостоять уже ничему не надо.

— Да, товарищ генерал армии, — сначала идёт за мной, спохватывается и бросается за портфелем на стуле.

Через несколько минут после краткого доклада гостя знакомлюсь с предложенными документами. Знакомлюсь хладнокровно и пуще того, гордясь своей выдержкой.

Семь открытых по всем правилам дел. На Рычагова, его супругу, Копца и командиров калибром поменьше, но не ниже комдива. Так. И какие ваши доказательства, господин Лощёный? А никаких! Никаких, кроме оговоров со стороны уже арестованных и по большей части уже расстрелянных в результате большой чистки. Как добываются такие «неопровержимые» доказательства знаю уже и по своей шкуре. И пример Рокки перед глазами. Ну, хоть его в этот раз не трогают. И не тронут. И не только его.

Закрываю последнее дело.

— По существующему порядку требуется ваша санкция на дальнейшую работу с подозреваемыми, товарищ генерал армии, — Лощёный старается говорить веско и частично ему это удаётся.

— Санкции не будет, — сначала попробую добром объяснить. Не поймёт, решим по обстановке.

— Вопрос для начала, товарищ старший лейтенант. Вы давно у нас?

— Полмесяца. Направлен к вам из Москвы на усиление.

— Так-так-так... — задумчиво барабаню пальцами. Лаврентий Палыч саботирует решение товарища Сталина? Где же товарищ старший майор Никаноров?

— Решим так. Дела пока оставлю у себя. А ты, старший лейтенант, угрёбывай обратно в Москву. Увижу тебя ещё хоть раз — в штрафбат отправлю.

— Товарищ генерал армии! — возмущённо вскидывается Лощёный.

— По договорённости с Лаврентий Палычем, — мне не надо придавать вескости словам, они и так заметной тяжестью ложатся на плечи Лощёного, — мне должны были прислать старшего майора, фамилию которого тебе знать не обязательно. Договорённость одобрена... сам понимаешь кем. Так что сегодня же уезжаешь в Москву и там напомнишь Берии, кого я здесь жду.

— Но...

— Это приказ. Тебе нужно решение твоего начальства? — снимаю трубку, мне не трудно. До Фомича быстро не достучаться, но у него замы есть.

На которых пришлось надавить.

— Так. Товарищ комиссар, мне ничего не стоит снять вас с генеральского обеспечения и лишить кое-каких премий. Каких? Вот и узнаешь, каких. Мне похеру, с одобрения Фомича ты это сделаешь или своей властью, только чтобы завтра этого фрукта здесь не было.

Трубку не швыряю, кладу аккуратно. С удовлетворением отмечаю, что этот контраст гневного на грани ярости тона и спокойных жестов сильно бьёт по самообладанию «фрукта».

— Другие вопросы есть, товарищ старший лейтенант?

Лощёный растерянно мотает головой, других тем у него нет.

— Начальнику своего отдела передай мою убедительную просьбу прибыть ко мне завтра. О времени договорится с канцелярией. Всё, свободен.

Выучки и выдержки у него ещё хватило вытянуться, отдать честь и чётким шагом удалиться за дверь. Показалось даже, что каблуками щёлкнул по старорежимному. Почему-то мне это понравилось.

С его начальником поговорю сначала в узком кругу. Не проймёт — вызову на Военный Совет.

25 августа, понедельник, время 13:15.

Минск — аэродром в Мачулищах — борт № 1

От штаба еду вместе с Эйдельманом. Борьки нет, он на занятиях в дивизии ополчения. Уже в качестве инструктора. Растёт парень. Оно и для него полезно, знания и навыки углубляются до мозга костей, когда начинаешь сам обучать.

Меня сейчас Яша беспокоит. Вот не думал, не гадал, что придётся ещё роль духовного отца на себя брать. Или психолога. Сильно мне не понравилось тоскливое выражение его глаз, которое до сих пор окончательно не исчезло.

— Товарищ генерал... — обращается Яков, когда мы из столовой выходим на улицу, пахнущую дождём и особой свежестью после грозового ливня. Солнышко пытается выглянуть из-за облегчённых дождём туч, но не всегда ему удаётся.

— Дмитрий Григорич, — поправляю его. Не знаю, поможет ли, но попробовать стоит.

— Когда мы одни, и тема не официальная, можешь по имени-отчеству обращаться.

Садимся в броневик. Саша деликатно размещается рядом с водителем.

— Что хотел сказать-то, Яша? — так или нет, но впечатление, будто желание Якова выговориться тает.

— Понимаете, — он вздыхает, в тёмных семитских глазах проявляется древняя грусть древнего народа, — мне становится ясно, что армия не для меня...

— Это я с первой нашей встречи понял, — проявляю нетерпение, — трудности в чём?

Удаётся мне вызвать у него удивление. Не шокового уровня, но достаточно сильное. Откуда-то я знаю, — память Кирилла Арсеньевича настоящая кладовая, — что таково назначение этой эмоции, смывать предыдущие впечатления. Мне это и нужно.

— Ну, как же... мне же придётся на военной службе находиться...

Выезжаем из Минска. Ничего не опасаемся, линия фронта далеко, а погода нелётная. Выходим на трассу.

— Ополчение — особая статья, Яша. У них и присяга своя, почти такая же, но есть тонкости. Тебе вообще волноваться не о чём...

Пока едем, объясняю.

— Не относись к этому слишком серьёзно. Ты — не военный, ты — гражданин страны, попавшей в тяжёлое положение, и помогаешь ей, как можешь. Ополчение это не армия. У нас просто нет времени готовить из вас профессиональных военных. Заметь, что военврачи, несмотря на полную...

Хотел сказать «интеграцию», и он бы меня прекрасно понял, только слово не совсем из

этого времени и не пользуются им военные.

— Короче, они надели на себя военную форму, а сами продолжают заниматься своими делами. И безупречного знания уставов и строевую подготовку никто с них не требует. Вот и ты, студент мехмата, находишься на студенческой практике. Выполняешь серию лабораторных работ, ведёшь семинары и всё такое.

— Интересная постановка вопроса, Дмитрий Григорич, — Яков оттаивает, первый раз называет меня на штатский манер.

— А то, что приходится носить военную форму, козырять и всё остальное... ну, тебе же не кажется странным, что в жарких странах приходится носить соломенные шляпы или какую-нибудь чалму? Или тепло одеваться на севере? Или раздеваться до трусов, заходя в море? Ты попадаешь в непривычную среду, само собой, приходится выполнять какие-то правила и соблюдать принятый порядок. Это не мешает тебе оставаться самим собой.

Дальше молчим. Думаем каждый о своём. У Якова есть время всё переварить. Поглядываю на небо. Тучки сначала обратились в слой облаков, в котором появились разрывы. Ещё немного и можно прыгать в небо.

Всерьёз обеспокоен состоянием Эйдельмана, пропади пропадом этот лейтенантишко хоть и старший и хоть из госбезопасности. Парень представляет собой тонкий, точный и высокоэффективный инструмент. А чем сложнее любое устройство, тем оно капризнее и требует особой бережности обращения. Не понимают пока наши люди такой простой истины и всё норовят микроскопом гвозди забивать.

Что может успешно конкурировать с компьютерами, всякими там искинами и прочими фантастическими для этого времени достижениями? В период взрывного развития роботизации произошёл на одном из таких супероснащённых западных заводов примечательный случай. Производственная линия полностью автоматизирована, но есть узкое место, которое никак не получается расширить. И один вдруг предлагает:

— Знаю систему, которая может справиться с нашей проблемой.

С него запрашивают ТТХ. Масса, периодичность подзарядки, время на техобслуживание, период непрерывной работы. Он отвечает:

— Масса 75 килограмм, плюс-минус. Восемь рабочих часов в сутки, с еженедельным двухдневным техобслуживанием... — ну, и так далее.

Все прикидывают, вроде всё нормально, подходит.

— Как называется система?

— Человек.

Мой Яша Эйдельман — искин в человеческом обличье. С возможностью самопрограммирования, самонастройки и всего остального. С неплохой постоянной и оперативной памятью и хорошим быстродействием. Методы обращения — обычные человеческие: кормить, поить, иногда хвалить. Орать и, не дай бог, рукоприкладствовать, строжайше воспрещено.

Он у меня андроид наоборот. Андроид — робот, оформленный под человека. А если человек начинает подменять собой андроид, кто он? Робота создать невозможно, но заменить его человеком, почему нет?

В литературе двадцать первого века распространены мемы: «рояль в кустах», «Мэри Сью», «Deus ex machina». Но рои иногда выпрыгивают из кустов и в реале. Только их надо загодя готовить. Почему англосаксы легко победили американских индейцев? У них был огромный запас роялей. Они сильно превосходили индейцев и в развитии военного дела и

техники. Науки у сиу и прочих команчей совсем не было. Пулемёт был одним из роялей. Вирусология — ещё один рояль. Заражали индейцев оспой.

Атомная бомба тоже рояль. Естественно, до той поры, пока у нас не появилась. Эйдельман — мой рояль.

Через час. Небо над Варнянами, расположение 603-го полка.

Рояль не всегда выстреливает. Как выясняется.

— Полное накрытие, — докладывает старший лейтенант, мой наблюдатель. Гляжу с недоумением на давно знакомого подтянутого шатёна. Откуда-то из-под Уфы парень.

Удивляет контраст мрачного тона и победности доклада...

— Нашу миномётную батарею накрыли, — наблюдатель отводит глаза. Яков начинает бледнеть. Он только что давал целеуказание для миномётов. Эффективность огня которых, несмотря на попадание, оказалась неожиданно низкой.

Зато в ответ одновременно ударили...

Позиции 82-мм миномётов.

Их уже не существовало. Каждый ствол сильно заглублен, защита была организована по высшему разряду. Ничего наружу, и сейчас ничего на месте батареи не осталось, кроме дымящихся воронок и продолжающих хоронить миномёты и личный состав разрывов...

Борт № 1.

— Прекратить огонь! — реагирую по-генеральски быстро. — Всем артиллеристам — прекратить огонь!

Радист лихорадочно отстукивает немного запоздавший приказ. Пять гаубичных батарей только что стирают нашу батарею в пыль. Почти мгновенно.

— Координаты на карту нанесли? — на мой вопрос наблюдатель неуверенно кивает. Яков не ждёт от меня даже взгляда, присоседивается к нему, чуть качнувшись на наклонившемся полу. Начинает тыкать пальцем. Память у него чуть ли не эйдетическая, пять лейтенантов, даже старших, за ним не угонятся.

— Домой! — команду лётчикам. Но бросать полк не собираюсь.

Радист после моих инструкций отстукивает очередной приказ. А я выхожу на связь с комполка. По радиотелефону, голосом.

— Вот что, Сыч (позывной комполка). Сейчас прилетят бомбардировщики и отомстят за тебя. Если у тебя есть собственные данные, готовь их.

— Будет исполнено, Чибис! Вопрос можно?

Разрешаю. Рискую, но командир полка тоже должен понимать, что немцы нас слушают.

— Приказа выходить из окружения не будет?

— Смысла нет, Сыч. На пути отступления весь личный состав тонким слоем размажешь. Лучше укрепляйся и сиди. У них времени мало, и тратить его на тебя они не будут. Заблокируют и всё.

— Всё понятно, Чибис.

— Конец связи, Сыч.

Мы улетаем, а в Мачулищах уже поднимаются в воздух пара эскадрилий. Но не бомбардировщиков, а истребителей и штурмовиков. Пусть немцы ждут добычу, придёт-то охотник.

Летим назад.

— Запомнил урок, Яша?

На мои слова притихший парень задумывается.

— Концентрированный огонь нескольких батарей по одной цели?

— Да.

Яша опять задумывается.

22 августа, пятница, время 14:50.

Близ местечка Каварскас, 25 км к северу от г. Укмерге.

Гауптштурмфюрер Франц Греше

(Дивизия СС «Рейх», 3-й моторизованный полк СС «Дойчланд», 46-й МК)

— Это они, — замечаю несколько рассеянно лейтенанту, командиру заслона.

— Кто они? — лейтенант ожидаемо не понимает.

— Русские диверсанты... — оглядываю расположение. Совсем недалеко на восток горизонт надёжно закрыт густым лесом. Около дороги овражек, в котором и укрыт основной личный состав. Лес на востоке, как он там называется (гауптштурмфюреру трудновато даются местные топонимы), будто пытается взять в окружение расположенный рядом городок.

А русские совсем не просты! Прошли спешно организованный заслон с изяществом леопарда и коварством змеи. Заслон, замаскированный под пост фельджандармерии, не смог их остановить. Придётся новый организовывать.

— Герр гауптштурмфюрер, я же и рассказываю, — продолжает недоумевать лейтенант и повторяет свой рассказ.

Слушаю его внимательно, мало ли что. А ведь дело становится всё интереснее и интереснее. Вывод из строя мелкого гарнизона не велика потеря. Тем более, там местные по большей части. Гашу в себе вспышку неуместного азарта, дичь ещё далеко. Хищная и умеет кусаться? Тем интереснее. Мне всё больше нравится полученный приказ изловить или уничтожить русскую группу неизвестной численности. Хотя уже известной. В той деревушке побывал взвод или около того. Здесь тоже.

Летние ночи короткие, поэтому диверсантам приходится и днём передвигаться, почему-то они спешат. Вопрос почему, но не моё это дело. Моё дело догнать и уничтожить. И как передвигаться по нашей территории днём? А вот, как они.

На пост организуется нападение силами четырёх-пяти человек. С западной стороны. Обстреливают снайпер и пулемётный расчёт. «Фельджандармерия» принимает бой, заслонный взвод готовится обойти нападающих с фланга и навалиться всеми силами.

И тут появляются две грузовые машины, из них высыпают солдаты, рассыпаются цепью и гонят диверсантов к лесу, до которого они не успевают. Грузовики уходят за ними прямо по полю, объезжая пост фельджандармерии. Солдат человек тридцать-сорок, они быстро зажимают бандитов и уничтожают их. Трупы и захваченное оружие забрасывают в грузовик.

Подошедшему к ним лейтенанту командир представляется гауптманом Олафом Брауном, командиром разведроты из 167-й пехотной дивизии. Гоняется за диверсантами от самого Вильнюса. Коллега, ш-шайсе! Хитрая азиатская змея!

— Говорите, его зовут Олаф Браун? — на мой вопрос лейтенант кивает. Яволь! Того парня, практически уничтожившего тот гарнизончик, тоже так звали.

— Это русские диверсанты, — повторяю снова.

— Конечно. Я ж и говорю...

— И Олаф Браун их командир, — у лейтенанта от изумления отвисает челюсть. — Они обвели вас вокруг пальца, лейтенант. Так что снимайте свой пост и передислоцируйтесь дальше на север. Нам нужно их перехватить.

И просто так их не отловишь. И один я со своей ротой не справлюсь. Масштаб операции придётся расширять и первым делом закрыть для них лес. Если войдут туда, то растворятся бесследно.

22 августа, пятница, время 18:20.

У истока речки Нявежис, на противоположном берегу местечко Трошкунай.

Старший лейтенант Никоненко.

В лес нам войти не дали. Несколько минут не успели, к краю леса подошло несколько машин, броневиков и даже пара лёгких танков. Из машин спешно выпрыгивает пехота и всасывается в лес. Всё. И мимо не проедешь. Остановят и тщательно проверят. Дойчи взялись за нас всерьёз. Эх-ма! А я только собрался эшелон-другой под откос пустить. Собрался, да не добрался.

Мы уже на виду были, чуть меньше километра. Удачное расстояние, чтобы особо не торопясь, улизнуть. На развилке останавливаюсь, выхожу из машины, зову Диму, карту на капот, тычу пальцем туда, — в сторону дойчей, — потом в другую сторону.

Надо же для наблюдателей, которые наверняка на нас в бинокль любуются, кино показать. Обсудили направление и повернули. Уехали. А что они сделают? Предупредительный выстрел по курсу? Могут. Теоретически. А вот, всё, уже не могут: поворот, въезд на пологий холм, спуск, и мы вне поля зрения.

Не нравится мне всё это. Кажется, на нас открыли большую охоту. Хорошо Нефёдов успел в лес нырнуть. Если не дурак, отсидится и потихоньку выберется. Нам дали приказ выбираться на север, через Даугаву в расположение Севзапфронта. В районе села Айзкраукле.

— Командир, горючка скоро кончится, — докладывает Стёпа Махонин. Он у меня сегодня за водителя. Я и сам могу, но надо и подчинённых натаскивать.

— На сколько хватит?

— Километров на пять, не больше, — отвечает неуверенно, да и как тут будешь уверенным?

Хватает на два. Выливаем в бак остатки, литра полтора там плескалось. Во второй машине больше бензина осталось.

Выбираю рощу, где остановимся, и загоняем машины. Не простое это дело, на самом деле. Колёса оставят следы, по которым нас найдут без всяких следопытских навыков. Поэтому неширокий, метров пятнадцать-двадцать, промежуток травы оставляем нетронутым. На ширину колеса срезаются две полосы дёрна сантиметров на пятнадцать. Вместе с травой. Откладываем в сторону, загоняем машины в лес, слегка рыхлим утрамбованную колёсами почву и возвращаем дёрн на место. Если искать целенаправленно, то обнаружить опытным глазом можно. Первые сутки. Мы ещё водичкой аккуратно польём, чтобы травка не заскучала.

До большого леса ещё добраться надо, но вот таких небольших рощ и рощиц полно.

Из кустов выныривает Дима.

— Герр гауптман, — он не ехидничает, за линией фронта мы не часто общаемся по-русски, — тут овражек небольшой.

— Овраг это хорошо, овраги я люблю...

Овраги — наше всё. Если небольшой, то это почти готовое укрытие с маскировкой. Иногда мы перекрываем его жердями, ветками, подпираем снизу брёвнами и земляными насыпями-стенами, сверху грунт и дёрн. Пройдёшь и не почувствуешь, что под тобой что-то

есть. Взрыв гранаты выдержит легко, лёгкую мину тоже. Снаряд или 81-мм мину, как повезёт. Есть под рукой брёвнышки, настил сдюжит. Нет, тогда отсеки-отнорки нужны, чтобы всех одним снарядом не накрыло.

У нас два ненужных грузовика, так что ставим их на дно, кузов засыпаем и утрамбовываем грунтом. Откиннутые борта упираются в стенки оврага, на них тоже грунт с ветками. Получается чуть не метровый слой. Сверху дёрн и всё, нет оврага, и только тяжёлый гаубичный снаряд это укрытие пробьёт. В полный рост в траншею под машинами не встанешь, но пригнувшись, пройдёшь. Машины наискосок, прямая траншея это для водопровода, для защиты от снарядов не годится.

Естественно, грузовички раскулачили. Остатки бензина, аккумуляторы, мелкие запчасти, всё в дело пойдёт.

Ещё в сторонке вырыли временный схрон. С тщательно замаскированным лазом и только чтобы ползком пролезть. Как устраивать такие схроны, целая наука. Лучше всего, в каких-нибудь буреломах, но в этой Литве, как назло, леса чересчур ухоженные. Густые кусты, впрочем, найти можно. Самые главные проблемы: вентиляция и противодействие миноискателям. Против сапёров спасёт глубина и помехи, например, гильзы можно густо раскидать или какие-нибудь гвозди. Поэтому каски в схроны никогда не тащим, оружие и металлическую амуницию укладываем ещё глубже. Роешь глубокая щель на дне, подальше от поверхности.

— Ни хрена себе, ты бомбоубежище вырыл, — стою рядом с веселого вида бойцом. Захаров почти всегда весёлый. Откопал щель почти в полный рост под деревом. Это правильно, ствол дополнительную защиту даёт.

— Мы — вятские, мужики хватские. Семеро одного не боимся... — дальше он не продолжает, дальше похвальба превращается в самопосрамление.

— А чем сверху закроешься?

— Так вот же! — Захаров пинает рюкзак с грунтом. Тоже правильно. Залез, мешок сверху и только прямое попадание туда-сюда полметра его похоронит. Метр и дальше только напугает.

Наблюдательные посты, три штуки, на деревьях повыше. Как их устраивать, тоже целая наука. Главное — возможность быстрого спуска, ну, и незаметность.

Мы всегда так делаем, если останавливаемся хотя бы на ночь. И сейчас у меня нехорошие предчувствия. Которые усиливает пролетевший чуть в стороне от нашего леса самолёт странной конструкции. Летающая рама какая-то. Только второй раз такой вижу.

Там же, время 21:20.

Предчувствия меня не обманули. Только что закончился доклад двух групп разведки. По обе стороны на той стороне реки, которая здесь в истоках, скорее, ручей, непрерывная цепь сторожевых постов.

— Что с другой стороны?

— Замечено движение грузовиков, — докладывает Дима. Он не только снайпер, как раз ему сподручнее наблюдение с деревьев вести, где он частенько устраивается. Снайперу удобно работать верхоглядом.

— В разрывах между деревьями, — уточняет он, — в самих перелесках накапливается пехота, я так думаю.

— Думаешь или что-то видел?

— Что-то видел, — вздыхает Дима, — где куст шевельнётся, где блеснёт что-то...

И ещё одно мне не понравилось. Чрезвычайно не понравилось. Вокруг постоянно летал самолёт, скорее всего, наблюдатель. Не только я его заметил. То есть, и сверху над нами присматривают.

Нас обкладывают. Напряжённо думаю минут десять, изучаю карту. Затем встаю, отгибаю нависшую еловую ветку, всех отпускаю. Меня радист ждёт, хотя и не знает об этом.

Там же.

23 августа, суббота, время 05:10.

Старший лейтенант Никоненко.

Лежим в ста метрах от лесополосы наискосок к нашей берлоге. Меня переполняет злое нетерпение и бешеный кураж. Люблю это ощущение, когда чувствуешь, что можешь всё и можно всё. Раны не замечаются. Все правила нахер! Ударить ножом в глаз — замечательно! Полоснуть по живому очередью и добить штыком или просто свернуть шею ударом каблука — здорово! Это враг и с ним можно делать ВСЁ! Вжимаюсь в землю, но в теле ощущение яростного полёта.

Злорадно наблюдаю за дымящейся полосой леса. Только что по ней ударили пешки, целая эскадрилья, теперь бомбят чуть дальше, а перед нами продолжают обработку пулемётами. Стволы у них серьёзные, отсюда вижу, как режутся пулями толстые ветки.

Неприятный вой летящих на землю бомб сейчас веселит несказанно. Что, гансы, не сладко? Не только у вас авиация есть.

Если нас блокировали со всех сторон, значит, знают, где мы. Так я вчера рассудил и составил радисту длиннейшую радиограмму.

— Нас же запеленгуют! — радист Женя лупал на меня растерянные глаза. Да, это было нарушением всех инструкций.

— Нас уже засекли и завтра будут брать. Передавай!

Передали наши координаты, условные сигналы, пароли на будущее, когда вырвемся. Если вырвемся. И пол-пятого утра прилетели железные птички. Почему-то без истребительного сопровождения. Себя обозначили двумя белыми ракетами вверх, дойчей двумя зелёными горизонтально в их направлении. Лидер эскадрильи качнул крыльями, и началось веселье. ФАБ-25, не меньше. Даже нас, за двести-триста метров подбрасывало.

Мы переоделись в родную форму РККА. Маскировка под солдат противника — наш обычный стиль войны, но на время маски сброшены. Сейчас мы никем не притворяемся, мы — бойцы РККА.

Увидев, что пешки сотворили с позициями дойчей, убеждаюсь: мы вырвемся. Такого способа прорыва гансы точно не ожидали...

— Вперёд! Быстро! Пленных не брать! — наконец-то можно дать волю бешено рвущейся наружу энергии.

Растерянное лицо не успевшего встать немца — удар каблуком, хруст костей. Шевеление в кустах, проявившихся сквозь спадающую пелену дыма и пыли — автоматная очередь, стоны, проклятья. Что, всё?!

— Захаров! Прабабку твою через коромысло три раза! Какого хрена пленных взял?!

— А чего с ними делать? Руки подняли, оружие бросили... — парень растерянно хлопает глазами.

Ругаюсь, но прекрасно его понимаю. Бывает, не удержишь руку, когда фриц руки к небу тянет, но если удержал, то всё. Считай, выжил фашист. Ладно, разберёмся.

— Кузнецов! Действуй по плану! Всем! Две минуты на сбор боеприпасов и продуктов.

Сержант Кузнецов собирает вокруг себя ещё пятерых. Это новички, пусть поучатся и поживут. Вчера Кузнецов пытался спорить. С командиром тухлый номер. Плевать против ветра и то лучше.

— У вас задача тоже непростая. Доберётесь самостоятельно, можешь считать себя полноценным сержантом, которому можно взвод доверить. А ребят полноправными разведчиками.

— Диверсиями по дороге домой заниматься? — по его вопросу понял, что возражения кончились.

— На твоё усмотрение, в случае допустимого риска.

Шестёрка, которую решил оставить здесь, пригибаясь и скрываясь за остатками кустов и деревьев, возвращается в «наш» лесок. Есть ещё один момент, даже два, про которые умолчал в разговоре с сержантом. Чем нас меньше, тем легче просочиться к своим. И молодёжь нас слегка отягощает. Их учить надо, присматривать. И чуть слабее они. Давно понял одну вещь, никакие спортивные тренировки не дадут того, чем одевают человека реальные бои насмерть. В экстремальных ситуациях боец выпрыгивает за границу своих возможностей, тем самым отодвигает их всё дальше и дальше. Можно с улыбкой вспомнить наши пацаньи битвы стенка на стенку с соседними улицами и районами. Будь я тогда таким, как сейчас, прошёл бы сквозь чужую ватагу, как сквозь туман.

Бомбовые удары, так радующие наши сердца, — родная Красная Армия нас не забывает, — отдаляются. Нам за ними. И почему нет истребительного прикрытия? Не хочется мне потерь среди лётчиков, наших спасителей.

— Вперёд! Дальше!

Захаров и пара бойцов бьют прикладами стоящих на коленях немцев. Прибьют наглухо, чёрт с ними, но может и выживут. Главное, чтобы в спину не пальнули. Оружие, что мы не взяли, испортили, — это нетрудно, один хороший удар о дерево и капут стрелялке, — но мало ли что.

Бежим дальше, средним темпом, поближе к бомбовым разрывам. Понимаю умом, что осколкам всё равно, но от дурацкой уверенности, что наши бомбы нам не навредят, избавиться не могу. Впрочем, бомбёжка прекращается, пешки кружат и крушат всё из пулемётов. Истребителей рядом до сих пор не вижу.

Выбегаем на открытое место. Внутри в сумасшедшей схватке борются два дракона. Так нельзя! — ревет один. Он прав, мы ни одного шага не делаем без разведки, хотя бы визуальной. Деваться некуда, — бормочет другой. Он тоже прав, наш шанс в быстром уходе из этого места. Проскочим за линию блокады — почти наверняка уйдём. Знаю как.

Не одного меня потряхивает. Непроизвольно все увеличивают темп почти до максимального. Нет наблюдателей, а то бы сейчас все нормы с убедительным запасом сдали. Километр по пересечённой местности за три минуты...

Блядский высер! Не проскочили! С левого фланга от небольшой рощицы пулемётная очередь опускает перед нами шлагбаум. Веер пулевых фонтанчиков на несколько десятков метров справа угрожающе быстро приближается, как и свист пуль. Неожиданно для самого себя высоко подпрыгиваю.

Удачно! Железный ветерок проходит подо мной. Вжимаюсь в землю, слыша за собой стон и ругательства. Кого-то зацепили.

— К бою! В цепь! Приготовиться к атаке!

Ни разу не приходилось ходить в лобовую атаку. Не наш стиль. Но это не значит, что мы

не умеем. Ещё как умеем! По-другому не получится. Этот заслон надо уничтожить. Даже если не остановят нас, вцепятся за хвост и не отстанут.

— Дима! По пулемётчику!

Я тоже ударю по нему, закидываю за спину автомат, берусь за карабин. Рюкзак на землю перед собой, какая-никакая защита. Несколько выстрелов и пулемёт замолкает, для расстояния меньше двухсот метров не нужен снайпер-профессионал, на такой дистанции мы все снайперы.

Зато открывает огонь ещё один пулемёт, грамотно расположенный на другом фланге. И где-то подальше, справа звук мотора. Танкового, блядский высер.

— Женя! Сигнал! Как хочешь!

Мою попытку выбросить последнюю карту обрубает Дима.

— Убит Женя. И рация разбита.

Значит, последний сигнал, код 312 подать не сможем. Этот код что-то вроде последнего прощания. Об атаке уже не помышляю. Судя по частоте выстрелов перед нами рота. Сверху похоронными нотками раздаётся характерный свист. У вражеской роты есть лёгкие миномёты. Парни начинают окапываться. Полноразмерный окоп под огнём не выроешь, но на десяток-другой сантиметров заглубиться недолго.

Мы с Димой давим второй пулемёт, когда я получаю первую пулю. Правая ключица перебита. Особой боли нет, мне уже всё равно. Второй пулемёт замолкает... Дима тоже поникает головой. Это просыпается первый пулемёт.

Удар по голове, взрыв рядом, кажется, осколком ещё ногу цепляет. Удар по голове, это пуля по касательной, срывает пилотку и пропахивает борозду в черепе. Ухо заливают тёплым.

Осталось последнее дело, вытаскиваю гранату, — левая рука ещё работает, — кое-как пальцами разгибаю усики, зубами выдёргиваю колечко. Теперь последний привет фрицам под меня. Готово. Оглядываюсь. Кое-кто пока стреляет, а над нами расцветает одна сигнальная ракета за другой. Белая, красная, опять красная...

Перед глазами вдруг появляется смеющееся лицо Лили, на краткую секунду вдруг ставшей самой желанной, близкой и родной...

Там же.

Гауптштурмфюрер Франц Грече.

Кажется всё. Ещё пару коротких очередей для верности. Рядом убитый роттенфюрер Фольц, мой пулемётчик. Второй номер ранен. Ш-шайсе! Хорошо, потери позже сочтём. И судя по тому, как точно стреляли русские, они есть и кроме одного пулемётчика.

— Цепью! Держать дистанцию! Русских под прицел! Перебежками! Вперёд!

Рота поднимается, я вслед за ней. Выстрелов нет, и мои парни перестают падать на землю. Слева подходит, уверенно рокоча мотором лёгкий танк, трофейный чех. Подходим вплотную, оружие наизготовку.

— Герр гауптштурмфюрер! — поскакивает солдат. — Обнаружено двое тяжелораненых. Что с ними делать?

— Добить, — отдаю команду после краткого размышления. Тяжелораненного не допросишь, придётся долго лечить. К тому времени всё, что из него можно будет выбить, станет никому не интересным. Яйцо сегодня съесть не удастся, а еда завтра станет ненужной.

На выстрелы не обращаю внимания, стою рядом с русским солдатом. Это он пускал ракеты, и это я его заткнул. Откинута в сторону рука с остатками кисти. Изувеченная пулей

ракетница в стороне. Точно попал. Лицо у мёртвого солдата строгое и непримиримое.

А хорошие у русских попадаются солдаты. Я бы от таких не отказался... что за шум? Шшайсе!

— Рота, к бою! Воздух!

Там же, но чуть выше.

Лейтенант Сафронов.

Минуту назад заметили вспышки ракет в нескольких километрах от нас. Так-то у нас задание прикрывать пешки, но рядом с ними мы не вились. В отдалении кружили. Пешка сама достаточно зубастый зверь, так что не очень рискованно их держать, как приманку. Очень хочется мессеров неожиданно за яйца прихватить.

— Посмотрим, ребята, что там случилось.

Летим туда, но не напрямую. Где-то там бомбёжка была, пешки нашей разведгруппе дорогу чистили.

— Ах, ты ж сука! — с первого взгляда становится всё понятно. Пара десятков тел на поле, рядом с ними несколько десятков фрицев в чёрной форме. Ещё в рощице рядом какое-то шевеление.

— В атаку! Весь боезапас не тратить! Нам ещё домой добираться, — как ни распирает злость, боевую задачу нам никто не отменял.

Там же.

Гауптштурмфюрер Франц Грече.

— Мистшук фик! — вырывается само собой. Прямо на меня, не на нас, а на меня! Летит этот русский ящер с двойными крыльями. А мы на открытом поле и никаких зениток.

Вскидываю автомат. Стреляю с колена.

— Огонь! — нам всем больше ничего не остаётся. Даже ложиться бесполезно.

Неравная дуэль. На меня с неумолимостью паровоза накатывает сверху двукрылая русская машина, сверкая четырьмя злыми огоньками.

В грудь словно бьёт кувалдой. Уже на земле успеваю вскинуть руку в последнем приветствии перед уходом в Вальгаллу. Люди СС не боятся смерти.

— Хайль Гитлер!

Огненные стрелы в небе провожают меня...

Там же, но выше на полкилометра.

Лейтенант Сафронов.

— Вот падла! — ругаюсь с чувством. Этот гад в чёрной форме умудрился в меня попасть. Но вроде мотор работает нормально, слава небу.

Делаем последний круг над полем. Горит танк, поле перепахано ракетами. Наши с чёрными лежат вперемешку, некоторые горят. Несколько чёрных, не больше десятка, ползут в сторону, чёрт с ними! Когда прихлопнешь тапком кучку тараканов, парочка всегда сбежит.

— Домой, ребята! Догоняем пешки!

Окончание 9 главы.

Глава 10. Срыв сжатой пружины

26 августа, вторник, время 19:20.

г. Молодечно. Командарм Никитин.

Отступление никогда не радует сердце солдата. Организованное и по законному приказу, всё равно не радует. Хучь и старается Григорич подсластить пилюлю, всё равно гадостно на душе. Канешно, велика надежда на то, что Григорич знает, что делает. Только это замиряет и утешает душу.

Стою немного в сторонке у своего броневика. Наблюдаю малость поодаль, иначе моим бойцам на шляху придётся на строевой шаг переходить, а парад сейчас не к месту. И так хорошо идут, строй держат, лица спокойные, мерно шагают лошадки, размеренно поскрипывают и стучат на булыжниках тележные колёса.

Это передовые боевые части. Тыловые выведены вчера, корпусная и дивизионная артиллерия уже занимают новые позиции. Бойцам, что идут сейчас мимо, не придётся копать землю и ставить блиндажи. Всё готово.

Дюже мне интересно. Григорич ещё тогда, в апреле-мае планировал с этой стороны оборону держать? Это шо, он с Господом Богом на прямой линии? Вправду там сподручно германским байстрюкам красную юшку из носа пустить. Побуцкаться славно можно.

Местных почти нет, и вскоре здесь на окраине совсем не будет. Последними проходят артиллеристы, сорокопятки и трофейные 50-миллиметровые.

Подходит адъютант, козыряет. Не даю ему рта открывать, сам спрашиваю:

— Готово?

— Так точно.

— Работайте.

Старший лейтенант убегает. Ушли не все, кое-кто остался, и кое-что они сделают. Всех оставшихся гражданских на этой улице выведут под предлогом инструктажа для жителей территорий, попадающих под оккупацию. На дурнинку повод, но наш человек не удивится.

Дальше мои ребята поработают. Вот они и начинают. В обратном направлении, гудя моторами, проезжают три грузовика. Кузова под брезентом.

Адъютант возвращается.

— Всё у них ладно?

— Так точно!

Садимся в броневик. Без меня справятся. Славный подарок фрицев ожидает. Надо проследить за размещением полков на новых позициях. И не моих, а приданных. Передислокация обещанных комфронта дивизий закончена. Пойду брать их под свою руку. Своих родных на пополнение, потери на последних боях выросли до пятнадцати процентов.

28 августа, четверг, время 10:20.

Минск, штаб Западного фронта.

— Семёныч, ты зачем это сделал?! — еле сдерживаюсь, чтобы не заорать в голос. Только боюсь, что телефонная мембрана порвётся.

— Как зачем, Григорыч? — Никитин искренне не понимает моего возмущения. — Всё получилось здорово, цельный батальон, как карова языком слизнула. Р-раз и нету.

— Семёныч, я тебе что говорил? Тихо-мирно уходишь из Молодечно, туда спокойно заходят немцы.

— Да? Прости, Григорыч, мабуть, не понял тебя... а шо такого страшного?

— Угу, спроси ещё, чего я так за фрицев переживаю? — теперь заливаю телефонную трубку ядом. — Урюк тупой...

Неожиданно вырывается. Откуда-то из кладовых памяти Кирилла Арсеньевича, личность которого как-то незаметно интегрировалась, — тоже его словечко, как и следующее, — и выродилась во внутренний голос. Хотя как посмотреть, кто, в ком и насколько ассимилировался.

Никитин обиженно сопит. Мне теперь его ещё и утешать. Но недовольства начальственного стараюсь из голоса не убирать.

— Я хотел этот фокус проверить при входе немцев в Минск. А там улицы шире, длиннее... там бы полк сразу на небо отправился, а не батальон. Так что поздравь себя, ты сгубил немецкий батальон и спас им полк.

Никитин продолжает сопеть, но как-то по-другому. Не обиженно, озадаченно.

— Приказы командиров надо выполнять. Ты какой пример подчинённым подаёшь? Приказы самого комфронта для тебя — тьфу!

— Григорыч, ну, справду запамятовал...

— Надеюсь, в том же духе продолжать не планируешь? А то поднимешь флаг с лозунгом «Анархия — мать порядка» и шашки наголо. А шо? Не жизнь, а песня, и такая же короткая.

— Григорыч...

— Ладно, Семёныч. Вали уже, работай, — кладу трубку.

Со стороны может показаться, что писец котёнку, то бишь, Семёнычу. Попал надолго в штрафники. Нет, он меня огорчил, но не так уж. Поэтому я не прекратил называть его по отчеству, и он прекрасно этот момент уловил. Вот назвал бы его «товарищ генерал-майор», вот тогда бы его холодок до печёнок пробрал.

Но попробуй запрети коту мышей ловить, если он любит это дело. И как запретить своим командирам бить фашистов при любой возможности? Это возможно, но мне надо было объяснить, зачем и почему. Если уж солдат должен понимать свой манёвр, то генералу сам... сама ВКП(б) велела.

Это всё ладно. Мне-то что теперь делать? Немцы в Минск теперь осторожненько будут заходить, малыми группами просачиваться. Тратить ФАБ-100 или ФАБ-50 на двух-трёх солдат расточительство такого уровня, которое запросто приведёт к поражению.

Мне не надо рассказывать, что там произошло.

Вот входит бравая пехота вермахта, светясь довольными лицами. Их приветствует реденькая, очень реденькая толпа. Всех проинструктировали, чтобы не совались к немцам хотя бы первый день. Злобные большевистские агенты страшного НКВД всех возьмут на карандаш.

Бодро шагает пехота, конные упряжки тащат телеги с боеприпасами, провиантом и прочими нужными солдатам вещами. Колонна втягивается в городишко. И где-то из подвала наблюдают за ними недобрые и внимательные глаза. А может, с чердака. И в нужный момент наблюдатель даёт команду «Пора» и быстро покидает наблюдательный пост.

И в совсем наглухо укрытом от чужих взглядов месте сапёр-разведчик, одетый в гражданское, поворачивает ключ и крутит ручку электрической машинки...

И улица встаёт на дыбы на протяжении четверти километра, сбрасывая с себя булыжное покрытие вместе с солдатами, машинами и лошадьми, разрывая их на куски и выбивая мозги

через уши.

Прекрасно себе это представляю, потому что Никитин украл у меня эту мечту. С маленькой буквы, но мечту. Столько раз рисовал себе сладостную картину «горячей» встречи славных воинов великого рейха в хлебосольном Минске. Какая же он сволочь! Гнусная сволочь!

Ладно. И что теперь делать? Минск не сдавать? Неожиданно меня смех разбирает, хорошо никто не видит. Никитин подыграл приказу Сталина не сдавать Минск, лишил меня второстепенного, но приятного мотива впустить немцев в город.

Другие новости не плохи. Гудериан заблокировал 603-й полк, но штурмовать их позиции нахрапом не стал. Сейчас там бушуют воздушные бои. Рычагов своих птенцов тренирует. И хорошая новость есть, тоже во время совещания получил. До наших рано утром, когда немецкие асы привыкли смотреть сладкие сны, добрался ДБ-3, который доставил им новые миномёты взамен разбитых. С запасом мин и прочих боеприпасов. Да ещё обратно прилетел, на что я уж вовсе не рассчитывал. В том районе аэродромов не было. То есть, был какой-то старый тренировочный, ещё с мирных времён. Так они засыпали воронки, разровняли полосу, этот авиационный грузовик сел, выгрузился, принял на борт несколько тяжелораненых и спокойно улетел.

Но это чрезвычайная мера. Так-то мы им припасы на парашютах будем сбрасывать. Продовольствия им почти не надо. Местный колхоз кормит.

Прогнозирую затишье на фронте, так что можно к Рычагову слетать...

— Товарищ генерал, — заглядывает Саша, — вас Москва требует по ВЧ.

Раз требует, надо идти. По интонации адъютанта понимаю, что звонит Иосиф Виссарионович.

Угадал. В тесной подвальной комнатухе из эбонитовой трубки слышу голос с узнаваемым сотнями миллионов акцентом.

— Как у вас дэла, товарищ Павлов? — спрашивает вождь после приветствий. — И пачему вы так долго к телефону добираетесь?

— Нормально у нас дела, Иосиф Виссарионович. Добираюсь долго, потому что ВЧ связь у нас в подвале, по трём этажам приходится скакать. Ближе нельзя, контрразведка ругается.

— Гаварите нормально дела, но накануне вы Молодечно отдали.

— Мало что значит этот Молодечно. Оборонять его сложно и необходимости не вижу. Да и не просто так немцы туда вошли. Заплатили за вход полноценным батальоном.

— А за сколько Минск отдадите? — как-то опасно голос у вождя напрягается. В пику ему отвечаю беззаботно:

— Ну, если вермахт поставит на кон с десяток штурмовых дивизий, моторизованными и пехотными, то буду считать цену приемлемой. Но, конечно, поторгуюсь ещё, товарищ Сталин.

— Нэльзя Минск отдавать, — не повышая голос, но твёрдо заявляет Сталин.

— Почему? Рядовой город, это ж не Москва и не Ленинград...

— Сталица республики — не рядовой город.

— Вильнюс, Рига, Львов, Кишинёв — такие же провинциальные столицы, как и Минск. Одесса в стратегическом плане значит намного больше, чем Минск.

Язык мой — враг мой! Только брякнув про Одессу понимаю, что зря это сделал.

— Пачему не помогли Приморской группировке? Вас же прасили...

— Почему не помог? Помог! Авиагруппа сбила, дай бог памяти, по-моему, восемь юнкерсов, помогли местным отбить какие-то позиции у того лимана, забыл его название. И кое-как вернулась. Там же далеко, топлива в оба конца никак не хватает. Кое-как их вытащили, целую операцию для этого пришлось соображать...

— Мне как-то по-другому докладывали...

— Приморская группировка принять мои самолёты не может. У них аэродромов нет. Есть только местный аэропорт, про который немцы прекрасно осведомлены. Разбомбят в два счёта, если наши там приземлятся. По радио они нашим лётчикам не ответили, хотя частоты были оговорены, авиационных боеприпасов наверняка у них нет... не, посылать к ним авиагруппы, это давать им билет в один конец. Туда прилетят, обратно не вернуться. А почему Жуков не организует авиаподдержку? С Крыма намного ближе лететь, да есть места и поближе.

— У Жюкова авиации кот наплакал.

— Пришлите мне ещё молодых лётчиков и самолёты. Сформируем авиаполк и перебросим на юг.

— И сколько вы их будете готовить?

— Сегодня лётчики и самолёты — через месяц Рычагов даст полк.

На этот раз намеренно упоминаю Пашку. Какой-то зуб у Сталина на него растёт. Одна его фамилия вождя раздражает. Потому и упоминаю Пашку в положительном ключе. Зависает пауза.

— А раньше нельзя? — всё-таки спрашивает вождь.

— Можно, но только за счёт других. Только не понимаю, неужто у Жукова даже авиаполка нет?

Хитренькая память Кирилла Арсеньевича подбрасывает фамилию Покрышкина, который как раз на Юго-Западном фронте колобродил. Так что есть у него и лётчики, и авиация в целом. Но называть эту фамилию не могу, сразу нарвусь на вопрос, откуда я знаю. И Жукова понимаю, на таком клочке, который занимает Приморская группировка, аэродром в условиях степи спрятать трудно. И с самых близких мест расстояние всё равно больше двухсот километров. Не разгонишься. Оптимальное расстояние до линии фронта тридцать-пятьдесят км, никак не двести пятьдесят. Но мне-то ещё хуже, у меня — пятьсот. Авианосцев у нас ещё долго не будет.

— Есть ещё вариант, товарищ Сталин, — закидываю удочку, вдруг клюнет.

— Какой?

— Дайте мне армию, хотя бы из трех-четырех корпусов с полутысячей танков, и Рокоссовский ударит в сторону Одессы от Полесья.

— Думаете, дойдёт до самой Одессы?

— Ему даже на побережье выходить не надо. Если приблизиться к Одессе хотя бы за сто километров, то моя авиация потом всю румынскую армию в порошок сотрёт.

Вождь задумчиво хмыкает.

— А у вас, товарищ Павлов, нет в запасе резервной армии?

— В стадии формирования, товарищ Сталин. Нужны ещё танки, автомобили и всё прочее.

На самом деле лукавлю. 24-я ударная армия на основе политического корпуса, командный состав которого сформирован из политруков, уже перебрасывается на территорию Анисимова (11-я армия). И у них уже больше сотни танков, трофейных и

свежее выпеченных Т-34.

Но Сталин меня на слове не поймает.

— У мэня складывается впечатление, — вождь возвращается к избитой теме, — что вы хотите отдать Минск.

— Неправильное впечатление, товарищ Сталин, — отвечаю бодро и без запинки, — дело в том, что меня радует абсолютная прозрачность намерений фон Бока. Не надо гадать, куда он ударит. Он открыто рвётся к Минску, давая мне время подготовить контрудар в другом месте...

Не успеваю закончить.

— Вы готовите контрудар?! Где? Пачиму молчали? — Сталин заметно возбуждается.

— А разве это было непонятно? Конечно, готовлю. Давайте не буду говорить, где. У меня насчёт этого суеверия, товарищ Сталин.

— Ви всё-таки скажите, хотя бы примерно.

Просящему тону вождя отказать невозможно.

— Гм-м... товарищ Сталин, вы наверняка знаете, что 24-ую армию перебрасываю северо-восточнее Вильнюса, поближе к городку Швенчонис. Где-то там и ударю. Планирую оторвать кусочек Литвы и Латвии, такой треугольничек с вершиной в Даугавпилсе. Совместно с Северо-Западным фронтом.

— Ви ж говорили, что 24-ая армия не готова.

— 11-ая поможет, из своих резервов что-то подброшу. На поставки надеюсь. Боеготовность к тому же подразумевает обстрелянность войск.

— Сколько вы будете готовить контрудар?

— Недели полторы-две. Сроки не только от меня зависят.

— А от кого?

— От вас и от немцев, — из трубки сочится удивление, — от вас — поставки, от немцев — степень их резвости. Если будут и дальше так же рваться к Минску, то быстрее начну, если потеряют темп, то... ещё быстрее.

— Всё-таки Минск удержите?

Вот натурально надоедает мне этим вопросом. Он там что, с Рузвельтом пари заключил на Минск? Хотя смотря какое пари, если это пара десятков танкеров с бензином бесплатно, то я — за. Если тысяч по пять тонн в каждом. Но его ж напрямую не спросишь!

— Товарищ Сталин, вы меня простите, но вижу свою главную задачу в победе, а не в обязательном удержании какого-либо города, пусть даже и Минска. Если для победы надо будет оставить Минск, я его оставлю. Пока не вижу такой необходимости, но она может возникнуть. Когда-то Кутузов даже Москву оставил Наполеону, что уж про Минск говорить?

— Всё-таки постарайтесь удержать белорусскую столицу, — оставляет вождь за собой последнее слово и, вынуждая дать обещание приложить все силы и всё такое.

Ну, хоть так, без категоричности. Прямо камень с души. Но со всеми камнями не разделаешься. Например, какая сука стучит на меня в Москву? Я бы этих стукачей законодательно запретил. Что-то никак не помогло это доносительство наши первые поражения предотвратить. Проявляли бдительность, проявляли, а как немцы пришли, столько погани вылезло! Особенно на Украине. Прибалтика-то, хрен с ней, она с нами всего год.

Поднимаюсь по лестнице и начинаю ухмыляться. Стоит только обмозговать, и в девяти из десяти случаев проблема будет решена. Кажется, я придумал, как сильно осложнить

работу соглядатаям. Ничего сложного!

Полированная тысячами прикосновений перилина кончается вместе со ступеньками. И очередной камень приготовлен к сбросу с моей многострадальной шеи.

28 августа, четверг, время 14:20.

Барановичи, учебный авиацентр.

Давненько я не играл в шашки в Барановичах. И давненько не смотрел кино.

— Ножницы! — провозглашает голос Рычагова с экрана. — Если вы допустили такой захват со стороны фрицев, ставьте себе минус!

На экране два мессера зажимают Як сзади с двух сторон. Динамичные кадры учебного воздушного боя меняются на схему с тремя самолётами. Теми, что были только что «вживую».

— Если пара приближается сверху, то манёвр ухода следует делать вверх, — лекторский тон Рычагова иллюстрируется будущей траекторией Яка. Он делает как бы ступеньку наверх. Выпрыгивает вверх, затем снова горизонтальный полёт.

— Если снизу, то вниз, — продолжает Рычагов. Реальный Паша помалкивает, он сидит справа от меня.

Дальше любуемся, как Як делает эту «ступеньку» не на схеме, а в небе. Кино заканчивается, оно короткое, на пятнадцать минут. Моё присутствие, так понимаю, сильный сдерживающий фактор, но лёгкий шумок есть. Парни обсуждают увиденное.

— Сейчас следующий фильм. Реальный бой. Посмотрите сами, что бывает с теми, кто не смотрит по сторонам.

Реальный комментатор, неизвестный сержант, лейтенант или политрук, его тон кардинально отличается от академического в учебном фильме. Так и фонит эмоциями. Иногда порывается.

— Четвёрка чаек заходит в атаку на немецкие позиции... — комментатор начинает спокойно, но спокойствие тут же кончается. — Они что, не видят?!

На четвёрку чаек коршунами падают сверху четыре мессера. Наши, сосредоточенные на прицеливании, замечают их только после того, как один задымился и начинает рыскать по курсу, а второй исчезает в огненном двойном шаровом разрыве.

— Да как это?! — в отчаянии вскрикивает наблюдатель.

— В эрэсы фриц попал. Они и сдетонировали, — наклоняется ко мне Рычагов.

Дальнейший бой — избиение младенцев. Четыре опытных аса, — на мессерах другие не летают, — охотятся за чайками, которые даже удрать не могут. Вот ещё одна чайка падает, кувыркаясь. Последний оставшийся в строю лётчик в отчаянном рывке ловит зазевавшийся мессер на таран. Падают оба.

— Ну, хоть не всухую проиграли, — резюмирую итог боя.

В зале после того, как экран гаснет, царит оглушительная тишина. Наверное, первый раз такое видят. Я-то насмотрелся. И не в кино.

— Где это было?

— У Анисимова, — шёпотом отвечает Паша.

— Кинооператоров за такие ценные кадры награждать надо, — пусть сам думает как, это его епархия.

Этим шокирующим неискушённую юношескую психику кинороликом основное занятие завершается. После академической нотации Паши с понятным смыслом, — надо смотреть в оба и непрерывно, — выходим из кинозала.

Решаем промять ноги, идём вдоль взлётки.

— А это что? — киваю на пару изломанных мессеров. — Гробите ценную трофейную технику?

— Не такая уж и ценная, — бурчит Паша. — Знаешь, почему на них только асы летают? Другие не смогут. При посадке чуть что не так, шасси сразу ломается. Так что сейчас на оставшихся самые опытные летают. В небе он хорош, спору нет, но каждая посадка — лотерея.

— Сколько у тебя реально сейчас в строю?

— Триста двадцать машин. Половина с подготовленными лётчиками, другую половину тоже можно в бой выпустить, но...

— Понятно. В бою доучаться. Ты понадобишься мне через три-четыре дня. Вместе со всеми. Будем давить немцев и количественно и качественно.

К нам присоединяется Копец со своим адъютантом.

— Тебе, Иван Иванович, особое задание. Бери ТБ-7 с киноустановкой и проложи маршрут до Берлина.

Рычагов внимательно на меня смотрит, Копец кивает.

— Правильно вы вопросов не задаёте. Ни к чему.

Война от игры в карты отличается тем, что свои козыри сами себе готовим. Как потопашешь, так и поиграешь. Как бы нам ещё дальность Яков увеличить. Или Мигов. Только зачем мне самому об этом думать, когда рядом два авиационных начальника.

28 августа, четверг, время 19:40.

Минск, квартира генерала Павлова.

Ужинаем. Холостяцкий, непритязательный, зато без ограничений. В смысле перца и прочих излишеств. Достаяю мгновенно запотевающий графин, расставляю лафитники. Подмигиваю парням. Повод есть.

— Папа, мы присягу приняли! — вместо приветствия проорал Борька восторженно, едва открыв дверь.

Сын сияет, Яков задумчив.

— Это здорово, сын, — тоже начинаю сиять, — теперь, если что, вас можно под трибунал отдать...

Начинаю ржать вместе с Яшкой при виде вытянувшегося лица сына.

— А ты что думал? — строжаю взглядом и голосом. — Так просто тебе всё?

Ужин сооружали общими усилиями. Картошку лень было чистить, сварили макароны, удобрили их тушёнкой.

— А теперь выпьем, ребята, — разливаю понемножку, — повод бронебойный. И насчёт трибунала не переживай, Борис. Всё в равновесии. Зато теперь и награды боевые можете получить. На гражданских приказа подписать не могу, не положено.

— Пап, вот не надо... — морщится Борька, — не хочу пользоваться твоим покровительством.

— Но придётся, — откровенно смеюсь. — Ты же кой-когда под моим командованием будешь находиться. Я ж тебя, если что, на губу отправлю. В штрафбат рука не поднимется родного сына... наверное, а так...

Мы чокаемся, выпиваем и набрасываемся на ужин.

— Повезло вам, парни. Немного повоевать успеете, — говорю между делом.

Парни удивляются, но не очень. У Эйдельмана есть опыт, когда его, прибывшего на

войну, непринуждённо завернули назад. Только что пинка не дали. Да и Борька не горит желанием отсиживать задницу за партией, когда война идёт.

— Дмитрий Григорич, а долго война будет идти? — между прожёвываниями вставляет вопрос Яков.

— Сказал ведь, что вам повезло. Вы ещё повоюете. Сейчас сам думаю, если бы Борька начал учиться в артучилище, то мог бы и не успеть. Война будет идти год-полтора, не больше.

— Как это, пап? — замирает Борис. — Нам до войны твердили, что если враг нападёт, то война будет короткой, малой кровью и на чужой территории.

— Фактически так и есть. Война идёт на территории Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии. Это не совсем наши территории, мы на них недавно.

— Не только Западная Украина.

— Всё равно. До коренной России немцы до сих пор не добрались.

— А доберутся?

— Ты прям огорчаешь меня такими вопросами, сын, — смотрю укоризненно, — ну, как они доберутся-то? Они весь вермахт собрали против одного Минска, а я даже не все резервы подтаскиваю.

— Пап, а город возьмут? — Борька не унимается, Яков помалкивает. Вот она иллюстрация пословицы: молчание — золото!

— О-о-о-х... во-первых, от вас, минчан зависит. Мне, как командующему, по большому счёту всё равно. Уже вижу и знаю, возьмут немцы Минск или не возьмут, после битвы за город они сломаются.

— Почему? — этот вопрос задают хором.

— По кочану, — отвечаю веско и наливаю себе чаю, — не собираюсь вам про генеральские планы рассказывать. Не по рангу. Я самому Сталину не всё докладываю.

Впечатлились и замолкают. И слава ВКП(б), а то достали меня эти тупые вопросы.

— Вы не о том думаете, — с удовольствием наблюдаю недоумение на молодых лицах, — надо думать, УЖЕ надо думать о послевоенном мире. И своей судьбе. С Яковым всё понятно, продолжит учёбу, уйдёт в науку. И тогда ему очень сильно помогут боевые награды. А ты, что будешь делать?

Вот так, к концу ужина сумел направить их мысли по нужному руслу. От войны тоже надо отвлекаться. Полезно.

Курю, раскрыв окно, и слушаю, как Яков рассказывает Борьке про университет.

29 августа, пятница, время 08:35

Передовая 13-ой армии юго-западнее Молодечно.

Танковый батальон, полсотни тридцатьчетвёрок железной лавой, непрерывно плюющей огнём, неумолимо давил немецкую оборону. Немцы к массивной контратаке готовы не были. Линии противотанковых сил были развёрнуты во фронт, а прорвавшийся танковый кулак ударил во фланг.

На мгновение батальон останавливается, вода жалами пушек во все стороны, и дожидается, когда на броню сядет пехота. Затем неожиданно, — для меня, наблюдающего сверху на своём любимом ТБ-7, — поворачивает вглубь расположения немецких войск. Вглубь и наискосок. Их приманивает к себе батарея ПТО.

Интересно, что Семёныч задумал. Я не вмешиваюсь, работаю на подхвате и наблюдаю, парадом командует Никитин. Вообще-то так лучше не делать, присутствие начальства часто

сковывает подчинённых. Но Никитин — исключение, войдя в раж, он и меня обматерить может. И будет в полном праве, я ж сам ему приказал командовать боем и что его решение обжалованию и отмене не подлежит. После боя могу раскритиковать его тонким слоем, но во время него моё мнение — номер два. Кажется, знаю, зачем он это делает. Я бы на его месте... впрочем, поглядим, что дальше будет.

Начало решительного штурма предполья Минска сложилось для немцев ахово. Никитин с чисто азиатской хитростью выстроил перед основной линией обороны ещё одну. Всего за пятьдесят метров. Дежурные посты на ней обозначили себя стрельбой по атакующим и под дымовым прикрытием удрали на основные позиции.

Славные дойче зольдатен мужественно преодолевая миномётные обстрелы, укрепив нордические сердца шнапсом и восемью танками, героическим рывком овладели пустыми окопами. И оказались под плотным снайперским и артиллерийским огнём с наших, стоящих вплотную позиций. Нордические нервы не выдерживают такой гнусной азиатско-славянской подлости и пехотный батальон немцев, прячась за «разутые» и ослеплённые танки, потянулся к родным пенатам.

Видимо, этого момента Никитин и ждал. Надо заметить, что Т-34 шумят изрядно, и одновременный рёв моторов полусотни танков и лязг гусениц слышен далеко. Фрицы тут же перешли на бег, а из низинки за основной линией, сорвав маску, к ним с азартной страстью пса, завидевшего убегающего кота, рванул танковый батальон.

Полторы сотни фрицев с тремя оставшимися на ходу танками в арьергарде послужили хорошим прикрытием. Камрады замешкались, — свои на линии огня, — но и отсутствие замешательства не помогло бы. Миномётчики не сплеховали, закидали их дымовыми минами.

Мне, на высоте семи километров, показалось, что слышу скрежет раздавленных танками полевых пушек и миномётов переднего края. И панические крики безжалостно убиваемых «сверхлюдей».

— Как-то не задалось у немцев наступление, — со всем уважением к противнику и сочувствием говорю, отрываясь от бинокля.

Эйдельман косится на меня и вдруг начинает мелко и почти беззвучно на фоне непрерывного гула хихикать. Борька и лейтенант-наблюдатель улыбаются.

— Зря они в пятницу начали, — раздумываю дальше, — вроде и не тринадцатое число...

— Двадцать девять тоже простое число, — давится смехом Яков.

— И армия 13-ая всё-таки, — добавляет Борька.

— Ладно, посмотрим, что дальше будет. Богиня Победы — дама капризная, они с Фортуной сёстры, — снова берусь за бинокль.

— Обнаружена гаубичная батарея в точке 28–15, — бесстрастно докладывает лейтенант.

Оглядываюсь и натываюсь на вопросительный взгляд Якова, качаю головой: нет. Смотрю на карту и кончик карандаша, делающего пометку. Восемь километров от передовой, ближние батареи обнаруживать раньше времени не желаю. Дальние не достанут. И ещё одна мысль на задворках, не до неё сейчас, позже додумаю.

— Сообщение Фениксу: один плюс один к точке 28–15. Подавить батарею, — за Феникса, то есть, главный по птичкам у нас сегодня Рычагов, — Второй волной два плюс два. Довести до Карабаса.

Никитин немного поморщился, когда назначил ему такой позывной, но успокоился, когда понял, что это синоним слова «главный». Кстати, ещё одна причина, по которой не команду, пока не команду, всей артиллерией. Пусть его люди тоже поупражняются. А «один плюс один» — эскадрилья бомберов с эскадрильей истребителей...

— Сообщение Редута, — вклинивается один из радистов, — с северо-востока целая армада. От восьмидесяти до ста шгук.

А вот и прикрытие!

— Кто долетит первым?

— Или одновременно, или немцы успеют раньше.

Новое дело. Во время любого сражения весы качаются в обе стороны. Фрицы выбросили на свою чашу увесистую гирьку. Ну-ну. Только решать надо быстро.

— Прямую открытую связь с Фениксом, — пока перехватят, пока разберутся, пока доложат, обстановка три раза изменится.

Пересаживаюсь к радисту, берусь за трубку. В ней похрипывает и поскрипывает, но слышно хорошо.

— Тебе там готовят встречу. Тебя предупредили?

— Да. Что будем делать?

Сговорились мы быстро. И немцы не успеют среагировать.

— Феникс, если фрицы замешкаются, грохни таки ту цель. В точке 28–15, — стопятидесятимиллиметровые гаубицы неприятны кому угодно. Хоть нам, хоть немцам. Пока они, кстати, пытаются гвоздить по танкам. Но движущаяся с такой скоростью со сменой направления цель — неудобная мишень. Хотя сидящему на броне десанту может прийти несладко.

— Обнаружена вторая гаубичная батарея. Точка 30–16.

Бардак нарастает. Никуда от этого не денешься. Стоп, мы же можем...

— Мы можем достать их Гекатой, — опережает мои мысли Яков. Но я только предполагаю, а он — знает.

— Доставай.

И Яша, моя козырная карта, — нет, не туз, но, минимум, валет, — вступает в игру.

Но дальше пошло не совсем так, как мне хотелось. Хочется-то нам всем одного: чтобы гибель одного нашего героя, самолёта или танка оборачивалась десятком того же самого с вражеской стороны. К сожалению, так не всегда бывает.

Наши чайки не успевают добраться до гаубиц. Разворачиваются и удирают от огромной стаи мессеров. Согласно на живую нитку составленному с Фениксом плану.

— Выпускайте Кракена! — этот момент с Никитиным обговорён. — Предупредить всех.

Если нельзя прекратить бардак, надо его усилить и возглавить.

Приказ № 1201 от 30 августа 1941 года

1. Генерал-майору Михайлину И.П. в недельный срок разработать и приступить к изготовлению мобильных миномётных установок.

2. Предварительно изучить возможность стрельбы 82-мм миномётов прямо с кузова автомобиля.

3. Тяжёлые миномёты (120-мм) поставить на колёсный ход с возможностью быстрого перевода из боевого положения в транспортное. Временной норматив в пределах 15 секунд.

4. Первые испытания провести не позже 2 сентября.

Командующий Западным фронтом _____ /генерал армии Павлов

Приказ № 1202 от 30 августа 1941 года

Под грифом «Совершенно секретно»

Начальнику контрразведки полковнику Виноградову:

1. Негласно и скрытно, при необходимости используя агентурные методы, взять под полный контроль все каналы связи с вышестоящими органами. Статус, ведомственная принадлежность, уровень абонентов не должны блокировать такой контроль.

Командующий Западным фронтом _____ /генерал армии Павлов

Полковник особенно был смущён тем, что контролировать надо и каналы связи политработников.

— На них как раз больше всего грешу, товарищ полковник, — пришлось объясняться, все под партией ходим. — Вовсе я не считаю, что там предатели сидят. Нет, конечно. Но болтуны, дураки и карьеристы — запросто.

— Карьерист это плохо? — полковник чуть светлеет лицом.

— Смотря какой. Если он личную карьеру ставит выше интересов дела, то это вредитель и потенциальный изменник. Так что не стесняйся. Только, товарищ полковник. Действуйте тонко. Если Фоминых начнёт скандалить, значит, боевую задачу ты провалил.

Опять что-то сомневается.

— Ты пойми! Прошла какая-то информация. Да хоть текст любого приказа. Кто-то его берёт, зашифровывает текст, это уже два человека его знают, которым лучше не знать. Дальше сообщение отправляется в Москву, там его принимает человек, ещё плюс один. Ещё один дешифрует и либо сам несёт, либо курьеру отдаёт (плюс один). И наконец, попадает кому-то на стол, опять плюс один. Вот и считай, сколько лишних людей знает то, о чём не положено знать. У них есть жёны, семьи, друзья, любовницы. Где-нибудь да обронит слово, а то и всё расскажет. Вот тебе и утечка.

— Конкретные факты есть? — полковник подбирается, глаза излучают внимание.

— Есть. Москва слишком подробно осведомлена обо всех моих действиях. Знает то, о чём я не докладывал. Ты пойми, я от них ничего не скрываю, кроме своих военных планов. Но про них надо докладывать по результату, а не предварительно. Скажешь заранее, немец разнюхает. Я почти уверен, что в нашем штабе есть немецкая агентура...

Виноградов ощутимо напрягся.

— Да нет! Не среди командиров, конечно. Какая-нибудь подавальщица в столовой, грузчик на складе, дворник... как-то так. Там слово услышат, там бумажку подберут, так и... НКВД проверяло, но сам знаешь, грубовато они работают...

30 августа, суббота, время 10:30.

Минск, штаб Западного фронта.

Больше часа со своими генералами, начштаба 11-ой и 13-ой армии восстанавливали картину происшедшего вчера сражения. Именно масштабного сражения, в которое вдруг превратился достаточно заурядная атака фрицев.

При пересечении немецких позиций по нашим танкам открыла противотанковая батарея. Отважные парни. 50-миллиметровые пушки подкалиберными и бронебойными снарядами вполне, как выяснилось, способны поразить нашу тридцатьчетвёрку. Три танка они и подбили. Больше не успели. Вмешался фактор по имени Борис Павлов. Через минуту после открытия огня батарею накрыл залп полковых миномётов.

— Есть точное накрытие батареи ПТО, — торжество в своём голосе наблюдатель не смог скрыть. Торжество и восхищение.

Один залп батареею разом не уничтожит. Но за ним второй, третий. Под огнём стрелять крайне некомфортно, а железная лавина всё ближе и ближе. Танковый кулак разделился на две части. Одна танковая рота рванула утюжить передний край фрицев. Один «разутый» танк повернул башню в сторону угоняемых на нашу сторону пленных фрицев. В количестве трёх с лишним сотен.

В это время к переднему краю уже нёсся десяток грузовиков, до предела забитый красноармейцами. Никитин вводил в действие резервный батальон из 29-ой мотодивизии. По итогам мы «вскрыли» немецкие позиции на протяжении трёх километров. Знать бы заранее! Мы бы дивизию в прорыв ввели и устроили бы фрицам варфоломеевскую резню. Но оборонительная конфигурация сделать это не позволяла.

Пока Никитин разбирался с немцами на передовой, на небе раскручивалась не менее драматичная постановка с неконтролируемым финалом. «Кракен» — позывной системы радиоглушения по всем частотам. Почти по всем. Профессор Никоненко наконец-то довёл до ума эту систему! Орден ему надо за это выписать. Орден и премию. Кракен оставляет нам узенький зазор в спектре КВ для радиотелеграфного обмена. Голосом не могли разговаривать, азбука Морзе всё-таки пробивалась. Всего два канала двусторонней связи, которые немцы пока не нащупали. Один канал — мой, второй — Никитина.

С Рычаговым мы прямо на ходу слепили план действий. Первыми вылетели эскадрилья чаек для штурмовки обнаруженной гаубичной батареи. С ними лёгкие бомберы СБ, которые мы переориентировали на бомбёжку переднего края фрицев. Для поддержки танковой атаки.

За авангардом из чаек мы поднимали остальные. Сначала решили, что хватит четырёх эскадрилий, когда получили сообщение Редута о приближении немецкой армады, довели до девяти. Чайки, ишачки и эскадрилья Мигов в верхнем эшелоне. Рычагов решил пока не использовать Яки. Согласился с ним. Тоже люблю козыри придерживать.

Авангард чаек до гаубиц не долетел. Завидев машины люфтваффе, — числом с сотню, почти сплошь из мессеров, — чайки ушли на обратный разворот. И подвели бросившихся за ними мессеров под нашу армаду. Примерно в этот момент заработал радиоглушитель. Всё! Лётчики не могли получить приказ на отступление, сговориться между собой. Если бы разбежались сами, то оставили бы нам на расправу тысячи своих солдат, сотни единиц техники и артиллерии. Их уничтожили бы эрэсами и пулемётами. Наземные части не могли получить координаты целей по радио, а телефонная связь всех не охватывала и фатально страдала от обстрелов. Фрицы оглохли, ослепли, их генералы не могли управлять боем в режиме он-лайн, как они привыкли. Всего полчаса, но нам этого за глаза хватило.

Всё, что происходило дальше, я называю бардаком, в котором от высшего командования мало что зависит. Всё решают командиры низшего звена на поле боя, ну, и Эйдельман с Борькой внесли свою лепту.

Подоспевший к переднему краю батальон совместно с оборонявшейся ранее ротой и ротой танков азартно уничтожал передовые немецкие позиции. Борис корректировал огонь полковых миномётов поддержки. Геката под управлением Якова расправлялась с той самой гаубичной батареей, к которой продолжали рваться наши танки. По итогу они так и не достали до них, напоровшись на зенитный заслон. По описанию это были четырёхствольные 20-миллиметровые Флак-36. На них потеряли ещё пять танков. Впрочем, два смогли отремонтировать на месте...

4-ствольный Флак-36, калибр 20 мм.

— Товарищ майор! — произвольно повышая голос, кричит радист. — Получен приказ

возвращаться.

Командир танкового батальона кивает. Надо бы раздавить окончательно те зенитки, доставившие столько неприятностей, но отсюда, за полкилометра видно, что там мало что осталось. И рожицы с кустарником, где они прятались, уже не существует. Прямо на душе стало тепло, когда всего через минуту, — ну, может полторы, — рожицу стали превращать в бесформенную кучу валежника тяжёлые 150-миллиметровые фугасы. Ну, и они моментом воспользовались, добавили из десятка танковых орудий.

Танкисты суетились вокруг подбитых танков. К нему, стоящему возле танка, — немецкого Т-3, кстати, очень они удобные, — подбегают лейтенант.

— Два танка на ход поставим, там только гусеницы сбиты, а три нет. Сильные повреждения.

Майор отдаёт команду, от которой лейтенант слегка бледнеет, но козыряет и убегает. Через четверть часа танки расстреливают со стороны кормы трёх своих братьев. Подарков фрицам не будет, им достанутся только обломки. Боезапас, пулемёты, радиостанции — всё снято. Горючее слито. За потери сильно ругать не будут, на войне, как на войне. А вот за дань немцам, даже мелкую, можно и звания лишиться...

По итогу безвозвратно потеряли восемь танков. За линией фронта они и остались. Небольшая цена за уничтожение больше сотни артиллерийских и миномётных стволов самых разных калибров. Пусть и при активной поддержке нашей артиллерии. Описывать воздушное сражение нет смысла. Оно мгновенно распалось на великое множество отдельных боёв на пространстве в десятки километров.

— Наши потери шестьдесят девять самолётов, плюс восемнадцать сумели сесть с сильными повреждениями. Зафиксированные потери немцев пятьдесят одна машина, — докладывает Рычагов.

— Неплохой результат, — да, оцениваю в целом положительно, — но не отличный. Киносъёмку вели?

— Да, но в основном с земли и обрывочно. И один самолёт с киноаппаратурой сбит.

— Я вёл. С ТБ-7, — вмешивается Копец, — общим планом сверху.

Совещание не просто так. По итогам полная раскладка будет доведена до командиров уровня корпуса и выше. По всем фронтам, не только моему. Комкоры до своих доведут усечённую версию. Наличие у нас системы радиоглушения пока засекречено.

Небольшой доклад Шлемина.

(Генерал-майор Шлемин Иван Тимофеевич — начштаба 11-ой армии)

— Мы поняли, почему так низка эффективность навесного огня артиллерии и бомбёжек, — начинает генерал. — Немцы наступают в местности с очень мягким, часто торфяным грунтом. Мина, снаряд или бомба при ударе о поверхность взрывается не сразу. Успевают заглубиться и часть энергии взрыва уходит на формирование воронки. Осколков меньше и у них пониженная скорость разлёта.

Делаю пометку в памяти. Век живи — век учись. Об этом тоже надо сочинить памятку.

— Таким образом, навесной миномётный и гаубичный огонь становится больше психологическим оружием. Радиус поражения снижается в два и более раз. Часто мины и снаряды не взрываются. Вследствие этого нашим артиллеристам придётся сделать акцент на стрельбе прямой наводкой и с использованием картечи.

Далее генерал переходит к другой теме.

— Ещё один способ обернуть лёгкость грунта в свою пользу. Минные поля мы

выстраиваем так. Сначала вырываются ямы по типу воронок от авиабомб. В них могут поместиться один-два солдата. Воронки размещают так, чтобы танки могли пройти между ними впритирку. В каждую воронку две-три противопехотные мины...

— Зачем три мины? — благожелательно заинтересовался мой Климовских.

— Если подорвётся один, то другой солдат может счесть, что стихийный окоп разминирован и безопасен.

— Танки будут объезжать воронки, в которых могут застрять, и поэтому объехать противотанковые мины не смогут, — продолжает Шлемин.

Азиатская хитрость! Этот доклад мы пока распространять не будем. Посмотрим, что получится. Так-то, раз напоровшись, немцы могут подрывать противотанковые мины артогнём прямой наводкой. Но тем самым появиться ещё одна воронка, только нужно...

— Противотанковую мину надо закладывать глубже, — замечаю Шлемину. И поясняю дальше:

— Чтобы при разминировании артогнём получилась достаточно большая воронка. Да, танк всё-таки преодолеет, но какое-то время его уязвимость повысится. Возможно, в этот момент даже стрелять не сможет...

— Мина будет поблизости от большой воронки и просто увеличит её размеры, уничтожив свободный проход для танков, — тут же развил и опроверг мою мысль Шлемин.

— Куда ни кинь, для фрицев всюду хрень, — соглашаюсь. Так ещё лучше. И заглублять не надо, а то мороки с этим...

— Вашему 603-му окружённому полку рекомендую поступать так же, Александр Васильевич, — смотрю на начштаба 13-ой армии. Петрушевский кивает.

И звонок из Москвы по ВЧ прерывает совещание. Хотя оно уже финиширует.

— Вроде всё решили, товарищи? Составляем описание вчерашнего сражения и рассылаем всем. Про радиоглушитель помалкиваем. Памятку для стрельбы и способов минирования в местности со слабым грунтом не забудьте. На этом всё, товарищи.

Когда спустился вниз, в трубке слышу голос Иосифа Виссарионовича.

— Почему не докладываете о вчерашнем, товарищ Павлов?

— Только что подготовили полную сводку, ждите телефонограммы.

— Я так понимаю, что вы дали фон Боку по зубам?

— Да, товарищ Сталин. Им не удалось продвинуться ни на метр. Наоборот, мы отвоевали назад километра полтора.

— Вот видите! А вы сомневались, что вам удастся отстоять Минск.

— Если немцы не ослабят напор, то через неделю-полторы Минск придётся оставить, — мой бодрый тон никак не вяжется с содержанием.

— Пачиму? — возмущение прорывается акцентом.

— За один день обороняющаяся группировка истратила примерно восемь эшелонов боеприпасов. Мои предвоенные запасы подходят к концу, а поставки не регулярны. Мне просто стрелять будет нечем.

Конечно, я малость лукавлю. У 10-ой армии не только ничего не забираю, а у неё четыре склада ГАУ только второй категории. Не только ничего не беру, но даже чуток подбрасываю. 10-ая армия — мой накопительный счёт. Но вообще-то проблема с боеприпасами есть. Она не острая, но есть. Например, подумываю хотя бы одну дивизию Минского ополчения вооружить за счёт трофеев. На дивизию его хватит. И боеприпасов тоже. Чего добру пропадать?

— Ви получите боеприпасы, — мрачно заявляет Сталин. И отключается.

Получим. Наверное. По моему глубочайшему убеждению Одесса более важна, чем Минск. Для Приморской группировки Жуков и перехватывает эшелоны со снарядами, которые предназначаются мне. Я даже и не возражаю. Хотя лучше бы Константиныч им авиацией помог.

Окончание главы 10.

Глава 11. Сильный довод

31 августа, воскресенье, время 08:30.

Минск, штаб Западного фронта.

Проехался по опустевшим городским улицам. Город будто спрятался в собственное подполье. Патрулей больше, чем гражданских. Так выглядит мобилизованный город. Не про горожан речь, что взялись за оружие и встали в строй. Сам город готовится к битве.

Необычная тишина. Нет, шумят деревья под ленивым ветерком, в отдалении слышны голоса, проехала редкая машина. Но это к штабу, съезжаются мои генералы. Позвал двоих, Копца и Климовских, будет кто-то ещё, гнать не буду. Сегодня выходной. Так-то с 22 июня никаких выходных, но фрицы притихли, зализывают раны, так что два-три дня у нас есть. В войсках моё присутствие не требуется, все знают, что надо делать. Военнопленных, которых мы прихватили больше тысячи человек, скинули на конвойников НКВД, дальше их распределяют по трудовым батальонам или сформируют новый. Хотя взятых из одной части старались раскидывать подальше друг от друга. Захваченная боевая техника отправляется в Гомель, не нуждающаяся в ремонте — трофейному управлению. Трофейные грузовики ремонтируют в Минске. Собирают и разбитую технику. Самолёты и двигатели разбитых в хлам танков и прочей наземной техники. Стране нужен дюралюминий!

Наверх поднимаемся втроём, не считая адъютантов. Нам предстоит по-настоящему генеральская работа, шевелить мозгами.

Надо сказать, гибель Никоненко кольнула мне сердце. Пожалуй, первый раз за всё время войны, почувствовал настоящую утрату. Большие планы связывал с этим парнем. Смутные, но огромные. Ясное дело, не только с ним. Всё думаю, как мне встроиться в систему власти. Как самому стать властью. Не для того, чтобы плевать всем на головы, власть это инструмент. И для этого нужны верные люди, собственная спецслужба нужна. Настоящая власть от должности не зависит, реальна, хотя и парадоксальна ситуация, если мой человек будет занимать более высокий пост, чем я. И при этом он — мой человек, а не наоборот.

Моя власть, как командующего фронтом, делегированная. Мне её государство доверило. Но если снимут с должности, тут же моя власть и кончится. Поэтому она не моя. А мне нужен инструмент, подконтрольный лично мне. Как оружие с авторизацией. Есть авторитет в войсках, это да, только моё. Мой преемник, придя на моё место, его не унаследует.

Сила человека... вернее, тут надо уточнить. Не физическая или интеллектуальная, а социальная или даже политическая, измеряется силой людей, которые идут за своим лидером. Если говорить конкретно и в связи с Никоненко, то мне нужны такие люди, способные на многое с оружием в руках. И подконтрольные лично мне. Хотя бы частично. Тогда я и буду по-настоящему силён.

До конца не ясно, погиб Никоненко или нет, но чую, нет его в живых. Формально даже посмертно его наградить не могу, нет доказательств его смерти. Числится пропавшим без вести. Блядский высер! Других слов нет!

Входим в кабинет, — посторонние мысли оставляю за порогом, — Саша приносит все сообщения от группы Никоненко. Расстилаю на столе карту.

— Смотрите, товарищи генералы. Первая точка, где Никоненко наткнулся на высокую плотность войск...

Согласно каждому сообщению разведгруппы мы очерчиваем зону, которую немцы закрыли с надёжностью банковского сейфа. Граница по большей части совпадала с границей лесного урочища.

— Этот край Лавориш... тьфу! Язык сломаешь! Ла-во-риш-кесского леса мы даже отбомбили. С севера такого мощного охранения Никоненко не обнаружил, — отмечаю на карте, — но углубиться ему не дали. За ним началась охота. Закончилась она здесь (пометка на карте). Половина его роты благополучно ушла на восток к Западной Двине.

— Я так понял, самому Никоненко уйти не удалось? — Копец смотрит с огорчением и сочувствием.

— По-видимому, нет. Наши чайки, что летели ему на помощь, застали момент, когда их уже добивали. Ну, они и устроили прощальный салют и похороны тем эсэсовцам, что их прихватили.

— Эсэсовцы? — уточняет Паша.

— Да. Не отвлекайтесь. Есть ещё данные. Они скрупулёзно докладывали, на какой высоте и в каком направлении снижались замеченные немецкие самолёты.

Внимательно взялись за анализ траекторий.

— Если данные точны... я имею в виду по высоте и направлению, — Копец водит пальцем по карте и тычет в выбранную точку, — то аэродром здесь!

— Если они не делали манёвр, чтобы запутать, и не сворачивали на малой высоте, — подлил дёгтя Рычагов.

— Сюда? Не, тут речка, болото, — Копец принимал возражения, не глядя на Рычагова, — вот сюда могли свернуть. Теоретически. Но я в это не верю. Посадки с таким вывертом чреватые. Есть, конечно, таланты, которые могут хоть задом сесть, но таких мало.

Заходит Саша. Приносит по моей просьбе последние снимки тех мест. Оглядываю зону, очерченную Копцом, а он продолжает:

— Лично я именно там расположил бы взлётку. Ровное место, чуть выше окружающей местности. Самое удобное, как лётчик говорю...

Можно сказать, — размышляю про себя, — что один аэродром обнаружен. С одного-двух самолётов можно всю эту площадь накрыть кассетными бомбами. Маскировочную сеть сорвёт и можно будет ударить уже не вслепую.

Разведданные используем все, какие можем, не только от Никоненко.

Рычагов отсел в сторонку и внимательно разглядывает фотографии, перебирает их, подолгу задерживая каждую. Отхожу к открытому окну, вытаскиваю казбечину. Генералы включились плотно, мне, коренному танкисту, можно и отойти. Вон они как аэродром вычислили, не знаю, смог бы я самостоятельно.

Придерживаю вопрос о том, как идёт прокладка маршрута до Берлина. Позже. Не буду отвлекать.

Через полчаса тщательной выверки всех данных Рычагов тычет ещё в одну точку.

— Здесь!

— С чего ты взял?

— Почему здесь? — это мы с Копцом. Боимся спугнуть удачу. В наших голосах и скепсис и надежда.

— Смотрите, — Рычагов прикладывает к участку карты аэрофотоснимок, — видите на карте грунтовку?

Грунтовая дорога, больше похожая на тропинку, вьётся сквозь лес. И так почти

незаметная, в особо густых местах полностью исчезает.

— А на снимке вот здесь её нет! — торжествующе заявляет Паша.

Мы с Копцом, одновременно сдвинувшись, слегка стукаемся головами. Смотрим, потирая ушибленные места.

— Маскировка скрывает, — уверенно заявляет Копец.

— Слабо видно, — я не настолько убеждён, — надо ещё разочек разведчика послать. Пусть присмотрится. И слегка снизится.

— Собьют.

— Даже дышать в его сторону не будут, — вот в этом точно уверен, — иначе обнаружат себя. Среди леса просто так никто зенитки ставить не будет.

— Ты уже знаешь, что делать, Иваныч, — совещание можно заканчивать. — Засылай разведчика и кроме этой точки пусть и остальное тщательно отснимет. Чего на свете не бывает? Может, и ещё где аэродром найдём.

Мои генералы ушли, а я закурил ещё раз всё так же у окна. С люфтваффе мы сочтёмся, так или иначе. Мстительный и вредный по характеру генерал Павлов. Как это так, мы самолётов больше потеряли? Преимущество у фрицев не фатальное, но и оно мне против шерсти. Так что, не мытьём, так таранами, не таранами, так бомбёжками аэродромов, своё вернём. Сравняем счёт. С большим запасом.

Но это всё мелочи, — наблюдаю за клубами дыма, которые медленно уносит еле заметный ток воздуха. Интересно, немцы понимают, что уже проиграли? Войти в Минск они ещё могут, а вот победить... Гикнулся их блицкриг, накрылся медным тазом. А ведь это был их единственный шанс. Затяжную войну они не вынесут. И главное: особого ущерба СССР до сих пор не понёс. Три тысячи... ну, ладно, четыре тысячи танков потеряли? Устаревших и нахрен никому не нужных Т-26? Да пропади они пропадом! Баба с возу — кобыле легче! Две тысячи самолётов? И что? Люфтваффе потерял не меньше полутора тысяч, при том, что их всего четыре с половиной. А у нас-то девять было!

Пусть потери личного состава РККА дойдут до миллиона. И? Ведь мобилизация идёт, и армия только увеличивается. Трофеи, военнопленные... всё идёт к тому, что война заметно усилит СССР.

И что дальше? Положим, как в мире Кирилла Арсеньевича в Польше шестьсот тысяч при взятии Берлина триста тысяч, а там ещё Чехословакия, Австрия, Восточная Пруссия. Венгрию с Румынией тоже оккупировать надо. У меня один вопрос: на хрена нам это всё? Ещё один вопрос с тем началом: на хрена мы отдали Польше Силезию, Померанию, две трети Восточной Пруссии, Данциг? За них кровь проливал, то есть, ещё прольёт советский солдат, а не солдат Армии Крайова. К чему такие подарки? Сколько Польшу ни корми, она всё равно руку дающего откусит.

Логика Сталина в том мире понятна. После такого ужаса, тяжелейшей катастрофы первого периода войны естественно желание создать предполье безопасности, пояс из вассальных стран. Есть опять же экономическая целесообразность, рынки сбыта. Но как бы это сделать не так кроваво, без потери миллионов наших бойцов при освобождении Восточной Европы? Тем более, что слово «освобождение» надо брать в кавычки. Они фактически союзники Гитлера. Либо прямые, как Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария. Либо скрытые, как Чехословакия, которая лепит Великому Рейху бронетехнику, автомобили и боеприпасы.

Их не освобождать, с ними разбираться надо. Как-то по-другому.

Как обычно бывает, одна решённая проблема тут же обнажает ряд других. Что будет со сложившейся антигитлеровской коалицией? Когда вдруг выясняется, что СССР кладёт Германию на лопатки одной левой? На первый план выходят несколько факторов.

1. Второй фронт союзники открыть не успеют. Если поторопятся, то не успевшая ослабеть от трёхлетней войны с Советским Союзом и массированных бомбёжек Германия легко сбросит десант союзников в море. Им и в той реальности было кисло, несмотря на гигантские силы, подтянутые к Нормандии.

2. Исходя из сильного укорачивания военных действий по времени, США не выкачают из Европы и СССР тысячи тонн золота. Экономический кризис в Америке смягчится возможно, прекратится, но и только.

3. Через год-полтора Германия падёт, а значит, не успеет сколько-нибудь заметно продвинуть атомный проект. Вследствие этого и США могут не обратить особого внимания на атомные исследования. Бомбардировка Хиросимы уходит из разряда неизбежного в категорию призрачного.

С атомной бомбой немцы и в той реальности не успели. В этой не доведут до испытаний и ракетную технику. ФАУ-1 останется только в чертежах.

4. Вопрос, что делать с Японией? Из Маньчжурии вышибать её однозначно придётся. Да и свои земли вернуть святое дело. Доводить дело до капитуляции, отдавая США Океанию и всё остальное? Да ещё и с базой на Окинаве? После войны американцы зацепились за Вьетнам, Корею, Тайвань. Оно нам надо?

5. Исходя из исторических сведений Кирилла Арсеньевича, так ли нам нужен Варшавский Договор? Если мы в одиночку избиваем Германию со всеми сателлитами и ресурсами почти всей Европы? Не лучше тупо присоединить к СССР Болгарию и войти в тесные отношения с Югославией и Грецией? А там и выход в Средиземное море в кармане.

6. Если половина мира после войны не ляжет под США, то под кем она окажется?

Вопросы, вопросы, вопросы... Одно утешает: в отмененной реальности Сталин решал проблемы вновинку. Такими же они будут для него и сейчас. А моё дело — армия. Ну, может, кое-что ещё...

30 августа, суббота, время 10:25.

Семипалатинская область, п. Гусиная Пристань.

Александра Фёдоровна Павлова почти физически чувствовала, как раздувается от гордости сидящая рядом на простой длинной лавке Адочка. Митинг по поводу нового учебного года в местной школе обрушился на взлёте, когда к директору школы подбежала сбоку какая-то девушка. Не учительница и не родительница. Директор, седовласый и ещё крепкий Пал Петрович обрезает свою речь на полслове.

— Товарищи! Приехала кинопередвижка со свежей фронтовой кинохроникой. Кино расскажет лучше меня. Все — туда!

Началась оживлённая суета, выстраивание школьников по классам, и пятый класс Ады занимает середину. Первыми директор ставит самых маленьких. Александра сначала удивляется, а затем понимает мудрость такого решения. Колонна не растягивается, старшие от младших отстать не могут. И рассаживаться по скамейкам в огромном амбаре удобнее, младшие впереди, старшие сзади. Родители дальше всех, но Александра выбирает место с краю, поэтому никому не мешает смотреть.

Глаза Адочки светятся не хуже экрана. Кинохроника она для всех кинохроника, а для неё ещё и привет от любимого папочки, который пару раз мелькнул на экране.

«В начале августа германские войска, собрав огромные силы, двумя клиньями предприняли наступление на Минск...

На экране показывают атакующие немецкие танки с пехотой, юнкеры, сваливающиеся в пикирование. Кадры, снятые советскими операторами перемежаются с трофейной хроникой. Показывают карту с двигающимися в сторону Минска черными жирными стрелами.

«Таковы планы германского командования, — голос за кадром сочтется скепсисом, — однако у генерала Павлова, командующего Западным фронтом (несколько секунд показывают генерала рядом с броневиком, выслушивающего доклад какого-то майора, в котором Адочка узнаёт дяду Сашу) нашлись веские возражения. Немецкое наступление наткнулось на ожесточённое сопротивление советских войск. 11-ая армия под командованием генерал-лейтенанта Анисимова провела удачный контрудар с использованием трофейных танков и захватила около ста немецких грузовиков с боеприпасами, медикаментами и продовольствием...».

На экране немецкий танк, — кресты на бортах прикрыты полотнищами со звёздами, — рядом немецкий грузовик, который разгружают бодрые и весёлые красноармейцы.

«Неся огромные потери, немецкая армия, тем не менее, медленно, по одному километру в день, продвигается вперёд. Бои начинают носить всё более и более ожесточённый характер...»

На экране показывают те самые штормовые удары немецкой артиллерии по нашим позициям, к кошмару которых войска 13-ой армии уже начинают привыкать. Но многих смотрящих и затаивших дыхание, даже взрослых мужчин, ужас ураганного артогня достаёт до костей. Еле заметную ниточку окопов советских войск накрывает огромное дымно-пылевое облако злых и угрожающих смертью даже с экрана разрывов. Кажется, под таким плотным огнём ничего живого уцелеть не может. В зале слышатся только вздохи, сочувственные и напуганные.

«Можно подумать, что уцелеть при такой артподготовке невозможно, но наше командование выработало контртактику и потери наших войск не так велики, как хотелось бы немцам», — успокаивает зрителей голос за кадром, — «И наша артиллерия не уступает немецкой...».

После артподготовки немцы идут в атаку, движутся танки, за ними мелькают серые фигурки в касках. Редкие разрывы мин их не останавливают. Зато в какой-то момент атака напарывается на одновременные взрывы крупного калибра. Никто не знает, а диктор умалчивает, что это подрыв минного поля, но вид одного из танков, опрокинутого набок от мощного взрыва прямо под гусеницей, вызывает огромный восторг всего зала. Но причин для радостей становится намного больше, когда атакующую волну накрывает почти такой же артиллерийский шторм, который немцы учинили минуту экранного времени назад.

— Во дают! Тушите их в пену! Того же самого вам в морду! Алга! — огромный киносарай наполняется выкриками на русском и казахском, свистом и смехом.

Смех усиливается, когда по окончании артудара и развеивании дыма и пыли лёгким ветерком становится видно, как задним ходом уползает один танк из пяти и его сопровождает небольшая группка пехоты. Некоторым помогают передвигаться.

«Наши войска отступают на заранее подготовленные позиции, потому что оборонять то, что остаётся после таких артралётов, невозможно», — камера скользит по полосе воронок и рытвин, в которых окопы угадываются больше по разбитым блиндажам.

Зрители согласно вздыхают.

«К тому же они пристреляны, и восстановить их без потерь не удастся. Командование Западным фронтом считает, что пока немецкие генералы обильнооплачивает наступление кровью своих солдат, медленное продвижение немецко-фашистских войск Западному фронту стратегического ущерба не наносит».

«Боевые действия идут и на земле и в воздухе. Атака наших соколов», — на экране демонстрируется «бросок кобры», но диктор этот термин не озвучивает. Два эшелона, — чайки внизу, Миги наверху, — набрасываются на юнкерсы и мессеры. Эффектно прочерчивают небо огненные стрелы эрэсов. На этот раз кинооператорам не повезло зафиксировать попадание ракеты, они очень редки. Но психологическое воздействие заметно. Фрицы панически шарахаются от огненных стрел. Завязывается воздушный бой, в конце которого асы люфтваффе улетают изрядно погрызенные. Семь самолётов, среди которых один мессер, лежат на земле разбитыми кучками. У наших только две чайки уходят к своим со снижением на вынужденную посадку.

«Атака немецких стервятников», — мрачно и презрительно заявляет диктор. Видно даже на экране, что наши прохлопали атаку мессеров сверху. Два ишачка, объятые пламенем и дымом, падают на землю. Остальные шестеро бросаются на четвёрку мессеров, но те быстро уходят вверх и скрываются в небе.

«Результат бомбёжки роты танков Т-34», — так же мрачно продолжает диктор. Зал затихает при виде горящих и разбитых танков.

«Воздушный удар по немецким позициям», — в голосе мстительные нотки. Сначала чайки наносят эффектные удары эрэсами. За ними пешки, одна за другой, в полупикировании сбрасывают бомбы, что летят вниз с холодящим душу воем.

«Западный фронт с начала войны практически уничтожил 2-ой воздушный флот ВВС Германии», — надменно вещает диктор, — «Против него выставили 1-ый флот, который с начала войны действовал против Северо-Западного фронта. С момента наступления немцы уже потеряли полсотни самолётов, но это только начало. Западный фронт отвлек на себя столько сил, что на остальных фронтах немецкие войска полностью прекратили наступательные операции и перешли к обороне. Только румынская армия пытается взять Одессу, но ей это не удастся».

По окончании народ расходится группами и кучками. Адочка от волнения и восторга подпрыгивает через каждый шаг. Рядом с ней сияет всем лицом гордая за подружку соседка и одноклассница Полинка. Остальные поглядывают с огромным интересом, но подходить робеют. Все знают, кто её отец, скрыть такое невозможно. Киносарай с саманными стенами между тем снова заполняется, за один раз все желающие не помещаются.

1 сентября, понедельник, время 09:45.

Борт № 1, небо восточнее Молодечно.

Фокусники хреновы! Переполняет раздражение и не от того, что немцы сделали ловкий финт. На то и щука в пруду, чтобы сом за ней охотился...

— Квадрат 49–15, замечена пехота противника, — наблюдатель не спит.

— Я могу, — поднимает руку, как на уроке, Борька и чуть подумав, сузив для верности глаза, принимается диктовать данные для стрельбы. Есть миномётная батарея в доступных пределах. Тяжёлая.

— Два залпа, — ограничиваю расход боеприпасов.

Там лес, и вроде мины должны сработать, но первый же взрыв заставит разбежаться,

как тараканов. И леса так себе, с разрывами, с обширными лугами. Немцы уже поняли, что мягкий грунт спасает их от фатальных потерь и теперь ломаются сквозь луга и леса почти без опаски. Ага, вот и мессеры летят. Юнкерсы посылают опасаются, а мессеры сколько-то маленьких бомб могут нести. Наши ишачки навстречу. Рычагов продолжает придерживать новые Яки. Эвакуированный авиазавод пару недель работает на полную, и Паша хочет довести численность Яков до ста — ста двадцати, а лучше больше. Сто самолётов — полнокровный авиаполк, а нам нужен авиакорпус из двух-трёх дивизий.

Раздражает меня не изворотливость Гудериана, который, наконец, показал, на что он способен. Раздражает бесполезность их хитрых манёвров. После окружения 603-го полка Быстроходный Хайнц идёт на соединение с Готом. В районе высоты 307. Пожимаю плечами, понятный ход и прозрачный, давай действуй. И вот сейчас у Молодечно не меньше пехотной дивизии отправил лесами и скрытно вдоль речки Уша. Тяжёлая техника там не должна была пройти, но как-то прошла. Преодолев по дуге километров пятнадцать, вышли и атаковали наши позиции у села Красное. Ударили во фланг, короче говоря. Неожиданно. Там дорог нет, продвижения не ждали, потому заслонов не выставили. Чуть ли не впервые фрицы прошли без особых хлопот такое расстояние. Правда, играя по пути в прятки и без большого количества танков. С другой стороны ударили штуги.

Возобновление общего наступления всего через полтора суток после жёсткого отлупа внушает уважение. Хотя, полагаю, это тот же Гудериан выскочил из второго эшелона. Они там с Готом на первый-второй рассчитались. Гот раны зализывает, Гудериан поддерживает темп наступления. Ну-ну.

— Батарея М-8 — частичное покрытие, — наблюдателю удаётся удержать голос бесстрастным, но бесстрастность всё-таки угрюмая.

— Батарея Д-14 — частичное покрытие, — наблюдатель-2, зелёный лейтенант-артиллерист с живыми глазами и смешно выбивающимся вихром из-под пилотки изо всех подражает старшему, но холодная отстранённость ему не даётся.

— Полное, — бесстрастно добавляет старший наблюдатель, — батарея Д-14 — полное покрытие.

Это он отмечает результат второго залпа. Блядский высер!

— У них тоже наблюдатель! Корректировщик огня! Старший лейтенант! Летуны! Искать наблюдателя!

Две батареи, миномётная и гаубичная, за несколько минут это чересчур. Так... а ну, стоп!

— Батарея Д-14 огонь открывала?

— Нет, товарищ генерал, — докладывает Эйдельман.

— А как они её тогда засекли? — спрашиваю у пространства вокруг себя и думаю.

— Батарея М-11 — частичное покрытие, — продолжает сыпать соль на раны наблюдатель-1.

Мы управляем уровнем от полка и выше. Батареи «М» — полковые миномёты 120-мм калибра. «Д» — полковой и дивизионный уровень 76-мм гаубиц. «С» — 152-мм, «Б» — всё, что выше, либо бронепоезда. Литеру «Г» не используем, это дело я запретил. Если что, для фрицев используем.

— Что делать, пап? — не выдерживает Борька.

— В бою папок нет, дурень, — отмахиваюсь раздражённо, но беззлобно. Думай, голова, думай! Если накрывают уже вторую батарею, которая не стреляла, то либо наблюдатели

совсем рядом, либо... да какая разница?!

— Наблюдатели! Засекли батареи, которые наших накрыли?

— Три точки, — докладывает за них слегка бледный Яков и тут же показывает метки на карте. Борька молчит. Наблюдатель-1 толчком в плечо заставляет напарника возобновить слежение за своим сектором. Сам делает ещё одну пометку и тоже прикидывает к биноклю. Четыре точки есть.

— Разбирайте, парни.

Борис мысленно примеряет фамилию Угрюм-Бурчеев, для него нет целей. Слишком далеко. Яков приступает к работе. Неожиданно мы угодили в эпицентр пожара. И почему? Поневоле продолжаю ломать голову.

— Яша, сосредоточивай огонь всех батарей на одной точке. Чтобы уничтожить одним совместным залпом.

Яков кивает и уходит в себя. Всё. Я сделал всё, что мог. Теперь трогать его не надо.

Через полминуты Яков раздражается рядом чисел, которые радист исправно передает...

— Открытым текстом! Напрямую! Голосом!

Радист смотрит непонимающе.

— Задействуй телефонию! Трубку — ему! — показываю на Яшку.

Перестройка на ходу не желательна, но риск — благородное дело. Десять драгоценных секунд съедается, но вот уже Яков напрямую диктует диспетчеру на земле все данные. Надо бы подумать на счёт того, чтобы... нет, напрямую со всеми батареями он не сможет связаться. Если только на общей волне. Надо потом обдумать. И дублирование ввести.

Яшка-артиллерист, — в отличие от своего тезки из «Свадьбы в Малиновке» не мазила, — кладёт на распоряжение славного генерала, то бишь, меня, болт. Сосредоточивает на одной вражеской батарее только по две наши. Так что не сильно толстый болт кладёт.

— Д-17 — частичное накрытие. Д-14 — полное накрытие, — докладывает старший наблюдатель.

— 37-23, пятая цель, — младший делает пометку на карте, что приводит Борьку в возбуждение. Но тут же он сникает. Единственная миномётная батарея, что может цель достать, уже разбита. И всё-таки он отсылает данные. Вдруг что-то ещё живо.

— 41-25, полное накрытие, — отмечает, уже не скрывая злорадства, старший лейтенант.

Работа кипит. Моего вмешательства не требуется. Дуэль какая-то начинается, где первый выстрел вырвали себе фрицы. Блядский высер! Четыре батареи у нас накрыли, прежде чем мы начали отвечать...

Позиции батареи 378-го гаубичного полка (155-ая сд) не стал бы использовать для батальных картин самый хладнокровный художник. Перевернутые и покорёженные близкими разрывами орудия, разбросанные тела, часто кусками, нет, гражданской публике такое показывать нельзя.

Не менее жуткий вид представляла собой грозная ещё полчаса назад гаубичная батарея 105-мм leFH 18/40 из состава 167-ой пехотной дивизии вермахта. Разная форма погибших, разные виды пушек, но издали различий никаких. Впрочем, отличия были. Советские батареи размещались на оборудованных позициях, с заглублием и защитными валами. У них было время подготовиться. Немцы второпях часто располагались на открытом месте. Но они компенсировали отсутствие защиты более точной стрельбой.

Волны ужаса из ада, творящегося на земле, добивают до неба. Вижу, что личный состав

борта № 1 погружается в состояние мрака и уныния. Хмыкаю. Лениво потягиваюсь.

— Да-а-а, ни разу мы ещё таких ...лей не огребали, — в моём голосе почти мазохистское удовлетворение. На меня косятся с удивлением, у генерала крыша съехала?

— Прекратить огонь! Всем батареям быстро сменить позиции!

Радист заработал ключом, подавать команду голосом не хочу. Накал контрбатареи борьбы сильно снизился, так что можно делать ноги.

— Приказ Самсону: никаких действий сверх вынужденного, — Самсон — позывной Никитина. И мы ничего сделать больше не можем. Догадался я, что происходит. Вот только сейчас догадался.

— Товарищ генерал, а можно... — обращается Яков. Какой-то огонёк у него в глазах разгорается.

— Батареи сейчас на марше, — начинаю вразумлять.

— Геката, — Яшка говорит так, будто сразу всё всем должно быть ясно. Впрочем, быстро понимаю, что он предлагает, и даю отмашку радисту. По сути передаю командование в уверенные, хотя с виду слабые, руки свежёиспечённого вольнопёра.

Где-то внизу медленно разгоняется в сторону Минска в тыл бронепоезд «Геката». По команде сверху скорость стабилизируется на уровне 12 км/час. 152-мм гаубицы переводят в боевое положение. Очень быстро наступает момент, когда они начинают плевать огнём в сторону немцев.

Наблюдая за действиями Якова охреневаю не только я. Борька вообще впал в ступор, а у наблюдателей глаза становятся шире окуляров биноклей. Пока мы боремся с шоком удивления, пытаюсь разобраться, как он это делает и... пасую.

Стрелять на ходу из тяжёлых пушек бронепоезд может только вдоль движения, плюс-минус. Поэтому Якову доступны только две цели. Ему надо учесть время от отдания команды до её исполнения. Оно примерно одинаково, всё отработано до автоматизма. Ещё расстояние, которое прошёл бронепоезд. Время полёта снаряда... стоп, это не нужно, считаем, что немецкая батарея неподвижна... И всё равно, лично я пас. За пару часов или даже полчаса решу эту задачу, но за несколько секунд?

— Есть полное накрытие, — поворачивает удивлённое лицо наблюдатель-2.

— Полевая двухорудийная гаубичная батарея, — задумчиво произносит наблюдатель-1, — 150-мм калибр. Неприятные пушечки, если это они.

Согласен, неприятные. Фактически это миномёт, только очень точный.

Меж тем обоюдный огонь стихает. Геката подходит к краю своей дальности. Последнее слово всё-таки остаётся за нами. Как обещание вернуться и устроить полный реванш.

— Ребята, какой счёт? — спрашиваю, как про футбольный матч, но меня сразу понимают.

— Если считать последние пушки за полбатареи, то 4,5:9,5, — сообщает старший наблюдатель. Наша половинка, так понимаю, батарея, угодившая под частичное накрытие и частично успевшая улизнуть.

— Блядский высер! — заявляю с чувством и бодро, но затем слегка понижаю. — Теперь надо думать, как им отомстить. Ничего, я генерал злопамятный...

Время 11:40.

Аэродром в Мачулищах. Штаб 59-ой авиадивизии.

Совещание начинается здесь.

— Отходите на третью линию, — а что делать? Первая на правом фланге полностью взята, вторая обнаружена и основательно погрызена артналётом.

— По всему фронту?! Григорыч... — Никитин телефонного разговора необычно тихий начинает оживать.

— Придётся, Семёныч. Они вскрыли правый фланг, теперь размотают обе нитки. Твоя задача не удержать их, а заставить заплатить, как можно дороже. Ладно, собирай всех причастных на КП армии, мы после обеда подъедем. Часика в три.

Кладу трубку. Натыкаюсь взглядом на комдива Туренко. Сочувственно смотрит, многое понял из нашего разговора.

— Давит немец?

— На то он и враг, чтобы давить, — пожимаю плечами, отодвигаю стул и встаю. Мы у него в кабинете. Штаб, кстати, заглублен. Окна в стенах прорезаны выше обычного, глядят в доски, и только наверху травка. Практически мы под землёй. Одобряю.

А вот сочувствие не одобряю. Почему-то все вокруг меня считают, что произошло нечто. Не катастрофа, но серьёзные неприятности. Наивный неопытный народ. Катастрофа случилась на севере и юге, а наш фронт стоит, как острый наполовину вбитый в дерево штык. То, что случилось, маленький ни на что не влияющий эпизод.

— Обедом нас накормишь?

— А як же? — Туренко расплывается в приветливой улыбке.

Поднимаемся по деревянной лестнице наверх. Хорошо он штаб устроил. Сверху никак не увидишь, даже кустики какие-то на покрытой дёрном крыше растут. Вокруг кустарник и деревья.

Вообще-то хорошо, что у окружающих настроение близкое к похоронному. Учит не победа, а поражение. Мы все получили хороший урок.

В столовой садимся с полковником отдельно. Не снобизма ради, а секретности для. Генеральские разговоры не для всех ушей.

— У тебя дивизия сформирована? — на обед кроме солянки дымящий паром гуляш, компот с ватрушкой. Лётчиков кормят не хуже генералов, мне ли не знать.

— Наполовину, — Туренко чуть грустнеет. — Ишачки, чайки, Миги. Два полка у меня всего и то штаты не заполнены.

— Но боеспособны? — это Туренко кажется, что есть повод для грусти. Но ненадолго, позабочусь об этом. А солянка хороша!

— Да, конечно...

— Чего тогда грустишь? В 11-ой авиадивизии не больше четверти самолётов и лётчиков от штата. И воюют. Так что ты неплохо живёшь.

— Мне бы ещё машин сто? — Туренко смотрит жалостно. — Ну, или восемьдесят. На бедность.

— А зачем тебе штурмовики Ил-2? Ты ж ПВО!

— Какие штурмовики? Зачем Ил-2? — понимания в глазах полковника ровно ноль.

— Так из центра нам их втискивают. Хорошо, что чайки ещё поставляют. Но, говорят, хотят прихлопнуть их производство. Те чайки, что присылают, почти все уходят в 11-ую дивизию. Я же фронт оголять не могу.

— А Яки? — Туренко аж светится надеждой.

— Яки только Рычагову...

— Одну! Всего одну эскадрилью!

Думаю. Долго думаю. Рычагов крайне нервничает, когда хоть один Як уходит... нет, ни одного самолёта мимо него не прошло. Но даже разговоры об этом мгновенно выводят его из себя. Думаю всё второе блюдо, Туренко ждёт и понемногу гаснет.

— Ладно, — берусь за компот, — попробую Рычагова уговорить на одну эскадрилью.

— А разве вы приказать не можете?

— Нет. Потому что уже отдавал приказ сформировать авиакорпус под обещание: все Яки с нашего завода — ему. Но попробую уговорить на замену. Чайки или Миги.

— Наконец-то я вас поймал, Дмитрий Григорич! — к нам подходит Копец.

Знаю, как поймал. Медики ему запрещают летать, но он своим генеральским положением злоупотребляет, сам за штурвал садится. А чего ему, лётчику экстра-класса? Он даже на Мигах летает, будто на нём родился, а с ними далеко не все лётчики могут справиться.

Копец тоже начинает обедать, всё понявший Туренко откланивается.

— Мы нашли ещё один аэродром, — негромко в промежутке между ложками вкуснейшего супа говорит Копец.

— Так же? По закрытой дороге?

— Нет. В одном месте вдруг лес стал шире.

— Значит, всего три? — медленно колупаю ватрушку.

— Ну, что? Когда?

— Тянуть не будем. Завтра утром, часиков в пять сможешь?

— Восход солнца после шести...

— Ну, в шесть или пол-седьмого?

Минутку Копец то ли ест, то ли маскирует едой свои раздумья. Потом кивает.

— Тогда действуй. Приказ сегодня нарисуем.

Вот я немцам и отомщу за почти десяток своих разгромленных батарей. Никоненко. Сердце опять кольнуло, он всё-таки выполнил свою задачу, хотя уже никогда не узнает об этом.

Время 15:00.

КП 13-ой армии.

Слушаю и пока не вмешиваюсь. Кроме Никитина с его свитой присутствует несколько командиров 155-ой сд во главе с комдивом.

— Как вы могли танковую атаку прохлопать? Они ж зараз борта вам подставили?! — разоряется Никитин.

Комбат батареи сорокопяток, спортивный парень лет тридцати, но с пробивающейся сединой, оттягивает верхнюю пуговицу на гимнастёрке. Расстёгивать нельзя, только не в присутствии такого количества генералов.

— Немцы дымовую завесу поставили... — начинает объясняться капитан.

— Подожди, Семёныч, — на мои слова Никитин закрывает готовый для ора рот и выпускает набранный воздух, — давай сначала дослушаем.

— Ну, вот, к-х-м, я и говорю. Немцы кроме артобстрела...

В конце рассказа у Семёныча и у всех нас просто нет слов. С трудом удерживаюсь от того, чтобы не подпереть норовящую отвиснуть челюсть. Кто-то из присутствующих не справляется. Семёныч тоже ошарашен и никаких поползновений пошуметь матом не предпринимает.

Мимоходом совершаю величайшее открытие. Кто-то презрительно хмыкнет, но личное

решение даже маленькой, но всем известной загадки или тайны, это победа, как ни крути. Никто не смог догадаться, а ты смог. Это очень приятно.

Суть вот в чём. Никто не знает авторов великого множества анекдотов, ходящих по стране. Как такое может быть? Анекдотов десятки тысяч, количество авторов должно исчисляться тысячами. И где они? А вот! Не сам капитан-комбат, конечно, а в целом личный состав его батареи. И они никогда в своём авторстве не признаются, потому что создали анекдот собственными действиями, а не придумали. Они сыграли анекдот, став его главными героями.

— По телефону связываться долго, — рассказывал капитан, — всё решалось за секунды. Я позже продублировал и уточнил, но сначала приказал стрелять по месту, которое укажу.

В полосу дыма стрелять бесполезно, но танки шли вдоль позиций, беззаботно подставляя борта. Комбат, — тут снимаю шляпу, — придумал гениальную вещь. Он приказал батарее открыть беглый огонь по одному месту прямой наводкой, собственно подругому сорокопяти редко стреляют. Если бы у него получилось, это могло сработать. Четыре пушки прошивают дымовую завесу насквозь в одном месте. Похоже на шагбаум. Получить в борт даже среднему танку даже от сорокопяти даже осколочно-фугасным не только неприятно, но и смертельно опасно. «Даже» в кубе, так сказать. Боковые башенные люки это лучшая песня на немецком языке, ха-ха-ха. Хотя они могли и развернуть башни.

Что делает этот, надо признать, инициативный и умный комбат? Он приказывает своим расчётам открыть огонь по точке, которую он укажет. И пальнул в сторону немцев бронбойным, то есть, надо оговориться. Этот стон... эта глухая стальная болванка у нас бронбойным зовётся. Удачно стрельнул. Снаряд прочертил в грунте видимую линию, отмеченную пылью и отброшенным грунтом. Замечательно! И что делает остальная батарея? Тут же начинает гвоздить стальными болванками по земле примерно в том же месте. Ну, им же так приказали!

Втягиваю в себя воздух, делаю покер-фейс.

Пока ошалевший капитан сотрясал воздух и размахивал руками, время ушло. Танки скрылись за пологим пригорком. Стреляло, как надо, только его орудие.

— Товарищ капитан, вы пока идите, — пользуюсь правами старшего, — о нашем решении позже скажем.

Меня уже распирает. С трудом дожидаюсь, когда за комбатом закроется дверь. Ещё немного! Ему надо отойти... изнутри словно накопивший силы вулкан прорывается хохот.

— Ой, не могу... — ржу до слёз. Ну, может, частично организм использует повод для нервной разрядки. Почему бы и?

Кто-то улыбается, кто-то удивляется. Никитин смотрит с тяжёлым недоумением. Спустя пару минут, выпустив пар, утираю глаза платком. Подавляю остаточные всхлипы.

— Ну, что, товарищи? Давайте вынесем решение... — всё, свожу приступ веселья до обычной улыбки, — капитан Дорофеев принял, я так считаю, отличное решение. Но самый гениальный план способно извратить идиотское исполнение...

— Командир отвечает за всё, — бурчит Никитин.

— Да, ты прав. Но поднять интеллектуальный уровень подчинённых задача практически не решаемая. Где мы на всю армию столько умников наберём? Слабоумие не лечится.

— Что вы предлагаете, товарищ генерал армии? — вырывает к финишу комдив-155. Хмурость его понятна, удар Гудериана проморгал именно он.

— Предлагаю комбата не наказывать, а... — ищу формулировки, — а за батареей закрепить позывной «Дуб», «Дубовые», «Деревянные» и любые производные от этих слов.

Кто поумнее — прячет ухмылки, а кто-то держит покер-фейс по неизвестной причине. Или выдержка железная, или чувство юмора отсутствует.

С сомнением на лицах, однако плевать против ветра, то есть, спорить с комфронта не решаются, и синклит высших командиров соглашается.

Остальное просто. Комдив-155 получает выговор с записью в личном деле. Пусть оборона в том месте очаговая, на что он пытался сослаться, но заслоны из диверсионно-разведывательных подразделений обеспечить обязан был. Там фрицы ещё пост ВНОС снесли. И застигнутый врасплох и погибший батальон на его совести. Личные кладбища боевых командиров высокого уровня — самые обширные.

— На будущее — всем. Саша, запиши. Посты ВНОС должны быть прикрыты силами тел соединений, в зоне которых находятся. Они обеспечивают вам безопасность с воздуха, вы обязаны защищать их на земле.

Формализуем правила, которые и так вроде всем были понятны и не нуждались в отдельных приказах. Но первым делом, ещё до веселья с комбатом сорокопятки, мы решили самый главный вопрос. Никитин недолго брыкался на мой приказ готовиться к отходу на третью линию обороны. Сам всё понимает. Этот раунд за фрицами.

Совещание подходит к концу.

— Ну, что, товарищи командиры, всё решили? — все переглядываются. — Вопросов больше нет?

— Не могу уразуметь, Григорыч, — трёт переносицу Никитин, — ну, добре, Гудериан нас удивил, но как ловко сумели нашу артиллерию прижать?

— Ты что, не понял? — удивляюсь его недоумению. Или не его уровень, чтобы догадаться? Уже собираясь вставать и уходить, раскрываю интригу. Не могу не откликнуться на такое количество жаждающих разгадки лиц. Вот интересно, а Яшка сам додумался.

— Да всё просто, товарищи. Фрицы разгадали наши шифры и подслушали радиопереговоры. Вы что, думаете, шутки ради на каждой радиостанции написано, что враг подслушивает?

Другого объяснения нет. Мы же по радио координаты перед боем принимаем, когда борт уже в небе. Заранее, по внутренним телефонным линиям данные по соображениям оперативности мы этого не делаем. И нашу координатную сетку, которую мы меняем, фрицы вычислили. Надо усложнить её, простая слишком.

— Поэтому координаты наших батарей им стали известны и без разведки...

Сегодня же этот вопрос решим. Шифры сменим и ещё одну хитрость применим. При расшифровке фрицы используют русские слова «танки», «батарея», «координаты» и другие. Будем коверкать слова, передавать в эфир их неправильное написание. Например, «каорденаты», «боторея» и т. п. И тогда проклятые фашисты ключевые слова просто не найдут. В варианте истории Арсеньевича наши такое уже придумывали. Не моё изобретение.

Ассиметричное шифрование, которое вскрыть практически невозможно, ещё не изобрели. Да оно и не подойдёт. Там ключ шифрования невозможно подделать, а ключ расшифровки открыт, чтобы сообщения могли читать все. Единственное, что Кирилл Арсеньевич помнит про это из своей жизни. И всё это связано с какой-то чудесной техникой. Надо же, неужто действительно придумают когда-то такие волшебные вещи, как компьютеры. Доживу ли?

1 сентября, понедельник, местное время 10:50.

П. Гусиная пристань, Семипалатинская область.

Дорожка в ста метрах от школы.

— Девчонки, подождите!

Адочка, бросив небрежный взгляд через плечо, продолжает идти и тащит за собой притормозившую было Полинку. Вот ещё! Будет она по окрику всяких там останавливаться. Догонят, кому надо. Подружка, недоумевающе поглядывая серыми глазами, послушно восстанавливает скорость неспешной ходьбы.

Их догоняют трое ребяташек. Один из них казах, или киргиз, Адочка пока не понимает разницы. Выглядят одинаково, говорят одинаково непонятно, но почему-то считают себя разными.

— Шестиклассники, — шепчет Полинка. И чего надо парнишкам на год старше?

Догнавшие их мальчишки волочили с собой тяжёлые наполненные выданными учебниками сумки. Адочке повезло больше и вдвойне. Во-первых, предусмотрительная мама выдала дочке рюкзачок. Во-вторых, несколько важных учебников, оставшихся со времён учёбы Бориса, — математика, русский и география, — у неё были. Потому рюкзачок был значительно легче, чем у остальных. Полинка, к примеру, покряхтывает и то и дело меняет руку.

Погода замечательная, солнышко и лёгкий, сухой и прохладный ветерок. Не жарко и не холодно. И надоедливые мальчишки настроения не испортят, куда от них денешься?

— А ты правда дочь генерала Павлова? — с мужской прямоотой парнишки сходу берут быка за рога.

Адочка закатывает глаза. Ей уже страшно надоели подобные вопросы и разговоры. Сначала соседские дети на улице, затем она очутилась в центре внимания в классе, когда классная руководительница Елена Андреевна, по виду добрая и симпатичная женщина лет тридцати, с непонятной Адочке радостью выставила ту на всеобщее обозрение. Одной фразой, что она — дочка того самого Павлова.

— Правда, правда, — за Аду охотно отвечает Полинка.

— Врёшь! — восторженно и хором орут мальчишки.

— Чего это я вру? — оскорбляется Полинка и смотрит на равнодушную Адочку. — Елена Андреевна нам сегодня сама сказала...

За разговорами вся компания выходит на улицу, где живут Ада и Полина. Мальчишки не отстают, хотя им в другую сторону. И авторитета Елены Андреевны им мало.

— Докажи! — непримиримо вздёргивает выгоревший вихор Максимка. По дороге девочки и без ритуала знакомства выясняют, как кого зовут. Чернявый — Прохор, а ещё более чернявый и узкоглазый то ли киргиз, то ли казах — Аскарка. Они же и между собой разговаривают.

Полинка с надеждой глядит на Аду, но та только фыркает. Вот ещё! Доказывать она что-то будет, щас!

— У неё фотография есть, где они все вместе, — выкладывает козырь Полинка. — И её отец там в форме.

— Подумаешь, форма, — пренебрежительно заявляет Максим. — Может, он — артист и форму для представления одел*.

— Лицо он тоже одел? — Полинка находит, чем поддеть спорщика.

— Покажи! — загорается энтузиазмом Прошка.

Они стоят уже около дома Кузнецовых, родителей мамы Адочки. Стоят и все хором уговаривают Аду показать фотографию. Полинку Ада ещё понимает, хочется похвастаться подружкой, а вот почему усердствует Максим, который только что сказал, что снимок — не доказательство, не понятно.

Устоять перед совместным напором невозможно.

— Ладно, подождите немного, — Ада взбегает на крыльцо и толкает дверь.

Так, мамы дома нет...

— Адочка, ты пришла?

— Да, — девочка пробегает мимо бабушки в их с мамой комнату. Где тут альбом? Ага, вот он!

Ада вынимает ту самую фотографию и бегом покидает комнату. На крыльцо, впрочем, выходит, уже не торопясь. Она же дочь генерала всё-таки.

— Вот, — машет снимком перед столпившейся ребятнёй.

— Дай! Дай мне! — мальчишки чуть не подпрыгивают от возбуждения, каждый тянет руку.

— По одному! — догадывается скомандовать Ада. Мальчики после бурного спора поручают Полинке выбрать первого считалкой.

— Аты-баты, шли солдаты... — начинает Полинка и строчка «Аты-баты, это...» заканчивается на Аскарке, который радостно кричит «Я!». Первому фото достаётся ему.

Мальчики и Полинка стискивают Аскарку со всех сторон.

— Вот, — тычет пальчиком Полина, — это тётя Шура, это папа Ады, а это её брат Борис.

Максимке через четверть минуты показалось, что его казахский друг слишком долго держит фотографию в руках.

— Дай мне!

— Подожди!

Спор вспыхивает мгновенно. Мальчишки вырывают фото друг у друга. Тр-р-а-ак!

— Вы чего... вы что делаете?! — взвизгивает Адочка. Драгоценный семейный снимок делится на две неровные части.

Бледный от испуга Аскарка суёт Адочке свою половину и ретируется за калитку.

— А чего он?! — обвиняюще вскрикивает Максим, отдаёт Полинке свою часть и вместе с Прошкой убегает из двора. Полинка отдаёт второй обрывок подружке и с возгласом «Ну, я им щас покажу» скачет за убегающей ребятнёй.

— А ну стойте! Вы что наделали?!

Выскочившая на шум бабушка Ады застаёт внучку заливающуюся слезами.

Окончание главы 11.

*Примечание. Знаю, что правильно в данном случае говорить «надеть», но это дети, частично нерусские, так что им простительно.

Глава 12. Кому война, а кому...

1 сентября, понедельник, местное время 11:25.

П. Гусиная пристань, Семипалатинская область, дом Кузнецовых.

— Ну, вот, а ты плакала, — Александра Фёдоровна с удовлетворённым видом заканчивает обрезать наклеенную на картонку пострадавшую фотографию. Давно успокоившаяся Адочка шмыгает носом. Место разрыва почти незаметно, умеет её мамочка тонкую работу делать.

Процесс ремонта побывавшего в небрежных и грубых руках фотоснимка действует на девочку медитативно умиротворяюще. Сначала мама аккуратно покрыла ровным слоем силикатного клея задник одного обрывка, наклеила его на картонку. Затем поступила так же со второй частью. Особое внимание пришлось уделить стыку, тонким лезвием ножа снимать выступившие капельки клея. Напоследок осталось прижать подошвой тяжёлого утюга.

— Запомни, дочка. Какие-то ценные семейные вещи можно давать в руки только самым надёжным людям. И то, глаз при этом не спускать...

— Я же не знала... — куксится девочка.

— Знала, знала, — широко и ласково улыбается мама, — всё ты знала. Разве не знала, что этих мальчишек в первый раз видишь? К проверенным людям их никак не отнесёшь.

— А как отказать, если просят?

— Очень просто. Попросить могут. А дать или не дать, решать тебе. Фотографию ты вообще не имела права выносить и кому-то в руки давать. Она принадлежит семье, а не тебе лично. Это ты куклу свою можешь кому угодно подарить.

— В куклы я давно не играю, — хмурится девочка.

— Девушки, обедать идите! — зовёт их из кухни дед Ады.

2 сентября, вторник, время 06:45.

Небо над Лаворишкесским лесом.

— Цель номер один поражена! — восторженно орёт в микрофон командир полуэскадрильи пешек, только что разгрузивших свой убийственный груз на лесную площадку.

Выглядевший сверху кусочком обычного зелёного леса участок деревьев под действием взрывов и огня вдруг превращается в аэродром, заполненный самолётами. Горящими и разбитыми. Пешки выстраиваются каруселью и поливают аэродром из крупнокалиберных пулемётов. Злые чайки добивают эрэсами зенитные позиции, осмелившиеся себя обнаружить...

— Цель номер два поражена, — спокойно докладывает флегматичный командир второй группы пешек, только что превративший замаскированный аэродром в горящее кладбище самолётов. В двенадцати километрах от первого.

— Цель номер три поражена, — хрипит командир третьей группы и командует своим:

— В этажерку! Быстро!

На них падает восьмёрка мессеров и... — вот невезуха! — с юго-запада подходит ещё одна группа. Прикрывающая их четвёрка ишачков задиристо поднимает носы навстречу атакующим мессерам. Сигнал уже послан и помощь придёт...

Из скоротечного боя выходят только две пешки и два ишачка. Вторая восьмёрка мессеров пришла раньше, чем эскадрилья чаек. Заплатили немцы за победу всего двумя

машинами, одну из которых сумел взять на таран отчаянный ишачок.

Две дымящиеся пешки сумели дотянуть до чистого от леса места, и над ними разгорается суета. Кружатся ишачки и чайки, не подпуская к самолётам никого. Никого кроме трёх санитарных У-2. Над ними, как стервятники, барражирует дюжина мессеров. У-2, один за другим взлетают, одна из чаек на бреющем расстреливает эрэсами павшие пешки. И вслед за этим начинается отчаянная игра, двойная охота. Мессеры кружат вокруг, как стая гиен, пытаясь достать беззащитные У-2. Их подлавливают на контратаках ишачки и чайки. Всё небо превращается в живописное поле боя. Прочертили его в самом начале несколько ракет, оставляют дымные шлейфы сбитые самолёты, расцветают купола парашютов

Немцам удаётся изрешетить один У-2, но лётчик жив и фатальных повреждений у самолёта нет. То, что из пулевых отверстий и щелей капает кровь, увидят только дома. Двух лётчиков-бомбардировщиков в статусе пассажиров живыми домой не довезут. Но такая участь лучше, чем у тех, кто упал в лес и угодил в списки пропавших без вести. Пусть и видели товарищи, что самолёт взорвался. Поверит ли командование? Вдруг парашюта просто не заметили, и лётчик в плен попал?

Сбившие в заварухе один мессер и заставшие другой, чахоточно дымя, уйти на вынужденную посадку, краснозвёздные машины удаляются на восток. За ними остаются три набирающих силу лесных пожара, угрожающими небу дымными расширяющимися шлейфами.

2 сентября, вторник, время 09:15.

Минск, штаб Западного фронта.

— Потери? — задаю вопрос, когда Копец в почти полной тишине заканчивает доклад. Все слушают, буквально замерев.

Кажется, удалась мне маленькая месть за предыдущие неприятности.

— Четыре Пе-2, три И-16, один И-153 и одиннадцать человек лётного состава.

— Экипаж Пе-2 и лётчика И-16, что направили сбитые самолёты на вражеские аэродромы представить к наградам посмертно. Вплоть до звёзд Героев. Все экипажи бомбардировщиков к орденам Красной Звезды и Красного Знамени. Тебе тоже в личное дело занесём подготовку и организацию успешной боевой операции.

Истребителям награды за отдельные операции обычно не дают. Они по результату получают Героя за полтора десятка сбитых машин. Но в личном деле всё будет учтено.

— Итак, товарищи, — обращаюсь ко всему штабу, — считаю задачу выполненной. Немецкие ВВС лишились ста четырнадцати самолётов...

— Ста семнадцати, — поправляет Копец. — Ещё три в воздушном бою сбили.

— Да, хорошо. Александр Яковлевич, подавайте сводку в Информбюро вместе со вчерашними данными. Наши потери не забудьте упомянуть.

— Москва не пропустит в эфир сведения о наших потерях, — замечает Фоминых.

— Вот вы и проследите, товарищ комиссар, чтобы они их не скрывали, — смотрю на него долгим взглядом. Пока он не прячет глаза. Все мои штабные так тщательно придерживают дыхание, что отчётливо и громко доносятся из-за открытого окна трели какой-то пичуги.

Давний у нас спор по этому поводу. И Москва частенько, к моей досаде, его поддерживает. Очень ругались в первый раз, когда я по минскому радио полные сводки дал. Сейчас просто недовольно молчат. А это не правильно, обнародовать только наши победы и умалчивать о поражениях. Это служит причиной вредных слухов и производит нехорошее

впечатление. Ведь какой вывод можно сделать из таких подчищенных сводок? С непрятым душком. Как это так, наши сбили столько-то самолётов, сожгли сколько-то танков и положили огромное количество пехоты, но при этом почему-то отступают?

При полных данных такого впечатления нет. Мы ведь выглядим очень пристойно. Да, вчера потеряли более батальона пехоты и тридцать орудий. Отступили. Сегодня потеряли восемь самолётов. Ну и что? Мы же не выглядим мальчиками для битья! Фрицы вчера заплатили за продвижение на километр тремя танками и полутора десятками пушек. Пехоты никак не меньше нашего. Сегодня больше сотни самолётов. Разве не достойный ответ? Зато при такой честности весь народ понимает степень ожесточённости вооружённой борьбы. И никакого недоумения, а почему тогда мы отступаем, если потери несут только немцы? Ещё при умалчивании могут подумать, что наш урон настолько велик, что мы боимся о нём говорить. Оно нам надо?

И ведь говорил я всё это своему комиссару. Неоднократно. Нет, он будет слушать только указания сверху. Наверняка это он и его люди постукивают на меня Москве. Морда комиссарская!

Так что пусть наступает на горло своей комиссарской песне и отстаивает перед Москвой мою позицию. Как свою собственную, которой у него, к сожалению, нет. И пусть попробует просаботировать.

Попутно рождается соображение, вызывающее досаду. Хорошо, мы грохнули фашиздам три аэродрома. Но если их не принимать во внимание, — по сути, это козырь из рукава, — то фрицы на последнем этапе потеряли меньше нас, при том, что они наступают. До сих пор проигрываем им при прямом и честном столкновении. Придётся всё-таки приберечь им камушек за пазухой, а лучше гранатку...

— Иван Иваныч, сколько там Рычагов новых Яков накопил?

— Полторы сотни, Дмитрий Григорич.

Ага. Надо Пашу «обрадовать», что дюжину самолётов я у него с завода перехвачу. Иванычу поручать бесполезно, с первой секунды разговора Паша его пошлёт в дальние края. Интересный он парень. С одной стороны, он в своём праве, мой приказ выполняет и за мои гарантии, — все Яки только его, — держится. Всё правильно. А с другой, найди кого-нибудь, кто может перечить своему непосредственному начальнику. Только очень независимые люди. Независимые и неудобные, но только такие способны рулить большими делами самостоятельно.

— Владимир Ефимович, что у нас с переброской 24-ой ударной?

— Почти завершена, — начштаба Климовских знает всё, — осталось тылы подтянуть. Уйдёт не более трёх дней.

— Скрытность соблюдается? Там ведь Гудериан близко.

— Судя по отсутствию активности на немецкой стороне, они ничего не заметили.

— Или мы не заметили их активность. Ладно, по ходу дела станет ясно.

Совещание переходит на привычные рельсы. Поставки, распределение ресурсов, наличие резервов, решения Военного Совета, на котором меня всё чаще заменяет Климовских. Забавное ощущение скучной рутинности, свойственному мирному времени, возникает...

— Владимир Ефимович, что у нас с сельским хозяйством? Уборочную закончили?

— Почти закончили, Дмитрий Григорич, — Климовских, по правую руку от меня, смотрит свои записи, цитирует, — на полях ещё примерно треть картофеля и других овощей.

Зерновые убраны полностью. К уровню прошлого года зерновых собрано восемьдесят пять процентов, и это даже не из-за военных действий. Лето засушливое...

— Такой вопрос. Если централизованные поставки продовольствия полностью прекратятся, сколько мы протянем?

Климовских задумывается, листает записи.

— По объёму до следующего урожая нам хватит. По некоторым позициям, например, по овсу и пшеницы твёрдых сортов будет нехватка. Но небольшая, с учётом трофейного урожая с Украины.

— Короче говоря, голод нам не грозит?

— Даже дефицита основных продуктов не будет, — немного погодя Климовских начинает смеяться. — У меня такое ощущение, Дмитрий Григорич, что в этом смысле мы живём лучше, чем до войны.

Присутствующие тоже начинают посмеиваться. Хм-м, не один я это заметил. Документально это абсолютно прозрачно, прифронтовые области Москва избавила от всех поставок в центр. Нет, кое-что мы всё-таки отправляем, совсем уж лишнее. Добавляю керосинчику в костерок общего веселья:

— Мы — военные. Для нас война — мать родна.

Немного развеивается ощущение скуки. Приятного, НКВД меня побери, ощущения только мирный по своей сути человек, хлебнувший на войне кровавого адреналина по самые уши, способен по-настоящему оценить счастливую скуку мирного времени. Хотя я и то и другое ценю. Война была бы совсем хороша, если б не приходилось терять дорогих мне людей. Супостатов-то не жалко. Лишь бы места для их похорон хватило, а страна у нас большая.

Вспоминаю кое-что важное.

— Николай Фёдорович, у меня для вас большое дело...

Сутки назад идея возникла, которую излагаю полковнику Каршину, преемнику Анисимова на важной должности начальника боевой подготовки.

Суть вот в чём. Каждый крупный бой с участием батальона и выше должен стать предметом немедленного анализа отделами боевой подготовки. С выводами и раздачей слонов и люлей всем причастным. Сопровождение по поводу прокола 155-ой дивизии, которая проморгала удар Гудериана, могу и я провести. Это крупное сражение. Однако должен быть механизм, работающий без моего участия и понукания. Утверждать их решения всё равно будет командование фронтом в моём лице или начштаба, но вырабатывать должны они.

Вот он, механизм повышения боеспособности! Вроде элементарно, но ведь организовать надо. А то приходилось Арсеньевичу читать странные мемуары. Например, подходит кавдивизия, которую запланировали ввести в прорыв. Комдив интересуется, прорвана ли немецкая оборона? Его уверяют, что да, кавалеристы могут смело осуществлять бросок. Наши доблестные драгуны бросаются в прорыв, а его нет! Дивизию кладут из пулемётов. Оказывается, местное командование понадеялось, что кавалерийская атака сама по себе фронт прорвёт. Главное не в этом. Главное в том, что, судя по тем мемуарам, никого не наказали. Лично я ради таких ухарей изменил бы своему принципу никого не расстреливать

— Итак, Николай Фёдорович, разработайте регламентный документ, какое-нибудь Положение или просто приказ. Мы его посмотрим, если надо подправим. По времени вас не ограничиваю, но учтите: работаете по этому направлению с сегодняшнего дня. Если я лично

где-то участвую, то общую оценку дам. А выникнете в подробности на батальонном и полковом уровне. Как раз вам и станет понятно, как приказ сформулировать. Как схема будет отлажена, переправите её Иван Санычу в Севзапфронт (генерал-лейтенант Богданов И.А. назначен на должность начальника боевой подготовки Северо-Западного фронта). У вас будет право направлять материалы в трибунал и делать представление на награждение.

После совещания давно ожидаемым известием радуется Саша. Придётся уделить время, но это приятные хлопоты. Капитана Самойлова и майора Панкратова, моих главных охранников срочно ко мне. Проинструктировать. Время — сразу после обеда.

2 сентября, вторник, время 12:10.

Минск, штаб фронта, кабинет Павлова.

— Какие люди! — от радости чуть не выпрыгиваю из начальственного кресла, широко и приветственно раскидываю руки. Иду навстречу гостю, сияя всем лицом и даже телом выражая полный восторг.

От продолжения известной фразы: «Какие люди и без охраны», удерживаюсь. Мой дорогой гость под защитой, да ещё какой. Начальник моей охраны с заместителем. И я натурально впадаю в состояние полного ликования, сам не ожидал.

Мои парни непроизвольно улыбаются, и даже у гостя пробивается осторожная и неуверенная улыбка. Невозможно равнодушно наблюдать за кем-то искренне и бурно радующимся. Если намеренно себя не придерживать, лицо само отзовется улыбкой.

— Как же долго я вас ждал... — на последнем шаге, когда гость уже поднимает руку для пожатия, притормаживаю. Х-х-х-дум!

Когда наносишь боковой удар, хорошо чуть качнуться назад, как бы вытаскивая руку на себя и в движении чуть согнуть её. Тогда скорость кулака резко увеличивается. Голая физика. Конечно, дистанция должна быть короткой. Такой, чтобы вытянутый кулак достигал затылка оппонента. Всё у меня получается.

Отступаю на шаг, смотрю с интересом. Бросаю короткий взгляд на конвой, на одного и второго. Капитан лапает кобуру и вытаскивает ТТ, щёлкает курком и передёргивает затвор. Майор замешательство преодолеть не в силах. Стоит и глазами хлопает.

Смотрим все на то, как старший майор Никаноров, мой дорогой гость, закатывает глаза и падает на четыре кости. Хм-м, думал он крепче, буйвол тот ещё. Хотя сильный удар по касательной в подбородок — мощный аргумент против кого угодно. Что-то там с вестибулярным аппаратом связано.

Отхожу к столу, опираюсь на него, руки на груди.

— Самойлов, держи его на мушке. Если что, постарайся всё-таки не убить. Панкратов, поднимай его!

С паршивой овцы хоть шерсти клок. Не выполнил майор моей инструкции, не взял оружие наизготовку в острый момент. А значит, провалил проверку на вшивость. Но с ним я позже разберусь. А пока у меня вкусненький десерт, поглаживаю слегка ушибленные костяшки на правой руке.

— Ну, что, товарищ старший майор, собрал себя в кучу? Панкратов, стульчик ему принеси.

Под ошалелого гебиста подсовывают стул. Трясёт головой, оглядывается.

— Слушай меня внимательно, Никаноров. Это я всего лишь поздоровался с тобой. Ну, и сквитался, не без того. Считаю, что очень легко отделался, а так — замесить бы тебя ногами в мясо. Шоб знал, как ручонки свои корявые к боевым генералам протягивать...

— Я свой долг выполнял. Мне приказывают, я работаю, — бурчит старший майор.

— Голову только мне не морочь. Я точно знаю, что был приказ не применять ко мне физических мер воздействия.

Делаю паузу. В глазах Самойлова проявляется понимание, и смотреть на Никанорова начинает со злостью. У Панкраторова тоже осуждающие глаза. Что же ты стормозил?

— Понимаешь, майор... старшой, ты тупой не по чину. Тебе звание старшины в самый раз, а ты на цельного войскового генерала тянешь. Интересно, какая сука вас этому научила? Выбить любыми путями признание и дело готово. Без всяких улик, без доказательной базы. Кто вам такое позволяет? Ты органы выше партии и народа не хочешь ли поставить?

Впрочем, политику шить ему не стоит. Поэтому развивать эту тему не планирую. Слишком он тупой о политике думать.

— И кто только тебя старшим майором сделал... — пнуть напоследок гебиста, своей мрачной подавленностью радуящего моё мстительное сердце, и можно о деле. — Придётся тебе расти, чтобы хоть наполовину соответствовать твоему высокому званию. Сделаем так. Пошлём тебя в 11-ую армию, под команду начальника разведки. Звание тебе оформим майорское пехотное, дабы не смущал своё новое руководство грозными петлицами. Подчиняться будешь непосредственно начальнику разведки, само собой, командующему и начштаба.

— Займёшься боевой работой. Лаврентий Палыч сказал, что обидится на меня, если ты смертью храбрых погибнешь, но это он шутит. Мы — люди взрослые и понимаем, что на войне всякое бывает. Вон, моего зама генерала Болдина с мессера накрыли. Выпустил очередь наудачу и, поди ж ты... так что всякое бывает. А работа у тебя будет не кабинетная.

Вроде приободрился гебист, хоть энтузиазмом и не пышет. В самое пекло совать его не буду, но пороху он у меня нюхнёт. Может, хоть тогда к боевым командирам с уважением относиться начнёт.

— Самойлов, сопроводи старшего майора в кадровый отдел.

Распоряжение кадровому отделу №... от 2 сентября 1941 года.

1. Майора Панкраторова Е.Ф. снять с должности начальника охраны командующего Западным фронтом.

2. Перевести майора Панкраторова Е.Ф. в распоряжение отдела боевой подготовки 13-ой армии.

3. Начальником охраны командующего фронтом назначить капитана Самойлова П.И.

Командующий Западным фронтом _____ генерал армии Павлов Д.Г.

Кабинет командующего, время 17:30.

— И за что вы меня так, товарищ генерал?

Хм-м, правда не понимает? Объяснить-то мне не трудно.

— Не тянешь ты охрану. Я тебе... вам что сказал? Чуть что — ствол наизготовку. А ты глазками только хлопаешь. А если бы он пистолет вытащил и пальбу открыл?

— Товарищ генерал, он старший майор госбезопасности!

— Да насрать! Твоя задача — меня охранять. А ты затупил, как новобранец! Мало ли какая на ком форма? А вдруг он ээсовец переодетый? Вот если б я приказал тебе в младенца стрелять, понятны были бы сомнения. Маленький ребёнок угрожать не может, очевидно, что он — ребёнок. А что видел ты? Здорового вооружённого мужика, так? Можно предположить, что он переодетый враг? А почему нет? Я ж не заставлял тебя в него стрелять. Только если бы он за оружие схватился, но тогда сразу б стало ясно, что он

вражина. Свой в своих стрелять нипочём не станет.

— Всё-таки я таких стычек между генералами не понимаю... — бурчит майор.

— Поэтому и направляю в войска. Там всё понятно. Вот немцы, вот наши. Чужих туши своих защищай. Всё ясно. Наберёшься опыта, а затем по выбору. Хочешь в разведку, хочешь в пехотные, могу к десантникам отправить.

— Думаете, я из пугливых?

— Надеюсь, что нет. Станешь командиром в войсках, не поумнеешь, так хоть орденов кучу нагребёшь.

3 сентября, среда, время 07:50

Небо между Молодечно и Минском, борт № 1.

— Второй! Убери чужие глаза, они нам всю малину испохабят! — ору открыто, без всяких шифровок. Фрицы услышат? Пусть слышат, мне так даже выгоднее.

Мы из шкуры выпрыгивали, готовились и сейчас всё портит немецкий наблюдатель. Блядский высер! Висит какой-то гад на высоте километров в тринадцать, а у нас самый высотный вариант — мы! Внатяжку можем только на двенадцать с половиной выйти. И раскрывать огнём свои батареи не хочу, немцы стреляют точнее и быстрее. Опять в расход войдём.

— Отбей Второму инструкцию, — это я радисту. — Пусть сымитирует атаку. Фрицы не знают, насколько высоко мы можем подняться. И гонит его до самого аэродрома. Если вычислим место, откуда он прилетает, мы там всех с грязью смешаем.

Фрицы выбросили на стол козырную карту, высотный разведчик. И тот летает на высоте, нам недоступной. Интересно, почему раньше не применяли? Наверное, на разбомбленных нами аэродромах под раздачу удачно для нас попали.

Вот сука! Когда мы его заметили, половину полковой артиллерии в месте атаки напрочь снесли. За какие-то десять минут. Только что запретил Борьке координаты давать, а вниз приказ — молчать до особого разрешения. Хватит нам трёх уничтоженных батарей.

Короткая пауза примерно в сутки кончилась сегодня утром. Мы успели подготовиться. Генерал Васильев свою задачу тоже выполнил. Подогнал нам для испытаний в боевых условиях миномётную батарею на грузовиках с удлинённой базой. 82-мм миномёты стоят прямо в кузове и стреляют оттуда же. Всего-то и надо было смастерить демпфер под опорную плиту. Васильев, вернее васильевцы, по-быстрому изготовили их из повреждённых автомобильных колёс. Там и камера не нужна, хватит покрышек, которые должны смягчать толчок при выстреле. Посмотрим, что бойцы скажут. Сейчас батарея на колёсах, дав всего два залпа, на всех парах несётся в тыл. А ей вдогонку всё стреляют и стреляют. Никак этот высотный фриц не уймётся!

— Стрельба по М-5 прекращена, — с облегчением докладывает Борька.

— Возвращай её назад, только на другую позицию.

Что у нас там с немецкими глазками? Ага, их уже еле видно. Никитин гонит их всё дальше. Слава ВКП(б)!

Меж тем немецкая артиллерия сносит нашу наглухо. Сносила бы. Если бы мы заранее по телефону не уточнили координаты всех батарей. А в эфир бы не выпустили ложные, по старой же и, само собой, изменённой координатной сетке. Под старым же шифром. И сейчас с холодеющим сердцем смотрю, как наши фиктивные позиции фрицы накрывают с одного залпа. И делают это двумя-тремя сразу, совсем как Яков в прошлый раз. Все потери мы не успели компенсировать, потому в распоряжении Эйдельмана всего пять батарей

дивизионного и корпусного уровня.

— Сколько у немцев точек раскрыто?

— Восемь, — откликается наблюдатель-1, — достать можем только шесть.

— Действуйте, парни, — даю отмашку своей парочке.

И Яша начал действовать! Любуюсь его работой. Смотрит на карту и будто сквозь неё, будто видит наяву и наших и чужих. Подмял Борьку под себя. Если давать команды последовательно, то одновременного залпа двух батарей не получится. Так что Яков даёт прицельные данные по двум каналам сразу, своему и Борькиному. Два радиста стучат ключами, как заведённые.

Не проходит минуты, как на одну из немецких батарей обрушивается артудар дуплетом.

— Есть полное накрытие! С обеих точек! — торжествует наблюдатель-2. Восторг настолько переполняет его, что парень светится каждой своей веснушкой.

Немцы с четверть часа, как «подавили» нашу артиллерию, и сейчас над нашими позициями бушует уже привычный смерч. Наша оборона разнесена в пыль. Теперь мы их разносим. В ту же пыль. Не прошло и десяти минут, как Яков уже наводил три батареи на последнюю из немецких.

— Передайте координаты этих двух дальнобойщиков летунам!

— Уже передал, — улыбается связист, старший сержант, брюнетистый молодой человек.

Ого! Вот это я люблю.

— Саша! Запиши в блокнот, надо отметить парня.

— Всё, товарищ генерал, — докладывает Яша ещё через пять минут, после контрольных залпов.

— Быстро менять позиции! — меня будто кто-то подтолкнул и через пять минут очень себя хвалю за этот приказ.

Одновременно с нашими летунами появляются немецкие асы. Мессеры сталкиваются с чайками. Обожаю этот немного смешной самолёт. Чайка — неплохой истребитель, великолепный штурмовик и ко всему лёгкий бомбардировщик. Беда в другом, опять появились чужие глаза в небе. До немецких дальнобойщиков добраться пока не удаётся, но это не всё. Вдруг проявляются ещё пять немецких батарей, до того молчавших. Фрицы тоже могут преподнести сюрприз. Это, к сожалению, не моя монополия.

— Быстрее!!! — отчаянный вопль комбата гложет в разрывах. Последнюю 76-мм гаубицу отбрасывает в сторону, раненая лошадь отчаянно кричит, второй повезло больше, убита наповал.

Последнюю пушку не успевают вывезти, предпоследнюю обезумевшие животные уносят в поле. Убитый или раненый осколком возница лежит нескладной кучей у дороги.

Ещё одна батарея гаубиц М-30 не успевает уйти. Остаётся на месте и принимает условия неравной дуэли. Блять, до чего мне надоело потери нести!

— Есть полное накрытие С-12. Второе, — с мрачным удивлением сообщает старший лейтенант, наблюдатель-1. Гм-м, живучие они эти М-30. Хотя наверняка это результат заглупления орудий. На расстоянии в десяток километров прямое попадание организовать трудно.

— Пусть прекращают огонь и отводят личный состав, — распоряжаюсь я. Пушку заменить легче, чем подготовить артиллерийский расчёт. И вообще, люди дороже железа.

Примерно через час возвращаемся домой. Фрицы разнесли очередную линию обороны,

но далось им это дороже, чем в прошлый раз. Вернее, соотношение потерь не намного, но в нашу пользу. Даже если учесть ту батарею М-30, как полностью уничтоженную. Наша авиация помогла. Одну из дальнобойных батарей всё-таки причесала. Итого шесть батарей фрицы принесли в жертву. Мы — пять. Плюс воздушный бой. 3:2 в их пользу.

Мессеры боятся плотного боя, насколько я заметил. Нападают, когда есть возможность ударить неожиданно и тут же отпрыгивают. Поэтому наши чайки смогли накрыть батарею тяжёлых гаубиц. У фрицев была альтернатива, ввязаться в воздушный бой или отдать свою артиллерию на растерзание. Не рискнули хваленые асы сойтись с нашими стенка на стенку.

ТБ-7 начинает снижение, а беспричинное раздражение во мне поднимается. Какого чёрта фрицы так наседают? Как можно не понимать, что война уже проиграна? Они ж сами планировали блицкриг, потому что затяжная война для Германии тождественна поражению. Блицкриг сорван. Им до зимы хорошо бы Белоруссию взять, а разрешение на это надо ещё у меня спросить. Допустим, у них получится, плюс оставим за скобками вопрос, «какой ценой?». Что у них будет в активе? Литва, половина Латвии, Белоруссия и пол-Украины. По большому счёту это сельскохозяйственные районы. Вот вышли б на левобережье Днепра, тогда был бы ой.

А что будет в пассиве? Потери личного состава до полумиллиона солдат. И в основном, ударных штурмовых частей. То есть, к зиме вермахт в самом удачном для себя варианте да, будет боеспособен. Как боец, ещё стоящий на ногах, но уже с выбитыми зубами, ушибленными руками, потерявший уверенность и былую силу удара.

Численность вермахта и люфтваффе снизится, может, и не сильно за счёт расширения призывного возраста (и снижения качества солдата) и пополнения новыми машинами. Заводы-то работают. Но никак не вырастет. Пока у них баланс отрицательный. А мы-то точно вырастем! По своему фронту вижу, постоянно идут тяжёлые бои, потери серьёзные, но количество штыков растёт. Количество танков увеличивается и это вовсе не слабенькие Т-26. Самолётов тоже всё больше и больше. Наши заводы делают их быстрее, чем сбивают асы люфтваффе. Плюс не надо забывать про изначальный двойной перевес в нашу пользу.

Кроме того, что парадоксальным образом мы, армия, становимся всё сильнее, страна перешла на военные рельсы. Резко выросла скорость производства боеприпасов и техники. И не только это. КБ стали работать, как сумасшедшие. Прогнозирую, что срок воплощения новых моделей техники от чертежей до опытного образца и далее в серию сократится на порядок. Вся страна работает на войну, это грандиозная мощь.

Однако фон Бок прёт напролом, словно асфальтовый каток. До Минска ему остаётся чуть-чуть. Мы могли бы упереться, ресурсы есть, но не вижу в этом никакого смысла. Кроме национальной гордости белорусов. Почему-то все вокруг меня, военные и гражданские, очень переживают при одной мысли о возможной сдаче Минска. Вижу это постоянно...

— Пап, а мы Минск удержим? — в Борькином голосе та самая тревога, охватившая всех минчан. Хм-м, народ нервничает. Семьи военных и всех детей эвакуировали, гражданские организации тоже, радиозавод и авиазавод ещё раньше. Естественно, люди волнуются.

— Не знаю, сын, — вылезая из самолёта на твёрдую землю. Экое блаженство! И постоянного гула нет. Вроде не замечаешь, а когда он исчезает, то будто привычный, но тяжёлый рюкзак скинул.

Идём толпой по полю, в удовольствие пройти полкилометра. К разговору внимательно прислушивается Яков. Ему-то что? Он ведь москвич!

— Борис, мне, как военачальнику до одного места. Военно-стратегического значения

Минск почти не имеет. Транспортный узел? Легко обойдёмся без него. Штаб? У нас в Барановичах основной штаб...

— Столица республики, пап...

— Давай так, Борь! Я тебе и всем вам скажу, но вы особо не трепитесь. Секрет небольшой, но всё-таки. Идёт?

До штаба ещё метров триста. Оглядываю всех, весь наш экипаж только без летунов. Все подтягиваются, чуть по стойке «смирно» не встают.

— Хорошо. Немцы сами лезут в ловушку. Уже вступили одной ногой. Войдут в Минск — залезут в капкан по пояс. Понимаете? И мне, как командующему всё равно, возьмут они город или нет. Главное, что они ввяжутся в городские бои, самые кровопролитные для наступающих. Понимаете?

Мои слова народ переваривает примерно сто метров.

— Так немцы возьмут город или нет? — Борька продолжает тупить.

— Это от вас зависит, — нахожу способ перевести стрелки, — от городского ополчения. Лично я сделаю всё, чтобы фрицы заплатили большой кровью. Возьмут они город или нет, они за него заплатят втридорога.

— В городе четыре дивизии ополчения, полк НКВД, ПВО, четыре зенитные дивизиона... — мог бы так сказать, но умалчиваю. Лучше общими словами.

— В Минске мощное ополчение, плюс регулярные части. Но главная сила — ополчение. От вас зависит, падёт Минск или выстоит. В городских боях соотношение потерь семь к одному не в пользу наступающих. Захотят ли фрицы положить двадцать дивизий?

На мой вопрос все задумываются.

— Это ведь не просто дивизии, это штурмовые части с огромным боевым опытом. Поэтому не спрашивайте меня, падёт Минск или нет. Если падёт, то для фрицев это будет пирровой победой, после которой они уже не очухаются. Понимает это немецкое командование? Захотят ли такой ценой брать город? Откуда же я знаю?

С последним моим риторическим вопросом мы подходим к штабу. Лица моих ребят не то что светлеют, но мрачная угрюмость исчезает.

Наша боевая смена закончена. Никитин если желает, может продолжать висеть над полем боя. Или кто там у него? Как-то сам собой установился чёткий режим войны. В первой половине дня фрицы атакуют, идёт ожесточенная грызня, затем они подтягивают тылы, осваивают новые рубежи. На это уходит вторая половина светлого времени. Не так всё мирно, конечно. Фрицам передвижение войск надо с неба прикрыть, поэтому идут вялотекущие воздушные бои. И полковая артиллерия обнаруженную активность давит. Но в целом, всё устаканивается. Никитину тоже надо перегруппироваться. Но нам легче, на следующей линии обороны войска уже стоят. А передовые части отводим в тыл на пополнение и отдых.

4 сентября, четверг, время 18:50.

Минск, квартира генерала Павлова.

Яшка так и живёт с нами. Используем его в качестве прислуги за всё. Хотя всего он не умеет. Картошку, например, чистить поручать ему бесполезно. Отходов больше, чем полезного выхода. Учить долго, так что когда мне захочется чего-то с картошкой, за ножи приходится браться нам с Борькой. Но резать её всё-таки научили. Делает это очень медленно, так что идёт вслед за нами. Каждая свежеччищенная картофелина немедленно попадает в его аккуратные, но очень неумелые руки.

— Яша, как ты думаешь, почему труд сделал из обезьяны человека? — мой вопрос заставляет его задуматься, он замирает, а я клянусь себя. И так медленно всё делает, да тут ещё и паузы на раздумья.

— Всё просто. Сложная работа руками иннервирует их. Возникает густая сеть нервных волокон, управляющих мелкой моторикой. Это здорово усиливает возможности мозга. Не тренируя ловкость пальцев, ты игнорируешь огромные возможности развития интеллекта.

Борька скептически хмыкает.

— Яш, ты тоже это видишь? — тычу в сына испачканным шелухой пальцем. — Наверное, имеет смысл закатать сынульку на губу. Хотя нет, напущу на тебя самого занудливого политрука с двухчасовой лекцией о марксизме и заставлю написать реферат на тему «Марксизм и уважение к родителям».

— И как это связано? — Борька впечатлён, но держит лицо.

— Вот ты и выяснишь.

— Знаешь, почему евреев подозревают в том, что они захватили весь мир? Вон как Гитлер на них ополчился, — тему надо добить, захожу с другой стороны.

На этом месте даже Яков делает стойку, ловит каждое слово.

— Потому что это... нет, неправда. Но правда в том, что они способны это сделать. Знаешь почему? А потому что они с уважением относятся к своим родителям. Внимательно перенимают их жизненный опыт, слушаются их. А не смотрят с наглым нигилизмом даже на высокопоставленных родителей. Твой отец — генерал армии, а ты позволяешь себе критически хмыкать на мои слова. Яшкин отец может быть простым портным...

— Дед был портным. Отец — врач, — негромко замечает Яков.

— А почему его отец стал врачом при своём отце, простом портняжке? Потому что слушался своего папу! — поднимаю вверх палец и победно бросаю последнюю очищенную картофелину.

— Ну, па-а-а-п, — ноет Борька.

— погоди, щас руки помою и дам тебе подзатыльник.

Борька ржёт и убегает из кухни.

— Не такой уж мой дед и портняжка, — Яков делает вид, что слегка обиделся.

— Лучший на нашей улице?

Оп-паньки! А он не знает этот анекдот, надо же! Рассказываю, подставляя в главного персонажа деда Якова. Вместе хохочем, Борька завистливо заглядывает в проём, без него веселятся. А нефиг убегать.

Хороший вечерок получается.

За ужином задумываюсь и вздыхаю.

— Хочется выпить, но нельзя, — снова вздыхаю и отвечаю на безмолвный вопрос молодёжи, — завтра у нас тяжёлый день. Немцы вскроют последний наш рубеж и дорога на Минск будет открыта.

— Что? Опять? — на застывшую от моих слов молодёжь реагирую нервно.

— Сколько же раз вам повторять?! Всё идёт по плану!

— Не понимаю, пап, — Борис откладывает ложку, — планом предусмотрено Минск сдать?

— Ешь давай. Нет таких планов. Спроси своего друга, на что может рассчитывать шахматист ходы которого противник видит на пять шагов вперёд?

— Только на поражение, — Яков отлично берёт пас.

— Ну, вот! Давай-давай! Как ты будешь отстаивать город, если сил не наберёшься? Так что ты сейчас поешь, позавтракаешь, как положено и спать будешь, как сурок. Понятно?

Сидим, пьём чай после победы над ужином.

— Не о том вы, ребята, думаете. Ладно, успокою вас. Не возьмут фрицы Минск. Хотя это сильно от ополчения зависит.

— Мы не подведём, пап, — Борька серьёзен.

— Да я знаю. Меня больше волнует, что дальше будет?

— А что дальше? — молодёжь нацеливается на меня всеми глазами.

— Войну мы фактически уже выиграли. Ну, подёргаются немцы ещё с годик, решим вопросы с границей, с Европой. Индустриализацию, в основном, провели. Там ещё работы много, но главные задачи решены. Дальше что?

— Науку куда и как будем развивать? — смотрю на Якова. — Ты ведь этим будешь заниматься. Возможно, Борька тоже, но он сам пока не знает, чего хочет.

— Победы над Германией для начала, — бурчит сын.

— Это план на год-полтора. Не на всю жизнь. Яша знает, чем будет заниматься, а ты — нет.

— Ладно, не важно это. Тебе Яков повезло. В твоей биографии будет участие в боевых действиях, боевая награда тоже будет. Понимаешь, что это значит? Ты рванёшь вверх, как снаряд из зенитки.

Понимает. По глазам вижу, понимает. Ха-ха-ха, еврей всё-таки.

— А я рвану, пап?

— Тебе чего беспокоится, у тебя отец — генерал. Не будешь тупить на ровном месте, тоже рванёшь. И награда у тебя тоже будет, лишь бы не посмертно.

— Думаю, как горячка спадёт, отправить вас обоих в университет... хотя Бориса, наверное, не примут, вступительные экзамены давно прошли.

— В Белорусский примут, — бурчит Борька, — а потом переведусь.

— Это мысль...

— И что потом? — спрашивает серьёзный Яков.

— А потом и решите, куда развивать советскую науку и технику.

4 сентября, четверг, время 09:05

Одна из окраинных улиц Минска.

Во двор частного дома входят три бойца НКВД. Заливаясь бешеным лаем на цепи беснуется здоровенный кобель. Один из бойцов останавливается и берёт пса на мушку автомата. Бережёного бог бережёт.

— Хозяин! — окликает сержант мужчину лет пятидесяти, уже спешащего на шум с прилежащего огородика. — Успокой псину.

— Зараз, хвилиночку погодите, — мужчина спешит к псине, похлопывает зверя по холке, проверяет ошейник. Не дай боже сорвётся, пришьют нападение на представителей власти.

— Давай выйдем на всякий случай, — говорит сержант. Бойцы выходят за калитку, кобель с громкого лая переходит на грозное ворчание.

— Кто в доме?

— Дык я, да жинка моя. Дочка учится в Смоленске, сына призвали...

— Слушай внимательно. Тебе полчаса, вместе с женой собираетесь и уходите до двух часов дня.

— Куда?

— Куда хотите. В гости ходите. Но чтобы не ближе, чем полкилометра. И кобеля с собой заberi. Всё понял?

— Як же, зразумела...

Бойцы уходят к следующему дому. Ничего не понимающий хозяин через десять минут с «жинкой» и котомкой цепляет кобеля к верёвке, снимая с цепи.

Когда обитатели примерно десяти домишек покидают свои жилища, на улицу приезжает несколько машин, выставляется оцепление и начинает кипеть работа. Временно изгнанным жителям не видно, но расковыривается дорога, в яму что-то укладывают. Затем ковыряют в другом месте, третьем... Бойцы с петлицами связистов заглубляют провод куда-то в сторону.

Примерно такое же происходит ещё на двух окраинных улицах. С эксцессом на одной из них. Из окна одного из домов вдруг выпрыгнул молодой человек в кепке и кургузом пиджачке и спуртанул через огороды. Без всякой команды, на чистых инстинктах, — честный человек не будет удирать от бойцов НКВД, — за ним рванули трое. С места в карьер и такими скачками, на которые породистая легавая не посмотрит с пренебрежением. Через несколько секунд раздаётся короткая автоматная очередь, а ещё через минуту беглеца ведут обратно.

— От меня хрен убежишь, я километровку за три минуты бегаю, — надменно говорит один боец.

— Не преувеличивай, — спорит второй, — три минуты десять секунд.

— На этого прокуренного урку с лихвой хватит.

Стоящий чуть боком сержант не даёт себе труда повернуться. Только голову.

— Ну, и чего вы его притащили? Я уж надеялся, что вы его пристрелили.

— Не, мы только отсекли его в сторону. За домами хотел сховаться...

— Не, начальник, а чо я сделал-то?! — наконец-то обретает сбитое дыхание молодой человек, типаж которых описал некий великий классик, возможно, Шекспир. В переложении к ситуации, молодой человек, по виду уркаган. На что явно указывают фикса и пальцы, подсинённые какой-то надписью.

— Щас яйца отстрелим, сам расскажешь, — равнодушно отвечает сержант и командует:

— По рукам, ногам и в кузов. По пути сдадим.

Урке завязывают сзади руки, спутывают ноги и без церемоний закидывают в кузов прямо через борт.

Лица бойцов, не только преследователей, довольны. Какое-никакое развлечение в скучной работе оцепления и копания ям.

Генерал Павлов, несмотря на то, что Никитин уже «предупредил» фрицев, что беззаботно входит в города нельзя, всё-таки запустил операцию подготовки встречи германских войск. И дал странное название — «Шкатулка».

Параллельно, но в других местах происходит нечто похожее. Операция с ещё более странным названием «Дары данайцев».

Окончание главы 12.

Глава 13. Последний рубеж

5 сентября, пятница, время 08:10

Небо над подступами к Минску, борт № 1.

Немцы начали двадцать минут назад. Вернее, мы начали, зачем нам ждать, когда у нас всё готово. Ещё вернее, Борька начал. Мы уже примерно понимаем, где и как расположатся фрицы, и Борис ударил вслепую из двух мобильных батарей. Да, сегодня у нас уже две. Они в течение полутора минут прошлись беглым огнём по большой площади и тут же сделали ноги.

Скептически хмыкаю, немцы приморозились. И что будут делать?

— Две эскадрильи мессеров с севера, в тридцати километрах, — докладывает старший наблюдатель.

Пять минут ходу им примерно. Ход фрицев понятен. Тот высотный разведчик не рискуют выпускать. В прошлый раз никитинский борт его не перехватил, но как в анекдоте про муху, здоровье у него уже не то. И нервы тоже. Ушёл от ТБ-7 он изящно. Резко нырнул вниз под покрытие ожидающей там охраны из четырёх мессеров. ТБ-7 отработал по нему пулемётами с неизвестным результатом. Видимых повреждений не наблюдали.

Но это не всё. Далее ТБ-7 долго висел в небе, отслеживая, куда сядет разведчик. Не удалось. Фрицы, — сволочи гадские! — тоже у нас учатся. Сверху высотный юнкерс имеет маскировочную окраску, и наблюдатели ТБ-7 его в итоге потеряли. Никитин запросил Копца, в тот район ночью слетали пешки и отбомбились кассетными бомбами. Всего две пешки, больше лётчиков-бомбардировщиков, способных летать ночью, не нашлось.

Однако фрицев убедили наши веские аргументы и сегодня мы высотного засранца не видим. Сегодня мессеры за него. Поэтому немчура огня не открывает, страстно желают лишиться нас преимущества, выровнять игру. Отсюда вывод: как только мы начнём контролировать небо полностью, вермахт потеряет ударную мощь, фактически ослепнет. Звуковой разведкой артиллерию точно не вычислишь. В лучшем случае, плюс-минус сто метров.

Всё. Начинается. Но как-то вяленько и осторожно.

— Первая точка, координаты 14,2-19,5.

И всё? Только одна батарея? Её уже отрабатывает Яков, накрывает двумя гаубичными батареями. Это он зря!

— Яша, прекрати так делать. Ты две батареи сразу засветил. Срочно отвести! Под маскировкой!

Нервничаем, пока наши артиллеристы рвут когти. Одна батарея успевает, вторую чуть зацепили.

— Всем закрыться! Огня не открывать! Пусть сначала свои позиции обнаружат. Смотреть в оба!

Четверть часа фрицы скромничают и плюются в нашу сторону только одной батареей. Пат? Так нам такое выгодно! Хоть месяц так стойте! А мы можем весь день так висеть, часов десять в экономичном режиме.

Хм-м, а вот и чайки с ишачками прилетают и с ходу начинают весёлую карусель. Мессеры врассыпную. Значит, можно чуточку всыпать фрицам.

— Яша, накрывай их одной батареей и тут же уводи их.

Через минуту вражеский застрельщик уложен в нокаут, о чём победно докладывает наблюдатель. Ещё через пять минут позиции нашей батареи, уже пустые накрывает вторая немецкая батарея. Кто-то из мессеров дал координаты, но неточные и первые залпы лёгли в стороне.

Яков отрабатывает вторую вскрытую батарею. Разозлённые фрицы вскрывают сразу три карты, то есть, три позиции и нашу вторую батарею накрывает смерч. Вернее, то место, где она была и, кажись, хвост цепляют. Одну пушку, уходящую последней.

Вот и начинается запоздавшее сегодня веселье. Только и слышу:

— Точка восемь — полное накрытие! Точка пять — полное накрытие!

Только самый первый залп Яшка дал со смещением в сторону. Ветер. Как ни старайся, с первого раза не учтёшь. После этого начинается снайперская стрельба. Почти наяву вижу, что внизу наши артиллеристы в мыле, как загнанные лошади. Два-три залпа и надо уходить, иначе ответ прилетит. Все нормативы перекрыты. Как говорится, жить захочешь — все рекорды побьёшь.

— Ого! — не удержался от восклицания радист. — Товарищ генерал, «Редут» сообщает: приближается эскадра люфтваффе, числом не меньше полутора сотен самолётов. Курс... время прибытия — пятнадцать минут. По курсу... идут ещё четыре десятка мессеров, судя по скорости.

Действительно ого. И что делать?

— Приказ Рычагову, 11-ой и 59-ой авиадивизиям: все ишачки и чайки — сюда. Быстро! Синхронизировать прибытие!

По моим прикидкам общее число этих самолётов не меньше сотни. Как раз и хватит. Яки задействовать пока не буду.

Немцы прибывают первыми и отрабатывают наши позиции на протяжении пары десятков километров. Гигантоманы сраные. В принципе, с лихвой заменяют артподготовку. И на огромном пространстве немцы идут в атаку, десятками танков и целыми полками пехоты.

На небе разыгрывается своя драма. Прибывшие ишачки избивают юнкерсы, часть отгоняет надоедливых, как голодные слепни, мессеров. И вся эта беспорядочная карусель постепенно смещается в сторону немцев. Напоминаю Копцу, чтобы сильно далеко не уходили, и занимаюсь своими делами.

А дела — близки к состоянию шваха. Ничего — справимся.

— Второй, твой левый фланг, до точки 10–13.

На обеих половинах вдруг проявляются десятки батарей. Хм-м, соотношение примерно 2,5 к одному в пользу фрицев. Блядский высер!

— Аврору, Гекату и Гефеста сюда! — это мой мобильный бронированный резерв.

Радист начинает стучать ключом.

Алексей Толстой устами своего персонажа, кавалерийского комэска, в рассказе «Гадюка» утверждал, что сабельный бой не может длиться больше полутора минут. Человеческая психика не выдерживает больше. Крупное же сражение, над которым мы висим и в котором участвуем, может длиться часами. За счёт ввода новых и новых резервов.

Эйдельман работает с дьявольской точностью и скоростью. Почти непрерывно выдаёт прицельные установки для артиллеристов. Наблюдатели то и дело торжествуют:

— Точка семь — полное накрытие! Точка восемнадцать — полное накрытие!

Без потерь не бывает, три наши батареи выходят из игры, зато подтягиваются

бронепоезда. И счёт благодаря Якову 8:3 в нашу пользу. Маленький еврейчик вставляет нацистским антисемитам фитиль по самые гланды. Вид у него такой, будто он в трансе. Хотя почему будто? Глаза расфокусированы, не ясно, на что он смотрит, но мнится, что видит всё. На десятки километров вокруг и сквозь корпус самолёта. Лишь на карту он смотрит внимательно и осмысленно, но только в самом начале. Яшка, если правильно его использовать, не уступит по важности армейскому корпусу.

Через час с четвертью счёт становится 19:12 в нашу пользу. Понимаю, что надо отступать. Счёт неравный, несмотря на наш перевес, их же больше в два с половиной раза, а потери только в полтора. Соотношение сил меняется в их пользу. И с течением времени всё быстрее.

— Команда второму: отходить! — радист переводит мои слова в морзянку. Уже зашифрованную и на скорости это не сказывается. Коды основных команд и обращений заготовлены заранее. И шифровальщик рядом.

— Корректировщики — отбой. Артиллерии — отход.

— Товарищ генерал! — Яков глядит с осуждением в потускневших глазах на побледневшем лице. Пожалуй, он даже позеленел, но прямо сочится упрямством.

— Приказы, особенно в бою, не обсуждаются, боец. — Протягиваю фляжку с известной жидкостью чайного цвета. — Глотни и отдыхай. Приказываю выбросить всё из головы, твой бой закончен.

— Товарищ генерал, каждая немецкая пушка...

— Каждая разбитая немецкая пушка сейчас это десятки уцелевших в ближайшие дни, потому что ты выйдешь из строя. Через пять минут окончательно и надолго.

Борька тоже сидит выжатый, как лимон. Ему и на споры сил нет.

Яков морщится от глотка коньяка, откашливается. Откидывается на спинку и закрывает глаза. В принципе, можем продолжать и без него. На каждой батарее есть свой корректировщик огня, способный (в теории) организовать стрельбу по карте. Надо было организовать работу Эйдельмана чуть по-другому. И какого хрена я раньше об этом не подумал! Яшка же их натурально развращает, выдавая сразу прицельные данные.

Дожидаемся, когда все батареи меняют свои координаты, и тоже уходим.

Эйдельман Яков Львович, искин и человек.

Только генерал не удивляется тому, что я делаю. Единственный. Все остальные, в том числе я сам, считают это чем-то непостижимым. С числами с детства дружу, только на объяснение это не вытягивает. Как вычисляю углы для стрельбы? А я их не вычисляю. Разве высчитывает угол стрельбы из лука стрелок, разве он рассчитывает долго и на бумаге поправку на ветер? Нет, он просто поднимает лук и стреляет. Он чувствует, вот правильное слово, чувствует, как нужно правильно. Точность и скорость стрельбы приходит с практикой. Окончательно ощутил, что полностью готов, когда научился на глаз рисовать угол с точностью до четверти градуса.

Мне чуточку сложнее, чем обыкновенному стрелку, надо перевести невнятные ощущения обратно на язык цифр. Но я ж говорю, что с детства с ними дружу. Перемножить трёхзначные числа, например, для меня не сложно и не долго.

Точка четыре. Есть 152-мм гаубицы и 76-мм, две батареи. Сначала данные на крупный калибр, им дольше готовиться к стрельбе и стреляют реже. Затем на 76-мм. Пока снаряды летят, перехожу к точке девять. Это я мог с самого начала, сейчас научился держать в голове три точки одновременно.

Точка четыре — есть накрытие. Для верности ещё пару залпов, на полминуты можно про них забыть. Что там с точкой девять?

— Точка девять — полное накрытие! — звенит голос лейтенанта, затем становится обычным. — Координаты 17,3-19,2 точка двадцать три.

Третья мишень, точка шесть...

Они не по порядку располагаются, номера присваиваются по мере их раскрытия. Кто первым себя обнаружил, тот и первый. С первым разделался Борис, не моя цель была.

Как-то происходит само собой, что с какого-то момента не смотрю на карту. Только когда появляется новая мишень. Потому что загружать мозги перевранной координатной сеткой, когда за осью 25 идёт 19, а потом 31, ни к чему.

Не смотрю на карту, потому что она давно отпечаталась в голове. Там всё вижу. И на ней гаснут одна за другой точки. Синие и красные. Красные — наши, синие — фрицы.

Сегодня тяжёло. Слишком много точек. Немцы зажигают ещё и ещё. Так-то легко выдерживаю час такой работы, но сегодня интенсивность раза в два выше. Никогда такого не было. В голове начинается подозрительный звон, за которым подступает угрожающая пустота. Сначала похоже на комариный писк.

— Точка семнадцать — полное накрытие, — лейтенант нахлебался радости, голос становится будничным. Ещё одна немецкая батарея в аут — запишем, но от радости уже не прыгаем. Привычное ж дело.

Слегка потряхиваю головой, звон всё сильнее.

— Корректировщики, отбой! — командует генерал. Вот ещё! У меня столько непогашенных точек, и звон, достигающий уровня колокольного мне не помеха.

Генерал заставляет плотнуть коньяка. Как иногда со мной бывает, сначала сделал, потом подумал. Хотя это же приказ, как откажешься? Алкогольный удар на пустой желудок мгновенно выводит меня из боевого состояния. Спорю только по инерции.

А из самолёта меня выносят, и в чём причина, неизвестно. Переутомление, — да, видимо, оно есть, прав таки генерал, — или глоток коньяка с ног меня свалил?

На носилках меня относят в тенёк, генерал слабые протесты пресекает. Борька бредёт рядом, затем рядком и усаживается спиной к дереву.

— Ни о чём не думать! Не разговаривать! Глазейте на небо и деревья. Можно спать.

Генерал уходит. Бледный Борис лениво провожает отца взглядом и философски замечает:

— Самый лучший приказ для красноармейца: ничего не делать, можно спать...

Через час, когда приносят обед прямо к нам, чувствую себя шейхом. Звон не исчез, но заметно стих. Борис тоже оживает.

У меня вопрос, откуда генерал знает, что такое интеллектуальная перегрузка?

Время 11:25.

Железная дорога в предместьях Минска в сторону Вильнюса.

Для «Гекаты» бой не обошёлся даром. Бойцы бронепоезда возились с артплатформой, словившей лёгкую бомбу. Дюжий красноармеец, голый до пояса, стучит где-то снизу кувалдой.

— Что там Пилипенко? — под платформу заглядывает майор Сергачёв, командир бронепоезда.

— Сбрасывать пушку надо, товарищ майор, — поблёскивая каплями пота на могучих плечах, красноармеец вылезает наружу, — можа тогда и доберёмся до депо.

— Сбрасывайте, — майор машет рукой.

Пушку не жалко, бомба рванула слишком близко, скинув с платформы пару человек из расчёта, не успевших укрыться. Теперь только в переплавку. Вот вторую ещё можно оживить. Наверное.

Красноармейцы принимаются за демонтаж орудия. Крепёж с одной стороны снимается штатно, с другой — при помощи кувалды и далёкой многострадальной матери.

— Э нет, бойцы, не так, — останавливает майор своих людей, когда они начинают поворачивать ствол в сторону сброса, — в обратную сторону. А то стволом упрётся в землю, а опорами на платформе застрянет.

— Тяжело будет, товарищ майор.

— Ничего, — майор всё продумал. По дороге рядом не густо, время от времени идёт какая-то техника.

Майор Сергачёв останавливает небольшую колонну войск. Батарея 76-мм гаубиц, есть машины и даже трактор. Майор майору не откажет.

— У меня перегруз, машину и пару лошадей потерял. Не подсобишь?

— Вон вторая платформа с пушками и передняя с щебёнкой. Грузись на полную.

Повеселели оба майора. На обе платформы красноармейцы четверть часа грузят ящики с боеприпасами, устраивают раненых. На поезде ехать намного комфортнее, чем по ухабистой дороге. Рельсы всегда идеально ровные. Если неровные, то повреждённые и в отличие от дороги испорченные рельсы не объедешь и по ним никак не прокатишься. Это на дороге выбоину можно преодолеть. Исковерканные рельсы абсолютно не проходимы.

В это же время тарахтящий трактор стаскивает пушку. Обречённо махнув стволом, повреждённое орудие летит кубарем под насыпь.

Пришлось подождать, когда закончится погрузка и вот, солидно гуднув сигналом, тепловоз тащит «Гекату» в сторону Минска. Повреждённая платформа чем-то недовольно скрежещет, но покорно крутит колёсами.

«Геката» отползает от места, в километре от которого, слабо чадит сгоревший мессер, в шальной и глупой атаке на бронепоезд сумевший попасть в него одной бомбой. Майор Сергачёв никак про себя не мог решить, лётчик герой или слабоумный? Всё-таки делает вывод, что идиот. Был бы герой, постарался бы упасть на бронепоезд.

«Авроре» «повезло» больше. Ей разбили один тепловоз, резервный отводит бронепоезд в Барановичи. «Гефест» уходит на восток целым.

5 сентября, пятница, время 18:05

Телефонный разговор.

— Гутен таг, Вилли.

— Гутен таг, Федор. — Вильгельм Кейтель, генерал-фельдмаршал и начальник штаба вермахта, отвечает незамедлительно, отмечая в голосе фон Бока усталость. — Есть новости? Хорошие?

— Не знаю, насколько хорошие. Мы вышли к Минску. Только что. Русские отводят войска, и покидают город, — фон Бок неслышно вздыхает.

— Наверное, всё-таки это хорошие новости, Федор.

— Потери в передовых частях до тридцати процентов, Келлер разговаривает исключительно нецензурно, он больше двухсот самолётов не досчитался. Всего за пару недель. Это какой-то кошмар, Вальтер. Ни за один город мы столько не платили. Чёрт меня побери, ни за одну страну столько не платили! Этот паршивый городишко встал нам дороже

Франции!

— Это война, Федор. Что тут сделаешь? Разве у русских нет потерь?

— Есть, Вильгельм, есть, конечно. Примерно такие же или даже больше. Но неужто ты не понимаешь, Вилли? Их больше, они могут позволить себе равные потери. Для нас это путь к поражению.

— Мы переломим ситуацию, Федор. Второй флот Кессельринга почти восстановлен. Двести самолётов перегнали из Франции и Германии, ещё четыреста дали наши заводы. Через две-три недели флот Кессельринга восстанет из пепла. Нарастим с его помощью наши силы на Украине и ударим тебе навстречу. Тебе надо просто взять Минск и наступать дальше на юг.

— Опасаюсь я этого Павлова. У него сюрпризов, как в мешке Санта Клауса. Я вот что думаю, Вилли. Может мне обойти Минск? С запада или востока?

— Не стоит, Федор. Фюрер и так тобой не доволен. Так что Минск надо взять. Я слышал, что министерство пропаганды готовит в Берлине празднества по случаю взятия столицы Белоруссии. Этот бастион большевизма на западе России, — Кейтель делает паузу и добавляет, — так они говорят.

— Ш-шайссе, — отодвинув трубку, сквозь зубы и в сторону ругается фон Бок.

— Хорошо, Вилли. Я тебя понял. Хайль Гитлер!

— Хайль...

Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок кладёт трубку в её родное гнездо и начинает ругаться. Положив руки на столешницу, к которой и обращены крепкие выражения. После разговора с начальником штаба ОКВ легче, на что он надеялся, не стало. Наоборот. Ощущение, что его загоняют в угол, усиливается. Генералу Павлову верить нельзя. Он выпил немало немецкой крови, но при этом упорно и целенаправленно отступал, не давая никакой возможности нащупать другое место для сильного удара. Хотя с этим русским почему-то никакие удары заметным успехом не завершаются.

Павлов приглашает его в Минск, — вдруг отчётливо осознаёт командующий группой «Центр», — заманивает. И гадать не надо, зачем. Потери наступающих в городских условиях семь к одному очень привлекательны для него. Зря они надеются на такой подарок, но и два к одному очень неплохо для этих дикарей. А вермахту и один к одному нельзя себе позволить. Один к пяти или десяти, лучшего соотношения эти недоевропейцы не достойны. Один к двум, не считая сдавшихся, это для высококультурной Франции.

И что делать? Наступающую армию Павлов и эти берлинские деятели полностью лишили возможности манёвра. А полностью ли?

Фон Бок встаёт из-за стола, в задумчивости проходит по кабинету, останавливается у окна. Нет, — решает он безмолвно, — поле для манёвра ему оставили узкое, но кое-какие возможности всё-таки есть.

6 сентября, суббота, время 07:15

Окраина Минска.

Последней уходит 209-ая мотодивизия. Стою у носа броневика, что притулился в прилегающей улочке. Наблюдаю. Курю. Армия покидает город. Покидает, но остаётся.

Вся группировка, прикрывающая Минск, расплзается по сторонам. 29 мотодивизия частично своим ходом, частично по железке возвращается в 10-ую армию. Есть ещё одно обстрелянное с боевым опытом соединение. Таких у Голубева почти все, если учесть пограничные бои в начале войны. Его армию можно считать полностью готовой к крупным

боевым операциям. Отшлифует своё искусство войны, когда придёт время. Пусть только попробуют не совершенствоваться!

209-ая мотодивизия — моя. Стратегический резерв командования фронтом, так сказать. Как и 155-ая стрелковая, хвост которой ещё проползает по северным окраинам Минска.

Стою, привалившись к капоту броневика, что перегораживает улочку. Боком к колонне, метров за десять, меня окутывает папиросный дым, внимание отвлекают офицеры охраны, которых офицерами пока никто не называет. И всё-таки некоторые бойцы и сержанты, примостившиеся на броне танков, сидящие рядами на телегах, меня узнают. Толкают локтями соседей, начинают приглядываться, не ошиблись ли и точно ли это их командующий.

Официоз мне ни к чему. Встану близко и открыто, и что им делать? Придётся с походного марша переходить на парадный шаг? Нет. Всматриваюсь в лица. Они не переполнены горем, нет. Но и веселья ни на грош. Мрачная сосредоточенность. Им очень не нравится отступление. Настроение бойцов явно ниже нуля. Поразительно! Они уходят от концентрированного артиллерийского огня, от которого даже у меня мурашки по коже табунами бегают. Хотя я на высоте в десяток километров над этим кошмаром. Ужас бомбёжек, который десятки лет спустя будут вспоминать всеми нехорошими словами те, кому «выпало счастье» их пережить, для этих ребят — простая повседневность. Они с этими бомбардировщиками пострелушки устраивают. И всё-таки, они же избавляются от смертельной опасности, пусть и временно. Но чувства облегчения ни на грош не вижу.

Извините, ребята. Слишком дороги вы для меня, чтобы бросать вас во взаимоотножающее пекло. Да, вы победите, но пусть там фашисты в гордом одиночестве варятся.

Я этого не ожидал. Мало полководческого опыта? Вроде политработа ведётся, всё, что можно, объясняют. Но нет, бесполезно с этим бороться, недовольны бойцы отступлением, ничего тут не сделаешь. Будем надеяться, что сжимаемая пружина не лопнет. А ещё думаю, что по-другому нельзя. Настоящего солдата должно огорчать отступление и воодушевлять наступление. Сколько ни втолковывай, что отступление плановое и командованием так задумано, сие обстоятельство только слегка утешит, но плохое настроение на хорошее не поменяется.

Ладно. Бросаю окурок на асфальт, не найдя взглядом ни одной мусорной корзины рядом. Недочёт, кстати. Надо будет озаботиться, как фрицев отгоним. Мне пора оборону ополченцев инспектировать. Вот кто счастья дождался.

— Поехали, — сажусь в пока не такой душный броневладелец. Пока едем, можно подумать.

Если посмотреть в целом, с задачей я справился. Пришлось посуетиться, но блицкриг проклятым фашистам удалось обломать задолго до битвы под Москвой. И задолго до зимы. Вермахт буксует фактически на старте. Сам слегка в шоке. Это всё, что надо было сделать? Создать надёжную систему управления с двойной, не считая гражданской, схемой связи, потренировать несколько месяцев войска, поизмываться над комсоставом, и это всё? Нет, фактор управления сражением в режиме он-лайн со счёта тоже не сбрасываю. У фрицев же есть. Войска радиофицированы тотально, немецкие генералы получают непрерывный поток свежих данных и меняют рисунок боя прямо на ходу. За счёт именно этого преимущества они и вламывали Красной Армии по первое число до самого 43-го года.

Как-то слишком легко... сравнительно легко всё удалось. Сравнительно с результатом.

Да, пришлось попрыгать, но удалось остановить на пороге огромную армию, до того поставившую всю Европу на четвереньки и особо не запыхавшуюся. Результат не сопоставим с моими усилиями. Конечно, моя должность — сильнейший множитель усилий, но всё равно, мне немного не по себе.

Приятное удивление, а что дальше? По проторенному пути, оккупация Германии и Восточной Европы? И, между прочим, союзнички высадку организовать не смогут. Если только где-нибудь в Италии? А Гибралтар под чьим контролем? Этот момент что-то упустил.

И если мы добиваемся победы относительно малой кровью, то что делать с Америкой и Англией? А еще ракетные и атомные технологии где-то на горизонте маячат.

— Приехали, товарищ генерал, — докладывает водитель.

Позиции я позже проверю. Выборочно. А пока с командным составом надо поговорить. Их много, что вселяет уверенность им и мне. Четыре дивизии ополчения, четыре зенитных дивизиона, полк НКВД, плюс сопутствующие части, ремонтные, санбаты и госпиталя, склады и комендатура. Почти пятидесятитысячный гарнизон на небольшой в принципе город.

— Итак, товарищи, — оглядываю сидящих в актовом зале школы, — пришёл черёд вам сказать своё слово.

— Армия... регулярные части ушли из города, товарищ генерал? — набирается храбрости комдив-2, пожилой полковник запаса. За этим вопросом слышится другой: вы нас бросаете?

— Ушла 13-ая армия, им требуется время на восстановление. Она серьёзные потери понесла. Но силы фронта разве не с вами? Я же здесь. С воздуха вас прикроет авиадивизия, сами представляете, какая это сила.

Вчера утряс вопрос с получением Туренко эскадрильи Яков. На удивление Рычагов не сильно возмутился. Обмен на две эскадрильи чаек его устроил. К тому же лётчиков у него не забирал, Туренко уверил, что у него найдутся.

— Считаю, что гарнизон Минска достаточно силён, чтобы сдержать немецкое наступление. Наступает на вас порядка дюжины дивизий, в числе которых три-четыре танковых...

Мои командиры переглянулись.

— Вас это не должно пугать. Танки в городских условиях не так страшны, к тому же город насыщен зенитной артиллерией, которая шинкует немецкие танки, как капусту. Слышали, что Анисимов с помощью зениток устраивал?

По залу разносится одобрительный шумок. Слышали, конечно. До уровня комдивов такие вещи всегда доводят.

— Он даже не уничтожил полностью немецкую усиленную танковую роту. Большинство они остались ремонтпригодны и на ходу. По моторному отсеку старались не стрелять. Как минимум, с того случая Анисимов получил полтора десятка трофейных танков.

— Не призываю вас захватывать немецкую технику. Это высший пилотаж. Советую применять другую тактику. Немцы всю подбитую технику стараются вывозить и ремонтировать. Делайте так. Из пушки «разуйте» танк и далее пусть в дело вступают снайперы. Пусть отстреливают всех, кто попытается заменить гусеницу. Можно и миномётами, особенно ночью. Постоянно меняйте позиции стрельбы. Всех касается:

артиллеристов, миномётчиков, снайперов, простых стрелков. Из окон не высовывайтесь, сразу станете мишенью.

Перед смертью не надышишься, поэтому лекцию прерываю.

— Поедем, посмотрим ближайшие позиции.

Далеко ехать не приходится. Совсем не пришлось ехать, пешком дошли до ближайшего перекрёстка. Из-за угла дома зорко следит вдоль улицы 45-миллиметровое дуло небольшой пушечки.

— Резервная позиция где?

— Так на противоположном углу, товарищ генерал армии, — бойко докладывает сержант, командир расчёта.

— Не пойдёт. На противоположном углу организуйте ложную позицию. Возьмите какую-нибудь трубу или дрын обтешите. Для имитации ствола. Кучу мусора для маскировки.

Прикидываю, как сделать лучше, оглядываюсь.

— Вон в том скверчике оборудуйте основную позицию. Видите кусты? Оттуда вы легко пушку можете переместить сюда. Вопросы есть?

— А какая разница, товарищ генерал? Мы точно так же отсюда её можем перекатить. В те кусты.

Комдив пытается шикнуть на умничающего сержанта, останавливаю его жестом.

— Нет. Не сможете. Когда на той стороне появится немецкая пушка или танк, он возьмёт под обстрел этот сектор. И вам придётся пересекать его. А если будете уходить оттуда, то сразу выходите из сектора обстрела, а прилегающий к этой позиции сектор будет свободен. Понятно?

Сержант, сражённый генеральской компетентностью, чешет в затылке.

— Вопросы есть?

— Нет, товарищ генерал армии.

— Проверять, как выполните приказ, не буду. Знаешь, почему?

— ...

— Потому что если не сделаете, то в живых вряд ли останетесь. Экзаменовывать-то тебя немцы будут. Ну, что, товарищи, пойдёмте дальше...

Объясняешь им объясняешь... почему-то у фрицев намного лучше получается. А что? Поползёшь под огнём с отключенной вверх задницей, получишь туда пулю. Так что ползти будешь так, что канава потом останется, ха-ха-ха...

Особое внимание уделяю противовоздушной обороне вокруг штаба. А как же? Штаб всему голова. И сам штаб надо подготовить

Приказ № 1231 от 6 сентября 1941 года

Под грифом «Секретно».

Командному составу всех артиллерийских и миномётных частей фронта. Кроме зенитных.

1. При получении прицельных данных от воздушного КП для производства стрельбы штатному корректировщику артиллерийской части их не показывать.

2. Штатному корректировщику доводить координаты цели, по которой производится стрельба. Корректировщик обязан выдать по координатам прицельные данные.

3. После поражения цели прицельные данные корректировщика сравнить с полученными от воздушного КП.

4. Данная процедура направлена на тренировку корректировщиков. Командирам

артиллерийских частей организовать обучение корректировщиков согласно настоящего Приказа.

Командующий Западным фронтом _____ /генерал армии Павлов

Подписываю этот приказ уже в подвале, куда переместились все штабные службы. Кроме охраны, разумеется. Которую усиливают ротой ополченцев. На чердак затащили пару ДШК. Зенитные 20-мм пушки, три штуки расположили на верхних этажах. Короче, штаб превратили в содом и гоморру. Красноармейцы весело таскают мешки с грунтом, закрывают окна.

Припоздал с этим приказом, но лучше поздно, чем никогда.

Военный Совет Западного фронта.

Поручение № ___ от 6 сентября 1941 года.

Частям НКВД, занимающимися охраной военнопленных.

С целью выявления местонахождения, видов продукции и масштабов производства стратегических предприятий нацистской Германии и заводов, имеющих военное значение:

1. Провести опрос всех военнопленных на предмет их места работы до призыва в ряды германской армии.

2. Выяснить также, какая продукция и в каком количестве выпускалась заводами, на которых работали военнопленные.

3. При обнаружении бывших работников любых производств составить подробные списки. С указанием имени, фамилии, звания и других анкетных данных. Кроме того, специальность по которой работал военнопленный и всё, что известно ему о заводе и смежных предприятиях.

4. Отдельно составить списки с такими же данными с теми военнопленными, кто работал на заводах, выпускающих военную технику и вооружения. Кроме того в этот список включить:

а) работников оптической промышленности;

б) химической промышленности;

в) радиотехнической промышленности;

г) предприятий точной механики;

д) предприятий станкостроения.

5. Если в числе военнопленных попадутся бывшие работники конструкторских бюро, высших технических школ и любых научных учреждений, немедленно изолировать, обеспечить наилучшее содержание (на уровне военных лётчиков) и собрать их в отдельном благоустроенном месте на территории города Гомеля.

6. Обеспечить охрану собранных ценных специалистов.

7. Собранные сведения передать по команде вышестоящим органам НКВД и в отдел разведки штаба Западного фронта.

Проект поручения выполнен штабом Западного фронта.

Приписка: Рассмотреть и принять в кратчайшие сроки. Это мероприятия в русле стратегической разведки. Генерал Павлов _____

Подписываю и эту бумагу. Тоже надо было давно сделать, но тут не так горит.

7 сентября, воскресенье, местное время 18:05.

П. Гусиная пристань, Семипалатинская область.

Площадка рядом с сельсоветом.

На поселковой площади собралась густая толпа. В это время ежедневно

ретранслировали сообщения Совинформбюро. С запозданием на сутки от фактического положения дел. Радио или не радио, страна большая с множеством часовых поясов, отвлекать от напряжённой работы или учёбы правительство не хотело. Только в случае крупных побед. Такое было один раз, когда войска генерала Павлова вошли в Вильнюс, а перед этим уничтожили двести танков.

«В субботу 6 сентября войскам Западного фронта под напором втрое превосходящих сил противника пришлось отступить к Минску...».

Диктор делает короткую паузу. Опытные люди по длине паузы определяли, насколько трагические новости им предстоит узнать. И когда пауза прервалась довольно быстро, они облегчённо вздыхают. Всё не так страшно.

«Германским войскам после тяжелейших боёв удалось преодолеть последний оборонительный рубеж перед Минском».

На Адочку, прижавшуюся к маме, на её маму, положившую руку ей на плечо, её родителей стоящий рядом народ оглядывается. Девочка слегка ёжится, мама, бабушка и дедушка спокойны. Дед быстро прекращает неуместное разглядывание.

— И што уставились? В первый раз нас увидели?

«Соединения Западного фронта, понёвшие серьёзные потери в жестоких боях, отходят на пополнение и перегруппировку, уступая место свежим частям. Им предстоит сражение с полутора десятками немецких дивизий, среди которых четыре танковых».

«За всё время наступления на Минск, примерно за месяц, германские войска преодолели всего семьдесят пять километров. За это время они потеряли восемьдесят танков, триста пятьдесят самолётов и много другой техники, автомобилей, бронемашин и паровозов. Общие потери пехоты убитыми, ранеными, взятыми в плен, командование Западным фронтом оценивает не менее, чем в пятьдесят тысяч солдат и офицеров. Численно это равно трём немецким дивизиям. Это не считая потерь германских войск на других участках Западного фронта».

Окружающие опять смотрят на Кузнецовых, на этот раз с уважением и недолго. Дед не одобряет, хоть горделиво выпячивает грудь. Даёт зятёк прикурить фашистам!

«Потери наших войск тоже велики. Убитыми и ранеными — тридцать восемь тысяч красноармейцев, сержантов и командиров. Погиб генерал-лейтенант Болдин, заместитель командующего Западным фронтом. Подбито тридцать танков, из них восемь трофейных. Сбиты или сильно повреждены двести восемьдесят три самолёта, но только двести четырнадцать на направлении Вильнюс-Минск».

Во взглядах, бросаемых на Кузнецовых, к уважению прибавляется сочувствие.

Адочка хмурится. Общее внимание перестаёт её волновать. В Минске остались папа и Борька. Папа-то ладно, а Борька — балбес, влезет куда-нибудь. И девочка только сейчас понимает, зачем отец услал её и маму, как можно дальше. Немцы совсем близко к Минску, скоро начнутся бомбёжки и артобстрелы.

— Приветик, — Полинка говорит шёпотом, чтобы не мешать слушать. Но сообщение заканчивается.

«На остальных фронтах идут позиционные бои местного значения».

Постепенно все расходятся, Полинка сопровождает подружку, взрослые идут чуть сзади, обсуждая новости с соседями.

— Не возьмут германцы Минск! — горячится кто-то из соседей.

— Главное, что до Москвы точно не доберутся, — веско отвечает дед Ады, Фёдор

Степаных*. Адочка понимает, что это он маму наслушался. А мама что, она за папой повторяет. Папа же всё время говорил, что защита Минска — не главная задача. Главная цель — победить Германию.

— А ты как думаешь, Ада? — трясёт подружку за руку Полинка.

— Я не знаю.

— Как не знаешь? — в глазах девочки искреннее недоумение. Как это так, дочка генерала Павлова и не знает. Адочка вздыхает и пожимает плечами, затем показывает рукой назад. Там как раз её дед отвечает на похожий вопрос.

— Какая разница, возьмут германцы Минск или нет? Всё равно проиграют. Зятёк им ещё не раз всыпет!

8 сентября, понедельник, местное время 08:45.

П. Гусиная пристань, Семипалатинская область. Школа.

— Адка! А почему у твоего отца такие большие потери? — на Аду смотрят бескомпромиссные светлые глаза под светло-русый вихром. Одноклассник Стёпка. Пристаёт сразу, как только звенит звонок и учительница природоведения начинает собирать свои плакаты.

— Да! — подтверждает его приятель, щупловатый Азамат.

— И ничего не большие! — тут же начинает спорить Полинка, выгораживая подружку. — У немцев больше.

Адочка вздыхает. «Обожемоичка», — так иногда приговаривала бабушка. Девочка еле сдерживается, чтобы не повторять. Не к лицу пионерке.

— Вот ты настоящий Стёпка, — свысока смотрит на шептунного одноклассника авторитетный Дима, — прямо слов нет. Ты что, не слышал? Месяц ожесточённых боёв!

Дима поднимает вверх палец.

— Месяц! Десятки подбитых танков с обеих сторон. Сотни самолётов и там и там... и чего ты хочешь? Чтобы наша армия потеряла троих убитыми и двух ранеными?

Высокий, представительный мальчик, брюнет с аккуратной причёской, вертит пальцем у виска. Ада молчит, только морщит носик. Что же там папа говорил? И что можно повторить? Вдруг опять военная тайна?

— Мало немцев убили! — непреклонно заявляет Стёпка. Спорить с таким утверждением никто не хочет. Дураку ясно, сколько фрицев не убей, всё равно мало. Ада и не собирается.

— Во-первых, на самом деле немцев больше перебили.

— Это чо?! — пучит глаза Стёпка. — Сов... инфорбюро врёт, что ли?

Мальчик с трудом и с ошибкой выговаривает сложное слово.

— Почему врёт? — Аду охватывает спокойствие, она знает, что сказать. Папа будет гордиться своей дочкой, когда узнает.

— Ну, ты ж сама говоришь!

— Если немцев побили семьдесят тысяч, а сказали, что пятьдесят, разве это враньё?

— А что же?! — Со Стёпкой выпученностью глаз пытается соперничать Азамат, но по объективным причинам проигрывает.

— Ну, если убили семьдесят тысяч, то пятьдесят-то точно убили, разве нет?

Адочка сдерживает ехидную улыбочку, Полинка хихикает. Дима, а вслед и другие тоже начинают смеяться.

— Не может Москва врать, — мрачно спорит Стёпка, который нашёл, чем заменить

сложное слово.

Спор возобновляется на следующей перемене, после русского языка. И за что мне это? — стоически вздыхает Ада. Но начинает Дима. И не так беспардонно, как шальной Стёпка.

— А, правда, Ада, почему ты говоришь, что на самом деле немцев перебили больше?

Девочка не удерживается от того, чтобы завести глаза вверх, вздохнуть, сожалея над глупостью одноклассников, опустить, наконец, взгляд на мальчика. Ещё раз вздохнуть и можно начинать. Вокруг уже собираются кучкой одноклассников. Всем страшно интересно. Папа так не вздыхал, когда ей объяснял, но она девочка, ей можно.

— Сам подумай, Дим. Вот представь, наши разбомбили немецкий аэродром. Сколько разбили самолётов можно пересчитать или сфотографировать. Правильно?

Все согласно гудят, Дима важно кивает.

— А сколько там погибло солдат, кто сосчитает? Они там по канавам, под кустами, в разбитых домишках. Их не видно, понимаешь? Вот когда они, например, в атаку идут, их можно пересчитать. Потом сосчитать, сколько уползло обратно...

В этом месте дети смеются.

— Вот представь, разведка доносит, что в каком-то лесу прячется полк или танковый батальон. Пешки прилетели...

— Какие пешки? — тут же перебивают одноклассники. Ада опять заводит глаза, таких простых вещей не знают.

— Бомбардировщик Пе-2, — просвещает Ада, — на фронте их пешками называют. Вот они прилетают, бомбят и улетают. Лес горит, а что там горит, сколько и чего, мы не знаем.

— И что, прямо никак нельзя узнать? — спрашивает кто-то.

— Можно. Но не сразу. Кто-нибудь обязательно попадёт в плен, или разведчики захватят, тогда и расскажет. А когда? Через неделю, через месяц, как повезёт. Но... — тут Ада вспоминает некоторые папины фразы, которые точно не военная тайна, — в ежедневную фронтовую сводку эти данные не попадают.

Звенит звонок, который никто не замечает. Кроме Ады. Ей улыбается учительница истории и показывает растопыренные пальцы. Десять минут, Ада, — так она понимает.

Девочка чувствует, что после фразы о фронтовых сводках её авторитет вырастает на голову. За пару секунд.

— Теперь понятно? В сводки попадает только то, про что командование знает точно. Вот в самом начале войны был случай...

Тут все стихает, и даже учительница замирает.

— Наши ВВС нанесли воздушные удары по скоплениям немецких войск около Бреста. В налётах принимало участие двести самолётов, — Ада точно не помнит число, но счёт шёл на сотни, это точно, — на немцев высыпали сотни тонн бомб. Зажигательных ещё. Леса горели на огромной территории. И только через месяц от пленных узнали, что было разбомблено несколько аэродромов. Полторы сотни самолётов сожгли и разбили. И восемь тысяч убитых и раненых.

Про восемь тысяч Ада тоже говорит наобум, но точно знает, что много.

— А что указали в сводках? Только то, что нанесли бомбовые удары по скоплениям германских войск.

— И много таких бомбовых ударов наносят наши? — интересуется Дима.

— Такое редко бывает, когда сотни самолётов сразу. А двумя-тремя эскадрильями

каждый день, наверное, — пожимает плечами девочка.

— А эскадрилья, это сколько? — спрашивает кто-то из-за спин.

— Эскадрилья — двенадцать самолётов. Четыре эскадрильи — полк, три или четыре полка — авиадивизия, — рапортует Адочка. Мальчишки от уважения открывают рты.

— Всё равно тридцать восемь тысяч наших это много, — бурчит упрямый Стёпка. Все смотрят, но никто не спорит. Даже одна тысяча погибших красноармейцев это много. Так что вспыхивает одна Ада.

— А пятьдесят тысяч это как? — на вопрос взъерошенной девочки все растерянно переглядываются. Пятьдесят тысяч, это мало, этих фрицев сколько ни положи, всё мало будет...

Ада потом пожалеет об этом, не сдержалась, но злые слова вылетают сами. Ну, как же, усомнились в её отце.

— Про Вильнюс и Ригу знаете? Вильнюс взяли на второй день войны. Ригу взяли через полторы недели. Даже меньше, первого июля, да? И какие у Прибалтийского фронта потери были, знаете?

Ответом становится звенящая тишина. Никто не помнит, чтобы Совинформбюро что-то говорило об этом. И тем более никто не поправляет название Северо-Западного фронта.

— Пятьдесят тысяч убитыми, ранеными и взятыми в плен, — чеканит Адочка. — Немцы потеряли всего пять тысяч.

Первой спохватывается учительница и рвёт оглушительную тишину.

— Дети, рассаживайтесь по местам. Урок давно начался...

Пришибленные одноклассники молча расходятся по классу.

После уроков Аду вызывают к директору школы.

8 сентября, понедельник, время 10:15.

Минск, штаб фронта.

Только что вернулся с заседания Военного Совета. Пробивал решение о всеобщем целенаправленном опросе военнопленных. Не в этом трудность. Мне показалось, что Пономаренко паникует. Пришлось приводить его в чувство.

Вот чего волну гнать? Гарнизон это примерно пять хорошо вооружённых обученных дивизий, больше сотни истребителей в прикрытии, скоро подъедут отремонтированные бронепоезда, есть мотоброневагоны, пара гаубичных артполков рядом. Бесит до невозможности!

— Что там сверху докладывают, Саш? Стоп, ты мне про заминированные участки скажи!

Сегодня я не полетел на своём воздушном КП. Но ребята в воздухе. Без моих корректировщиков. Яшку в госпиталь засунул, Борька успел удрать в свою дивизию. Ну, и ладно. Он вроде окончательно оклемался, работы у него тогда впятеро меньше было, чем у Эйдельмана.

Немцы менжуются. Накапливают силы, но в город пока не суются. Надеюсь, «Шкатулка» их напугала. Хотя на самом деле мы улицы не минировали, только имитировали. Сапёры накидали в ямы металлического лома, чтобы миноискатель пищал. Вот теперь фрицы и размышляют, как бы им не нарваться, как в Молодечно. А шкатулочка пустая, не угадали, ха-ха! Искусство войны в том, чтобы всё, что угодно использовать на свою выгоду. Играть надо уметь и плохими картами. Да, хотелось мне, чтобы фрицы нарвались и зараз потеряли полк или больше. Но если они уже знают об этом, — «спасибо»

Никитину, — то используем их опаску. Сделаем вид, что приготовили такую же ловушку, пусть топчутся на месте. Или мелкими группами остороженько подбираются.

Настоящее минирование мы провели на подступах к Минску. Вслепую. Предположили сами, где бы мы войска расположили, вот в тех местах и закопали авиабомбы. Эту схему называли «Дары данайцев».

— В одном месте гаубичная батарея, на втором пара рот, третье почти пустое, — докладывает Саша, — немного мы ошиблись.

— Команду на подрыв.

Нечего больше ждать, а то и эти уйдут. Или провод случайным снарядом оборвёт. Подорвать можно только одновременно, не сообразили парни отдельно провода вывести. Хотя я их понимаю, сэкономили дефицитный кабель. То ли один выводить, то ли три или больше.

Не сам Саша, конечно, команду будет отдавать. Там где-то группа диверсантов рядом. Получат сообщение по радио, замкнут машинку и под шумок уйдут. Вряд ли они в расположение немецких войск попали.

Через пять минут Саша приносит письменную команду на радиоузел. Подписываю. Подписываю распоряжение и смертный приговор паре сотен фрицев.

Как бы мне ещё их поприветствовать? Может ночную бомбёжку организовать? Массированную? Нет, побережём бомбы. Сталин обещал, но пока поставки идут ни шатко, ни валко. Подозреваю, что дурацкое стремление Тимошенко выдвигать склады ближе к границе всё-таки сказалось. У меня потерь нет, плюс что-то хапнул у отступивших от границы соседей, но всё равно. Потеря даже пяти-шести таких огромных складов чувствительна. Эти запасы страна лет десять копила. Враз не возместишь. А свои стратегические резервы я пока поберегу.

Окончание главы 13.

*Какое на самом деле отчество у тестя генерала, не нашёл. Интернет ответа не дал.

Глава 14. Круги на воде

8 сентября, понедельник, местное время 13:20.

П. Гусиная пристань, Семипалатинская область. Школа, кабинет директора.

— Скажи, Ада, — осторожно подбирает слова директор, — откуда ты знаешь про такие ужасные потери на Северо-Западном фронте.

Какой-токой фронт? — девочка хмурит лоб, — Ах, он про Прибалтийский! Точно! Тогда ещё названия поменяли.

Светлана Ивановна, на чьём уроке Ада и выдала эти страшноватые сведения, смотрит на директора с непонятным укором. Тот неловко поправляется:

— Нет, мы понимаем, откуда? Но зачем ты всем это сказала?

— А чего они?! — вскрикивает девочка.

— Они там говорили, что у генерала Павлова потери слишком большие, — принимается объяснять Светлана Ивановна, — меньше, чем у фашистов, но всё-таки большие. Вот она и обиделась. Да, Адочка?

Девочка кивает. Директор тяжело вздыхает.

— Павлова, пойми. Если Москва не говорит об этом, значит, нельзя...

— Ага, про папу можно, а про остальных нельзя? Это неправильно!

На этот раз вздыхают оба, директор и учительница.

— Разве ты не знаешь, что такое военная тайна? — Директор пытается найти кнопку вкл/выкл в Адочкиной голове.

— Знаю, — девочка заводит глаза к потолку, о чём-то размышляет, затем разочаровывает директора, — нет, это не военная тайна. Наше командование знает...

— Наше командование все тайны знает!

— ...немецкое командование тоже знает. Они же наступали, всех могли пересчитать. И убитых и пленных. У нас в Минске все про это знают.

— Раненых, которых вывезли, не могли пересчитать, — поддавливает директор. Ада хмурится.

— Там мало вывезли. Фашисты санитарные поезда и машины бомбили.

Взрослые мгновенно мрачают и замолкают. Что там дети? Правда и для них страшна.

— А это точно? — решается прервать тяжёлую паузу учительница. — Правда, такие потери были?

Адочка мнётся.

— Ну-у... немного приукрасила...

— Вот видишь! — Директор готовится вздохнуть хоть с небольшим облегчением.

— На самом деле фашистов убили только четыре тысячи, а наших пятьдесят три с половиной... (не убили, конечно, но Ада ещё путает безвозвратные и санитарные потери — Автор)

Директор совсем чернеет лицом. Спасает положение Светлана Ивановна. Она гладит девочку по голове.

— Адочка, давай договоримся? Это даже взрослым страшно слушать. Так что ты больше ничего такого одноклассникам не рассказывай, ладно? Да-да, понимаю, что тяжело, но с классом я тоже поговорю.

Нет, так нет. Ада копается в памяти: особо и рассказывать не о чем. Не так уж много

она и знает. Наконец, её отпускают. За дверью отлипает от противоположной стенки верная подружка Полинка. Тихо переговариваясь, девочки уходят домой.

6 сентября, суббота, время 09:45.

США, Вашингтон, Белый Дом.

— Анкл Джо утверждал, что Гитлер не сможет взять Минск до осени, — Самнер Уэллес, заместитель госсекретаря, отпивает маленький плоточек жгуче горячего кофе, — и он сдержал слово.

Почти выходной, даже не в официальной совещательной комнате, а каком-то второстепенном холле с видом на прилегающую зелёную лужайку беседуют всего трое. Компанию Уэллесу и президенту составляет Джордж Маршалл, чья должность с длинным названием соответствует более понятному и прозрачному наименованию: министр обороны. Только что он закончил короткий доклад, который подтвердил Уэллес. Кратко суть доклада в том, что план войны германского командования окончательно сорван и поражение Германии вопрос всего лишь времени. Не слишком большого. Маршалл дал Берлину не более двух с половиной лет

— Нам надо торопиться, — Рузвельт обрезает сигару, — а Конгресс с места не сдвинешь. Как бы русские не разделались с Гитлером раньше, чем мы вступим в войну. Надеюсь, понимаете, господа, чем нам это грозит?

— Раньше весны мы в Европу десант не сможем организовать, — слова министра обороны не охарактеризуешь иначе, как длинный проход сразу после принятия паса. Рузвельт отмахивается уже зажженной сигарой.

— Это вы сильно вперёд забегаете, Джордж. А почему зимой нельзя?

— Если только по Италии ударить, — вслух размышляет Джордж Маршалл, — или где-нибудь в Греции высадиться. Там и зимой тепло. В центральной Европе нет, придётся зимним обмундированием запастись, дороже выйдет.

— Кое-кто утверждает, что нам надо Германии помочь, — осторожно замечает Уэллес, — слишком быстро Советы могут разобратся с нацистами...

— Чтобы они сделали это медленнее? — подхватывает Маршалл.

— Не пойдёт! — Рузвельт одним движением рукой с сигарой перечёркивает дымным следом осторожное предложение. — Слишком опасно. Джозефа Сталина не надо держать за идиота. Мы намного больше получим, играя честно.

— Что тогда делать? — вопрошает Маршалл. — Мы действительно не можем быстро вступить в войну.

— Дадим Москве льготный беспроцентный кредит в миллиард долларов. Расплачиваться всё равно будут золотом и пушниной. Америке не помешает полтысячи тонн золота или даже тысяча. В счёт этого кредита будем поставлять им всё, что попросят. Вплоть до оружия.

Генерал и дипломат, будучи настоящими американцами, умеющими считать каждый цент, мгновенно оценивают предложение президента. Золотое содержание доллара одно время было идеей фикс всей правительственной верхушки США.

— А у них есть столько? — осторожно интересуется Уэллес. — В счёт этого миллиарда мы уже послали им первый транспорт?

— Всё так, именно в счёт будущего кредита, — на вопросы президент отвечает с конца.

— Про золото Джозеф Сталин говорит, что есть, — пожимает плечами Рузвельт, наблюдая за кольцом синего дыма, — к тому же у них в Сибири много приисков. Мы можем

не торопить их, за несколько лет Россия расплатится. А мы разбогатеет. Но, господа!

Президент поднимает вверх руку с дымящимся остаточным пеньком сигары и резким движением вминает его в пепельницу.

— Нам надо спешить. Иначе рискуем не войти в число победителей. И не сможем рассчитывать в Европе ни на что. Россия наш союзник, но не стоит впускать их в Европу слишком глубоко. — Президент переводит взгляд на Уэллеса. — Надеюсь, твои прогерманские кое-кто это понимают?

— Их мало, мистер президент, — улыбается Уэллес, — и слышно их всё хуже и хуже.

Когда собеседники прощаются, Рузвельт подкатывает своё кресло к окну. Еле заметная улыбка сопровождает его раздумья.

Эту войну Америке бог послал, не иначе. Поздно, слишком поздно Америка встала на ноги. Весь мир уже поделен, даже соседняя Канада считается доминионом Великобритании. Подсустились островные кузены в своё время, не упустили момент. Да и мы были их колонией, сейчас даже думать об этом странно. Индия, Австралия, не считая остальной «мелочи», всё под ними. В Юго-Восточной Азии Япония активно к рукам всё прибирает. Мы же слишком долго возимся со своими изоляционистами. Но без внешних рынков сбыта Америка не преодолеет кризиса НИКОГДА.

На наше счастье появился Гитлер, смертельная опасность для Англии. Островитяне теперь впустят американский экспорт на свои необъятные колониальные рынки. Никуда не денется. Ещё Японию загнать на свои острова и за благополучие и величие США можно не беспокоиться несколько десятилетий. Звездно-полосатый американский флаг поднимется над всем миром. Экономика давно к этому готова, тот же кризис — результат самоотравления собственными товарами. Собственная сила убивала Америку.

8 сентября, понедельник, время 19:15.

Москва, Кремль, ставка Верховного Главнокомандования.

— Что вы на это скажете, товарищ Павлов? Только коротко и можете не вставать, — наш красный диктатор сегодня милостив ко мне, ха-ха.

Выдернули-таки меня в Москву. Сослаться на напряжённую обстановку не удалось. Сталин срезал меня одним замечанием:

— Ночью же вы не воюете? Прилетите вечером, ночью улетите. Думаю, два-три часа украденного у вас сна не выведет вас из строя, товарищ Павлов. Прилетайте, мы очень хотим вас послушать.

Так и пришлось вставать на крыло. ТБ-7 топливо жрёт, как верблюд воду после недельного воздержания в пустыне. Поэтому баки заправили на четверть, с расчётом заправиться в Москве на полную катушку. Хоть по такой мелочи выгадаю. Пол-машины трофейных консервов закинули, нет у товарища Сталина привычки дары трясти, но и не отказывается. Личный фонд поощрения или матпомощи никому не мешает. Фруктов нет, они скоропортящиеся, потому мы их давно скормили. Детям, лётчикам, раненым. Кстати, что-то давно мы трофеев не брали.

До меня очередь не сразу доходит. Сначала Жюков водит указкой по карте, описывая обстановку на своём фронте. Осложняется она понемногу, кстати. Фрицы довольно быстро зализывают раны и увеличивают активность. Сталин на его запросы бурчит:

— Слишком много вы себе резервов запрашиваете...

— Генерал Павлов запрашивает не меньше...

— От него толку больше.

На это замечание Константиныч хмуро затыкается. Любит наш вождь подчиненных между собой стравливать. И даёт мне слово. Не встаю, разрешено же.

— Да, товарищи, немцы хотят окружить сразу весь мой фронт. Ударить между Житомиром и Киевом, пройти вдоль Днепра до Гомеля и вклиниться в мой фронт. Далее идти на соединение с группой фон Бока. Считаю это авантюрой. Ставлю себя на место немецкого командования и не нахожу никаких возможностей проверить столь широкомасштабную операцию.

— Зачем тогда они это делают? — Сталин начинает набивать свою любимую трубку. Акцент почти пропадает. Это я, такой замечательный, на него так действую?

— Полагаю, есть две причины. Первая — других возможностей выправить ситуацию они не видят. Вторая — истерика Гитлера. Наверняка он требует покончить с моим фронтом в кратчайшие сроки. Провал их наступления в Белоруссии поставил вермахт в отчаянное положение. Я как-то говорил об этом, фронт недопустимо сильно растянут.

— Товарищ Сталин, — напоминает о себе Жуков, — я ведь не просто так резервы прошу. Предлагаю нанести удар из района Белой Церкви в направлении Кишинёва.

Указка прочерчивает дугу на карте, соединяющую упомянутые точки. Начинаю комментировать по взгляду Сталина.

— Неплохой план. Должен сработать. Но я бы другой предложил. Какие-то войска сконцентрировать у Белой Церкви, намеренно ошибаясь с маскировкой. Чтобы немцы заметили и собрали свои силы. Тем временем мы скрытно подведём резервную армию и ударим ей из района Ровно — Дубно. И не по направлению к Кишинёву, а западнее. С расчётом вторгнуться в Румынию.

— И что же вы думаете, Дмитрий Григорич, у вас получится? — В голосе Мехлиса неверие пополам с надеждой.

— Лев Захарыч, — по кивку Сталина выхожу к карте, недовольный Жуков отдаёт мне указку, — прелесть плана в чём? В том, что вопрос успеха или неуспеха даже не стоит. Давайте, товарищи, сначала помечтаем. Представим, что у нас получится всё задуманное.

— И что ты задумал? — Жуков, этого нельзя отнять, задаёт вопрос очень вовремя.

— Главный приз — Плоешти, захват нефтеносных районов. То, что мы лишим вермахт поставок румынской нефти, в этом никаких сомнений. Но самая соблазнительная цель: захват запасов нефти и вывоз на нашу территорию.

— Авантюра, — отчётливо бурчит кто-то из генералов.

— Безусловно, — соглашаюсь легко, — но в любом случае, даже если мы не сможем войти на территорию Румынии, подтянуть тяжёлые бомбардировщики и разнести Плоешти к чёртовой матери дело буквально одних суток.

Немного раздумываю, пока генералы проникаются моими наполеоновскими планами. Поправляюсь.

— Двух суток, если с чувством, толком, расстановкой. И вермахт на долгое время, если не навсегда, лишится румынской нефти.

— Вторая выгода. Румынская армия, взявшая Одессу в кольцо, будет мгновенно деморализована. Переброшенные поближе к Одессе авиачасти, если не разнесут немецкую авиационную группу за пару дней в пыль, то свяжут их интенсивными боями. Приморской группировке сразу станет легче. Мы её немедленно усилим войсками, вооружениями и боеприпасами. Нажим на Одессу сразу ослабнет. Да и вся группа армий «Юг» окажется под угрозой блокады.

Пауза.

— Даже если это останется только угрозой, всё равно немцы будут вынуждены заниматься перегруппировкой, их коммуникации наполовину будут перерезаны, а вторая половина, через Румынию, окажется под авиаударами. В любом случае, даже если под давлением немецких войск ударная армия будет вынуждена откатиться на исходные позиции, ни о каком дальнейшем немецком наступлении речи уже не будет. Итак. В самом плохом варианте мы наносим противнику тяжёлые потери и снимаем угрозу их дальнейшего продвижения. Плюс неизбежно укрепится Приморская группировка наших войск.

— Что будет делать товарищ Жюков? — Сталин пыхает трубкой.

— По обстановке, товарищ Сталин. Если немцы частично снимут свои войска у Белой Церкви, он сможет имитацию подготовки к наступлению заменить настоящим ударом. На его месте, я бы ударил из другого места, там, где немцы не ожидают. Если у Рокоссовского хватит сил, он может зайти им в тыл со стороны Житомира.

— Как-то так, — отдаю указку Жукову и ухожу на место, — мне для этих дел нужна армия. Три-четыре корпуса.

— И вы справитесь, товарищ Павлов? — благодушно выпускает дым Сталин.

— Причём тут я? — Делаю удивлённый вид. — Думаю, Рокоссовский справится. Он же будет командовать. Я другим займусь. Вне зависимости от того, что решит Ставка по южному направлению.

— Показывайте, что вы там помимо Ставки напланировали, — Сталин отправляет меня к карте. Выхожу, но быстро возвращаюсь. Даже указку у Жукова не забираю, обхожусь руками.

— Хочу оторвать кусочек Литвы. Этот треугольник с вершиной в Даугавпилсе, — провожу плавную дугу от Швенчониса до Акнисте. В этом районе сосредоточены 3–4 немецкие дивизии. Масштабы небольшие, поэтому никаких резервов от Ставки мне не нужно. Хватит собственных сил при поддержке Севзапфронта.

Уже с места продолжаю.

— Операция фактически местного значения. Войскам необходимо научиться проводить наступательные операции. Мы ещё этого не умеем...

— А предлагаете ударить в южном направлении, — бурчит Мехлис.

— Рокоссовский — талантливый генерал, — загибаю один палец, — я его подстрахую. В его направлении, до Тернополя точно, крупных сил нет. До него он точно дойдёт, и этого уже хватит для серьёзной угрозы.

Распрямляю четыре загнутых пальца.

— Что будет с Минском? — Сталин задаёт надоевший мне вопрос очень мирно.

— Минск пару недель должен продержаться. А когда мы ударим на юге и в Литве, давление на него спадёт. Чем дольше они будут заниматься Минском, тем дороже за него заплатят. Территориями, многими дивизиями, попавшими в окружение и плен, гигантскими потерями.

Ещё через час возвращаюсь на аэродром. Ставка одобрила мои наполеоновские планы. Со сроками и задействованными силами ещё уточнят, но в целом всё принято.

Одиннадцатый час ночи. Город очень слабо освещён. Только на некоторых улицах светятся фонари. Всё-таки действует режим светомаскировки. Бомбардировщики легко могут достать столицу из Латвии. Не так просто всё, конечно. Ночью летать сложно, и ПВО не спит. Но бережёного ВКП(б) бережёт.

В открытое окно залетает освежающий ночной ветерок. Подставляю под него лицо.

И что интересно, про мою 10-ую армию будто все забыли. И Ставка... обе ставки, и наша и немецкая. И, между прочим, совершенно напрасно.

Ещё о политике мы не поговорили. Что и как будем делать с Европой?

9 сентября, вторник, время 07:10.

Северные окраины Минска.

Заряжающий зенитного расчёта Егор Захаров, рядовой.

В голове непрерывный гул и абсолютная тишина вокруг. Как такое может быть? Как-как... каками вдрызг во все стороны. После почти прямого попадания в грузовик, на котором они улепётывали от артобстрела, без контузии никак. Видел уже таких, глаза по плоске и орут, как ненормальные.

Что там с грузовиком? А нет грузовика, одни обломки. Пушка на вид цела, только на боку валяется. Кто там поодаль ему лыбу рисует? Х-ха! Вместе с выдохом на траву выплёскивается со стакан крови. И как только во рту поместилось, ха-ха-ха!

Мишка, их наводчик, что-то ему кричит. Посечён знатно, сразу видно не жилец. Понимаю, что кричит. Он так часто употребляет слово «здорово», что по губам его считываю. И к чему относится, тоже понятно. Не к нынешнему их предсмертному, — пню последнему ясно, — состоянию. «Здорово мы им врезали!», — вот что кричит Мишка. Хочу показать большой палец, не получается. На одной руке лежу, и нет сил повернуться. Второй? Второй нету...

Четверть часа назад.

Засада полностью удалась. Среди развалин частных домов, поваленных деревьев, воронок их делать одно удовольствие. С другой стороны выставили дыры, замазанный сажей, в торце воткнули запал от гранаты. Дёрнуть за леску, выдернуть кольцо. Когда запал срабатывает, хлопок и дым, всё, как надо. Будто пушка пальнула. Ну, если издали смотреть. Обломок столешницы за щит сойдёт. А рядом разбитую сорокопятку. Тоже издали не поймёшь, что она уже убитая. Вот и зарядили фрицы по ложной батарее изо всех стволов, да в атаку двинули.

Мы-то чуть сбоку затаились. Ясен пень, не дураки по кустам ховаться, да за развалинами прятаться. Те места самые подозрительные. Расширили пару воронок, в них и ждали под масксетью.

Зенитка 61-М страшное оружие на прямую наводку. А нас — два расчёта с пушками. Скорострельность бешеная, три выстрела в секунду. Так что наступающий батальон с пятью танками накрошили за пару минут. Не только мы, конечно, взвод прикрытия с тремя пулемётами тоже поработал.

37-миллиметровыми снарядами за двести метров в борт — никакой танк не выдержит. И как фашистов на куски рвало, тоже видел. А уж Мишка-то в прицел, ясен пень, нагледелся.

Через полминуты три танка, превращённые в решето, горят, два взорвались. Боекомплект сдетонировал. Ещё полторы минуты лупили по пехоте. Душа моя пела при виде непрерывных кустов разрывов, разбрасывающих по сторонам изломанные фигурки в мышинной форме.

Второй акт представления мы тоже отработали сверх нормы. Цепляем трос, машина вытаскивает пушку из окопа и ходу. Теперь главное ноги, вернее, колёса. Над нами воздушный бой, но раз в небе немцы, то на нас уже кто-то целится.

Мы успели. Первый расчёт точно ушёл, а нам не повезло. Зуб даю, стреляли по нам не

прицельно...

Почему-то вижу себя сверху, и мой вид мне не нравится. Мишкина улыбка становится неподвижной и страшноватой. Моя не лучше. Голос не голос, но что-то говорит, что мне пора...

9 сентября, вторник, время 08:00.

Минск, штаб фронта.

— Товарищ генерал! Товарищ генерал! — меня трясут за плечо.

Какой голос для человека самый неприятный? Тот, который его будит. Лёг после двух, ворочался час, и тут на тебе — поспать лишних полчаса не дают. В такие моменты ненавижу даже Сашу, который не просто помощник, а часть меня. Недолго ненавижу. До момента, когда мне не подносят полотенце после умывания и чашку горячего кофе. Да, я не замедлил воспользоваться моментом и запасаю им изрядно. Заразил мою сложную двухсоставную личность Арсеньевич этой порочной страстью.

— Ну, и чего ты меня разбудил? — занимаюсь зарядкой, запускать себя нельзя. Поприседать, помахать руками-ногами, поотжиматься. Гирю пока не трогаю, с утра не дело.

Мы во дворе, тут небольшой спортгородок организован. Брусья, тройной разновысокий турник, две трубы на тридцать и десять сантиметров над землёй. Пресс качать удобно. Сразу группой. Носки под низкую, задницей на высокую и вперёд. Отжиматься можно, когда сугробы или осенняя грязь.

— Немцы атакуют пригороды, — докладывает адъютант.

— Это как бы давно ожидаемо, п-пых! — подтягиваюсь восьмой раз.

— Не там, где их ждали. Гудериан обходит город с севера, Гот — с юга. И ударили с двух сторон одновременно.

— Ы-и-и-х! — кое-как выжимаю одиннадцатый раз. Настолько кое-как, что не решаюсь его засчитывать.

— Хотят окружить город — попутного ветра им в горбатую спину, — иногда позволяю себе фразочки из памяти Арсеньевича. Ничо, сойдёт за генеральские шуточки и причуды. Мне — можно.

— Они силы растягивают, Саш, — поясняю своё равнодушие, — пусть растягивают. Нам их легче бить будет. Что там с Эйдельманом?

— Рвётся в бой. Кое-как его в госпитале удерживаем.

— Ладно. Давай его ко мне. Поглядим осторожненько, как он.

Саша поливает меня водой сверху. Обожаю эту процедуру, организм встряхивается и будто обновляется.

— Товарищ генерал! — нас встречает лейтенант связи. — Вас там генералы Анисимов и Филатов запрашивают.

— Ну, пошли, раз запрашивают.

Пошли, конечно, но не сразу. Невместно генералу по штабу с голым торсом разгуливать. Сначала одеться.

— Всё готово, говоришь? — нетерпячка у них, вишь ты! — Это замечательно. Теперь ваша боевая задача, не раскрыться раньше времени, сохранить боеготовность. А то расслабятся бойцы, нельзя такого допускать.

— А может, всё-таки начнём, Дмитрий Григорич?

— Нельзя пока, Николай Палыч. Надо, чтобы они в Минске увязли. Иначе они тебе так во фланг врежут, что охнуть не успеешь.

— И когда они увязнут, Дмитрий Григорич?

— Думаю, не позже недели. А то и раньше. Бойцы твои пусть пока в рукопашной тренируются и в остальных делах. Ладно, привет Филатову (командующий 24-ой ударной армией).

Филатов по статусу равен Анисимову, тоже командарм. Но званием пожиже и реального опыта нет, так что подчинил его Николаю Петровичу. Мощную группу там собрал. Тринадцать дивизий (семь у Анисимова и шесть у Филатова), не считая сил соседей. А с ними — в полтора раза больше. А то и два. Супротив немецкого армейского корпуса из четырёх дивизий. Хотя надо упомянуть, что немецкая дивизия в полтора раза «тяжелее» нашей. Так или иначе, примерно четырёхкратный перевес обеспечен. Как раз, чтобы окружить и уничтожить пятидесятитысячную группировку.

Каюсь, не рассчитал немного. С другой стороны, прийти на вокзал заранее намного лучше, чем опоздать. И как тут считаешь? Никитину говоришь, — ха-ха-ха! — отступить быстрее, а тот волком смотрит и, сука, не торопится.

9 сентября, вторник, время 10:25.

Небо над Минском, борт № 1.

Сегодня на борту тихо и скучно. Вместо звенящих от напряжения голосов наблюдателей деловитое бормотание, к которому не прислушиваюсь. Яков работает, как за партой в школе. Посматривает на карту, что-то прикидывает, грызёт задумчиво карандаш. Само собой, время от времени выдаёт серии данных. Не слишком часто.

Фон Бок не стал ломиться в лоб и проверять, пустая «Шкатулка» или полна сюрпризов. Он охватывает, пытается охватить город с севера и юга. Похоже на захват горла руками. Ну, на всякую хитрую дупу у нас известно, что найдётся. Кстати, когда выдал эту грубую шутку, мои военные чуть на землю не попадали от смеха. Немного ещё удивился, насколько мало им надо, чтобы развеселиться. Это на аэродроме ещё было. Так и рождаются легенды о великих полководцах. Это я о себе, если чо...

Оно и хорошо, что работа ноне лёгкая, а то побаиваюсь за Эйдельмана. Так он постепенно восстановится. За кого приходится бояться, — даже думать об этом боюсь, — так это за Борьку. Он решил, что на земле от него больше толку и дезертировал на передовую. Бляха, с меня Шура голову за это снимет. Ничего, прорвёмся. Женщины в этом времени народ понимающий. Если даже Сталин своих детей от войны не прячет, то хочешь, не хочешь...

Был бы он не прав, хрен бы я его отпустил. Но полевой опыт ему тоже нужен, а координаты целей для артиллерии ополчения мы ему и так передадим. Вот Якова ни за что не отпущу, и никто даже косым взглядом не попрекнёт. Он мне никто, и раз держу рядом, значит так надо.

Отшибаем шаловливые пальчики и Готу и Гудериану, которыми они пытаются взять Минск за горло. Гаубичные батареи задействуем только те, которые работают на предельных дистанциях, двенадцать-пятнадцать километров. Немцы свою дальнобойную артиллерию тоже держат далеко, так что сегодня никакой контрбатарейной борьбы, дистанция не позволяет. ГАПы (гаубичные артполки) с севера и юга методично разносят пригороды Минска, в которые сумели войти фрицы. Особо даже не приглядываясь к результатам. Это не столько поражающий огонь, сколько заградительный.

Доблестные фонбоковцы прорвались на окраины, завязали бои, а мы сейчас блокируем возможность подтянуть туда подкрепления, боеприпасы и полевую артиллерию. Танки они

благодаря разумно спрятали. Кроме парочки уже сожженных не видим ни одного. Под маскировкой где-то прячутся, понятное дело.

— Коля, — обращаюсь к старшему наблюдателю, — давай-ка организуй дело так. Разбей зоны обстрела на сектора, примерно равные естественному разбросу снарядов. Пронумеруй их. И потом отдавай команды на обстрел, просто заказывая артиллеристам номер. И не будет необходимости каждый раз дублировать прицельные данные и координаты.

Что-то такое уже в воздухе витало, чувствую. Яков то и дело работает на поправках. К предыдущим данным иногда даёт дополнения. Но так память быстро забывается второстепенным.

Они, наблюдатели и Яков садятся в кружок и быстренько накидывают радисту рядом потоки чисел. Артобстрел на пару минут стихает, но надежды фрицев тут же тают. Яша уже начинает опробовать первые доведённые до артиллеристов сектора.

Анекдот про кошку вспоминаю, за которой кот гонится. Догонит — трахнет, так зачем я так быстро бегу? Мне нужно, чтобы фрицы вошли и увязли в городе, а я изо всех сил им пальцы отшибаю. С другой стороны, не могу же я в поддавки с ними играть. Ну, фон Бок! Придумай же что-нибудь! Ты же аж генерал-фельдмаршал!

10 сентября, среда, время 09:15.

Северная часть Шимонисского леса.

Старший сержант Нефёдов.

— Блет! — Не старый ещё высокий с небольшой русой бородой литовец не своей волей вылетает из дверного проёма в воротах.

Выдернул его ефрейтор Артём Кондратьев. Я рванул дверь на себя и прикрываюсь ей. У мужчины в руках неплохое ружьё. Двухствольная вертикалка. Она уже в руках Артёма.

— Веди себя прилично и останешься цел, — направляю ствол автомата в лоб. Артём не только ружьё вырвал, но и его обладателя подсечкой отправил в лежачее положение.

Держать ствол близко к пленному манёвр опасный. Нельзя так делать. Но кой-когда нарушаем. Подавить волю тоже не последнее дело. Собственно, держу оружие только что на виду, но руками не достанет. Присаживаюсь рядом, заглядываю в хмурое лицо.

— Кто ещё в доме есть?

— Никого.

— Как никого? Один что ли живёшь? Жена, дети?

— Чужих никого, — бурчит литовец, — только жена и дочка.

— Дочка взрослая?

— Подросток, — зыркает глазами мужчина, — только попробуйте тронуть.

— Да не собирались, — пожимаю плечами, за кого он нас принимает? — И просто ради интереса. А что ты сделаешь, если чо?

Немного молчим. Литовец продолжает хмуриться светлыми очами, но непримиримость сбавляет. Ишь, контра какая!

— Как тебя зовут?

— Йонас, — отвечает не сразу.

— А меня Слава.

— Кому слава?

Теперь я его сверлю взглядом. Контра шутить изволит.

— Мне слава, — шутить мы тоже не последние, — для тебя я — «господин сержант».

Встать!

Точное звание моё знать ему ни к чему.

Нахрен бы нам не сдалась эта лесничья заимка. Только что самое неприятное в дальних выходах за линию фронта? Нерегулярное хаотическое питание. То от пуза, то сухари и консервы. То шикарные немецкие пайки, то жареная зайчатина. Помню, как-то на учебных выходах инструктора над нами пошутили. Нет, всё сказали и показали. Только когда отправляли в многодневный тренировочный поход, не проверили. Намеренно, как мы позже поняли. Кто-то соль забыл взять, котёл мы прохлопали, и ещё кучу каких-то мелочей вроде лески и верёвок.

Кашу в лесу пришлось в каске варить. Её потом списали, удержав пятикратную стоимость с денежного довольствия. Теперь понимаю правильность, а тогда мы громко возмущались «несправедливостью». Зато теперь никто ничего не упустит, ещё и проверят друг друга, а не то, чтобы на одного командира всё свалить.

Но за месяц блужданий по лесам кончатся любые припасы. Мы давно на немецком довольствии сидим. Больше всего тоскуем о хлебе. Вчера за двадцать километров отсюда прибрали к рукам телегу с мукой. Экипаж транспорта уложили под дерновое одеяльце. Саму телегу какое-то время использовали, а затем весь груз распихали по вещмешкам. И как следует нагрузили ноги, чтобы уйти оттуда, как можно дальше. Нам облава по наши души ни к чему.

Краткие выходы в эфир, на несколько секунд, нас демаскируют слабо. За такое время запеленговать невозможно. А мы сообщаем координаты, ставим код, означающий, что всё в порядке и предыдущее сообщение получено и расшифровано. Одна странность в последних радиограммах из штаба появилась. Очень много ошибок в тексте. Что за «грамотей» там сидит? Двоешник какой-то.

Как мукой мы разжились, сразу легче стало. Но всё-таки лепёшки на голой муке и воде, жёсткие, как сушёная рыба, это не то. Без закваски, яиц и молока, это херня, а не хлеб. Вот мы и не удержались взять плацдарм в виде лесничей заимки. Тут какая-то живность есть, хозяйство, так что есть надежда отдохнуть хотя бы пару дней. Кроме огородика, в наличии банька... ох, как хочется попариться! Надоели речки и озёра.

Мы уже все нормы пребывания за линией фронта в разы перекрыли. Домой очень хочется, к своим.

— Так, что у нас тут? — оглядываю дворик, отгороженный от огородика. Там же за шпакетником банька, отсюда не видно за сарайчиком. Снуют куры, беснуется, гремя цепью, кобель размером больше волка. Пёс уверен, что запугает нас своим гулким лаем.

— А ну, хватит нас демаскировать! — Подхожу ближе, пересекаю границу выметенного цепью круга вокруг конуры. И одним удачным ударом ноги отправляю взвизгнувшего пса в короткий полёт. Подхожу ещё ближе. Тупым кобелём диверсанта, попробовавшего на нож не одного фашиста, не напугаешь.

— Вот там и сиди, — одобряю ретираду пса, который вывернувшись из-за конуры, юркает внутрь, — и чтоб тихо у меня, понял?

Затем требую весь личный состав заимки под свои очи. Убивать их мне не хочется, — хозяина прирезать запросто, но на женщину и девочку лет двенадцати рука не поднимется, — так что придётся шифроваться.

Выстраиваю хозяев в ряд. Женщина на полголовы ниже мужа, в том возрасте, когда не назовёшь молодой, но и не пожилая. Симпатичная, хотя признаться, нам после месяца в лесу

почти любая баба глянется. Девочка с растопыренными в стороны косичками тарашится на нас голубыми глазёнками. Все светловолосые.

— Мы к вам в гости на несколько дней. Порядок такой: никто из вас без сопровождения никуда не ходит. И лучше вам сидеть в одном месте тихо.

Короче, обустройство вещь хлопотная, но по результату приятная. Через десять минут закрываем семью в одной из комнат. А во дворе закипает работа. Растапливается банька, печка... ёлы-палы, придётся хозяйку вытаскивать. Лучше неё с печкой никто не справится.

Через час, когда мы вчетвером паримся в баньке, — ой, как хорошо-то, — настроение портит Саня-снайпер. Всунув голову в дверь, — ёлы-палы, холодный воздух впускает, — быстро докладывает:

— Девчонка сбежала...

— Давно?

— Пять минут, не больше, — и скрывается за дверью, отосланный раздражённым движением руки.

Как выясняется, её вывели, чтобы она яйца куриные собрала. Места, где куры несутся, только хозяевам хорошо известны. И эта коза в окошко вылезла. Взрослый там не пролезет, вот и не обратили внимание. Ничего, время есть. До ближайшего места, где сидят немцы, больше двух километров. Даже бегом это минут десять-пятнадцать. Пока соберутся, пока придут, полчаса у нас точно есть. Вдыхаю, ополаскиваюсь ещё разок, выбираюсь наружу, надев только штаны. Надо распорядиться. Если дойчи пришлют взвод или два, легко с ними справимся. Лес наш дом родной, тут нас взять, батальон нужен, не меньше.

В калитку входит Саша Фельдман, на плече связанная девчонка. Доклад его вижу, как собственными глазами.

— Ой! — вскрикивает девочка, катясь кубарем по тропинке. Подловить на верёвочку пара пустяков. Лежит она себе, невидимая под пылью и лесным мусором. Невидимая, пока её не дёрнут из кустов. Никакая реакция не спасёт, когда бегом бежишь. Они ж тупые гражданские, не понимают, что диверсанты без засад и скрытых постов не работают. Это во дворе нас шестеро, остальные два с половиной десятка обложили заимку со всех сторон. Муха не пролетит.

— Записочка при ней была, — протягивает Саша кусочек бумажки.

Читаю текст на немецком, не ахти, какой грамотный. «У меня русские разведчики. Шесть или семь человек. Йонас». Хм-м, он с ними уже знаком, выходит.

Девочка начинает трепыхаться.

— Отшлёпай её и в комнату, — это я уже другому команду. Саня не в курсе, где и как. Возвращаюсь в баню, мне, как и всем, кое-что простирнуть надо.

К обеду всё потихоньку налаживается. Печка работает, как доменная печь, в непрерывном режиме. Теста мы с помощью Руты, так зовут хозяйку, намешали чуть не кубометр. И теперь противень каждые полчаса ныряет в печку, снабжая нас хлебцами, пирожками и лепёшками. К обеду доходит и котёл с куриным супчиком. Разорили хозяев на одну хохлатку.

Сначала хозяев накормим, они ж хозяева...

Саша Фельдман, притащивший девчонку, особыми талантами, как многие из нас, не блещет. Меткий стрелок, но не снайпер, неплохой сапёр, но не кудесник. Ну, радист ещё. Во всём он середняк, кроме одного: язык подвешен лучше всех. Поэтому воспитательную беседу с хозяевами проводит он.

— Вот скажи мне, Йонас, — Саша дует на ложку вкусно парящего бульончика, — ты чем думал, когда дочку к немцам отправлял? Ну, удалось бы ей записку передать, дальше что? Приходят немцы, окружают нас, начинается бой... что останется от твоего дома? Не говорю уж о корове и остальной живности. От вас что останется? Ты думаешь, фрицы будут стараться в вас не попасть?

Йонас хмуро смотрит в свою тарелку, ложкой работает нехотя.

— У дочки твоей по возрасту мозгов нет, да ещё и девка, но у тебя-то, почему голова такая пустая. Мы побудем несколько дней, да уйдём. Ну, объедем тебя немного, но ведь и заплатить можем. Оккупационные марки возьмёшь? Советские, извини, не дадим. Немцы заметят, сразу тебя на виселицу приладят.

На предложение оплаты хозяин пожимает плечами. И вдруг заявляет.

— Они всё равно придут. Завтра. Тут рядом олени пасутся. Хотят поохотиться.

Олени не олени, но косули, действительно, пасутся. Видели. Сами хотели, но зайчатиной обошлись. Зайцев или тетеревов можно в силки ловить, стрелять не обязательно.

— Есть ещё один момент, — вступаю в разговор. Саня сам не догадывается.

— Йонас, ты что думаешь, я командованию не доложу, что ты сотрудничаешь с фашистами? Обязательно доложу. Документы твои посмотрел, местоположение знаем. И что скажешь, когда Красная Армия вернётся?

— Вы сначала вернитесь, — бурчит мужчина. Жена его и дочь не проронили ни слова. Держу паузу и просто смотрю на него. Напоминаю:

— До линии фронта меньше ста километров. Фрицы ваш Вильнюс через два дня взяли. Мы пока не такие шустрые, но жопами к месту тоже не примёрзли.

Опять молчит.

— А ты думаешь, когда мы вернёмся? Ты что, считаешь, мы чикаться с фашистами десять лет будем? — Возвращается в свою борозду Саша. Времени он не терял, пока я речь держал, выхлебал полтарелки.

— Ты — дурак, Йонас. Когда Красная Армия вернётся, ты вместе с женой переселишься в Сибирь. А дочку твою поместят в приют для членов семей врагов народа. Ферштеен ду миц?

Йонас к моему удовольствию слегка дёргается и смотрит диковатыми глазами. Саня — молодец, по-немецки шпарит лучше многих. Тут он не середняк. И вопрос задаёт грамотно и без акцента.

— Ты не волнуйся, Йонас, — Саша фамильярно похлопывает мужчину по плечу, — там её воспитают как надо. Вырастет хорошим советским человеком. И со стыдом будет вспоминать, как помогала фашистам и вредила Красной Армии.

— Её Ирга зовут, — тихо говорит женщина.

— Да наплевать! — жизнерадостно заявляет Саша.

Не пойму от чего, но меня смех разбирает, который с трудом подавляю. Помогает пирожок с зайчатиной. Не такой вкусный, как со свежим мясом, но горячий и пышный. Мы свои запасы в дело пустили. Мясо хоть и варёное, но вечно храниться не будет.

Дело к вечеру. Потихоньку жизнь налаживается. Посты сокращаю до четырёх человек из числа тех, кто первым помылся. Все остальные с наслаждением эксплуатируют хозяйскую баньку. Увешивают кусты и деревья постиранным и отглаженным тряпьем. Портками, рубахами, портянками, обмундированием, своим и немецким. На заборах больше двух-трёх комплектов вешать запретил. Хозяева не должны знать, сколько нас. Именно поэтому

держим их взаперти. А когда выпускаем, перед этим бойцы со двора уходят.

Хозяйский кабыздох нас уже держит за своих. Мы его уже пару раз подкармливали. А у собак так: кто кормит, тот и свой.

11 сентября, четверг, время 10:35.

Северная часть Шимонисского леса. Лесничья заимка.

Старший сержант Нефёдов.

Всегда приходится быть настороже, мы во вражеском окружении. Но если не брать во внимание, как бывает, когда привыкаешь и не замечаешь постоянного неприятного запаха, то чувствуем себя, как на курорте. На небольшие эпизоды можно не обращать внимания. Как сейчас, например...

С лёгким шелестом, — Йонас молодец, смотрит за хозяйством, ворота не скрипят, — распахиваются створки ворот. Въезжает телега, однолошадная. На секунду пара парней, голых до пояса, что колют дрова, останавливается. Затем снова начинают лихими ударами раскалывать чурбаки. Нас никто не заставляет, и на Йонаса плевать, но хоть как-то размяться хочется.

— Трудности были? — спрашиваю пятёрку парней, спрыгивающих с телеги.

— Да какие там трудности...

Ну, да. Обычное дело. Притворились кустами у дороги. Когда телега сравнялась с ними, взяли всех без шума и пыли. И почти без крови. Вслед за Никоненко запрещаю своим ребятам резать горло, враг не скотина, чтобы кровь из него сливать. Это не брезгливость, обычные меры предосторожности. Меньше крови — меньше следов.

— Припрятали надёжно?

— Так точно! — ефрейтор Кондратьев отдаёт немецкие документы. Про себя вздыхаю, но иду в избу, писать очередной доклад. Что, где и как.

Этих немчиков командование сутки точно не хватится. Ребята ушли на охоту. Пока найдут живность, пока набьют. Освежевать опять же надо. К завтрашнему обеду их ждут. И до вечера особо волноваться не будут. Только послезавтра, и если командование мух ловит, тогда с утра приедут узнать, куда подевались заготовщики. Заодно понимаю, почему коровёнку хозяина не тронули. Зачем им его обижать, когда они с его помощью небольшое стадо наколотят. И двум его поросятам есть в лесу замена в виде кабанов.

Сиюю на кухне, кабинетов с письменным столом здесь не водится. Заходит Фельдман, но терпеливо ждёт, пока не закончу. Больше всего мне это не нравится в командирском деле, писанина. Но Никоненко часто говаривал: не записанный подвиг не существует. А тут доклад и приложение — немецкие солдатские книжки.

— Что у тебя, Саш? Радиограмма? — укладываю бумаги в планшет, немецкий, кстати.

— Да. Приказано через четыре дня быть на месте назначения и ждать сигнала.

Так-так, дождались счастья. Никоненко ещё нам точку прибытия указал, штаб подтвердил, но сроков пока не ставил. Там лесов нет, прятаться негде. Так что прибывать надо точно, как к обеду. Четыре дня нормально, только выходить нужно сразу. По прямой километров сто, значит, протопать придётся все сто пятьдесят.

— Всё?

— Нет, — радист слегка мнётся, — аккумуляторы разряжаются. На пару сигналов хватит и всё.

— А по времени? — такая шибутная жизнь чему только не научит. Знаю, что аккумуляторы просто от времени «салятся», разряжаются.

— Неделя, не больше, — вздыхает Саша.

— Что делать будем? — прежде чем самому голову ломать, спроси подчинённого, вдруг он знает. Ещё одна наука от Никоненко.

— Дайте мне человек пять, — Фельдман объясняет идею. Есть у нас электрическая машинка, сапёрная. Она двенадцать вольт выдаёт. Ток переменный, но выпрямитель есть. Нашлись умники, предусмотрели аварийный вариант. Там надо ручку крутить, только она довольно тугая, а крутить не меньше часа надо. Как Саша утверждает.

— Аккумулятор на двадцать четыре вольта, но я с клеммами поиграю...

— Не надо меня подробностями мучить, — машу на него руками, — действуй.

Команду по переводу мускульной силы в электрическую располагаю у баньки. Парней вызывается семеро, застоялись ребята.

Собираю командиров отделений, объявляю выход через четыре часа. Дорога предстоит длинная.

11 сентября, четверг, время 15:30.

Северная часть Шимонисского леса. 15 км на запад от лесничьей заимки.

Старший сержант Нефёдов.

Кондратьев сдёргивает повязку с глаз Йонаса, развязывает руки. Наши уже разобрали поклажу с трофейной телеги и ушли вперёд.

— Будем прощаться, Йонас. Забирай телегу и дуй домой.

Мрачный он всё-таки мужчина. Никакой радости не вижу на лице. Как будто причин нет. Все живы-здоровы, неприятные гости уходят. Уходу даже желанных гостей хозяева радуются, если поговоркам верить, а это хмурится, ёлы-палы.

— Теперь слушай меня внимательно. Если почувствую за собой погоню, сообщу командованию место твоего дома и скажу, что там важная немецкая часть. Сам-то ты можешь с семьёй и спасёшься, а вот от домишки твоего одна воронка останется. Ты хорошо меня понял?

— Фрицам скажешь, что лошадку с телегой рядом с заимкой нашёл. Лошадка же сама могла прийти?

Кивает еле заметно, берётся за поводья.

— Куда мы ушли, ты знать не знаешь. Понятное дело, тебе придётся им доложить. Скажешь, что нас семеро было. Понял? — На вопрос опять хмуро кивает.

Уходим.

Погони мы не боимся, куда мы идём, знать он не может, но осторожность лишней не бывает. Не сам придумал, чем его пугнуть, честно говоря. Фельдман насоветовал, хитрый еврейский жук. Иначе надо всю семейку под нож, а поднимется ли рука? Ну, и зазор часа в два у нас есть. Даже если он галопом к дойчам помчится. Мы за это время далеко уйдём. Ищите ветра в лесу.

Окончание главы 14.

Глава 15. Снова Борис

10 сентября, среда, время 07:10.

Северная окраина Минска. Борис.

Сидим с Колей Фомичёвым, младшим сержантом и моим помощником в недостроенном доме на верхнем четвёртом этаже. Самый крайний многоэтажный дом, дальше частная застройка, где иногда попадаются двухэтажные старорежимные дома. Добротные, купеческие, наверное, какие-нибудь.

Немцы ударили ночью, сломав собственные шаблоны. Сейчас бой кипит в паре километров от нас. Насколько я знаю, оборона нашей первой дивизии начиналась дальше. Значит, фрицы смяли первую линию. Почему-то сердце сжимается, где-то там занимает позиции не меньше батальона.

— Ну! Что там? — толкает в плечо Фомичёв. Бинокль у нас один, мне, как корректировщику, положен, но на всех сержантов не напасёшься.

Мы сидим на импровизированной лавке, широкой доске на стопках кирпичей. Сидим, глядим в окно, и что-то мне не нравится. Молча отдаю бинокль напарнику.

Коля из строевых, подозреваю, без могучей руки моего папаша не обошлось. Из регулярных частей, да с боевым опытом, да диверсант. Сам смоленский, шатён с шальными глазами. Не высокий и не низкий. Как он сам как-то сказал, крупняка среди разведчиков нет. Чем больше габариты, тем легче словить пулю и труднее прятаться. Сильно мелких берут только за особую шустрость, в рукопашной им трудно. Короче, гармония — основа всего.

— А почему мы огонь не открываем? — карие глаза Коли требовательно смотрят на меня. — Им же помочь надо!

— Во-первых, команды нет. Во-вторых, куда стрелять, неизвестно.

Фрицы вошли в плотное соприкосновение, возможно, рукопашная вовсю идёт. Куда там стрелять? Надо бить по путям подхода подкреплений к немцам, но отсюда не видать. Танки мы бы заметили, но фрицы напрямую атакуют без танков, которые поддерживают своих из-за укрытий. А укрыться среди домишек, сараев и прочих строений пара пустяков.

Забираю бинокль. Хм-м, немцы продолжают атаковать и что-то неприятно сжимается в желудке. Первый раз у меня такая возможность наблюдать вживую. Сверху, с большой высоты всё выглядит, как на карте. Оттуда отдельных солдат не различишь, да мы на пехоту особо внимания не обращали. Так что для меня это впервые. И мне... не могу сразу разобраться. И со страхом приходится бороться и с... восхищением.

Фрицы идут волнами, цепь за цепью. И не в полный рост и не все разом. То один вскакивает и перебегает, то другой. Остающиеся лежать стреляют, прикрывая своих... сослуживцев. Не хочется применять слово «товарищей», хотя сейчас оно самое удачное. Самое неприятное, у них получается. Ротные слабые миномёты не эффективны, артиллерия тоже. Есть где от неё спрятаться, не в чистом поле бой идёт.

Неожиданно вспыхивает ещё одна догадка. Наши инструкторы обучали нас новобранцев и ополченцев такой же тактике. Хм-м, так вот откуда мы это взяли!

— Что там? — картинка прыгает в сторону, от толчка в плечо.

— Хреново там. Фашисты наших давят...

Только что на моих глазах под прикрытием огня из пулемёта подбравшийся к окну хаты немец забрасывает в окно гранату. После взрыва с невесть откуда взявшимися ещё

двумя солдатами, быстро влезает в домишко. За ним лезут остальные.

С досады отдаю бинокль Коле, пусть теперь он расстраивается. И как отмашку даю, с юга приближается группа самолётов. Чайки! Три пары! Вот и поддержка.

— О, фрицы ховаться начинают, — весело замечает Коля.

Есть от чего. И, видимо, поэтому нам не давали команды стрелять. Не только не эффективно, но и самолёты окажутся на линии огня. В момент штурмовки они низко опускаются.

Сверкают в небе огненные стрелы. Короче, кто не спрятался — лётчик не виноват.

Я тут третий день. Странное чувство возникает после начала реального немецкого наступления. Как на курорт попадаю. Вот сидим, наблюдаем и ничего не делаем. Вчерашний и позавчерашний дни были крайне суматошными.

Так-то ничего сложного. У каждой батареи есть рация, постоянно включённая на приём. Сильно удивлён, кстати, что до сих пор в городе есть электричество. Понятно, что с воздуха прикрывают, но что-то мне кажется, что захоти фрицы, разбомбили бы электростанцию. Наверное, рассчитывают захватить город и тогда, зачем им возиться с восстановлением. Опять-таки, нарушения светомаскировки даёт им цели для бомбёжки или артобстрелов ночью. А может, я не прав, и есть какие-то другие причины...

— Воздух, — негромко говорит Фомичёв. Вместе со связистами, их двое, спускаемся на пару этажей.

Фрицы подгадывают момент, когда чайки улетели, а на смену им никто не появился. И над нашим передним краем появляется восьмёрка стервятников.

— Лаптёжники, — комментирует Фомичёв, осторожно, с краешку, выглядывая из окна. Застеклённых окон в доме нет, как и крыши. Рамы не вставлены, полов нет. Недострой он и есть недострой.

Слышу далёкий стрёкот. Зенитки. А за этим душераздирающий вой, с немолимо нарастающими визгливыми нотками. На него накладывается ещё один такой, затем ещё... звук настырно просверливает прижатые к ушам ладони. Фомичёв просто кривится, вдруг его лицо проясняется.

— Смотри, смотри! — Коля восторженно тычет рукой.

Противный, выворачивающий душу наизнанку визг прекращается, будто некоему чудовищу кто-то могущественный грубо затыкает глотку. Действительно, затыкают. Короче, наши ишачки лаптёжников подлавливают. Вслед за своими воющими бомбами на землю падают два юнкерса. Шесть ишачков выются вокруг остальных злыми осами.

Затем сверху на наших наваливаются мессеры, сбивают одного зазевавшегося, который перед этим изрешетил четвёртый юнкерс. На помощь уже спешат Миги, и как-то так получается, что сражение с земли перемещается в небо. Немцы и наши ополченцы занимают собой. Подыскивают позиции, укрытия... вижу в бинокль, как за какой-то сарай подтаскивают сорокопятку. Все ждут окончания воздушной драки.

Итак. У каждой батареи есть рация. У меня тоже. Поэтому моя работа практически не отличается от той, что я делал на борту самолёта. Предыдущие два дня ушли на слаживание и тренировку. Ополченцы совсем не то, что регулярные части. Пришлось попрыгать. Один раз установили миномёты так, что траектория стрельбы упиралась в верхний край четырёхэтажки.

Синус-косинус, по-другому угол возможной стрельбы не угадаешь. Если только со стороны с линейкой или ровной палочкой глянуть. Но это не точно. И открыто на какую-

нибудь площадку эти плевательницы не поставишь. Маскировка — наше всё, как любит приговаривать мой командующий папа.

Короче, приходилось распределять сектора обстрела, прикидывать мёртвые зоны и всё такое.

— Тебя штоли к нам прислали? — поначалу скептически шурился на меня начальник артиллерии дивизии, пожилой майор запаса.

— Если вам корректировщики с боевым опытом не нужны, могу в другую дивизию уйти, — будет мне тут военкоматовский чин глаза щурить. Или это я начинаю вести себя, как генеральский сынок?

Командир дивизии сдаёт меня с потрохами.

— Генерал Павлов — его отец. Поднатаскал его на воздушном КП фронта. Так что ты, товарищ майор, полегче, у парня натурально опыт есть. По карте работаешь?

Это он уже у меня спрашивает. Расположился штаб в ближайшей школе, что вызывает у меня странные ощущения. Сам ведь совсем недавно школьником был. Сейчас, то ли школа, то ли крепость. А что? Стены толстые, окна до человеческого роста закрыты мешками с грунтом. Выбрали место для штаба предусмотрительно. Так, что окна смотрят на внутренний двор. Сообразили.

— Только по карте и работал, товарищ полковник.

Это считается высшим пилотажем, так что товарищ майор Перепелица мгновенно заткнулся.

Между прочим, тут в школе и разжились таблицами Брадиса для вычисления возможных углов стрельбы из-за высоких домов. Конечно, высоту домов пришлось измерять, но это не трудно, если есть длинная верёвка. Или провод.

Воздушный бой закончился. Запасы топлива не бесконечны, а смена караула не пришла. Ни к нашим, ни к фрицам. Напоследок покружились, да улетели. И где у нас сейчас передовая? Смотрю в бинокль, отмечаю на карте, расстеленной тут же на доске.

— Пошли обедать, — зовёт Фомичёв. Обед нам принесли. Посты наблюдения снимать нельзя ни на минуту.

— Сейчас, — обед по распорядку, но и к войне надо быть готовым. И прежде, чем взяться за ложку, даю прицельные установки паре батарей. Фрицы вошли в зону поражения.

Обедаем в кружке рядом со связистами. Весело стучат ложки. Аппетита занимать никому не надо, весь день на свежем воздухе.

Кажется, что у нас с фрицами время обеда совпадает. Минут через сорок после того, как кашевары ушли, нас вызвала передовая. Второй батальон первого полка.

— Передаю трубку, товарищ Петров, — радист уже смотрит на меня. Подсаживаюсь рядом на ящик из-под гранат.

Подсаживаюсь и тут же одёргиваю руку с трубкой, из которой несётся зычный мат. Их благородие Петров изволят гневаться по неизвестному поводу. На самом деле не Петров, конечно, это псевдоним. Так себе позывной, вот у меня другое дело — «Синус». По-настоящему оценил Яшка, он же математик. Сижу и слушаю.

— Какого-разэтакого долбанного хрена огня не открываете!?! Заснули там или в башку долбитесь?! Что есть вы, что нет вас, обдолбьши хреновы!

Ну и так далее. Идиот он, не знаю настоящего имени. Сразу видно гражданского. Сам-то я ни то, ни сё, если честно. Тем мне виднее разницу между настоящим обстрелянным военным и штафиркой-новобранцем. Не важно, кто он по званию. И что ему ответить?

Наорать взаимобразно? Задумчиво рассматриваю трубку. Мой помощник Фомичёв и связисты втянули головы в плечи. Он что, заочно по радиосвязи так их сумел напугать?

Что делать, что делать? То, что папа говорил. А говорил он так: не знаешь, как поступать — поступи по уставу.

— На связи Синус. Приём. С кем я говорю? — проговариваю стандартную формулу. Переговоры в боевых условиях строго регламентированы. Комбат Петров грубо нарушает порядок обмена сообщениями. Из трубки тем временем раздаётся какой-то хрип, нечленораздельные возгласы.

— Вас не понял. На связи Синус. Приём.

— Да хоть арккосинус, сучкастую оглоблю тебе в дышло! — Ого! Прямо в осадок выпадаю от такого диссонанса. Далеко не всякий портовый грузчик может так заворачивать, и при этом что-то в тригонометрии понимает.

— Вас не понял. На связи Синус. Кто говорит? Приём.

— Петров говорит, через раз тебя на раскоряку!

Он мне надоел! Да, я — генеральский сынок и на одном месте вертел всех хамов с командирскими петлицами.

— Я — Синус. Вас не понял, Петров. Конец связи. — И всё-таки дополняю вне правил. — Извольте ознакомиться с регламентом сообщений по радиосвязи, Петров. И впредь его не нарушать. До связи, Петров.

Отдаю трубку связисту и жестом приказываю разорвать канал. Машинально подчиняется и переходит на прослушивание. Через минуту:

— Опять Петров, — связист смотрит вопросительно и удивлённо.

— Не соединяйся. За такое время порядок передачи сообщений освоить невозможно.

— Так нельзя. Я обязан ответить.

Он прав, конечно. Но можно и по-другому.

— Скажи, что я отошёл и веду наблюдение, — тут же встаю, и отпинывая куски кирпича и шурша каменной крошкой, ухожу через коридор. Но уже в другую комнату. Не стоит светиться всё время на одном месте. Здание, судя по планировке, строилось под общежитие. Коридоры от торца до торца увенчиваются межэтажными лестницами. У связистов и у нас с Колей смежные комнаты соединены. Не по проекту, а с помощью лома. Кувалду бы надо, но не нашли. Страшно нужная вещь в условиях городских боёв, короче говоря.

Может показаться, что занимаюсь саботажем, но не наблюдаю особой активности фрицев. Ни артподготовки, ни интенсивной стрельбы, без которой не обходиться ни одна атака. Короче, затишье. Не понимаю, почему этот чудачила так нервничает. Посмотрим, может увижу что...

Внимательно осматриваю позиции, которые уже не дальше километра. Перестрелка кое-где идёт, но вяленько...

— Борь, я, конечно, понимаю, что ты — сын генерала, но с майором так нельзя, — бубнит Фомичёв.

— Согласен, — от бинокля не отрываюсь, — по идее на него докладную командиру полка надо писать. Он засоряет эфир, это раз. Мне по хрену, что он меня материт, но каждое нецензурное слово удлиняет сообщение. И вместо минуты от подачи запроса до открытия огня пройдёт две или три. В бою промедление смерти подобно. Фактор времени на войне — важнейший.

Не вижу, мне есть куда смотреть по делу, но знаю: Коля слушает, открыв рот.

— Это тебя отец научил?

— Да, — на самом деле, не помню, чтобы он вообще меня чему-то такому учил. Оно как-то всё само заходит. Но намного проще сказать «да».

— Он нарушает регламент, это два. Сначала представься, потом выдавай сообщение. Сообщение должно завершаться словом «приём». Если я чего-то не понял или прослушал, или помехи были, запрашиваю повтор. Как только уясняю, что мне передали, говорю: «Я — Синус. Петров, вас понял, конец связи». Этот придурок в майорских петлицах минуты три матерился, но ничего толкового не сказал.

Фомичёв молчит. Мой тщательный осмотр всего, до чего могу дотянуться взглядом, вооружённым двенадцатикратным биноклем, не даёт ничего. Банальные перестрелки, в паре мест работают пулемёты. А связист уже теребит за рукав. Прячу улыбочку. По одному его напуганному взгляду понимаю, что со мной «Петров» хочет пообщаться.

— Я — Синус. Приём, — мой тон абсолютно лишён эмоций. Мне натурально похрену.

— Считаешь себя сильно умным, Синус? Слушай меня внимательно. Немедленно откройте огонь за двести метров от моих позиций.

Молчу. Жду.

— Чего ты молчишь, Синус?! Когда откроете огонь?! — собеседник снова начинает закипать.

— Вы...

— Уснул там что ли?! — «Петров» слова не даёт сказать.

— Пока вы не завершите своё сообщение словом «Приём», я не должен отвечать.

— Приём!!!

Нервный какой, у меня аж перепонки болезненно резонируют.

— Я — Синус. Петров, сообщите координаты цели и количество залпов. Приём.

— Сказал же! За двести метров от моих позиций! — И после паузы догадывается сказать:

— Приём!

— Я — Синус. Петров, мне не известны координаты ваших позиций. Приём.

Бросает трубку. Невменяемый какой-то. Поворачиваюсь к связистам.

— Больше не соединяйте меня с «Петровым». Это немец. Поэтому ничего не знает и не понимает совсем простых вещей. Фрицы подслушали наши переговоры и теперь занимаются провокациями.

Лица связистов светлеют. Своим командирам грубить нельзя, под трибунал угодишь. А фрицам не только можно, но и нужно.

На самом деле, не знаю, немецкий ли это провокатор или идиот в наших рядах. А какая разница? — риторически вопрошает в таких случаях папа. Наш идиот ещё хуже, так он считает. Пожалуй, так оно и есть, уж больно виртуозно он матерился.

11 сентября, четверг, время 01:10.

Северная окраина Минска. Борис.

Грохочущий шум, похожий на возмущение перегретого масла на сковородке, когда туда бросают что-то на обжарку, заставляет в панике подскочить с лежанки. У другой стены поднимает голову Фомичёв, на секунду замирает и роняет голову обратно.

— Наши...

Прислушиваюсь. Такой мощной артподготовки вблизи раньше не видел. Сверху-то

совсем по-другому выглядит и не слышно ничего. Надо посмотреть. Поднимаюсь. Сначала портянки и сапоги, затем бинокль и шинель.

Отдыхаем мы в подвальном помещении. Тут холодно и сыро, до тех пор, пока буржуйку не затопишь. Буржуйка тепла не держит, но мы её кирпичами обложили.

Волокусь наверх, на втором этаже слышу догоняющие шаги.

— Ты чего?

— Того, — бурчит Фомичёв, — обязан быть с тобой всё время. Чего тебе неймётся?

Не скажу ему, что просто заснуть не могу. Не поймёт. Но что говорить, знаю.

— Мне надо посмотреть, по каким местам наши хреначат. Штоб знать, где наши, где не наши...

Минут пятнадцать любуюсь на поля сверкающих вспышек, то тут, то там. Канонада сильнейшая, но исподволь начинает вкрадываться какое-то подозрение. Отец решил усложнить фрицам жизнь, артналёт это предупреждение: попытка повторить ночной прорыв не пролезет. Но что-то не так, чего-то не хватает.

Ухожу в комнату связистов, вытаскиваю из планшета карту, делаю пометки. Зоны, подвергшиеся артобстрелу, ясное дело, не наши.

— Семьдесят шестым калибром хреначат, — зевает Коля, — пошли уже спать...

Точно! Вот откуда неудобство в голове. Крупные калибры отец не задействует! Почему, это уже не моего ума дело. Момент, однако, интересный...

Спускаюсь вниз, позёвывая. Грозная канонада не пугает, а радует. Это же наши гвоздят, так что пусть фрицы нервничают. Кажется, засыпаю, не успев лечь на жесткий настил...

11 сентября, четверг, время 07:15.

Северная окраина Минска. Борис.

— ...лять! Фью-ю-ить! Стум-м! — от сильного рывка не удерживаюсь на ногах, лечу на бетонный пол, что-то свистнуло чуть не в ухо и щёлкнуло по стене.

— Сучкастую оглоблю в гузно до самого горла! — встаю, потирая ушибленную задницу. Провокатор «Петров» или наш дурак, но с паршивого идиота хоть шерсти клок. Кое-какие обороты запомнил. Кстати, надо докладную на него состряпать...

— Снайпер, — задумчиво чешет нос Фомичёв и снова дёргает меня за руку. — Не вставай!

Весело день начинается. Перебираюсь в правый от двери угол, присаживаюсь к стенке. Смотрю на пулевой след, прочерченный по кирпичной кладке. Отмахиваюсь от Коли, ни к чему мне нотации.

— Странновато как-то, — раздумываю вслух, — подошёл осторожно...

— Хрен там осторожно! — энергично спорит Фомичёв. — Ты в солнечную полосу встал!

— Да, в полосу... но далеко от окна, — и есть ещё одна тонкость, — мне отец говорил, что снайперов у фрицев нет, как класса.

— Да что вы говори... — Коля спохватывается, но ехидство не воробей, вылетит — не поймаешь. Если б это я сказал, то меня хоть утопи в насмешках. Но попробуй скорчить недоверчивую рожу по адресу генерала Павлова, собственное чувство субординации в тонкий блин расплющит.

Однако, что ни говори, а кто-то меткий по мне пальнул. Поэтому внимательно смотрю на длинную щербину от пули. Немного снизу вверх, ясное дело, с земли стреляли. Где я там стоял, о сучкастая оглобля! В районе головы пуля прошла!

Наклон траектории показывает щербина на кирпичках, мысленно встаю на то же место. Воображаемая линия проходит сквозь мой призрак, продолжаю её дальше, дальше... Вряд ли стрелок дальше, чем на полкилометра. Всё! Вычислил примерное место, а точное мне не надо. Я — не снайпер, я — артиллерист.

— Я — Синус, вызываю Меридиан-два...

Меридиан-2 — батарея 82-миллиметровых миномётов. Принцип тот же, если позывной на букву «М», то это они. Если на «Д», то 120-миллиметровые. Под моим контролем две «эмки» и одна «дэшка».

Всё время пытал Яшку, как он это делает. Яков честно изо всех сил пытался. Объяснял, что отображает контролируемое пространство у себя в голове.

— Простейший пример — игра в шашки, когда ты моделируешь все возможные ветки развития партии, как можно дальше. Не совсем удачный пример, — морщил лоб Яшка. — Шахматы ближе, разные фигуры, разные возможности

— А как ты вычисляешь углы? — самый важный вопрос. Направление взять очень просто, если знаешь координаты цели. Ключевой параметр стрельбы — угол возвышения.

— Никак. Я их чувствую. Как чувствует опытный лучник, насколько сильно надо натягивать лук и какие поправки брать. Стрельба навскидку, без прицеливания, — немного подумав, добавил Яков.

Теперь и я чувствую.

— Меридиан-два, приём, — наконец-то откликаются миномётчики.

— Я — Синус, угол четыре — восемьдесят три. Направление двадцать семь — шестнадцать. Раз плюнуть. Приём.

— Меридиан-два. Синус, вас понял, четыре — восемьдесят три, двадцать семь — шестнадцать. Приём.

Когда трубка замолкает, рождается опаска. По тем данным, что идут в эфире, немцы могут вычислить координаты батареи. Или не могут?

Когда на месте предполагаемого расположения ушедшего стрелка загрохотали мины, стою у другого окна, с торца здания. Тут я в полосу солнечного света не попадаю, и выглядываю осторожно. Мало.

Через пяток минут занимаю ту же позицию, а по подозрительному месту лупят уже 120-миллиметровые миномёты. И двумя залпами. Надеюсь, поможет, но в окнах мелькать всё равно не буду. Похоже, Коля сегодня мне жизнь спас.

12 сентября, пятница, время 03:40.

Вспышка выстрела из-за какого-то упавшего на бок сарайчика. Стремительно и с лёгким наклоном траектории, упирающейся в левую часть моего лба, летит злая немецкая пуля. Меня словно примораживает к месту и спасительный рывок сильной Колиной руки запаздывает. Пуля пробивает лоб и вылетает за левым виском с фонтанчиком обломков костей и крови...

— А-г-р-р-х! — подскакиваю на импровизированных полатах. Сердце колотится, как ненормальное.

Меня всё-таки убили? Ошалело оглядываю мрачное и тёмное помещение. Где это я? Шлёпаю босиком к притягивающему к себе окну, через которое успокаивающе мерцают звёзды. У-ф-ф-ф! Сердце утихомиривается, хотя ночь не назовёшь спокойной. Где-то в километре, не меньше, бухают нечастые взрывы, слышен приглушённый расстоянием стук пулемётов.

— Чего бродишь среди ночи? — бурчанье проснувшегося и тут же отключившегося Коли окончательно приводит в себя. Покурить, что ли...

12 сентября, пятница, время 09:10.

Северная окраина Минска. Борис.

— Координаты... угол четыре — девяносто два, двадцать два — сорок восемь, — пока радист бубнит в трубку мои данные, ухожу в комнату наблюдения.

Сегодня по-настоящему жарко. И хорошо, напряжённая работа дурацкие мысли из головы выметает безжалостно и бесследно. Но к окнам подхожу с крайней осторожностью.

Во вчерашнем разговоре с Колей я оказался прав на сто процентов. Он предлагал заняться защитой окон, заложить их мешками с грунтом. Придержал его энтузиазм, не наше это дело. Да просто некогда, нам надо постоянно окрестности отслеживать. А сегодня с утра этим целая рота занимается, закидывая окна мешками, дерюжными и сшитыми на скорую руку из чего попало. Скатертей, наволочек, простыней, и чего под руку попадётся.

На противоположный угол затащили 37-миллиметровую зенитку. Очень хотелось поглядеть, но некогда. Коля всё рассказал.

— Натаскали наверх каких-то брёвен, столбов. Закрепили какую-то хрень, а, барабаном они это называли. На него трос наматывается, а крутят вчетвером большое колесо ломками...

— А зенитка?

— А зенитка ползёт по стене, — тут Коля смеялся, — издалека кажется, что сама.

Так мы оказались на передовой. Так-то мы и должны на передовой находиться, но раньше смысла не было. Мы отсюда с высоты намного больше видели, чем, если бы на передней линии боя находились.

Здание трянуло. Не так, чтобы сильно, всё ж таки не бомба. Всматриваюсь через щель между мешками. Вот сучкастая оглобля, это танк что ли по нам долбить начинает? Сам не помню, как перемещаюсь к связистам и передаю сообщение «Меридиану-2».

— ...угол четыре — девяносто два, двадцать два — сорок восемь, — сначала координаты. Не в первый день, но всё-таки вспомнил, что батарейным корректировщикам тоже надо тренироваться стрелять по карте. Теперь наблюдать. Снова к щели в мешках.

Здание вздрагивает ещё три раза, когда местоположение танка в трёхстах метрах накрывает миномётным огнём. С танка срывает остатки маскировки, но прямого попадания нет... оп-па! Есть! Наша зенитка накрывает его несколькими снарядами сразу. Т-3 начинает дымиться, танкисты выскакивают наружу, одного разрывает зенитным снарядом на куски. Бр-р-р-р!

Здание снова содрогается. Второй танк, его не было видно, пока близким разрывом мины не сбросило часть маскировки. Вот хитрожопые арийцы! Гримируют танки под кучи мусора, ветками, палками, каким-то тряпьём. Так, пожалуй, та площадка нуждается в особом внимании. Снова к связистам.

— ... «Дежнев-1», троекратное ура, — любое числительное в конце сообщения означает только одно — количество залпов. Цель серьёзная...

Здание опять трянуло. По ощущениям сильнее, чем раньше. С того конца, где стоит зенитка, многоголосый мат. Ну, если матерятся, значит, живые. Кажется, зенитка засветилась и её выцеливают целенаправленно.

...цель серьёзная, потому три залпа. Серьёзной цели — серьёзное внимание и серьёзный 120-миллиметровый калибр. Добавлю-ка ещё гостинцев от «Меридиана-1»...

Злорадно наблюдаю, как сдувает маскировку ещё с двух танков, тут подключается

«Меридиан-1». Наша зенитка расстреливает, как в тире три танка и пару полевых пушек. Пока дым и пыль от разрывов мин ещё не сдуло в сторону.

От нижних этажей доносится пулемётный перестук, щёлкают карабины и мосинки. Пехотная атака? Голову из-за пустого любопытства высовывать не рискую, ближнее пространство метров в сто пятьдесят в мёртвой зоне. И чего это я сижу? К связистам!

Быстро надиктовываю данные. Это пока не «вызываю огонь на себя», но близко. Ничего страшного, «Меридианы» отработают, как надо. Какой у них разброс, прекрасно знаю.

Выглядываю в окно с нашей стороны. И увиденное мне не нравится. С тыльной стороны в здание втекают красноармейцы. Где по брёвнам, брошенным в окно, в одном месте из мусора соорудили горку и выбили кирпич под оконным проёмом. Балконов тут нет.

Не нравится, потому что означать может только одно — нас прижимают. Хотя, возможно, к контратаке готовятся. Иду наблюдать. В нашей комнате Коля бросает вниз гранаты. Одна, другая, третья...

— Ты, Коля, неправильно гранаты бросаешь.

— Это почему? — товарищ весело таращит на меня шальные глаза.

— Они у тебя на земле взрываются, а надо, чтобы в воздухе...

— Точно! Нас же учили... — следующую гранату Коля кидает с секундной задержкой, прислушивается.

Вроде он приноравливается, но мне не по себе. Шальная пуля попадёт в руку, выронит гранату и блямба нам обоим. А пули время от времени посвистывают и высекают из стен кирпичную крошку. Выгоняю его в другую комнату.

— Всё равно позицию менять надо, — возражений не получаю. Коля выволакивает ящик с гранатами.

К обеду напряжённость стихает. Как я и думал, ещё одна рота вместе с нашей, ушли в контратаку. Мои батареи ударили по тем местам, куда откатились фрицы, а затем поставили дымовую завесу. Но смотреть на убитых красноармейцев тяжело. Изнутри поднимается что-то тёмное и злое. Раньше только азарт был. Как в игре.

Сидим, обедаем. С нами командир той роты, что отступила в наше здание. Голубоглазый, волосы с рыжинкой. Лейтенант Губарев, как он представился.

— Лейтенант, нам валить отсюда надо.

— Штанишки сушить? — беззлобно насмешничает лейтенант, прихлёбывая солянку.

— Энпе здесь, что надо, но мы уже на мушке. Скоро фрицы начнут сравнивать это здание с землёй, — начинаю объяснять, не обращая внимания на ехидство. — Энпе надо оставить, но связистов точно убрать. Один осколок в рацию и конец связи.

Добиваю вслед за лейтенантом солянку и принимаюсь за перловку. Примостившийся справа от меня Коля помалкивает.

— Видел там оборванные электролинии, — машу назад рукой, на левый фланг. И рассказываю лейтенанту, что надо сделать.

Идея простая. Собрать провод и бросить парочку отсюда до следующего здания. Оно в пятидесяти метрах сзади и чуть левее. Там училище какое-то, тоже пойдёт. Разноуровневое, но блок с четырьмя этажами тоже есть. Связистов отправим туда, бросим по воздуху электропровода. Телефонам всё равно, по какому кабелю названивать. У этих многовитковых электропроводов сопротивление намного меньше. Должно сработать.

— Хочешь сказать, я должен это сделать? — лейтенант отставляет недопитую кружку с компотом.

— Можем и мы, — жму плечами, — будем несколько часов этим заниматься. Эти несколько часов твоя рота и та, другая, будут без миномётной поддержки. А если нас подстрелят, то ждите, когда смена придёт. Когда придёт, вы их снова на обстреливаемый сектор за проводом зашлите. И так до тех пор...

— Ладно, я понял, — сдаётся лейтенант. — Только спросить хочу, вам пехоту совсем не жалко? Любого могут подстрелить.

— Так я их прикрою! Как сигнал подашь, ударим дымовыми минами. Только смотрите, надо проверить, вдруг они ещё под напряжением...

Через полчаса мы на первом этаже, там, где выбили кирпич под окном, принимаем скрученные в кольцо провода. Обошлось без потерь. Возможно, и так бы обошлось, фрицев же отодвинули метров на триста. Но если лейтенанту Губареву так спокойнее, то и пусть. Мины денег стоят, но жизни бойцов неизмеримо дороже. Опасность возможно присутствующего напряжения пехотинцы преодолели просто. Ударили из пулемёта по вершине одного из столбов, разбили нахрен изоляторы. Провода упали, тот, что не оборвался, перерубили топором.

— Хватит? — бойцы, обеспечившие нас, смотрят выжидающе.

— Даже с запасом.

Пока тихо, вместе со связистами и приданными Губаревым красноармейцами сооружаем воздушку. Можно вздохнуть с облегчением, рация и связисты в безопасности.

Насколько я был прав, пришлось узнать на следующий день.

12 сентября, пятница, местное время 14:35.

П. Гусиная пристань, Семипалатинская область. Школа, кабинет директора.

— Товарищ Дроздов, как вы могли допустить такое? — на директора школы смотрят непримиримые стальные глаза молодого инструктора райкома ВКП(б).

— Товарищ Панкратов, что же я мог сделать? Запретить детям совсем говорить о войне? И каким образом? — разводит руками Павел Петрович.

Светлана Ивановна, классная руководительница пятого класса, где учится Адочка, тихо говорит:

— Честно говоря, моя вина. На моём уроке всё было...

В кабинете четверо. Самый важный, товарищ Воронцов, второй секретарь райкома и начальник военного отдела пока не вмешивается. Истинный брюнет, оправдывающий свою фамилию густой бескомпромиссно чёрной шевелюрой, к которой прилагались густые брови. Усов и бороды товарищ Воронцов не носил, иначе с чёрным цветом в его облике был бы перебор.

— С вами, товарищ Полякова, мы ещё поговорим, — холодно отвечает инструктор, — но за всё, что происходит в школе, отвечает в первую голову директор.

— Конечно, — соглашается директор, — но давайте разберёмся, что, собственно говоря, произошло?

— И что, по-вашему, случилось? — Холодность из голоса товарища Панкратова не исчезает.

— Во-первых, Ада Павлова сказала правду. Никаких сомнений у меня нет.

— И что? — Инструктор сверлит директора глазами.

— Ну, как что? — Павел Петрович избегает смотреть на инструктора прямо. — Ещё Ленин говорил, что народу надо говорить правду.

Товарищ Панкратов поджимает губы. Подыскивает ответ. Его выручает старший

товарищ, и холодности в его голосе нет.

— Всё правильно. Ленин именно так и говорил. Но он говорил это в дореволюционное время, когда рабочий класс был опутан сетью буржуазной лжи. А в наше время... вот что сейчас могут подумать простые люди? Газета «Правда» писала, что воевать будем на чужой территории и малой кровью. И что теперь получается? Наша главная газета врала нам? Всему народу?

У директора холодеет в желудке, инструктор смотрит с торжеством охотника, поймавшего увёртливую дичь.

— Ну... — мнётся растерянный директор, — я не могу отвечать за газету «Правда». И другие газеты.

Павел Петрович не вчера родился, и с того самого дня к этому неизбежному разговору готовился. Всего не предусмотреть, но всё-таки, если дать любому человеку время, он может хотя бы попытаться соломки подстелить.

— Вы не увеливайте, — усиливает нажим инструктор, — наврала газета «Правда» советскому народу, по-вашему?

— Почему же наврала? — Павел Петрович кое-как приходит в себя, в отличие от съёжившейся Светланы Ивановны.

— Наши газеты, уг-х-у-м... — директор откашливается и продолжает, — сообщали советскому народу о планах и намерениях...

— И вы считаете, что они ошиблись, — почти удовлетворённо констатирует инструктор.

— Цыплят по осени считают, — Павел Петрович окончательно приходит в себя, — война идёт только третий месяц. Какие у нас потери? Допустим, двести или триста тысяч. Сколько это в процентах? Три? Пять? Какая там численность РККА? Миллионов шесть-семь? Всё ведь относительно, товарищ Панкратов.

— И на чужую территорию тому же генералу Павлову зайти не трудно, — продолжает директор, пока инструктор переваривает контраргументы, — он ведь от границы не отошёл. И насколько я понимаю военную обстановку... да, та же газета «Правда» об этом писала, что германские вооружённые силы попали в крайне неприятную ситуацию.

Люди из райкома переглядываются, Светлана Ивановна оживает на глазах. Перелом в разговоре, как нарочно, подчёркивает заливший кабинет поток света от солнца, выглянувшего в просвет между облаками.

— Так что я не рискнул бы утверждать, что прогноз наших советских газет ошибочен. Красная Армия, конечно, несёт потери, но учитывая силы, которыми располагает фашистская Германия, они не так уж велики.

— Оставим наши газеты в покое, — вступает Воронцов, — дело ведь в другом. Ада Павлова сказала шокирующие вещи. Не для детских ушей.

— Да-да, — Воронцов поднимает ладонь, предупреждая возражения учительницы, — я понимаю, её спровоцировали одноклассники. Вам надо было вмешаться, Светлана Ивановна.

— И что бы я им сказала? Просто представления не имею... — распаивает глаза женщина.

— Ну, как что? Генерал Павлов в целом удерживает свой фронт. В отличие от соседних. Его серьёзные потери обусловлены ожесточённостью боёв, и они наверняка меньше, чем у остальных командующих. Не встав на защиту генерала Павлова, вы вынудили девочку сделать это. Понятно, что в запале она наговорила лишнего.

Наступает молчание. Вина не так велика, но она есть. Нельзя вываливать на детский неокрепший разум настолько шокирующую правду.

— Я думаю так, — задумчиво продолжает Воронцов, — вы, Светлана Ивановна, получите выговор за допущенный промах с занесением в личное дело. По партийной линии. Вы, Павел Петрович, строгий выговор с занесением. Вы — директор, с вас и спрос больше.

Директор вздыхает и на время склоняет голову. Выдыхает и Светлана Ивановна.

— Это не всё. Вам надо обдумать некий цикл педагогических мероприятий, чтобы сгладить нехорошее впечатление, которое получили дети. Помочь им надо. Не допустить разочарования в Красной Армии и советских полководцах.

14 сентября, воскресенье, время 08:25.

Северная окраина Минска. Борис.

— Д-дах! — Приклад СВТ толкает в плечо, чуть позади бегущего немецкого пехотинца выпрыгивает фонтанчик пыли. Блядская ты гнида!

Пехотинец залегает, я тоже присаживаюсь. Никак не получается подловить на пулю атакующих фрицев. Чуть не на четвереньках улепётываю в другую комнату.

— Промазал? — Коля кидает на меня насмешливый взгляд, снова прикидывается к своей винтовке. Немецкий карабин у него, так-то он с ППП ходит.

Ухожу в следующую комнату. О! Здесь пролом в стене! По нам тут с раннего утра били прямой наводкой не слишком крупным калибром. Отбрасываю несколько кирпичных обломков, какие-то пристраиваю впереди. Устраиваюсь.

Не понимает Фомичёв, а рассказывать не собираюсь. Он против того, чтобы я участвовал в перестрелках, но по-другому не могу. Чувствую, что надо. После той пули впритирку к моей голове никак не могу избавиться от обессиливающего холодка в желудке.

Трушу, себе-то могу признаться. Но, как говорить, трус не тот, кто боится, а тот, кто со своим страхом справиться не может.

— Д-дах! — Вот же сука, опять промахиваюсь.

— Бери правее! — Доносится ор Коли. — В мой сектор залез!

И догадываюсь, чего он там бурчит. Слов не разобрать, но наверняка опять насмехается над моим промахом. Так-то я додумался, что упреждение забыл взять на один корпус, только опытный фриц вильнул в сторону. Зигзагами бегут.

Ладно. Раз вы так, то применю-ка козырь, которого у других нет. В начале атаки миномёты «Дежнева» хлопнули дымовыми минами и отсекали атакующих от поддерживающей их артиллерии. Теперь наша крепость, в которую мы превратили здание, разбирается с ними вручную. Сменивший лейтенанта Губарева ротный, — передовые части то и дело ротируют, — приказал своим не применять пулемёты и автоматы до дистанции в сто-сто пятьдесят метров. По-моему, грамотный приказ.

Отползаю от дыры диаметром в четверть метра и перебираюсь в комнату с телефоном. Мы сейчас на третьем этаже. Четвёртый разнесли ранним утром, еле успели с Колей ноги унести. А один из пулемётчиков там и остался. Жёстко работают фрицы.

— Привет, парни. Это Синус. Давайте сделаем так...

Даю задание «Меридиану-1» стрелять не залпом, а одиночными с интервалом в пятнадцать секунд. По тому полю, что перед нами.

Возвращаюсь. Фьить! С-сука! В окно залетает пуля, фрицы пулемёт подтащили. Остальные стучат по стене снаружи. Холодок внутри разрастается. Очень трудно заставить себя войти, вернее, почти вползти в комнату. Но надо. Сейчас начнёт бить «Меридиан-1»,

надо быть готовым. На подрагивающих конечностях вползаю на четырёх костях, как жалкий паучок.

Гляжу в дыру, поворачиваю ствол правее, как завещал великий Коля. Там развалины частного дома, одного из купеческих, фрицы там накапливаются, а затем расползаются под прикрытием пулемётного и автоматного огня. Как юркие и противные тараканы. Жду.

Наконец-то раздаётся противный, но радующий душу свистящий вой подлетающей мины. Фрицы, что успели расползтись, дружно плюхаются на землю. Ага! Ловлю одного на мушку, вернее, его бок, голову тот прячет за какой-то кучей. Он немного боком ко мне. Д-дах! Д-дум!

Удачно получается! Мой выстрел почти совпадает с взрывом. Надеюсь, что это меня маскирует. И фриц дёрнулся! Переполюющий грудь злой восторг начинает вытеснять морозный обессиливающий морок.

Медленно вожу стволом, прикидывая, кого могу насильно приземлить. Что-то их много. Выстрел сбоку, один фриц тут же падает. Стискаю зубы, завидую Коле молча. Да может, и не он, тут и без нас стрелков хватает. Жду. Не стреляю.

Выбираю цель и чувствую, что опять не попаду. Только случайно. Фриц бежит рывками, заставляя стрелков ошибаться. И места для залегания выбирает с умом. Сволочь! А ещё сразу по-быстрому подтаскивает какие-то камни, закапывается в мусор.

Стреляю под взрыв очередной мины, на этот раз намеренно. И не по тому фрицу, которого выбрал. По его соседу, уже бросившемуся на землю. Попал или нет, не знаю. Надо ловить момент, когда он ложится на землю. В этот краткий миг солдат останавливается. Поймал ли его в это мгновенье, не понял.

Тут же перевожу ствол на «моего» шустрого фрица. Момент, когда солдат поднимается, ещё лучше. Вот! Когда фриц подбирает под себя ноги, вижу краешек его спины. Сейчас! Нажимаю на крючок плавно и аккуратно, как учили. Как повезёт... Д-дум!

Есть! Повезло! Вскочивший фриц тут же валиться. В ту сторону, куда хотел метнуться. Злое торжество окончательно меня размораживает. Стреляю ещё раз почти наугад по другому и даже не смотрю, попал или нет. Резко отваливаюсь в сторону и ставлю в дыру кирпич, ещё обломок.

Д-дах! Кирпич отбрасывает обратно, он раскалывается. У-у-х! Меня не задевает и больше не рискую, руки не сую. Забрасываю дыру обломками, отползаю. Пора своими обязанностями заниматься.

Из комнаты перебегает в другую мимо меня весёлый Коля.

— Как ты? — Ответа не ждёт. За него мой целый и довольный вид.

Мой боевой пост у телефона. Перевожу «Меридиан-1» в режим залпового огня. «Меридиан-2» нацеливаю на домик, за которым прячутся фрицы, «Дежнев» ставит новую дымовую завесу. Фрицы, а кто вам сказал, что будет легко?

Время 11:15. Борис.

Небо раскачивается надо мной в такт шагов пары бойцов. Неужто отвоевался? Вроде живой, но надолго ли? Перевожу взгляд на молодого и по-смешному серьёзного ополченца. Тот слегка спотыкается, что отдаётся вспышкой боли в плече.

— Не беги, — бурчит он переднему, которого не вижу, — и дорогу выбирай.

До первого этажа ещё сам спустился, а дальше на носилках. Реактивной миной зацепило, когда на разбитом четвёртом этаже фрицев высматривал. Успел сказать координаты немецкой батареи Коле, пусть передаёт «Дежневу». Только он достанет на

двойном заряде.

Укрыт шинелью, потому свои раны не вижу. Боль пульсирует в левой голени и левом плече. Мать их в душу! Моя вина. Фронтально соорудил защитную кучу из мешков с грунтом и кирпичей, а сбоку нет. Вот мне и свистнуло. Хорошо в голову или шею не попало.

Не знаю, из-за чего, но холода в желудке больше нет. Вспоминаю последние минуты перед ранением. Опаска и даже страх был, но контролируемый, не заливающий мозг паникой. Досадно. Только научился держать себя в руках и на тебе, извольте на выход.

Что-то меня в сон тянет. Раскачивающееся небо усыпляет...

15 сентября, понедельник, время 07:45.

Минск, штаб Западного фронта. Генерал Павлов.

— Товарищ полковник, — стараюсь удерживать голос, — ротировать надо не только пехоту, а всех! Что значит, заменить нечем? Если нечем заменить, то ты хреновый комдив. Не делай так больше!

Кладу трубку. Насколько узнал, Борька ранен не тяжело. Слови он один осколок, а не два, пошёл бы по разряду легкораненых. Хотя... осколок в ногу кость зацепил, но врачи говорят, максимум, прихрамывать будет. Какое-то время.

Прямо выдыхаю. На редкость удачно сложилось. Трудно родителям детей в кровавое пекло посылать. Соблазн генералам и тем, кто выше, огромный спрятать своих птенцов. Только есть огромное «но» и даже два. Птенчики под родительским крылом никогда не повзрослеют. И народ к этому очень плохо относится. Зато сейчас всё. Никто не придерётся. Сын генерала Павлова принимал непосредственное участие в боях на передовой, получил ранение. Повезло, что не погиб. Бывает.

Всё. Выбрасываю все родительские тревожные мысли из головы, склоняюсь над картой. Что-то у меня не стыкуется, чую, будто где-то у меня готово порваться. Голубев-то подождёт, какие-то его части ещё не подошли, а вот Анисимову и Филатову как бы пролежни не заработать.

До совещания, которое начнётся через полчаса, успею кое-что решить. Снова смотрю на подробную карту Минска.

Окончание главы 15.

Глава 16. Пожалуй, хватит!

16 сентября, вторник, время 10:30.

Минск, штаб Западного фронта.

— Всё понятно, товарищи генералы и командиры? — Обвожу всех взглядом. Кроме Климовских и комдивов ополчения, куча моих штабных. Генералы Курдюмов, Семёнов, Клич, Григорьев. Разведки и контрразведки нет, они сейчас у Анисимова шуруют. Копца тоже нет, он с Рычаговым готовит фрицам подарки. Изо всех сил стараются, чтобы унести не смогли.

Комдивы ополчения хмурятся, но спорить уже не пытаются. Да и сложно с командующим спорить. Оно, конечно, отдавать фрицам чуть не четверть города не может понравиться. Ни военным, ни горожанам, а они и те и другие. Опять отступить? — мрачными готическими буквами написано на их лицах.

Ничего, стерпят. Фронт — огромный организм, сложнейшая система. Рука или лоб, во что прилетает удар, могут быть недовольны. Но в это время ноги перемещают тело, корпус скручивается в пружину, ударный кулак принимает стартовое положение. Всё готовится к ответному штурму, так что потерпи рука, попринимай на себя ещё болезненные удары врага. Расплата для него близка, а для нас близится миг торжества.

Утром, к удивлению своей базовой генеральской сущности, помедитировал. На пике состояния охватил разумом огромные пространства, занимаемые северной частью фронта. Мощная группировка под Швенчонисом уже изнывает от нетерпения. Нельзя сбрасывать со счёта риск её обнаружения немцами. Сутки, максимум, двое, больше испытывать энтузиазм войск не стоит. Начнут перегорать. На эти мысли скептически отзывается опыт Павлова. Ладно, трое-четверо суток, нынешнее поколение намного терпеливее и крепче. Но риск обнаружения войск немецкой разведкой всё равно не снимешь. Современное поколение немцев тоже крепче, чем в двадцать первом веке.

Северо-Западный фронт хлопочет, как огромный муравейник. Этим сколько времени ни дай, всё будет мало. Но разведгруппу Нефёдова тоже вечно наизготовку держать нельзя. Вчера вечером Блохин доложил, что они вышли в заданную точку и приступили к изучению немецких позиций. Приказал довести до них всё, что знаем мы. Данные авиаразведки и артразведки.

Ополчение неожиданно не только для немцев, но и для меня, показало зубы. Войска Гота и Гудериана обливаются кровью. В небе мы теряем в среднем по пять самолётов в сутки, но люфтваффе не меньше. Когда рискуют бомбардировщиками, то раза в два больше. В Минске сильное зенитное прикрытие и полторы сотни самолётов ПВО, усиленного дивизией полковника Туренко. Правда, сейчас уже меньше, но сто двадцать самолётов пока в строю.

Рычагов готов или почти готов. Надо предупредить его, что провожать лётчиков буду лично. Поначалу хотели стартовать из Белостока, но слишком близко к границе, фрицы могут засечь, так что авиагруппа отправится из Барановичей.

Что ещё? Голубев? Этот год назад был готов, сутки назад последние откомандированные в 13-ю армию части вернулись домой.

Так что можно начинать. Как обычно, с прелюдии. Ухмыляюсь своим мыслям.

— Товарищ генерал, — обращается комдив-1, — а минировать позиции, которые

оставляем, можно?

— Не можно, а нужно, — вздёргиваю бровь в начальственном недоумении, — а вы что, не минировали?

— Раньше мы не отступали, товарищ генерал, — срезает меня полковник и прощается. Морда гадская! Седой, в возрасте, видать, за почти шестьдесят лет жизни до хрена ехидства накопил.

— А ты чего ухмыляешься? — Ещё один! Климовских, который остаётся на месте с Курдюмовым, прячет улыбочку. Курдюмов, в самой фамилии которого слышится некая угрюмость (угрюмы Курдюмов), серьёзен. Всегда серьёзен, даже когда что-то смешное рассказывает, хотя такое могу припомнить пару раз за всё время знакомства.

Склоняемся над картой втроём, через полчаса отрываемся. Климовских записывает весь план в хронологическом порядке, затем зачитывает. Мы с Курдюмовым переглядываемся.

— Всё правильно, — подтверждает Владимир Николаевич, — что задумали, всё есть.

— Всё есть... — на поверхность всплывает идея, которую пытался поймать последние несколько дней. Это уже из опыта двадцать первого века.

— Нет, не всё, — откидываюсь на спинку стула, со вздохом оглядываюсь на окно. Вид с первого этажа глаз не радует. Пасмурно сегодня, кусочек серого неба над рядами мешков с грунтом, вот и весь пейзаж. Не то, что у меня наверху.

Двадцать первый век славен, кроме всего прочего, информационными войнами. Геббельс, кстати, один из основоположников. Эта одиозная тварь нам не указ, но направление интересное. Боевой дух войск противника — невидимая глазу, но реальная вещь. Его подрыв задача стратегическая. Симметрично — подъём настроения и энтузиазма наших бойцов.

— Кое-что важное мы забыли, — излагаю свои идеи.

Победить мало, вот главная мысль. Очень важно после победы растрезвонить о ней, как можно громче. Чтобы все знали, и враги, и свои.

— Поэтому мало отбомбиться по Берлину, — подвожу к итоговой мысли, — надо рассказать об этом фрицам. Ихнее командование-то этого делать не будет. Хлётко рассказать, с фотоиллюстрациями, с издевательскими подписями...

— А вдруг это взбесит немецких солдат, — сомневается Курдюмов, — и они начнут драться ещё злее? Палка она ведь о двух концах.

— Кого-то разозлит, — Климовских скептически улыбается, — может быть. Но большинство начнёт унывать. Поймут, что их семьи тоже под ударом и война не пощадит никого.

— Владимир Николаевич, не забывайте, что бомбёжка Берлина не единственная плохая для них новость будет. Уж мы-то постараемся.

Стараться мы начинаем тут же. После недолгого совещания решаем, что сначала бомбёжка Берлина, затем информационный удар по войскам фон Бока, и только после этого мощный удар по войскам, штурмующим Минск.

— Действия 24-ой армии Филатова? — Вопросительно глядит Климовских.

— Сразу после или одновременно с ударом по минской группировке.

После краткого обмена мнения приходим к выводу, что лучше одновременно. Синхронность ударов ограничивает возможности противника маневрировать. Ресурсов бомбардировочной авиации внатяжку, но хватает.

Однако самой первой ласточкой нашего масштабного наступления будут не

авиационные и артиллерийские удары. Первое слово скажет Северо-Западный фронт. Главное, чтобы между первым и вторым (словом) пуля не успела просвистеть. Фактор времени на войне — важнейший.

Ещё один немаловажный нюанс. Задействуется политотдел. Листовки и пропаганда это по их части. Не всё им доносы слать, пора и полезным делом заняться.

17 сентября, среда, время 10:10.

Красная Роща (район Слепянки) территория авиазавода.

Обваленные крыши, стены в дырах, цеха авиазавода № 453 представляют грустное зрелище. Сильный опорный пункт минского гарнизона взят немецкими войсками. Не повезло ему оказаться за той линией на карте, которую очертила генеральская рука командующего фронтом.

Особой радости солдаты доблестного вермахта от своей победы не испытывают. Из пяти подбитых танков ремонтники забирают только один. На остальные махнули рукой. Их только в переплавку.

Лейтенант, руководящий сбором убитых, с заложенными за спину руками подходит к позициям русских. Рассматривает искорёженную 37-миллиметровую зенитку, поджимая губы. Шайсе! А вот ещё пара 25-миллиметровых. Трупов русских солдат нет, их уже унесли. Русские быстрее справились, у них потери намного меньше.

Лейтенант оглядывается на характерные звуки. Брезгливо морщится. Неопытных новобранцев выворачивает, когда им приходится куски собирать. Русские варвары не только танки в решето превратили, но и солдатам досталось.

17 сентября, среда, время 18:15.

Левый берег Даугавы напротив городка Кукейнос на правом (нашем) берегу.

Старший сержант Нефёдов.

Мы работаем, как микробы или эти, как их... вирусы во вражеском организме. Прокол защиты, вхождение, период затишья... там какое-то слово есть для этого, но не помню его. Короче, организуем нарыв, уничтожаем оборону на выбранном участке. В который потом вклиниваются остальные вирусы, то есть, ха-ха, бойцы Красной Армии.

Способов вскрыть редуты дойчей масса. Можно напрямую, на «ура». Это когда совсем времени нет, просто подкрадываемся и последовательно вырезаем посты, а затем личный состав. Однако даже для такого способа разведку хотя бы визуальную, — эх, сколько новых слов узнал всего за несколько месяцев, — провести необходимо. Вот мы и сидим в ближайшей рощице и наблюдаем.

Ага! Есть сигнал. В той рощице не мы, а передовой дозор. Сигналы подаём с помощью зеркальца, если есть солнце, и нет риска, что его заметят немецко-фашистские враги. Сейчас пасмурно и вечереет, потому фонарик. Азбука Морзе — наше всё. Сигнал «ИСВ», «Иду связисты».

Как только обнаружили телефонный кабель, тут же подключились, теперь знаем номер роты и позывной ротного обер-лейтенанта. Хотя «Кюхнер» может оказаться и фамилией. А почти час назад перерубили кабель. И вот они идут, бравые связисты вермахта. Согласно последним директивам высоких германских штабов втроём, хотя раньше ходили по двое. Добавлен автоматчик для огневого прикрытия. На всякий случай. Против таких, как мы.

Лениво, вполглаза наблюдаем. Кому рассказать из гражданских, не поверят. Многие чувствуют пристальный и напряжённый взгляд, начинают нервничать, оглядываться. Лишние сложности возникают. А вот сейчас нет. Солдат держит автомат на плече. Сбросить

на руки в боевое положение опытному человеку раз плюнуть. Но всё равно какие-то доли секунды тратятся. А за эти мгновенья много чего может произойти.

— Ш-ш-л-ё-ф-ф-т! — Коротко шуршит арбалетный болт и на виске автоматчика расцветает белое оперение.

Неплохо! Хотя двадцать метров не расстояние. Дойчи в этом месте бросили провод вдоль лесочка, подвешивая его на ветки. Удобно осматривать, не заходя в лес. И нам удобно напасть на них. Оглушённых связистов и упокоенного автоматчика быстро затаскиваем за деревья. Короче, рутинная работа разведывательного диверсанта. Сейчас быстренько их колем, автоматчика — под дёрн, его амуницию на нашего, схожего комплекцией...

Через полчаса, — время специально подбираю так, чтобы возвращаться в сумерках, — запуганный вусмерть обер-ефрейтор Хенрик докладывает начальству, что повреждение найдено и ликвидировано.

Резать их мы не стали. Нет, если бы углядел в их лицах упёртую непримиримость, то положил бы их рядом с убитым камрадом. С другой стороны, даже зайчик может укусить или распороть врагу брюхо, дай только возможность. Самый распоследний трус может взбрыкнуть, когда поймёт, что вся рота его сослуживцев пойдёт под нож из-за него. Крикнет, хрюкнет и вся конспирация псу под хвост. Шум, гам, стрельба... оно мне надо?

Поэтому уточняем до последних мелочей все подробности диспозиции и вот троица моих ребят «возвращается» в родную немецко-фашистскую роту. Прокол сейчас будет. А рота дойчей улетит в Вальгаллу. О, ещё одно слово! От тех же дойчей, кстати...

Примерно в это же время. Минский госпиталь.

Борька мне радуется почти, как в детстве. Бухаю ему на тумбочку доппаёк.

— Как у тебя? Докладывай, — располагаюсь на табурете. Трое соседей, поприветствовав меня, деликатно удаляются на перекур. Вдогонку снабжаю их пачкой «Казбека».

— Твоё медицинское состояние я знаю, — перебиваю сына, — рассказывай, как осколки словил.

Борька слегка смущается. Как умный котик, который сосиску стащил, зная, что нельзя. Слушаю и думаю. Вздыхаю. Для того и молодость, чтобы хернёй всякой заниматься.

— Нет, пап, — возражает сын, — не совсем херня. Чувствую, что так надо было. Сверху я себя, как в кино чувствовал. Теперь знаю, что там на земле творится.

— Ну, может быть... — может быть и есть в этом что-то такое, полезное.

— Полнота картины? — На моё предположение Борька энергично кивает.

— Ладно. Ты понимаешь, что я тебя туда больше не пущу? — Борис вздыхает, а я продолжаю. — Да и необходимости нет. Ты уже немцев в Минске не застанешь...

— Мы его отстояли?! — Борис будто взрывается радостью. Аж подпрыгивает на кровати. Гляди-ка! Мне даже тепло внутри становится. Правильное мы поколение воспитали, если даже балованный генеральский сынок так переживает.

А вот моя половинка от Арсеньевича удручена. Молодёжь двадцать первого века в изрядной части не такая...

«Нынешняя молодёжь — поколение героев», — вдруг ясно проговаривает Арсеньевич, последнее время обычно выражающийся образами, мыслями, идеями. И продолжает неожиданно: «А современная мне — поколение ублюдков!». И замолкает. Ну-ну, успокаиваю его или себя, надеюсь, что теперь будет иначе. Десять миллионов бойцов и столько же гражданских выживет, глядишь, вся история по-другому сложится.

— Вы его отстояли. Ополчение. Я, как генерал, совсем по-другому рассуждаю...

— Как это? — В Борькиных глазах недоумение. Наклоняюсь к его уху, шепчу:

— Минск это ловушка. И фрицы в неё влезли... — потом прикладываю палец к губам, — но это секрет. Так что смотри у меня.

Борька после паузы хмурится.

— Зачем тогда мне говоришь, если это тайна?

— Через пару дней станет не актуально. Уверен, что два дня ты продержишься. А после можешь рассказывать. В узких, доверенных кругах.

Дверь чуть приоткрывается и тут же затворяется.

— Заходите, не стесняйтесь! — Командую остальным обитателям палаты.

Трое не смело втягиваются в помещение.

— Понимаешь, Борис, почему я против того, чтобы ты сидел на земле? Ты — винтик огромной военной машины и твоё место там, — тычу пальцем вверх. — Будь дело только в том, что ты — мой сын и мне не хочется бросать тебя в пекло, отпустил бы тебя туда. Если уж Иосиф Виссарионович своих сыновей не жалеет, то генералы точно такого права не имеют. Но повторяю: ты был частью военной машины и твоя эффективность на воздушном КП намного выше. Сколькими батареями ты управлял на позициях?

— Тремя.

— А сверху?

— Семью-восемью.

— Вот тебе и ответ.

Немного молчим. Соседи почти не дышат, прислушиваются. Пусть. Им тоже полезно знать.

— Кстати, тебе орден Красной Звезды будет. Сегодня представление подписал.

— А Яшке?

— Якову — орден Красного Знамени. И медаль «За боевые заслуги». Позже получите. Когда бумаги обернутся.

— Разрешите вопрос, к-х-м, товарищ генерал армии? — сквозь смущённый кашель прорезается голос у ближнего соседа.

— Спрашивай, — коротко оглядываю любопытного. Худощавый мужчина, — в этом времени полных немного, — лет сорока, судя по морщинам, не седой, но с проседью. Навскидку, капитан из ополчения.

— Как так получилось, что Западный фронт стоит намертво, как штык, а наши соседи провалились?

— Что здесь странного? — Пожимаю плечами. — В любом школьном классе есть отличники и двоечники. Учатся у одних и тех же учителей, в одной школе, в одно время, а результаты разные.

Обдумываю вопрос ещё раз. Не хочется позорить соседние фронты, да и не так уж они виноваты. Бардака и без них хватало.

— Во-первых, вермахт — лучшая армия мира. По моему мнению. Во-вторых, а почему она лучшая? А потому, что сумели создать чётко работающую военную машину. Авиация, танки, артиллерия, пехота — всё работает, как единый механизм под управлением опытных и талантливых генералов. Тот же Гудериан в какой-то степени наш учитель, авторитет и для нас, советских генералов. Вовремя это понял и успел создать свою военную машину. У нас сейчас тоже все рода войск работают, как единый организм.

— Разве не Красная Армия сильнейшая в мире? — Подавляя подозрительность, спрашивает другой сосед. Политработник небось... вон какая морда круглая.

— Вот надерём фрицам задницу, станем сильнейшей в мире. Это как на чемпионате спортивном. Есть чемпион, который всех победил. Это вермахт, Германия. А мы бьёмся за чемпионское звание, победим — будем на первом месте. Понимаете?

— А разве есть сомнения?

— У кого как, — ухмыляюсь, — у нас — нет. А вот какие-нибудь канадцы, турки или японцы внимательно за нами следят. Вот они сомневаются. Когда Берлин возьмём, тогда всему миру будет ясно, что Красная Армия — самая сильная.

— Возьмём Берлин? — С затаённой надеждой спрашивает первый, предположительный капитан.

— Ха! — Смотрю весело и насмешливо. — Конечно, возьмём. Первый раз, что ли?

Перед уходом поминаю главврача.

— Никак с этим чинопочитанием не справлюсь. Ты, Борька, должен в отделении для рядовых находиться, а тебя в командирское засунули. И мне хотелось с ними, с рядовыми, пообщаться. Ну, что теперь? Переводить туда уж не будем, лежи спокойно.

— Пап, я ведь скоро выйду. Возьмёшь меня на КП?

— Не, Борь, не успеешь. Пока ты выздоровеешь, всё закончится. Ополчение или расформируем или перекроим в регулярные части. Как сможешь ходить, отправлю к матери долечиваться.

Даже не понял, обрадовал его или огорчил. Ухожу. Лицо меняю на серьёзное только в родном броневике. Окружающие не должны видеть озабоченного генерала. Мне не надо напрягаться, настроение у меня бодрое, Только приходится генеральские озабоченности и мысли в сторону отставлять. Поэтому на людях генерал Павлов энергичен и жизнерадостен. Моя уверенность передаётся всем, вижу это ясно. Многие откровенно светлеют лицами. Так что не зря в народ выхожу. А когда не на публике, можно и о делах поразмышлять, не сияя при этом лицом.

17 сентября, среда, время 23:05.

Река Даугава у городка Кукейнос.

Из кустов поблизости от покатога берега доносится негромкий, но ясно слышимый над водной гладью голос. Затем на берег выбирается голый по пояс и босой человек. Двигается к воде и продолжает заклинать.

— Славяне, не стреляйте. Я — свой. Не стреляйте...

Возможно, в явно безоружного человека и так бы не стреляли, возможно, призыв на русском языке срабатывает. И мужчина беспрепятственно входит в воду и, стараясь не шуметь, плывёт к советскому берегу.

Всплёскивает вода, когда человек с трудом вылезает на берег и, пригнувшись, технично ввинчивается в кусты. Спустя несколько секунд раздаются невнятные еле слышные голоса. Наблюдатель на левом берегу, откуда прибыл пловец, опускает бинокль. Посланец дошёл. Должно быть всё в порядке.

Ещё через полчаса с советского берега тоже плывёт человек. Обмен посланцами. Для проверки. Мало ли что пароль «Фонвизин» правильно сказал. Доверяй и постоянно проверяй. И уже посланец с советского берега, вернувшийся и доложивший, что всё в порядке, открывает «шлюзы». На немецкий берег устремляется несколько лодок, на которых переправляется полтора десятка человек.

— Лейтенант Козицын, — представляется Нефёдову командир прибывших бойцов, — у меня приказ доставить вас к командованию на наш берег.

— Доставишь, раз такой приказ, — Нефёдов равнодушно пожимает плечами, — но сначала выполню свой приказ...

— Товарищ старший сержант! — строжает лейтенант.

Нефёдов ухмыляется. Они, диверсанты, в каком-то смысле безбашенные. Им чины и звания до одного места. Иммуниетет есть.

— Товарищ лейтенант, тебе кто приказ отдал?

— Комполка майор Степанов.

— А мне командующий 11-ой армии генерал-лейтенант Анисимов. Напрямую. И кого я должен слушать? Моего непосредственного начальника, генерал-лейтенанта или твоего майоришку?

Нефёдов немного поджидает, пока закроется рот лейтенантика и смолкнет несколько смешков расположившихся поодаль четырёх диверсантов.

— Вам надо быстро и без шума переправить сюда как можно больше народу. Кстати, пленных заберите, их у нас шестнадцать человек. Как переправится пара рот, начнём расширяться. Две соседние немецкие роты ликвидируем. После этого начнёте масштабную переправу. И вот потом, товарищ лейтенант, придёт время исполнять ваш приказ. С удовольствием уйду на тот берег. А то скоро по-русски разучимся говорить.

Под ухмылками старшего сержанта и нескольких бойцов рядом, по виду откровенных висельников, лейтенант по-мальчишески смущается, неожиданно краснеет и убегает организовывать переправу.

После пары рейсов пяти лодок то ли догадываются, то ли придумано было заранее, к каждой лодке с обоих концов привязывают верёвку. С одного и другого берега. Вёсла уже не нужны. Лодку притягивают к берегу, бойцы с неё меняют тех, кто их вытянул. Вытаскивают следующих, которые меняют их. Затрачивается менее часа на переправу трёх рот.

— Ну, что парни, за работу? — По форме Нефёдов задаёт вопрос, на самом деле отдаёт приказ. Взвод делится на две части и расходится по сторонам. Предстоит привычная работа, снять часовых, заблокировать блиндажи со спящими.

Всё проходит чисто, только в конце левого фланга, если смотреть со стороны фрицев, раздаются выстрелы. Затем успокаивающие крики по-немецки поста́м соседнего батальона. Выстрелы ночью не редки, скорее, привычны. Передовая всё-таки.

С рассветом взвод Нефёдова переправляется к своим. Будто дождавшись их ухода, переправившийся полк начинает бой, расширяя плацдарм.

18 сентября, четверг, время 07:15.

городок Кукейнос.

Старший сержант Нефёдов.

Глаза слипаются. Виду не подаю, бывает, по паре суток не спишь. Привычное дело, на силе воли держаться, только это же за линией фронта. А тут приходится у своих напрягаться.

Передо мной тот самый майор Степанов. Слегка с брюшком, возраст под пятьдесят, лицо такое, директивное. Из старых, сразу ясно. Ладно, не будем спешить с выводами.

— Докладывайте, сержант.

Вот это мне сразу не нравится. Мы сидим на полковом КП, что размести́лся в усадьбе на краю городка. Комфорт тут приличного уровня, который мне, пришедшему из леса, кажется

княжеским. А не нравятся мне его запросы. Он мне приказы не отдавал, так что докладывать ему нечего. Но и ссориться не хочется. Устал очень.

— Старший сержант, товарищ майор, — мы с ним детей не крестили, чтобы он так фамильярно обращался. — Давайте карту.

Наразведывали мы не много. Только то, что по пути. Две гаубичные батареи...

— Вот тут, судя по всему, ремонтная часть...

— Судя по всему? — Майор грозно хмурится. — Нельзя ли точнее?

— Видели, как в село буксируют неисправную технику. Дальше села её не везли.

Да и это-то заметили случайно. Просто отдыхали в ближайшем лесочке, ну, и наблюдение вели за окрестностями. Сейчас наблюдаю недовольство майора.

— Товарищ майор, у нас не было задачи разведки. Нам приказали прибыть в срок в заданное место и обеспечить вам переправу. Всё.

— Придётся вам вернуться и выяснить обстановку вот здесь, — майор щедро очерчивает обширную область. — Нам наступать надо.

— Вам наступать надо, — соглашаюсь и с наслаждением отпиваю горячий чай. А вот сахарку мне пожадничали. Чай еле сладкий.

— Вам наступать надо, вот и отправляйте своих разведчиков. Мы здесь причём? Мы почти полтора месяца по немецким тылам бродили. Половина роты с командиром погибла. Нам нужен отдых и пополнение. Меньше сорока человек от роты осталось.

— Отказываетесь выполнять приказ? — Тяжелеет взгляд майора, ой как тяжелеет.

— Какой приказ? — Он что, совсем сбрендил? — Я не в штате вашего полка и даже дивизии. И даже фронта. Подчиняюсь напрямую генерал-лейтенанту Анисимову, командующему 11-ой армии. Он приказал обеспечить вам переправу и уходить на отдых и пополнение. Считаете себя главнее его?

Пришлось повторять то, что лейтенанту сказал. Дикае они какие-то тут.

— Вы нас на временное довольствие поставили? И где нам разместиться? — спрашиваю перед уходом.

— Поставим, — недовольство так и не сходит с лица майора, — и разместим.

Выхожу из дома, на меня ожидающе смотрят ребята. Схожу с крыльца. Что сказать, не знаю. Что значит «поставим» и «разместим»? Видимо, то, что самим придётся изворачиваться. Подзываю радиста.

— Разберись с аккумуляторами. Здешние связисты...

— Знаю, товарищ старший сержант, там они, — Саша Фельдман машет рукой на соседний дом.

— Место для размещения сами найдём. Здешнее начальство ни сюды микита, ни туды микита. Но сначала доклад начальству. Саша, в темпе вальса, разворачивай свою халабуду!

— Зачем?! — Саша округляет чёрные глаза. — Через местных свяжемся.

— Это ты как хочешь. — Обращаюсь к часовому. — Где у вас интенданты?

Хозяйственные службы через пару домов отсюда. Только там вполне вменяемый в отличие от майора капитан пожимает плечами.

— Оснований нет. Без приказа не могу. Письменного. Извини, сержант.

— Так затребуй. Телефон у тебя под рукой. Или сам сочини и на подпись кого зашли.

Сержанта ему прощаю. Тем более следует моему совету. По телефону не удалось, посыльный тоже вернулся ни с чем. Некогда, видите ли, товарищу майору. Ну, и хрен с ним.

— Ладно, парни. Что-то у нас осталось, пойдём куда-нибудь на волю.

Располагаемся в саду рядом с узлом связи. Радист уходит к своим, через полчаса возвращается.

— Всё, товарищ сержант, — докладывает Фельдман, — отправил радиogramму с докладом.

— О том, что нам здесь не рады, сообщил?

— А что, правда, не рады?

Ребята ему быстро объясняют, и возмущённый Саша снова ныряет к связистам. И когда успел стать своим? Часовой его пропускает без всяких. А за рекой тем временем с нарастающей силой грохочет канонада. Понтоны уже навели и переправляют машины и бронетехнику. Наступление, которому мы открыли двери, начинается. И судя по относительной лёгкости нашего проникновения сюда плотность немецких войск небольшая. Не знаю, как сложится в итоге, но начало наступления будет успешным. По улицам городка сплошным потоком идут войска. Самое время фашистам разбомбить всех, но в небе барражируют наши истребители. Немецких самолётов не видно.

18 сентября, четверг, время 08:10.

Позиции 11-ой армии у городка Швенчонеляй.

Немецкая оборонительная линия прекращала своё существование под мощными бомбовыми ударами пешек и огненными стрелами чаек. Генерал Павлов приказал не скупиться, и вот уже полчаса полсотни самолётов превращали немецкие окопы и блиндажи в рывины и ямы, где вперемешку с землёй, переломанными жердями и брёвнами страшеньким месивом лежали целые и нецелые трупы, искорёженное оружие и прочий мусор.

Когда ракетно-бомбовый смерч прекращается, на уничтоженные немецкие позиции идут танки. Не сравнительно слабые трофейные, а Т-34. Они бы и без авиаудара могли взломать немецкие позиции, а сейчас главной проблемой было проехать между воронками.

Огромные массы войск 24-ой ударной армии широкой полосой двинулись вперёд.

В то же самое время. Минск.

Предместья города сотрясались от мощной бомбёжки, которой раньше никто из бойцов Западного фронта не видел. Люфтваффе так и не сумело организовать столице Белоруссии воздушный террор. Зато смогли ВВС Западного фронта, которые методично разносят в пыль и щебень окраины города и прилегающие районы, в которых закрепились фрицы. Сделать немцы ничего не могли, над бомбардировщиками висел зонтик ПВО из всех оставшихся шести десятков истребителей.

Ополчение и горожане, не покинувшие Минск, сейчас со смешанными чувствами ужаса и восторга смотрели, слушали и вздрагивали от мощных ударов ФАБ-100.

Генерал Павлов.

Давненько не смотрел на поле боя сверху. Сегодня сподобился, нельзя такое пропускать.

Воздушные удары наносятся по расположениям основных сил немецких войск, откуда в Минск протянуты щупальца штурмовых частей. Городские кварталы, которые они заняли, — при моём попустительстве, хе-хе, — разносятся в мелкий гравий двумя десятками гаубичных батарей плюс тремя тяжёлыми бронепоездами.

Даже сверху смотреть страшновато на этот бушующий тайфун. На Военном Совете фронта были голоса против. Только не наобум я отдал немцам какие-то районы. Столицу будем расширять и застраивать. И обширный частный сектор очень мешает. Жителей мы

эвакуировали. Кто-то из упрямцев, невзирая на предупреждения, остался. Что тут сделаешь? Их выбор. Детей вывезли всех. Да и оставалось-то их, чуть да маленько.

Минск должен стать миллионным городом, тогда и можно считать его настоящей столицей. С театрами, метро, научными институтами. Поэтому слабые голоса против заткнул именно этим доводом.

— Вы лучше займитесь генеральным планом застройки города после войны. Архитекторов пригласите. Нет худа без добра. Да, имущество граждан жалко, но мы им квартиры дадим взамен. К тому же, альтернатива какая? Гибель десятков тысяч наших бойцов, которых пошлём вычищать все эти закоулки?

Накопленные за много недель запасы снарядом и бомб сейчас щедро высыплются на головы фрицев. Как говорится, хотели войны — получайте, смотрите, не облопайтесь.

18 сентября, четверг, время 21:10.

Аэродром авиацентра Рычагова в Барановичах.

— Такого приказа, который сейчас вы получите, я не отдавал никому с самого первого дня войны, — прохожусь перед строем лётчиков и остальных членов экипажей. Почти шестьдесят человек. Все замерли, как статуи, и ловят каждое моё слово.

Солнце давно зашло, но ночная темень в полную силу не вступила. Наша площадка подсвечивается прожектором со стороны. Демаскировка, так нельзя, но если очень хочется...

— Дело не в содержании приказа, дело в условиях. Ни разу ещё не ставил такого требования: умрите, но сделайте. Вы должны выполнить боевую задачу невзирая ни на что. И никаких оправданий в случае срыва не приму. Слишком многое поставлено на карту. Нет, победу в войне на своих крыльях вы не принесёте, но сократить её срок на несколько месяцев в ваших силах. На ваши плечи ложится ответственность за жизнь нескольких десятков тысяч, а, может быть, и сотен тысяч советских людей. Бойцов и командиров Красной Армии, мирных жителей. Если задача будет выполнена, они останутся живы, если нет — они погибнут в пожаре беспощадной войны.

Бросаю взгляд на запад, в сторону краешка еле светящегося неба, перевожу дыхание.

— Удар, который вы нанесёте, будет самым чувствительным для фашисткой Германии. Никогда за всё время войн, которые они развязали, такой оплеухи не получали. Вы должны вогнать их в состояние ужаса, и вы это сделаете!

Рычагов, стоящий сбоку, сообразил. Отдаёт команду и меня обдаёт шквальным троекратным «Ура!».

— А теперь у вас есть ещё один час, чтобы всё проверить, как следует. Напоминаю, никаких оправданий не приму, если что-то случится. Так что проверяйте всё внимательно. Боезапас, топливо, работоспособность радиостанций и всего оборудования. Всё, что можно проверить, не заводя двигателей.

Да, даже в такой важнейший момент вынужден думать о сбережении топлива. Нам хватит на три-четыре дня активных действий, затем будем переходить в режим жёсткой экономии.

Семь ТБ-7 отправляю бомбить Берлин. Жалко, что днём невозможно. Засекут задолго до подлёта к столице Германии. Жалко, потому что ночью учреждения не работают, некоторые заводы тоже. Поэтому надежды на то, что зацепим кого-то из правительства, почти нет. Если только случайно бомба упадёт на дом какого-нибудь рейхсминистра. Хорошо бы Геринга. Насколько знаю, он один из самых толковых руководителей.

Через час аэродром наполняется гулом мощных моторов. Огромные ширококрылые птички одна за другой разгоняются, кое-как отрываются от земли и уносятся в небо. Рычагов улетает на последнем. Не дал себя уговорить не лететь. Да не сильно я и старался. Себе могу признаться, что героическая гибель Паши едва ли не самая лучшая его доля. Он в немилости у Самого. Не так, совсем не так, как в той истории, но в немилости. Малейшего просчёта ждёт. Справедлив наш вождь, но суров и, что греха таить, мстителен. И для Паши очень в масть возглавлять такую важную миссию. Глядишь, и смягчится Сталин.

Маша Нестеренко, его жена, стоит рядом. Вот её не отпустил целенаправленно. Кому-то надо на хозяйстве остаться.

— Маша, посты ВНОС предупредили?

— Так точно, товарищ генерал армии, — сухо отвечает, очень сухо. И холодно. Обиделась. На несколько часов оторвал её от любимого мужа.

Необычная девушка. Некрасивая, но почему-то совсем этого не замечаешь. Особенно, когда она рядом с Пашей. Глаза начинают так сиять, что грубые черты лица теряются в их свете. И почему-то начинаешь обращать на неё внимание, как на красавицу ярче Любви Орловой.

Девушка, любящая красавчика подобно Павлу, изумления не вызывает. Но девушка при этом одна из сильнейших лётчиков. Они на пару с Пашей на небе для новобранцев непостижимые этюды разыгрывают. Личный состав почитает её, как богиню. Богиню неба. И в той истории их обоих наряду с целой когортой генералов и старших командиров, в основном, авиации, как стаю бродячих собак, без суда и следствия, прихлопнул Берия. Не самолично, конечно. Или сам? Таких подробностей не знаю.

Жестокое время. Самое частое наказание — расстрел. Не отставка, не понижение в должности, это всё пуси-муси, расстрел — вот истинная брутальность.

Прожектора гаснут, мы уходим в штаб.

Полтора часа полёта. Павел Рычагов.

— Ворон, я — Дрозд, один движок начинает кашлять. Боюсь, придётся его отключать. Приём.

— Дрозд, я — Ворон. Вас понял. Ждите указаний.

Вот и начинаются сложности без которых обходится крайне редко. Если боевое задание выполнено без сучка и задоринки, можно отмечать этот день красным цветом в календаре. И что делать с Дроздом?

Подумаем. На трёх двигателях он дойдёт до Берлина, только придётся ему пониже лететь. И чуть форсированным маршем. А остальным сбавить обороты процентов на десять. Так и решим. Отправлять обратно, значит, жечь топливо впустую, плюс по ночному времени может и заблудиться. У Дрозда, то бишь, капитана Филиппова, опыта ночных полётов маловато. Так что...

— Вызывай Дрозда! — радист выполняет приказ почти мгновенно.

— Дрозд, я — Ворон. Слушай приказ. Отключай мотор. Снижайся до восьми тысяч метров. После снижения прибавь обороты на оставшихся движках. При подлёте к цели отработай первым, сразу отходи в сторону и потихоньку двигай обратно. Время от времени пробуй включать забарахливший движок. Вдруг прочихается. Приём.

— Ворон, я — Дрозд. Приказ принят. Приём.

— Дрозд, я — Ворон. Отбой связи.

Откидываюсь на спинку. Прислушиваюсь. На моём Вороне двигатели гудят мощно и

ровно. А классный самолёт казанцы сделали. Не чувствуется недостатка кислорода, герметизация что надо. И не так холодно. Мы на одиннадцати километрах, а температура градусов четырнадцать-пятнадцать. Можем и на двенадцать тысяч подняться, но уже внатяжку.

Лететь нам приходится не по прямой, так что расстояние до Берлина в девятьсот камэ превращается в тысячу двести, не меньше. Надо обойти Варшаву и другие крупные и плотно охраняемые узлы. Мы и вылетали крадучись. К Белостоку набрали высоту десять тысяч пятьсот, а подходя к границе, выключили движки и километров пятьдесят планировали. Забрали на север, обходя Варшаву длинной дугой. И дальше идём галсами. Один из плюсов, если засекут радары, направление однозначно не определяют.

Что у нас там с Дроздом?

— Потихоньку отстаёт, — докладывает стрелок-наблюдатель.

Так. Делаем задуманный финт ушами. Всем уходит приказ подняться на двести метров, не прибавляя оборотов. Скорость при этом снижается.

При очередном галсе Дрозду велено чуть срезать, не выходя за пределы видимости. Заталкиваю раздражение куда подальше. Генералу не пристало по пустякам нервничать. А не пустяк для генерала только результат крупного сражения.

Два часа двадцать минут полёта.

— Товарищ генерал, — радист протягивает трубку, — снова Дрозд.

— Я — Ворон. Слушаю.

— Ворон, я — Дрозд. Докладываю. При новом включении ненадёжный двигатель работает без замечаний. Приём.

— Дрозд, я — Ворон. Набирай высоту, присоединяйся ко всем. Приказ прежний. Отрабатываешь первым и уходишь в сторону. Цель будет указана. Приём.

— Ворон, я — Дрозд. Приказ принят. Присоединяюсь к вам. Жду координаты цели. Приём.

— Дрозд, я — Ворон. О цели сообщу позже. Отбой связи.

Мы, кстати, не боимся, что нас прослушают. Могут, но вряд ли. Очередная павловская хитрость. Когда летим группой, включаем особый режим радиосигналов. Очень слабый. На нескольких сотнях метров слышим друг друга великолепно. На нескольких километрах уже ничего не разобрать, а ещё дальше сигнал полностью съедается ради шумом.

Смотрю на карту, подбирая цель для Дрозда. И, в конце концов, решаю ничего не менять. И бомбометать первым не будет. Только время надо так рассчитать, чтобы пауза в любую сторону между Дроздом и остальной стаей была минимальна. Если менять схему бомбёжки, то минимум-минимум. И цели сменить нам никто не позволит. Всё утверждено на самом высоком уровне, то есть, генералом Павловым. Сижу, думаю, рассчитываю траектории полётов.

Час настал! Берлин перед нами. Большой город, чёрт побери! Светомаскировку они соблюдают, англичане им расслабляться не дают, только и месяц светит и огоньки кое-где мелькают. Фары автомобилей, заводские огни на тех предприятиях, что работают круглые сутки. На мостах и каналах что-то светится. Отдаю команду по радио.

— Я — Ворон. Всем! Филин и Кречет, заходите на цели! Дрозд, иди за ними, потом заворачивай на свою цель с северо-востока! Сойка, Грач и Сокол, у вас тоже всё по плану. Заходите с юга!

— Я — Филин, приказ принят.

— Я — Сойка, приказ принят...

18 сентября, четверг, время 12:55.

городок Кужейнос.

Старший сержант Нефёдов.

Отваливаюсь от стола. Наконец-то мы обедаем, как баре. Пусть за дощатым столом и на скамейках, но нам обычные армейские удобства кажутся санаторными. Парни блаженствуют, допивая компот.

Поразительно быстро, всего за час, всё перевернулось с головы на ноги. Этот придурок Степанов должен был обращаться с нами, как с особами королевской крови. Мы им дверь к наступлению открыли широко и настежь. Фактически плацдарм захватили. А он нам козью морду строит. Фельдман и расстарался. Накапал, ясен пень.

Вот и прибегает Степанов своими ножками, находит нас в сарайчике и окрестностях, где мы кое-как притулились, жуя остатки сухпая. Немецкие консервы очень неплохи, но наше сальцо лучше. У местных его наменяли. Если мы во вражеском тылу выживаем, то уж у своих всяко устроимся и без благоволения тупого начальства. Прибегает майор, глаза, словно плоски. Ясен пень, выхлопотал люлей от высокого начальства.

— Вы чего тут? — С первой минуты стрелки на нас переводит. — Почему я вас должен искать?

Признаться, я разозлился.

— Извините, товарищ майор. Вы нас в задницу послали, туда мы и ушли. И пока не отдохнём, с места не сдвинемся. Мы двое суток не спали.

Кстати, почти правда. Не то, чтобы совсем, но урывками, вполглаза и по переменке. Поэтому мы так и не сдвинулись с места. Изобразили глубокую обиду, а на самом деле даже рукой-ногой шевелить не хотелось.

— Товарищ майор, приставьте к нам бойца. Как отдохнём, он нам всё покажет и расскажет.

Затем закрываю глаза и засыпаю. Идите все нахрен! И что характерно, майор проглотил мою неподвижность при его появлении. Некоторые из моих ребят дёрнулись вскочить, но видя, что их командир не пошевелился, тоже остались в лежачем или сидячем положении.

После майора в сарайчик заходит ржущий Фельдман... хотя какое там «после майора»! Через три часа, которые как одна минута пролетели. Вот закрыл глаза, провалился в сон, как в глубокую яму. Тут же открываю, три часа долой, и перед глазами хохочущий Фельдман.

— Мне связисты рассказали, — Саша молодец, без понуканий начинает рассказывать, — позвонили из штаба фронта. Там начальником боевой подготовки генерал Богданов, из наших. Его генерал Павлов сюда прислал. Так он нашего майора хоть по телефону, но отсношал так, что тот краснел, бледнел, трясся и еле на ногах стоял. Некоторые слова ребята записали...

Дальше Фельдман начал пересказывать многочисленные и по большей части зверские способы будущего изнасилования товарища майора, ха-ха-ха.

И сразу такая прыть у него образовалась необыкновенная. Вот вам место для проживания, которого полно. Войска ведь уходят. Вот столовая, где вас накормят. Правда недолго, полк уходит, но вот вам сухпай. Вечером банька. Хозяин дома организует.

Прислушиваюсь. Канонада удаляется, на слух уже километров за десять отсюда пушки гвоздят.

— Ну, что парни? Пойдём баньку топить?

Тяжело и лениво поднимаемся, неторопливо движемся по улице к дому, где встали на постой. К трём домам. Сорок человек в одном никак не поместятся. Эх, жить хорошо!

Если бы ещё майор не надоедал. Сижу после бани, никого не трогаю, попиваю квас. Хитрый хозяин за шкалик шнапса нам пару банок выставил. И тут товарищ майор подсаживается.

— Слушай, сержант...

Опять пропускает слово «старший», но возражать лень, да и начало неофициальное.

— У меня просьба к тебе... — майор мнётся и, наконец, рождает, — не жалуйся своему начальству. Сам понимать должен, сколько всего навалилось.

Хм-м, и как я это сделаю? Я обязан подробную докладную написать. Обо всём. И есть одно толстое обстоятельство.

— Начальство про вас уже знает. Мне что, сказать, что я пошутил? — Умный какой. Сделай так, и виноватым стану уже я.

— Не усугубляй, майор. Ну, станешь ты капитаном, это не конец света... — парни, выходящие из бани, распаренные и разморенные, деликатно нас обходят. — Главное, не усугубляй. Я вот вернусь и получу лейтенанта. А ты думай, как нам одновременно старлея не получить. Так что о твоей просьбе умолчу, но это единственное, чем могу тебе помочь.

Майор кривится, но не возражает. Встаёт и уходит. Попутного тебе ветра, майор, дослужившийся до капитана.

Окончание главы 16.

Глава 17. Железный поток

18 сентября, четверг, время 18:40.

Пять километров северо-западнее городка Уцена.

— Артиллерия с фронта! Координаты 61–54 и 25–38! 61–54 и 25–41! Артиллерия с правого фланга! Координаты 61–54 и 25–41! 61–57 и 25–41!

— Повторяю! Координаты артиллерийского заслона! ...Бьют прямой наводкой! — кричит в трубку старший лейтенант Смирнов. Несколько секунда назад их накрывает фланговый шквальный огонь. Летят снаряды и с фронта.

Из пятнадцати танков передовой танковой роты 241-ой моторизованной дивизии на данный момент едва ли цел десяток. И в этом только его вина, ротного командира. Хотя, как винить командира, расчёт которого не сработал? Военное счастье вещь переменчивая.

Переданные координаты не вызовут мгновенной реакции, как раньше. Рота оторвалась от основных сил, поддерживающая прорыв артиллерия сейчас за двадцать километров с гаком, за пределами дальности стрельбы. Пошёл Смирнов на это сознательно, и за решение это сейчас расплачивается вся рота, попавшая в огневой мешок. Впереди линия артиллерийских батарей, справа такая же. Перекрёстный огонь — самое неприятное положение, в которое может попасть атакующая группа.

Можно и нужно действовать по правилам. Прорыв, остановка, подтягивание тяжёлой и полковой артиллерии, затем снова рывок. Только дойчам эти правила тоже известны, потому иногда имеет смысл их нарушать.

Смирнов и его рота попали в засаду. Зато полсотни километров за сутки оставили позади.

Немецкая трофейная «четвёрка» поворачивает башню.

— Дымовыми по всему правому флангу! — Пока ротный не придумал, что им делать, надо протянуть паузу до момента окончательного поражения. «Четвёрка» начинает плеваться снарядами.

Егор Смирнов, из новой волны командиров павловского призыва, далеко не самый глупый командир, отодвинув в сторону вспышку ярости и досады, понимает, что их шансы плохо отличимы от нуля. После жуткого по своей эффективности огня в борт правой колонны и чуть менее страшного фронтального, рота в течение половины минуты уже понесла потери процентов в сорок. После нескольких залпов прямой наводкой дойчи начинают навесной огонь. Попасть — задача повышенной сложности, однако там сразу не меньше трёх батарей крупных калибров. Судя по звуку и силе взрывов 150-мм тяжелые гаубицы SFH 18 и тоже неприятные sIG33, полевые гаубицы с небольшой начальной скоростью снаряда. Однако при таком калибре, да огне со стороны борта не поздоровится и Т-34. Только в зоне видимости командирского танка Смирнов видит три безнадежно горящих Т-34.

Шли бы они в одну колонну, или в ряд, от них бы уже ничего не осталось. Но как только они вышли из леса, сразу выстроились в три колонны. Огонь с фронта поражает первый ряд, фланговый — правую колонну, но это всего семь танков из пятнадцати. Старший лейтенант краем сознания воздаёт хвалу тем, кто придумал такое построение. И правая колонна, с неизвестным результатом, но успела огрызнуться. Её стволы смотрели как раз вправо, как и стволы левой колонны, что были направлены в свою сторону. Теперь горящие и «разутые»

танки в правой колонне закрывают собой остальных, огонь прямой наводкой невозможен и есть ресурсы продолжать бой.

Ну, пока есть...

Один за другим взрываются два горящих танка. Сдетонировавший боезапас срывает башни, рядом с командирским танком вырастает два куста мощных разрывов. Стучат по броне осколки.

— Сосредоточить огонь на правый фланг! Первый залп по самой правой пушке! Потом по следующей! Кто не может, стреляйте по видимым целям! — Всё, как учили. Все эмоции, — страх, досада, боль в сердце от зрелища погибающих товарищей, — всё в сторону. Идёт бой, где сшибленная с доски фигура означает смерть ещё одного экипажа из замечательных парней.

Смирнов делает, что может. Дуэль неравная, восемь танков против полутора десятков орудий, не все из которых видимы. И не восемь, а только пять. Для трёх танков нет свободных секторов обстрела на правом фланге. Но деваться некуда, отступить означает выйти из-под прикрытия, обеспеченного уже подбитыми танками. Прикрытие становится хуже, сорванные башни открывают узкие, но важные сектора обстрела. Команда ротного призвана выжать из ситуации хоть каплю вражеской крови. Сосредоточенный огонь не позволит бою закончиться с сухим счётом.

Советские танки подавляют своим огнём одну пушку за другой, немцы не отстают. Вот начинают дымить ещё два танка из средней колонны, один ещё стреляет, экипаж второго эвакуируется.

— Первый взвод! В атаку в основном направлении! Парни, попробуйте их взять с левого фланга и давите гусеницами! — Первый взвод, это левая колонна, им всё равно стрелять неудобно, пусть атакуют. Погибать, так с музыкой из всех стволов!

— Дымовыми!

— Нет больше дымовых, командир!

— Осколочными! Прикрой их!

«Четверка» взрывается мотором и совершает небольшой манёвр, буквально на несколько метров, чтобы появился небольшой сектор для стрельбы во фронт. Его танкисты из первого взвода сами с усами, дают залп и под прикрытием разрывов идут в атаку.

У русских солдат во все времена есть за душой один козырь. Он потрясает любого врага и действует до тех пор, пока жив хотя бы один. И даже ещё немного после гибели. Русская штыковая атака. Не важно, то ли классическая штыковая, то ли самоубийственный танковый удар или когда-то будет налёт космических истребителей сквозь завесу шквального вражеского огня. По сути это всегда одно и то же. Ничего другого не оставалось, поэтому Егор Смирнов выбрасывает на стол последний козырь.

Смирнов ещё успеваешь увидеть, что до немецкой батареи добрались три танка, один из них разматывает гусеницу и загорается, — интересно, от чего? — но продолжает стрелять, второй успеваешь подмять под себя вторую пушку, когда его уничтожает сосредоточенный огонь второй батареи. Успеваешь увидеть, перед тем как его командирский танк получает в борт 150-миллиметровый снаряд. И уже не видит Смирнов, как получает в лоб мощный снаряд того же убийственного калибра почти в упор третий танк, но продолжает двигаться уже с мёртвым экипажем и таранит четвертую пушку. Хотя кто знает, может быть, душа его, выброшенная из искорёженного взрывом танка, где-то сверху удовлетворённо осматривает поле такого короткого и такого жестокого боя.

Окончательно смяв передовой танковый отряд, дивизия СС «Тоттенкопф» обеспечивает себе беспрепятственное продвижение прочь из формируемого окружения. На какое-то время беспрепятственное. Пока...

— Вашу мать через корявое коромысло! — Вскипает генерал-лейтенант Анисимов.

И кроме спешащих к месту гибели танковой роты тяжёлых артиллерийских батарей взлетают в небо десятки самолётов 12-ой бомбардировочной авиадивизии и 43-ей истребительной.

19 сентября, пятница, время 08:30.

Минск, штаб Западного фронта.

— За вчерашний день наши потери двенадцать СБ, три чайки и пять ишачков. Надёжно взять господство в воздухе пока не удаётся, товарищ генерал, — заканчивает доклад Копец. — Дмитрий Григорич, может...

Хладнокровный доклад командующего ВВС отражает совершенно отвязанную воздушную драку над Уценами. Ночью бои продолжались. Артиллерию подтянули только к девяти вечера, когда уже стемнело и начали гвоздить по площадям вслепую. В начале вслепую. Затем подоспели ночники, накидали осветительных бомб и кое-как принялись за корректировку. Получалось не ахти. Корректировку артогня ночными бомбардировщиками мы не отработывали. Пишу в блокнот «Ночная корректировка артогня» со знаком вопроса, потому что пока не представляю, как к этому подступиться.

Отмахиваюсь от ожидающего взгляда Иваныча. Знаю, чего хочет и, наверное, прав главлётчик.

— Когда войска соседей подтянутся поближе к Уцене?

— Не раньше, чем через сутки. Скорее, через двое, — прикидывает по карте Климовских.

Еле удерживаюсь, чтобы не поморщиться. Северо-Западный фронт тоже могу считать своим, но ревность давится ценой немалого усилия. Если мы застрянем, то соседи пройдут чуть больший путь, а это урон моей боярской чести, хе-хе. Ну, и хрен с ними! Сочтёмся славой после войны, а у меня хоть позора первых дней войны нет.

Прав Копец, пришла пора. Только о кое-чём надо тоже позаботиться.

— Ты прав, Иваныч. Подтягивай Рычагова.

— Сколько?

— Всех.

— Задействовать все триста экипажей? — Копец округляет глаза.

— Да.

Если уж выпускать Кракена, которого мы так долго выращивали, то целиком. Нехрен ему часть лап, щупальцев или что там у него, привязывать.

— И вот на что, Иваныч, обрати особое внимание. Пока в нашей полосе не появится хотя бы пары аэродромов, кольцо окружения считать замкнутым не буду. Оперативное руководство всей авиацией в зоне окружения можешь скинуть на Рычагова.

Кошусь на окно. Что-то подсознание мне подсказывает со вчерашнего дня, только сейчас доходит: воздушных боёв в минском небе нет. Не орёт сирена воздушной тревоги, не взрываются бомбы и сбитые самолёты. Хм-м, не до Минска вдруг стало немецким фашистам.

— Товарищ комиссар, что у нас с наглядной агитацией?

— Завтра к обеду будет всё готово, — докладывает Фоминых, — и Дмитрий Григорич,

вам бы по радио выступить.

— Выступлю, — речь-то я толкну. Хотелось бы дождаться конца окружения, только всегда будет чего-то хотеться. Мне есть, что сказать и без завершённого окружения...

19 сентября, пятница, время 00:45.

Небо надо Берлином. Павел Рычагов.

Мы почти на месте! Главное гнездо и центр тёмной силы, хлынувшей в мою страну. Жаль, что мы не можем срубить главную голову этого дракона за один раз. Только шкуру подпалим. И не дракон это, гидра с отрастающими головами. Сейчас мы ей маковку причешем...

Никакая самая жёсткая светомаскировка не может полностью скрыть город такого размера. Огонёк папиросы, горящие фары автомобилей, отблеск лунного света от водной поверхности, — Берлин окружён каналами, — к этому сейчас добавим осветительные бомбы и пламя пожаров. Разберёмся.

По плану бомбим пригороды и одно место в центре. В пригородах заводы и аэродромы, в центре... а в центре — правительственный квартал! И есть специальные бомбы, бумажные.

Три самолёта отделяются и уходят вправо, охватывая город с севера. Два — с юга. Три больше, чем два, поэтому, приказав лётчику отстать на пару километров от замыкающего, следую за тройкой. Далеко, да ещё ночь, поэтому не вижу, как из самолётов, растянувшихся километров на десять, высыпаются бомбы.

— Приготовить фотопулемёт! — Как любит приговаривать Павлов, сделанное дело это полдела, а полностью любая работа завершается красивым отчётом. Если о подвиге никто не знает, он остаётся личным достижением героя, взрывом снаряда без осколков и ударной волны. Главный поражающий эффект подвига его известность. Чем шире, тем лучше...

Есть! Первая россыпь бомб достигает поверхности. Нам не слышно, но земля сейчас содрогается от многочисленных бомбовых укусов. За несколько секунд до взрывов в небе расцветают осветительные бомбы. Фотоаппарату нужна подсветка.

— Фотопулемёт! — Второй пилот выстреливает серию кадров.

Вторая россыпь, третья, четвёртая... бомбовозы опорожняются на город стальным дождём, что сыпется с жутким воем. Особо не присматриваюсь, что там внизу и как. На фотографиях потом погляжу.

— Как там Дрозд?

— О неисправностях не докладывал, — сообщает радист.

На юге тоже расцветают яркие вспышки. Где у нас Филин? По плану время и ему сказать своё слово. Командую пилоту сворачивать к центру.

Германская столица меж тем начинает напоминать разворошённый муравейник. Небо полосуют лучи прожекторов, оно украшается однообразными фейерверками от зенитных снарядов. Кабина вдруг будто попадает под сноп солнечного света. Только солнце, оно сверху.

Сноп прожекторного света мазнул по самолёту, вернулся...

— Манёвр! — Да начнётся игра со смертью.

Пилот немедленно поворачивает штурвал и уходит влево со снижением. Не оглядываясь, знаю, что место, где мы должны были пролетать, уже истыкано зенитками.

— Товарищ генерал! — В голосе наблюдателя отчаяние и неподдельная боль. В нескольких километрах впереди и справа в небе разгорается костёр, вытягивающий свои языки параллельно земле. Филин, мать твою!

Приказов отдавать не буду...

— Товарищ генерал, — связист протягивает трубку.

— Ворон, я — Филин. Прощай, командир... — и неприятный треск. От чего, даже догадываться не хочу.

— Прощай, Филин... — больше ни слова выговорить не могу. Факел направляет свой огненно-дымный след вверх наискосок. Филин решает хлопнуть напоследок дверью. А я сейчас добавлю. Этот заход посвящу тебе, Филин. И в докладной на твой счёт нарисую. Проходимся над очередной целью, под нами электростанция и, предположительно, заводы «Даймлер-Бенц». Щедро вываливаем на них три кассеты, всё, что есть в бомбовом отсеке. Нам разгрузиться надо впереди сложнейший пируэт.

Пилотам указываю цель, которую не достал Филин. Бомбами не достал, а вот собой удалось. Но там есть, куда добавить. В таких делах переборщить невозможно. Делаем разворот. Затем противозенитный манёвр, хватит им одного Филина.

— Приготовиться к бомбометанию! С вертикального кабрирования! Всем закрепиться!

Довольно редко используем этот приём. Дмитрий Григорич рассказывал, что разучивать начали ещё до войны. Кроме пешек и ТБ-7 другие бомбардировщики не способны к такой фигуре. Первый этап: заходим на цель со снижением. Опасным, крайне опасным снижением, метров до четырёхсот. Второй: круто забираем вверх с таким расчётом, чтобы на вертикальном участке самолёт находился строго над целью...

— Первая! Вторая! Третья! Четвёртая! — Четыре ФАБ-250 несутся вниз, мы вверх
Сброшенные бомбы

В какой-то момент нас, весь экипаж, начинает тащить к потолку, который обращён вниз. Через долгие и неприятные секунды самолёт с поворотом вокруг своей оси встаёт «на ноги». Лучше всех себя чувствует первый пилот. По себе знаю. Тому, кто за штурвалом, легче всего, он всем управляет.

— Приготовиться к бомбометанию! — Сбросим на юго-восточную окраину остатки, и домой.

— Сброс! — Сбрасываем «бумажную бомбу». Листовки с текстом. Личная инициатива Дмитрия Григорича. Если коротко, то содержание можно выразить несколькими фразами: «Адик, тебе привет от генерала Павлова. Хочешь взять Минск? Вот тебе, а не Минск!». И огромный кукиш на полстраницы.

— Центр города заснял? — Второй пилот кивает.

Самолёт закладывает крутой вираж. Начинают работать пулемёты. Фрицы страстно желают сквитаться с нами, над городом начинают кружить мессеры, выискивая посмевших ударить по столице тысячелетнего рейха. По самым наглым, опасно приблизившимся, и бьют наши стрелки.

Уходим с постепенным набором высоты. Уход — отдельная и непростая операция. Наш самолёт, северная тройка и южная двойка, у всех своя нетривиальная траектория. Радист начинает стучать ключом, рассылая команды-коды. Голосом сейчас говорить нельзя.

— Южные не отвечают, товарищ генерал, — докладывает радист, — северные обещают прийти вовремя.

— Сделай петлю на юг с возвратом, — это команда пилоту, — а ты усиль сигнал до максимума, — это радисту.

Выдыхаю с облегчением, когда южные отвечают. Им пришлось спастись от мессеров и на максимальных оборотах они ушли на высоту, где фрицы чувствуют себя неуверенно. Но

приходиться кружить над местом сбора, поджидая их. Наконец ложимся на обратный курс. Уходим этажеркой три на три. Три самолёта вверху, три — внизу. Километров через тридцать, когда мы забираемся на высоту одиннадцати с половиной тысяч, фрицы отстают. Облака нам помогают.

Через полтора часа.

Дрозду сегодня не везёт. Он словил снаряд или осколок в ещё один мотор, час назад его пришлось остановить и молиться, чтобы другой, тот, что барахлил на пути к Берлину, снова не стал капризничать. Кто-то наверху молитвы услышал, но только на час с небольшим. Час проработал, затем стал перегреваться всё больше и больше.

— Отправляй запрос на эвакуацию экипажа, — команда радисту.

Пожалуй, Дрозду частично повезло. Неработающие моторы расположены на разных крыльях, не знаю, как бы он летел с двумя движками на одном крыле.

19 сентября, пятница, время 11:20.

Бои в районе городка Уцене. Литва.

Оставив два безнадёжно догорающих танка с сорванными башнями, немецкая бронегруппа отползает назад. Войска 24-ой ударной не с таким губительным для противника результатом, но повторили то, что сделали немцы с нашей танковой ротой вчера.

Ещё один залп вдогонку. 76-миллиметровые гаубицы, стреляющие прямой наводкой, тяжёлый аргумент. Ещё два танка, не успевшие скрыться за пригорком, останавливаются. У одного слетает гусеница, второй уныло дымит.

Воздушный КП генерала Павлова.

Решил сам полюбоваться, что происходит. Фрицы, — разведка уже доложила, что это эсэсовцы дивизии «Тоттенкопф», — расширяют коридор для вывода своих частей. В воздухе бешеная грызня. 1-ый воздушный флот (генерал-полковник Келлер) бросил на деблокировку столько сил, что над Минском и в окрестностях небо чистое со вчерашнего вечера.

Иногда нашим удаётся отбомбиться, но дюжину СБ фрицы сумели опустить на землю. Ишачки и чайки сами кое-что могут, с направляющими блоками НУРС огонь ракетами стал заметно эффективнее. Но всё-таки эти «чёрные» уходят. Вдумчиво и результативно авиация с ними справиться не может. Ничего, подождём до обеда.

Приказ № 0012 от 18 сентября 1941 года

Под грифом «Секретно».

Командующему, всему личному составу всех частей и соединений 11-ой армии активизировать боевые действия на всей линии соприкосновения с противником.

Цель: связать противника и не позволить ему выделить силы для организации прорыва из окружения.

В случае обнаружения слабости вражеских позиций атаковать и отодвигать войска противника. Глубокие прорывы запрещены. Разрешается развивать успех вширь, уничтожая линию вражеской обороны вдоль фронта.

Командующий Западным фронтом _____ /генерал армии Павлов

Такой же приказ отдал Кузнецов войскам Северо-Западного фронта. 21-ый мехкорпус и другие. Не знаю, кто там у него ещё.

Немцам нельзя давать возможность для манёвра. Все войска на линии фронта надо сковать. А то прохлопаем ушами, они и выскользнут из ловушки. Где там соколы Рычагова? Чаша весов колеблется, самое время бросать сильную гирьку. Як-7 по-хорошему мы фрицам ещё не показывали. Комдив Туренко, чья дивизия прикрывала небо над Минском,

эскадрильей Яков не злоупотреблял.

Воздушный КП генерала Павлова.

время 11:35.

— Придержи свою стаю. А то увлекутся, и вернуться горючки не хватит. Приём.

— Придержу. Приём.

— Отбой связи, Альбатрос.

Кладу трубку и вспоминаю анекдот. Старый, пошлый и не очень смешной.

Царь скучает, взволнованные бояре суетятся. Предлагаю устроить пир, какую-нибудь войнушку, ничего царю не хочется, всё надоело. Предлагают бабу, царь нехотя соглашается. Приводят женщину.

— Разденьте её...

— Поставьте в позу...

Подходит его величество к обнаженной красотке, изготовленной в колено-локтевой, даёт ей пинка по заднице и опять:

— Скучно мне, бояре...

Вот и мне стало скучно. Никакого brutального воздушного сражения не случилось. Как только две волны по полсотни Яков появились в небе над Уцене, немецкие самолёты брызнули оттуда, как тараканы. Признаться, правильно сделали. Как может сотне истребителей противостоять пара десятков?

Сразу после происходит несколько вещей. Первое — движение наших войск возобновляется. Второе — наши бомбардировщики начинают хлопотать над хвостом колонны уходящей из окружения дивизии «Тоттенкопф». Словно стая галок над свежей пашней. Не завидую им сейчас. Да никто не позавидует.

Третье — Яки рванули за удирающими мессерами, и тем надёжно оторваться не удалось. Як-7 чуть-чуть, но быстрее, чем мессер. Но тут вмешалась всесильная логистика. Мессеры могут уйти не на ближайšie аэродромы, — наверняка такие есть, — а на дальние. До тех пор, пока горючки хватит. Нашим лететь дольше, мы наступаем и наши аэродромы дальше.

Это ещё не полное господство в воздухе, но явное преимущество. Теперь перед Рычаговым стоит задача выявить все ближайšie, и до каких достанет, немецкие аэродромы. То, чего так и не смогла сделать до конца наземная разведка.

— Паша, как только разгромишь все ближайšie аэродромы, считай, что успех операции у нас в кармане, — по глазам лётчика-генерала видел, что до него дошло, но добавил. — Тогда мы будем делать с окружёнными всё, что захотим. Будем иметь их в любой позе и любым способом*.

— Возвращемся к Минску! — отдаю команду пилоту по внутренней связи.

Ко мне наклоняется Яков. Говорить громко он не умеет, а гул моторов изряден.

— Будем работать там, товарищ генерал?

Киваю.

Но поработать не удаётся. Немцы малоактивны и потихоньку отползают от города. Сливаются с веткой Гудериана, которого неторопливо поджигает Анисимов. Пара километров ему остаётся до блокированного 603-ого полка, который на удивление до сих пор держится. Хотя чего ему? Боеприпасы и всё остальное подбрасываем, тяжелораненых вывозим. Один рейс фрицы порушили, сбили транспортный ДБ-3, как раз с ранеными, но только один.

Плюс ко всему, постоянная авиаподдержка. Фрицы уже знают, что любая атака больше четверти часа идти не будет. Потом прилетают злые штурмовые чайки и утюжат ракетами всё, что увидят. А что можно успеть за пятнадцать минут? Добраться ползком до наших позиций и сдаться в плен? Ну, так велкам!

Так что поработать не удаётся. Яков тяжело вздыхает. Он прав. Скучно мне, бояре...

* — Напоминаю утончённым барышням, возможно имеющимся среди читателей, что советские офицеры не матерятся. Они матом разговаривают. А некоторые ещё и думают.

20 сентября, суббота, время 14:20.

Небо к северу от Вильнюса. Литва.

Лётчик Алексей Кондратьев. Як-7.

Но тот, который во мне сидит

Считает, что он истребитель.

Мы их выследили! В рот им вонючие ноги, мы их выследили!

— А вы куда? А ну, в сторону, идиоты! — Куда понесло вторую двойку? Отворачиваем от чужой взлётной полосы на таком крутом вираже, что напряжённо скрипит корпус.

Это уже второй, хотя первый аэродром мы так не проверяли. Куда этого Колю Ефимова понесло? Зачем?!

Самая удобная ударная позиция — параллельно взлётке, чуть в стороне. Над стоящими рядами машинами. Расстреливай, не хочу. Только это азбука, которую знают все. Поэтому зенитки стоят по обе стороны полосы, туда-сюда несколько метров. Зайти ровно вдоль полосы — верный способ героически убится. И не факт, что героически. Николай с ведомым то ли не успели, то ли забыли вовремя отвернуть. Вышли правильно, по дуге, обойдя зенитки. И дав очередь из пушек и пулемётов, надо было тут же отворачивать в сторону. Не успели...

— Кречет, тебя не задели?

— Кондор, вроде крыло пробили. Управляемость хорошая.

— Возвращаемся.

Возвращаемся. С бреющего полёта, на котором отследили мессеров, выходим на верхние этажи. Там обзор лучше. Только мешает застывшая в глазах картинка с двумя вспыхнувшими огненными шарами в конце взлётки. Очень надеюсь, что зацепили с собой на небо хоть немного фрицев. Хотя им не по пути, фашистам место только в преисподней.

Только сейчас эйфория от того, что мне удалось пробиться в корпус генерала Рычагова, сделала ручкой. Чувствую, что становится всё равно. Где ни войой, а друзей и боевых товарищей будешь терять. Не всё ли равно, где это делать? На родном Северо-Западном фронте или ставшим родным Западном.

Ничего, прорвёмся. Война и смерть это спрессованная до невероятной плотности жизнь. И она мне нравится. Начальство говорит, что господства в воздухе мы не достигли, но я — человек простой и генеральских заумностей не понимаю. Мы делаем в литовском небе всё, что захотим, и мессеры от нас откровенно бегают. Немецкие бомберы всё тайком и украдкой работают. На моём счету уже четыре «юнкерса», три в группе, и моя ближайшая мечта насильно приземлить мессер. Ничего сложного, главное — догнать.

21 сентября, воскресенье, время 17:10.

Москва, Ставка Верховного Главнокомандования.

Выдернули меня в Москву. Не вовремя, но особых возражений нет. Скучно мне не просто так. Скука — прекраснейшее из чувств, любой опытный и поживший на свете

человек это понимает. Скука — прямой потомок уверенности, которой у меня хоть отбавляй.

Если не случилось ничего экстраординарного вроде падения на Землю астероида, — а про такое сразу бы все узнали, — то вторая фаза моей контригры против фон Бока идёт уже три часа. И её результат меня не сильно заботит. Мой фронт находится в чрезвычайно выигрышном положении. Настолько редкостном, что даже термина для него не знаю. Если любой ход ведёт к поражению, это цугцванг. А если к победе? То-то и оно.

Как такое могло произойти? Со мной всё ясно, я и фронт старались. Однако, как фон Бок так страшно вляпался? Молотов, сидящий наискосок от меня, поближе к вождю ёжится и отводит глаза. Чего это он? А, это я задумался и смотрю сквозь него. Чисто машинально. Чуть улыбаюсь, — опять невольно, — отвожу глаза.

Происходящее на заседании меня веселит. Конечно, не ради веселья прибыл, к примеру, наградные листы надо подать в канцелярию СВГК. С упаковочкой трофейных шоколадок. Там барышни, в основном, хоть начальник мужчина. Но у мужчин есть жёны, могут быть дочери, сёстры, племянницы. Так что шоколадка будет в тему. Хотя шефу канцелярии пообещал бутылку французского коньяка, когда документы пройдут полный цикл и вернуться реальными наградами и удостоверениями.

Ладно, продолжим веселиться. Строго про себя, разумеется. В обеих жизнях наблюдал похожие картинки. Как только кто-то добивается заметного успеха, моментально вокруг него образуется ажиотаж в среде коллег. Каждый знает точнее всех, как наилучшим способом этот успех развить. Ещё немного подождать и они начнут спорить между собой, напрочь забыв про автора победы.

Смешно потому, что никто из них по-настоящему воевать не умеет. По-генеральски разумеется, по-гусарски мы все не дураки. Шашки наголо и вперёд. Но всем очень хочется усыновить будущую большую победу. Прямо в очередь выстраиваются. Вон и у Жюкова глаза блестят, и на стуле крутится, как на сковородке. Сталин спокоен, только ус время от времени покручивает. Интересно, что это значит?

Кстати, перед заседанием мне сообщили, что кольцо вокруг Первого Литовского котла замкнулось. О, как! Уже и название дали! И порядковый номер с прицелом и намёком. Глазом не успел моргнуть!

— Думаю, не надо дожидаться полной ликвидации окружённой группировки, а ударить по тылам вильнюсской группы войск немедленно...

О, хосподи! — мысленно возвожу глаза к небу, но только мысленно. И Кулик туда же! Маршал липовый! Это он планы Тимошенко комментирует. Красивые планы. Если забыть про овраги. Надеюсь, хотя бы для галочки моё одобрение запросят.

Запросили. Через полчаса, когда Жуков своё авторитетное мнение высказал.

— Что скажет товарищ Павлов? — Сталин последнее слово всё-таки даёт мне. Встаю.

— Товарищи высказали множество интересных идей. Возможно, некоторые возьму на вооружение. Кроме торопливости. Дело вот в чём. Добить окружённых мы добьём. Этс вопрос нескольких дней или недели-двух. Но удержать прежний темп наступления не сможем по чисто техническим причинам. В наступающих войсках боеприпасов осталось в среднем по два бэка. Угрожающими темпами расходуется горючее. По итогу так: вести бои высокой интенсивности мы можем не более трёх-четырёх дней. Реально, двух, не будем же мы оставлять войска полностью без снарядов и патронов. Так они сразу станут лёгкой добычей для врага.

Скучнеют глаза великих стратегов и полководцев, очень скучнеют. А не надо от земли

отрываться.

— Для сохранения прежнего масштаба и темпа наступления мне нужно около трёхсот эшелонов боеприпасов в неделю. Это минимум, товарищи. Пока мы получаем не более сотни в неделю. Потому без паузы не обойтись.

— Рискуете отдать инициативу, — надо признать, Будённый правильно понимает момент.

— Мы осознаём этот риск, Семён Михайлович. Но повторяю: сначала боеприпасы, и только затем можно строить наполеоновские планы. Пока продолжим воздушный террор, будем время от времени покусывать фон Бока, чтобы он не пришёл в себя и не удивил нас чем-нибудь неприятным, — хотя сам я натурально в упор не вижу, что он может такого сделать.

— А тем временем... кстати, вам надо быть готовыми принять тридцать-сорок тысяч военнопленных. Белоруссия такого количества не переварит. Надо готовить продовольствие, эшелоны для вывоза вглубь страны, подыскивать им фронт работ. А тем временем мы соединимся с Северо-Западным фронтом окончательно и подготовим тылы для дальнейшего наступления.

— Не забудьте, что со дня на день начнётся климатическая пауза, товарищи. Впереди осенняя распутица, вести боевые наступательные действия станет невозможно.

И всё-таки не понял, зачем меня вызвали в Москву. Нет, дела всегда найдутся, но не обязательно командующего дёргать. Те же наградные листы комиссар Фоминых прекрасно бы доставил.

Потом понял. Когда вождь притормозил меня после заседания.

— Садись поближе, товарищ Павлов, — машет дымящейся трубкой на стул рядом.

— Как конкретно ты хочешь укусить фон Бока, товарищ Павлов.

Решаю, что теперь можно. Тем более в узком кругу, где даже Берии нет. Впрочем, в его присутствии не стал бы откровенничать. Есть причина, почему сейчас можно не опасаться сглазить.

— Несколько часов назад десятая армия генерала Голубева вторглась на территорию Восточной Пруссии. 6-ая кавдивизия ускоренным маршем направляется в сторону Кенигсберга.

Сталин замирает, разве что челюсть не отвесив. Потом чертыхается, дергает рукой, которую обжигает догорающая спичка. Снова начинает раскуривать потухшую трубку. И только привычный процесс приводит вождя в равновесие.

— Почему скрыли от Ставки?

— Потому что официально ничего не известно даже мне. Голубев должен был выполнить приказ, пока я летел в самолёте.

— Хатите сказать, не могли получить какого-нибудь сигнала по радио?

— Решили не рисковать. Операция готовилась в глубочайшей тайне. Даже штаб фронта ничего не знает. Климовских может, конечно, догадываться...

Сталин встаёт, подходит к карте, задумчиво рассматривает, окутываясь клубами дыма.

— Ви надеетесь взять Кенигсберг?

— Нет. Вряд ли немцы будут хлопать ушами двое-трое суток, пока до них добирается кавдивизия. Силами одной дивизии город можно взять только при наличии абсолютной неожиданности. И то, не гарантированно.

— И зачем тогда ви это делаете?

— Отвлекающий манёвр. Кавалеристы будут идти до тех пор, пока не встретят организованную оборону. После этого свернут на восток и пройдутся рейдом по немецким тылам.

Сталин ещё побродил вокруг карты, пристально разглядывая её со всех сторон.

— Удивили вы меня, товарищ Павлов, — акцент снова пропадает чудесным образом. Интересно, он сам сознаёт эти тонкости?

— Приятное удивление — замечательная вещь? Правда ведь, Иосиф Виссарионович? — Не подмигиваю, но готовность к такой мимике на моём лице просматривается.

Сталин не смеётся, радостно и заливисто, но широко улыбается. Новость действительно прекрасная. И будет что сказать на днях Совинформбюро. Будет чем порадовать вдохновить весь советский народ. Это вам не выход в финал европейского чемпионата по футболу. Это круче, намного круче.

— У меня к вам просьба, товарищ Павлов, — вождь озабоченно вздыхает и уходит в длинную паузу. Терпеливо жду.

— Хачу направить вам своего сына Василия, — акцент возвращается, Сталин опять вздыхает.

— Боюсь за него. Испортят парня. И в бой так и рвётся.

— Настоящий советский парень, — пожимаю плечами, — за своим Борькой тоже едва уследил. Как отец отцу скажу: страшно рад, что он ранен, но не опасно для жизни. И не искалечен, хотя прихрамывать какое-то время будет.

— Отпустил его на передовую? — Сталин протыкает меня испытующим взглядом.

— Отпустил. Но исподволь прикрепил к нему в напарники опытного бойца. С негласным приказом приглядеть.

— И как?

— Насколько понимаю, разок точно ему жизнь спас. И раненого вытащил из-под огня.

— Наградил?

— А как же! Накинул звание, представил к медали. Орден не положен, Борька всё-таки не командир, всего лишь сержант ополчения.

— Выходит, опыт у вас есть в таких делах, товарищ Павлов, — резюмирует Сталин. И теперь ястарательно прячу вздох. Оно мне надо, столько геморроя с детьми вождей?

И только теперь понимаю, зачем Сталин выдернул меня в Москву. Роюсь в памяти Арсеньевича. Василия действительно испортили, но вроде позже. С катушек он начал слетать, когда генералом стал...

— Говорят, он неплохой лётчик. Служит в управлении ВВС лётчиком-инспектором. Пока лейтенант...

Угу, натурально не всё потеряно. Надеюсь, не было времени у Василия загнить изнутри подобно многим из золотой молодёжи.

— Пусть дадут ему звание старшего лейтенанта и присылают в штаб фронта. Мы разберёмся, куда его пристроить, чтобы ему интересно было и не сильно опасно. Он же истребитель? Это хорошо, как раз у истребителей меньше всего потерь.

— А у кого больше всего?

— Устаревшие бомбардировщики пачками сбивают. И штурмовикам сильно достаётся.

— Товарищ Сталин, — паузу трачу на собирание по всем закоулкам души крупиц решимости, — попрошу делегировать мне свои отцовские полномочия.

Тон у меня не очень уверенный.

— Не совсем понимаю вас, товарищ Павлов.

— Прошу права воспитывать вашего сына всеми возможными методами.

Глаза Сталина пониманием не наполняются.

— Короче говоря, если что, могу дать Василию затрещину. Вы должны знать об этом, — завершаю дерзкую просьбу уже уверенно.

— Договорились! — Сталин хлопает рукой по столу, закрепляя результат. В глазах непонятное облегчение. Он что, так на меня надеется?

Время — два часа до разговора со Сталиным.

Место — Белостокский выступ и дальше.

Генерал Павлов.

Задолго готовился этот удар. Ещё до войны. Потому и накачивалась 10-ая армия техникой, боеприпасами, ГСМ и всем прочим. С начала войны, несмотря на все потери, личный состав увеличился на четверть. Почти все части и соединения имеют боевой опыт.

Не сильно надеюсь, что немцы проглядели абсолютно всё. Но когда отводил дивизии оттуда, давал им возможность заметить передислокацию. Когда возвращал на место, скрытность обеспечивалась всеми силами. Активность в зоне ответственности 10-ой и 3-ей армий жёстко сведена к минимуму. Только ответный огонь на подавление посмевших. Стрельба по замеченным целям без фанатизма тоже разрешалась. Почти три месяца немцев приучали к спокойствию...

Накануне получил доклад. У Кольно, — это в районе Осовецкого УРа, верхнее основание вершинки, упирающиеся прямо в Остроленки, приграничный польский городок, — разведчики нащупали самую слабую точку. И клялись в том, что легко вскроют немецкие позиции в этом месте.

В этом, так в этом. Спустил Голубеву указания. Нам вообще-то Лик нужен, довольно серьёзный транспортный узел. Вряд ли мы там возьмём серьёзные трофеи, значение его для немцев не велико. Вот если бы они разгромили мой фронт, тогда да, через Лик потёк бы изрядный поток. Зато для нас Лик имеет почти ключевое значение, как лимфатический узел для внедряющихся в организм вирусов. Взятие Растенбурга тоже желательно, или хотя бы нейтрализация его бомбёжками и артобстрелами.

Ещё надо оседлать дорогу от Трейбурга до Сувалок в районе границы между Восточной Пруссией и Польшей. Кстати, Кольно тоже на воображаемой линии на нашу территорию — продолжения границы между Пруссией и оккупированной Польшей. Так что наносим удар по анклаву коренной Германии, как-то так.

Кольно нам неудобно. Там болота, бронетехнике проходить затруднительно, поэтому вчера через проделанное «окно» там вошла одна из диверсионных рот 6-ого кавкорпуса. Одна из тех, кто уже покуражился в Литве.

События, отражаемые в докладах.

В районе Граево примерно за километр от железки влево и вправо раздаются сдавленные хрипы уничтожаемых немецких постов. Разведчики строго исполняют приказ не шуметь. И две группы потихоньку стягиваются к дороге.

Операция, во многих местах сразу, началась одновременно и днём. Ночью лучше слышно, ночью традиционно ждёшь неожиданного нападения. Днём посты более расслаблены, хоть и меньше хочется спать. Но нет такого страха, который мешает безмятежному сну ночью. Поэтому всё началось после обеда у фрицев, когда сытный обед располагает к беспечному покою.

Аккуратно берётся под контроль железная дорога через границу. Говорливые языки подробно рассказывают, где заложены мины. Сапёры принимаются за работу.

Через полтора часа кое-где раздаются выстрелы, одиночные и пулемётные. Днём это обычный шум, особо командование внимания не обращает. Шквального-то огня, который может свидетельствовать о попытке серьёзной атаки, нет.

Генерал Павлов.

Награжу всех, кто бесшумно обеспечил переход через границу и почти бескровное взятие немецких позиций на обширном участке.

Уже позже, внимательно изучая доклады, поражаюсь беспечности немцев. Разве так можно? Война ведь идёт, и разве мой фронт не убедил, что это война с серьёзным и опасным противником?

Надо на ус намотать. Идиота ошибки не учат, дурак учится на своих, а умный на чужих. Хочу быть умным, это, в конце концов, моя генеральская обязанность.

Человеческая психология непобедима. Три месяца спокойствия усыпят кого угодно и неизбежно. Прошла бы ещё пара месяцев и солдаты обеих сторон контрабандную торговлю организовали бы. Сувенирами бы обменивались. Это генштабисты прекрасно осознают стратегическую угрозу и, одновременно, уязвимость выступа. Многие офицеры понимают. А рядовые изо дня в день, из месяца в месяц тупо прохлаждаются и поневоле преисполняются уверенностью, что так будет всегда. Фатальная и неизбежная ловушка для человеческого сознания.

Завернул как-то по ходу жизни докладную одного комполка. Тот заподозрил и справедливо заподозрил, что один из снайперов намеренно мазал, когда ему на прицел попадался вражеский солдат. Игрался, запугивал. И, наверное, ржал, как конь, когда тот впадал в панику и зайчиком метался по кустам. Завернул обратно с резолюцией «Объявить благодарность от командования с занесением в личное дело за усыпление бдительности противника». Представил физиономию того комполка и сам ржал. Но я прав, сейчас уже нет никаких сомнений. Все эти охранные части и лёгкие дивизии взяли тёпленькими.

Весёлый снайпер наверняка не понимает, что поступал согласно секретным замыслам командующего фронтом. Хоть и баловался на войне, что вообще-то не допустимо, но случайно попал в струю.

Таких мелочей, я уверен, было великое множество. Всё это и создало нынешнее положение, когда немецкий фронт уничтожен на протяжении многих десятков километров, когда у Граево готовится к переходу на территорию Восточной Пруссии мой любимый тяжёлый бронепоезд «Геката», через Неман по понтонному мосту идут полки 3-ей армии и готовятся переходить границу сотни танков.

И скоро, очень скоро сбудется ещё одна моя маленькая мечта, которую не удалось реализовать в самом начале войны. Срезать Сувалкинский выступ, как ненужный аппендикс.

21 сентября, воскресенье, время 23:05.

Минск, штаб Западного фронта.

Просмотрев свежие доклады, верчу в руках фотографии бомбёжки Берлина. Не, такой коленкор нам не нужен. Парочка из них сгодится, как иллюстрация к победной реляции в газете. Но для кое-каких целей никак. Уж больно мутные и неразборчивые. Берусь за телефон.

— Штаб Рычагова дайте...

Через минуту.

— О, Паша, ты не спишь? Удачно я тебя поймал. Слушай, Паша. Нужен ещё один рейд на Берлин. Нет-нет, без бомбёжек...

Объясняю, для чего. Для чётких и ясных фотоснимков, конечно. Оно и для доказательств подвига наших лётчиков неплохо и газетчики в неистовство от восторга придут.

— Не хочется мне ТБ посылать, но если никак...

— Так Як-7 пошлём, — у Паши ответ будто заготовлен.

— А какая у него дальность? Семьсот километров? Не долетит. Туда-обратно — тыща триста, с запасом полторы.

— Не бойсь, Дмитрий Григорич. Есть возможность дополнительные баки поставить. Одну пару мы уже модернизировали. Боезапас пришлось уменьшить и пулемёты снять.

— Зачем? — Я не против, но мне интересно.

— Так ваш приказ исполнить, выследить фрицев до посадки на аэродром. Так-то у истребителей горючки не хватает, а с двойным запасом...

— Какая дальность?

— Тысяча четыреста пятьдесят километров. Как-то так.

— Тогда с утра и отправляй эту двойку. Подстраховать не забудь и ВНОС предупредить.

Кладу трубку. Это важный вопрос. Настолько, что всерьёз обдумываю наградить лётчиков той же звездой Героя. Если справятся. Хотя посмотрим, ордена-то им точно будут.

Когда воинство фон Бока увидит, что мы делаем с их столицей, задору у них поубавится, это точно. Осознают, наконец, что у противника тоже есть зубы. И длинные лапы с огромными когтями, что способны дотянуться до самого Берлина.

Потягиваюсь на стуле, зеваю. Пойду-ка я спать, за день столько всего было, что даже в военное время на неделю хватило бы.

Окончание главы 17.

Глава 18. Железный прибой

22 сентября, понедельник, время 09:50.

Берлин, правительственный квартал.

Пожары затушили быстро. Сейчас сводные рабочие отряды, сформированные из старших членов гитлерюгенда, муниципальных работников и добровольцев, разбирают завалы. Проезжую часть прилегающих улиц уже расчистили. То и дело, трудолюбиво взрѣывая моторами, отъезжают грузовики с битым кирпичом, кусками бетона и прочим мусором. Работа спорится. Ибо орднунг. Дранг нах остен, самой собой, но первым делом — орднунг.

— Люфталарм!!! — Отчаянный вопль бьёт по ушам практически одновременно с очередями автоматических пушек или крупнокалиберных пулемѣтов, хлестнувшим, как по уцелевшим, так и уже в отметилах от осколков стенам.

Кто-то метнулся в сторону, кто-то присел, а кто-то замирает на месте, раскрывая в страхе глаза и рты. Пара краснозвѣдных истребителей выходит из атакующего виража и ввинчивается в небо.

Алексей Кондратьев.

Мне жутко весело, кураж из ушей льѣтся и всё похрену! Когда моей двойке предложили прошвырнуться до Берлина и обратно, не успел ни обдумать, ни уточнить. Откуда-то изнутри приходит моментальный и категоричный, как удар многотонной балкой, ответ «Да!!!».

И какой бы дурак отказался? На самом лучшем в мире истребителе, до столицы Германии, да вставить Гитлеру пусть не фитиль, а просто занозу в одно место и то радость простому истребительному лѣтчику.

— Кречет, всё в порядке?

— В полнейшем, Кондор! — Напарник тоже пылает энтузиазмом. Кстати, позывной его от фамилии «Кречетов». Никакой фантазии у парня, хе-хе.

— Гляди-ка, Кречет, нас встречают, — впереди, километрах в пятнадцати, заходя с левой стороны, на встречный курс выходит пара. Отсюда не разглядеть, но кто это может быть кроме мессеров?

Нас не только встречают. Сзади, потихоньку отставая, упорно ведѣт преследование четвѣрка мессеров. Можно бы с ними и закуситься. Только если начальство узнает, в кутузку определит за нарушение приказа. Даже если мы всех четверых без единой пробоины в своих самолѣтах завалим. Риск в нашем случае совсем благородное дело. Но вот этих встречных...

— Кондор, врежем или уйдѣм?

С удовольствием делаю вывод, что безопаснее самим атаковать, чем подставлять бока и спину, удирая от врага.

— Врежем, Кречет. Сделаем так...

И делаем. Сначала меняемся местами. Это так же сбивает с толку противника, как смена левосторонней стойки в боксе на правостороннюю. Затем возвращаемся на привычные места и тут же слегка расходимся. И в стороны и по высоте. Пусть у них глаза разъезжаются.

И только после этого ряда манѣвров, форсирую движок и иду практически в лобовую на

ведущего.

Мы знаем, нас учили, что асы люфтваффе обычно в таких случаях уходят вверх. С разворотом влево или вправо. И всегда в сторону, обратную от ведомого. Поэтому за секунду перед атакой Кречет меняет положение, перескакивает с левого бока от меня на правый. И когда открываю огонь из пушек, он лупит вразрез, с фланга и с упреждением вверх. Мессер попадает под перекрёстный огонь. От меня уворачивается, от Кречета не успевает.

Чтобы не столкнуться с Кречетом, принимаю влево. Не только для предотвращения аварии, но и для взятия на прицел второго. Расстояния уже такие, что крайне важна точность и скорость реакции. Ф-фух! Успеваем. Концентрированный огонь наших пушек заставляет второй мессер шарахнуть вниз и в сторону. Вроде мы его зацепили, но не фатально. Улетает. А вот первого Кречет взял чётко, только клочки во все стороны полетели. Авиапущка это не подарок, в рот вам ноги!

Одно плохо, опять не мне мессер достался. Гол забивает Кречет, а мне в зачёт только голевая передача. Жду свой первый мессер, как первую любовь, самую яркую, удивительную и неповторимую в своей новизне и свежести.

Берлин ещё неспешно подползает к горизонту, когда мы переключаемся на резервные баки, опустошив основные. И летим экономичным крейсерским ходом.

— Слушай, Кречет, а откуда у тебя такая редкая фамилия? — Никогда не попадалась раньше, правда.

— Чего это редкая? Полдеревни, откуда я родом, Кречетовы...

Через час.

Два самолёта, летящие с запада, на уровне рефлексов не вызывают у фрицев опаски. Так что... не долетая Растенбурга, замечаем эшелон, явно военный. Берём! У нас примерно четверть боезапаса.

Через пять минут, оставив растёрзанную вереницу вагонов позади, летим домой. Без приключений. Рассматриваем с любопытством городок Лик, тихий и немного сонный.

23 сентября, вторник, время 17:15.

Восточная Пруссия, город Лик.

Ранним вечером в городок Лик с восточной дороги входит немецкая часть. Вернее, въезжает. Пара танков, Т-III и Т-IV, три бронеавтомобиля, караван грузовиков с солдатами. За некоторыми катились пушки и пара полевых кухонь. Немного отличается по структуре от обычного механизированного батальона, но чего на войне не бывает. Опытный глаз, заглянув в кузова, мог бы обнаружить избыточность пулемётов и автоматов, наличие трофеев. Война, парни прибархлились.

В головном бронеавтомобиле высокий, широкоплечий и белокурый гауптман с тяжёлой челюстью, хоть сейчас на плакат, посвящённый арийской расе. Из серых глаз почти визуально сочится презрение ко всему окружающему, на груди одинокий железный крест. Как будто эта благородная награда тоже не терпит присутствия рядом с собой всякой недостойной мелочи.

Солдаты, унтеры и младшие офицеры под стать своему командиру. Не такие красавцы, но крепыши, как на подбор, на всё смотрят с надменным превосходством. А как же? Генерал Голубев несколько часов выбирал их из спецполка и всех, кто под руку подвернётся. И настоящим командиром на самом деле был не гауптман Бернхард Леманн, как он представился въездному посту, а молчаливый лейтенант на заднем сидении того внедорожника, что сидел рядом с радиостанцией.

Когда часовые блокпоста после проверки бумаг разрешают въезд, в Минске за сотни километров отсюда, спустя какое-то время группа генералов лучится довольством. Лейтенант включает рацию и говорит в микрофон несколько слов. По-немецки, разумеется.

Бронепоезд «Геката» медленно въезжает на ж/д станцию. Артплатформы в боевом положении, длинные гаубичные стволы строго смотрят в небо. Тут и там по поезду расхаживают по-хозяйски молодчики-автоматчики с закатанными до локтей руками. Из командирского вагона выходит пара офицеров вермахта, майор и лейтенант. Осматриваются. Одеты с иголочки, как на парад. Любопытствующие, если б нашлись такие, могли обнаружить на платформах с низкими бортами сидящих кучками красноармейцев под прицелами автоматов бравых солдат вермахта. И даже подслушать разговоры.

— Глянь на этих недотёп, Ганс, — обратился к напарнику один из молодчиков в мышинной форме с нашивками ефрейтора, — Я видел, они ячмень выращивают, а пиво не варят. Сразу видно, унтерменши.

— Я, я, — согласно загоготал его камрад, — унтерменши, натюрлих.

— Чем больше на этих козлов смотришь, тем больше фашистов ненавижу, — негромко, но явственно отозвался один из скучившихся в углу красноармейцев, недовольный сержант.

— Точно, — весело согласился сосед, веснушчатый паренёк, — особенно вон тот. Эй, фриц! Как тебя там зовут?

— Меня? — ефрейтор, почему-то отозвавшийся по-русски, задумывается и лезет в карман, достаёт солдатскую книжку, заглядывает, — О! Гляди-ка, а меня Фрицем и зовут.

Все, и «немцы» и красноармейцы дружно ржут. Пока сержант из «пленных» не прекращает неуместное веселье. А ефрейтор бодро ретранслирует команду:

— Штиль! Шайссе...

К паре офицеров у бронепоезда присоединяется третий. Втроём они направляются к вокзалу, перешагивая через пути. Бронепоезд стоит на третьем. За ними, вроде по своей инициативе, — команды сопровождать начальство не было, — лениво слезает полтора десятка солдат. Все почему-то с автоматами, не с карабинами. Так же лениво разбредаются по перрону по двое-трое.

Трое заходят в здание вокзала, небольшое, одноэтажное, под шатровой крышей. Но уютненькое, что солдаты оценивают, зайдя внутрь. Быстро обнаруживается буфет и солдаты устремляются к нему. Покупают горку бутербродов и пирожков. Один солдат, быстро оглянувшись, протягивает ворох марок и запрашивает бутылочку шнапса. Полноватый и усатый буфетчик удивлённо косится, отсчитывает нужную сумму, присовокупляет мелочь на сдачу и одаривает покупателя аккуратной бутылочкой.

Троица удаляется. Буфетчик задумчиво глядит вслед, подёргивая ус. Что-то с этим солдатом не так. Сдачу не пересчитал, деньги подал небрежной кучей. Немцы так никогда не поступают.

Пару солдат на привокзальной площади прихватывает комендантский патруль. Требуется документы и придирается к акценту. Один из солдат поясняет:

— Мы фольксдойчи. Под Прагой жили с камрадом, — он толкнул в плечо второго, — только названия села не спрашивайте. Я до сих пор его выговорить не могу. Чешское название.

Солдат так жизнерадостно и беззаботно ржёт, что патруль расслабляется. Немец везде немец. Фольксдойч из Чехии не коренной германец, но раз из передовых частей, то наш парень. Однако решают отвести солдат в комендатуру.

— Почему форму не соблюдаете? Зачем рукава закатали?

— Простите, герр фельдфебель. Фронтальная привычка.

Хотя их решили отвести, но мирно. По виду можно заключить, что тыловикам очень хочется узнать, что происходит на фронте. Солдаты отговариваются, что надо предупредить командиров. Тот, который отмалчивался, бежит в здание искать своих офицеров. Те сидят у начальника вокзала, знакомятся с какими-то бумагами.

— Лейтенант, разберись, — небрежно командует майор. Лейтенант по итогу и разобрался. В здании он подзывает унтера, что-то приказывает и выходит.

Группа, патруль с задержанными, идёт по улице. За ними, чуть отставая, и уже с расправленными рукавами продвигается отделение солдат во главе с лейтенантом. Стараясь не попадаться на глаза преследуемой группе.

Генерал Голубев поставил задачу взять город максимально тихо. Лихой штурм со стрельбой, вводом в город танков и вызовом при необходимости авиации ему был очень не с руки. И в то же время плана города в руках не имелось. Его раздобыть, раз плюнуть. Только одно мешало, жуткий дефицит времени. Он мог делать, что хотел в ближайшие несколько часов. Но только пока немцы не догадываются, что происходит. Как только поймут, пространство для манёвров начнёт быстро и непредсказуемо сокращаться.

А где взять план города и схему размещения местных сил? В комендатуре, разумеется. Осталась самая малость, найти эту комендатуру. И тут такая оказия, очень вовремя, немцы сами ведут их туда.

На крыльце одноэтажного здания часовая. При подходе командир разведвзвода Анатолий Клишкин, изображающий лейтенанта вермахта, замечает строения с тыла комендатуры. По виду их можно было использовать, как гауптвахту. «Вот туда мы их и пересаживаем», — возникает естественная мысль.

Клишкин, который представляется командиром задержанных, часовая пропускает без вопросов, солдат заставляет разоружиться. Лейтенант перед дверью оглядывается и делает рукой быстрый и незаметный жест подходившим по улице подчинённым.

Через пять минут, согласно безмолвному приказу лейтенанта, восемь солдат лениво обкладывают здание со всех сторон. Двое подходят к часовому, один просит огонька для папиросы. Часовой не успевает строго на него посмотреть, второй прыгает через перила и двумя ударами укладывает его на крыльцо. Ещё через несколько секунд, один втаскивает часового внутрь, второй встаёт на его место. Власть в городе начинает меняться.

Новый часовой, естественно, пропускает своих камрадов, наплевав на устав караульной службы. А чо ему? Не его же устав.

Как раз когда лейтенант Клишкин разбирается с комендатурой, в город входит батальон под командованием «гауптмана Леманна». Направляется он к вокзалу же, через центр города. На подходе к комендатуре колонну останавливает патруль. Совсем недавно эти патрульные были задержанными.

Они о чём-то переговариваются с гауптманом. Старший патруля передаёт карту с обозначениями. Гауптман, в миру лейтенант диверсионного полка Александр Старовойтов, выходит из машины, выкликает командиров.

Нельзя сказать, что захват города прошёл совсем чисто. Жёсткость приказа Голубева особо касалась возможности радиообмена. Поэтому подошедшие к казармам охранного батальона танки и цепь автоматчиков первыми выстрелами из танковых орудий развалили тот угол строения, где над крышей виднелась антенна. После этого нагло представляются

спецполком резерва командования группы армий «Центр» и требуют сдаться. Ошеломлённые немцы выходят из казармы с поднятыми руками.

Как только генералу Голубеву докладывают, что воинские части разоружены, он в командирском вагоне бронепоезда кивает пехотному лейтенанту.

— Выводи своих людей и бери город. Сначала иди в комендатуру, познакомься с местными, — лейтенант в ответ ухмыляется, — с планом города, и выводи свои патрули. Назначаешься временным комендантом города Лик.

Через пару часов в город входил 6-ой кавалерийский корпус. Вернее, его начальствующая часть с охранением и ротой обеспечения. Остальные размещаются за городской чертой. Слишком мал городок, чтобы принять почти пятнадцать тысяч человек. Кое-какие части заняты на других участках.

Голубев встречает их недалеко от въезда в город. В машине, в которой приехал гауптман, вернее, старлей Старовойтов. Выходит, здоровается с комкором, генерал-майором Зыбиным. Картина для вновь прибывших представлялась полной абсурда. Немецкий гауптман выполняет роль порученца при советском генерале. Да ещё залихватски и браво рывкает «Яволь!» на каждый приказ. Каблуками ещё прищёлкивает, паршивец. Генерал Голубев смотрит на него с некоторой оторопью. Но замечаний не делает.

— Здравия желаю, Ефим Сергеевич! — Голубев приветствует генерал-майора Зыбина, сменившего Никитина на посту комкора.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — козыряет в ответ комкор.

Голубев отвозит его в комендатуру, там их ждут отличные карты. Они сидят за чужим немецким столом, нисколько этим фактом не смущаясь. Было ваше, стало наше — обычное дело на войне.

— Смотри, Ефим Сергеевич, — тычет пальцем в карту Голубев, — здесь и здесь лесные массивы. Так что сможешь пройти незамеченным. Тебе задача пройти до места за двое суток.

Генерал-майор отрицательно качает головой.

— Не получится. Лошадь больше семидесяти километров за сутки не пройдёт.

Командарм задумывается. Потом просит его подождать и выходит на улицу, к своему танку. Трофейному Т-IV. Полюбились они красным генералам своим удобством. Затребовал связь со штабом фронта. Поговорил, если можно так охарактеризовать обмен шифровками, и вернулся в кабинет.

— Хорошо, Ефим Сергеевич. Тогда делаем так. Забираешь бронепоезд, цепляешь к нему вагоны. Штук пять хватит?

Генералы немного препираются, и разговор заканчивается уступкой командарма.

— Ладно, Ефим Сергеевич. Бери эшелон и грузи хоть всю дивизию. До Растенбурга всего километров шестьдесят. Доедут в тесноте, но быстро. Захватят город, доложишь, организуешь оборону. Оттуда в Инстербург.

— Что делать, сам знаешь. Держи связь. Поостерегись вызывать авиацию, она тебя демаскирует, но если надо — вызывай. Захваченные эшелоны отправляй в Лик интендантам.

— А ты, Константин Дмитрич? — интересуется генерал-майор.

— А я займусь Сувалками, — Голубев смотрит серьёзно, и взгляд его протыкает Зыбина и уходит дальше и дальше.

«И не только Сувалками», — размышляет генерал.хлопот полон рот. Командование настаивает на снабжении по железке, только не всегда это возможно. Надо раскидать по

территории склады, посты ВНОС, прибрать к рукам аэродромы, — с этим отдельная история, их расположение немцам известно, — организовать оборонительные линии, и много ещё чего. Это только в фильме «Чапаев» легендарный комдив только и делает, что скачет на резвом коне, размахивая с лихим посвистом шашкой. Да личный состав в кулаке держит. А ведь забот тоже было выше папахи конного всадника. Дивизию надо кормить, обмундировать и боеприпасами снабжать. При тогдашней разрухе снабжение армии было делом совсем не простым. Так что «белые пришли — грабют, красные пришли — грабют» — обыкновенная правда жизни. Что белые, что красные частично, а то и не совсем частично, находились на подножном корму. То бишь, снабжались за счёт населения.

— Что у нас со связью? В целом? Только радио?

Вызванный в кабинет начальник штаба армии Ляпин Пётр Иванович отвечает бодро:

— Используем немецкую сеть. И военную и гражданскую. Сейчас берём её под контроль.

— Хм-м...

— Ничего страшного, — успокаивает начштаба, — гражданские сети легко прослушать, но их используем исключительно для сообщений о движениях немецких войск. В особом режиме передачи информации. С военной ещё надёжнее. Просто переукладываем провода, переустанавливаем оборудование по нашим узлам. Есть трудности с совместимостью, но связисты справляются. Опять же пленные связисты есть.

— Хорошо. Работайте, — командарм отпускает начштаба. Сам встаёт из-за стола.

В коридоре к нему присоединяется свита. Клубящаяся вокруг суета расступается вокруг них, как вода от воздушного пузыря, рвущегося к поверхности.

— Шумно здесь что-то...

На задумчивое замечание командарма отвечает адъютант:

— Хотели штаб здесь делать, пока Зыбин по башке своим не надавал.

— За что?

— Немцы знают, где комендатура. Могут легко разбомбить.

Ну, да. Действительно, сам сразу не сообразил, — укоряет себя Голубев. Не вслух, разумеется.

«Ладно, пора мне», — генерал направляется к своему танку, который предстояло загнать на платформу лёгкого бронепоезда. Своим ходом гнать его до Лика, где расположился резервный штаб армии, расточительно.

Рано-рано утром следующего дня, передовые части 36-ой кавдивизии при поддержке «Гекаты» уверенно берут под контроль железнодорожный узел Растенбурга и сам город. Тыловые части серьёзного сопротивления оказать не могут. Тут же формируется ударная группа для выдвижения к Инстербургу.

24 сентября, среда, время 18:15.

Минск, штаб фронта. Генерал Павлов.

Закрываю папку с докладами. Сухой текст на бумажных листах сам собой трансформируется в ряд картинок. Того же Голубева вижу, как наяву.

Теперь надо подумать. Если Инстербург будет взят, вся прибалтийская группировка, и Лееб и Бока, попадёт в отчаянное положение. И даже если не возьмём, жэдэ-узел сотрём до основания бомбёжками.

— Саша! Шифрограмму Голубеву: «Если 36-ая кавдивизия возьмёт Инстербург, комдив получит Героя». Пусть так ему и передаст.

Сидевший за своим столиком адъютант вскакивает и убегает.

Стратегически всё равно, взять город или стереть его с лица земли. Только крестьянин во мне корчится от одной мысли, что пропадёт огромное количество трофеев. Перед этим надо было не забыть обрезать линии, ведущие на восток. Мы и не забыли. Немцам пора уже догадаться, что когда режем железнодорожные ветки, мы хотим хапнуть скопившиеся на узлах эшелоны. Сначала организуем пробку, а затем экспроприируем фашистских эксплуататоров. Надеюсь, не догадались. Всего-то разбомбить две ветки, на Тильзит и Каунас. Или на Тильзит не надо? Об этом раздумывал ещё пару дней назад.

Сейчас Копец исполняет мои планы. Тильзит уже отрезан, мост через Неман снесён тяжёлыми бомбами. Ветка на Шталлупенен и ветка от того Шталлупенена до Инстербурга — лёгкая мишень, учебное пособие для лётчиков-стажёров. Расчёт на то, чтобы эшелоны от Тильзита шли в Инстербург. Ветку Инстербург — Шталлупенен должны расхреначить сегодня.

Довольно легко всё идёт. Фон Бок выгреб все боевые соединения, и 10-ая армия давит подразделения второго эшелона, а то и вообще тыловые. Потрясён самонадеянностью и беспечностью фрицев.

Что у нас с Сувалками?

25 сентября, четверг, время 10:10.

Пять километров юго-западнее Сувалок, вдоль железной дороги.

Генерал-майор Голубев мрачно озирает поле боя. Радоваться нечему, общий счёт разбитой и сожженной техники пара десятков единиц. Из них дюжина танков. Пять тридцатьчетвёрок выглядят чуть лучше, только покойникам всё равно, разорвало ли его на части или лежит почти целенький и как живой. Что странно, особенно генералу жалко трофейные тройки и четвёрки. Хотя что тут странного, — раздумывает генерал, — тридцатьчетвёрки мы сами делаем, а Т-IV у немцев отбираем. У них труднее забрать, нежели получить разрядку в ГКО. Хотя, как когда...

Как-то неожиданно, полтора часа назад разгорелся бой. Поначалу средней интенсивности. Только сейчас Голубев догадывается, что немцы его провели. Если коротко, то они обозначили слабую линию обороны невысокой плотности и с лёгкими пушечками. 37-миллиметровые полевые пушки Т-34 не берут, и генерал резонно решил, что танковая атака сомнёт фрицев, как газетный лист.

Но едва танки и броневики вышли на близкую дистанцию, их буквально расстреляли в упор из орудий крупного калибра.

— Почему мы их из гаубиц не раздолбали? — Голубев обращает вопрошающее лицо к Хацкилевичу (генерал-майор Михаил Георгиевич Хацкилевич, командир 6-го мехкорпуса).

— Потому что ближайшие две батареи они раздолбали, — мрачнеет комкор, — у них тут плотность артиллерии какая-то невероятная. Не меньше ста стволов.

— Подтягивай ещё батареи. Совмещай с фронтальным огнём, — предлагает командарм. Комкор озабоченно трёт лоб. Затем возражает.

— Их точно так же уничтожат. Зачем нам на грабли второй раз наступать?

Совещание в присутствии штабных корпуса резко сворачивает в другую сторону после вопроса начштаба 6-го корпуса полковника Ковалю.

— Товарищи генералы, а почему мы воздушный КП не используем. Вроде в Белостоке стоит ТБ-7 с экипажем? Генерал Павлов очень любит им пользоваться.

— Их ещё учить надо... — бурчит Голубев и сам понимает, как он не прав. Комфронта

постоянно всем талдычит, что непосредственные боевые действия это и есть обучение личного состава. «Чтобы научиться воевать, надо воевать и одновременно учиться воевать».

— По возможности и скрытно подтягивай артиллерию. Запроси авиацию, чтобы сняли немецкое наблюдение с неба. Пушки передвигай только тогда, когда небо будет чистым...

Комкор выслушивает указания с непроницаемым лицом. А Голубев никак не может избавиться от досадного ощущения, что его подчинённые знают лучше него, что и как делать. Вот и сейчас, такое ощущение, что говорит подчинённому абсолютно ему очевидное.

Свои речи, — вроде всё правильно сказал, — заканчивает неожиданным решением:

— Я в Белосток. Надо осваивать этот метод...

25 сентября, четверг, время 13:25.

Минск, штаб фронта. Генерал Павлов.

— Блядский высер, — самого слегка удивляет почти полное отсутствие экспрессии в таком брутальном высказывании.

Голубев всё-таки напоролся. Напоролся на боевые части в районе Сувалок. Изрядный для армии и еле заметный в глобальном масштабе кусочек Пруссии захватил с лёгкостью невероятной. Что ему могли противопоставить тыловые, охранные части и лёгкие дивизии? Несгибаемый тевтонский дух? Т-34 плевать не хотели на этот дух, они только крупнокалиберной артиллерии прямой наводкой бояться. Что, нету? Тогда извините!

Мы сидим впятером. Уже наверху, не в подвале. Непосредственная опасность Минск миновала. Удаление немецких войск от города происходит как-то само собой, без особого давления. Как осьминог втягивает свои щупальца, вытянутые для захвата жертвы, после жёстоких укусов. Буднично и незаметно снята блокада с 603-го полка, который в своё время окружил Гудериан. Территория, занятая окружённой под Даугавпилсом группировки, тает, как сугроб под жарким солнцем. Понятное дело, что могут противопоставить три-четыре немецкие дивизии трём армиям? Опять-таки, только тевтонский дух, который ничего не значит без снарядов и прочих боеприпасов и при полном нашем, хоть и локальном, господстве в воздухе. Фон Бок вроде дёрнулся им помочь и тут же замер, как кот, застигнутый на воровстве хозяйской сметаны, когда 10-ая армия вдруг шевельнулась. Над ним самим угроза возникает нешуточная. И мы вовсе не дураки разменять сорок тысяч окружённых на четыреста тысяч. Примерно столько сейчас у Бока.

Мы сидим впятером. Кроме начштаба, Блохина (разведка) с нами Копец Иван Иванович и главный бронетанкист полковник Иванин Иван Емельяныч. Обсуждаем положение, в которое попал Голубев.

— Массированную бомбёжку, — предлагает Копец, — кассетами с зажигательными бомбами.

— Во-первых, дожди всё чаще, — оглядываюсь произвольно на окно. Погода облачная, но такая: облака пыжятся всё небо закрыть, но пока силёнок не хватает.

— Таких пожаров, как летом, не будет. А во-вторых, зачем всё подряд жечь, нам самим там придётся как-то устраиваться. Пусть лучше 3-я армия их с другой стороны пощекочет. Можно попробовать в окружение взять. Немцы всегда так делают. Не могут в лоб, так окружают и берут тёпленькими.

Склоняемся над картой. Решить проблему можно. И не одним способом. Только не нравится мне, что приходится Голубева подстраховывать. Вон Анисимов, как действует? Только доклады от него получаю, что и как, и не просит ничего.

Вчерне план действий для 10-ой армии готов через полчаса.

— Иван Иванович, ты организуешь жёсткую бомбёжку пешками и чайками. Семён Васильевич (Блохин), разужнай, кто это Голубеву по носу щёлкнул. Но без фанатизма. По большому счёту, нам на это насрать. Владимир Ефимович, согласуй сочинённый нами манёвр с ними. В том числе, бомбёжку. Под шумок им надо артиллерию подтянуть.

— Есть идея, — вдруг вступает в разговор Иванин.

Выслушиваем. Переглядываемся. Вызываю адъютанта.

— Саша, подготовь приказ о вынесении благодарности полковнику Иванину за... — не знаю, как сформулировать. Творческий подход? Он военный, а не инженер

— Вы скажите, что он сделал? — Саша приходит на помощь. Объясняю. Без подробностей.

— За предложение нового тактического приёма для бронетанковых войск с целью подавления обороны противника, — почти без паузы выдаёт Саша и уходит.

— Толковый парень, — выражает общее мнение Климовских.

Толковый-то толковый. Как Саша, так и Иванин. Но идея Емельяныча это на будущее. Танковый навесной огонь с закрытых позиций вещь привлекательная, но пока не осуществимая. Танки просто необходимыми для этого приборами не обладают. А так бы очень соблазнительно, концентрировать на маленьком пятячке огромную артиллерийскую мощь. И в контрбатарейной борьбе они намного менее уязвимы, чем открытые всем ветрам и снарядам пушки. Надо как следует обмозговать. Но не мне. Иванину. Зря что ли ему благодарность выношу.

Ладно, хватит голову ломать. Отпускаю всех, кому надо. Остаётся только Климовских. Открываю окно, разминаю папиросу.

— Тоже считаешь, что Голубев не ах? — Климовских усаживается на подоконник, как легкомысленный студент.

— Главное не уровень, а динамика его изменения. Не будет расти над собой, уйдёт в тираж. Но надеюсь, справится...

— Ты лучше подумай, что фон Бок предпримет? — Выпускаю кольцо дыма в окно. — Мы переходим к активным действиям, и это замечательно. Только вот плотность войск этим самым уменьшаем, раскрываемся, появляются уязвимые места.

Расписывать грамотному генералу ничего не надо. До вывода 10-ой армии из довоенной зоны округа наш фронт представлял собой почти монолит. Бей с любого направления, придётся идти через непрерывные порядки войск. Гарнизон, условно говоря, чуть ли не в каждой деревне. Но сейчас мы приходим в состояние плода со скорлупкой. Разбей скорлупу и можно съесть беззащитный плод.

— Мы нацеливаемся взять Каунас? — Улыбка на лице Климовских истаивает. — Может, не стоит? Разбомбить, да и всё.

— А трофеи? — Сминаю отгоревшую папиросину в пепельницу.

— Страсть к трофеям тебя погубит, — начштаба снова улыбается.

— Со своими страстями я справиться могу. Только ты лучше меня знаешь, что если не будем считать каждую бочку, горючего нам всего на пару активных дней хватит.

Не только мы знаем, всем подчинённым плешь проели с этим режимом экономии. Помнится, как-то увидел у Никитина проезжающий грузовик с парой ящиков и долго брызгал на него слюной. Лёгкие грузы можно на конной телеге отвезти, нефиг дефицитное топливо впустую тратить. Почту на мотоциклах или тех же лошадях. В седле многие могут держаться. Такой был смысл моей истерики. Со временем всех так приучил, что иногда

приходится ругать за обратное. Неуместную экономию.

— Так ты из-за этого на Каунас облизываешься?

— Всё сгодится, в том числе паровозы с вагонами, но горючее прежде всего. Так что думай, как фон Бока останавливать будем.

— Мы его не остановим. — Климовских смотрит с сожалением. — Это невозможно, Дмитрий Григорич. Под ним полмиллиона личного состава, как минимум. Полтысячи танков...

— Думай, как затормозить. Хотя бы на пару дней, — отхожу от окна, — а я к Голубеву рвану. Через пару часов...

26 сентября, пятница, время 08:10.

КП 6-ого мехкорпуса. Старая граница Пруссия-Польша близ Сувалок.

Генерал Павлов.

— Да, Константин Дмитрич, само собой лучше окружить. Так уничтожать легче, всё правильно, — продолжаю обсуждение предстоящих действий, — только вам и взламывать оборону надо научиться. Опять же бить их способнее, когда они перед тобой. А то гоняйся потом по лесам...

Операцию по взлому немецкой обороны мы продумали. Осталось одно — начать и кончить. Всех кончить, кто убежать не успеет. Гаубицы выставили на передний край? Значит, лишитесь своих гаубиц.

— Товарищ генерал армии! Разрешите обратиться? — Подбежавший старлей-связист ест меня глазами.

— Докладывай, не тяни.

— Эскадрилья чаек на подходе. Десятиминутная готовность!

— Ну, вот, — поворачиваюсь к комкору 6-ого МК (Хацкилевич), — начинайте, Михал Георгич.

— Есть начинать!

Ну и началось. Я так думаю, что не присутствуй Голубев лично, комкор сам бы мог сделать. На нашем совещании он только один раз немного удивился. Вроде что-то на ус намотал, когда я высказал идею скрыть шум танковых моторов. Чем его можно скрыть? Да чем угодно. Шумом других танковых моторов, например.

Непроизвольно все оглядываются вбок. Танковый батальон рванул на запад вдоль немецких позиций. За ним пойдёт группа поддержки. Пехота, миномётные батареи, гаубицы. Не могут немцы держать оборону такой плотности на десятки километров. И воздушный КП армии наконец-то заработал. Оттуда начштаба армии и присмотрит за ударной группой. А мы пока разберёмся со вчерашними нашими обидчиками.

Короткая артподготовка. Миномётами и гаубицами и всего пять минут. Теперь танки. Отдаю стереотрубу Голубеву.

— Смотри, тебе нужнее.

Сам удовлетворяюсь краткими фразами Хацкилевича.

Сначала ставим дымовую завесу. Затем, пользуясь нашими подбитыми вчера танками, как прикрытием, на поле боя выпрыгивает танковая рота. За ними, осторожно, но без промедления выдвигается пехотный батальон...

— Смотри-ка, а фрицы пока не стреляют, — немного удивлённо говорит Голубев.

А как им стрелять? Над ними уже штурмовики кружат. Ещё раз бьют миномёты дымовыми минами, восстанавливают завесу.

Немцы очухиваются, когда танки подходят метров на пятьдесят. Представляю, что там творится. Судя по нецензурным возгласам моих генералов, что-то они видят. Орудийная дуэль в упор — страшное дело.

— Три танка горят, — в словах комкора особой тревоги нет, только сожаление о погибших, — остальные прорвались.

Сам и без бинокля вижу, как яростно кого-то клюют чайки.

— Вторая волна! — Даёт отмашку комкор. Сразу всех предупредил заранее, что командует Хацкилевич, остальные, — это мы с Голубевым, — не суются.

За танковой ротой выдвигается танковый батальон. Каждый танк обсажен бойцами, как площадка варенья осами. Танковый батальон несёт на себе пехотный.

В общем-то, всё. Дальше рутина. Расширение прорыва, сбоку бить линию обороны чуть легче, чем вскрывать консервную банку. Ввод в прорыв лёгкой артиллерии, уничтожение и захват частей обеспечения.

Немного не так получается, неожиданности есть всегда. Моторизованный батальон попытался контратаковать. Их придерживают, а потом снова прилетают штурмовики.

Отхожу к узлу связи.

— Сиди, сиди...

Вскочивший сержант снова принимает к радиостанции.

— Старлей, у тебя связь какая-то есть с ними? — Киваю в сторону боя.

— Так точно, есть товарищ генерал армии! — Чеканит бравадой до невозможности русский и стройный старший лейтенант.

— Сделай вот что... — быстро объясняю необходимое. Потом терпеливо жду, пока сержант вызывает сначала «Пчелу-1», потом «Бобра-3», ещё кого-то. Через четверть часа получаю ответ.

Дивизия СС «Рейх», вот кто покусал вчера Голубева. Вот кому сейчас мы холку мылим. Сорок шестой армейский корпус. Остальные части корпуса вроде тоже СС.

— Свяжись с воздушным КП. Спроси от моего имени, как работа идёт.

Вчера ими занимались. Капитана, что раньше диспетчером был, куда-то передвинули, потом его угораздило в госпиталь попасть. Из наблюдателей остался один, но второго всё-таки нашли. Подстраховал своим. И диспетчер тоже мой. О Яшке и говорить нечего. Сейчас они не только работают, но и стажёров обучают.

Разговор вчера с Голубевым тяжёлый был. Для кого как, конечно. Для меня, не очень.

— Константин Дмитрич, — думал до того, как его величать, может, по званию, но решаю не усугублять, — скажи, так всегда будет? Если в чём-то конкретном я тебя не подпинываю, то и шевелиться не будешь?

Наливается потихоньку генеральское лицо бурым цветом. Мы наедине, но всё равно крайне неприятно.

— Warum schweigst du nicht? (чего молчишь?).

Краткое недоумение и ещё большее покраснение. Немецкий он тоже не знает.

— Язык врага надо знать, — наставляю, как гимназиста. — Знаешь, что такое православный тезис «Возлюби врага своего, как самого себя»? Это фундамент русского военного самосознания. Универсальный рецепт для победы над любым врагом.

Тут мой Голубев заметно снижает инфракрасное излучение от своего лица. И даже слов не находит на такое неожиданное заявление.

Первый раз озвучиваю эти мысли, не побоюсь этого слова, сакральные. Вроде бы

просто, а многие не понимают, упускают из виду. Это намного глубже мудрости крёстного отца дона Корлеоне, про которого здесь пока не знают. Держи врага близко, ага.

— Кого мы знаем лучше всего? Все сильные и слабые стороны? Того, кого любим! Поэтому фрицев надо нежно любить, учиться у них, и... что?

— Что? — Выдыхает потрясённый Голубев.

— И знать все их уязвимости, все слабые места. А сильные стороны тоже можно обращать себе на пользу. Понял теперь? Не будешь их любить, не будешь их понимать и знать, как ловчее ударить, чтобы с ног сбить. Если совсем коротко: не будешь любить, не сможешь победить. Помнишь, что Пушкин писал? И за учителей своих заздравный кубок поднимает? Кто поднимает, помнишь?

Опять не помнит и не знает.

— Пётр Первый заздравный кубок за шведов поднимал! На празднике в честь победы над ними под Полтавой! Они его много раз били, а он у них учился. И называя их учителями, неявно признавал, что любит их и уважает.

— Что такое воздушный КП? Да у немцев ещё круче, у них целая сеть. Наблюдательные посты с радио в каждом батальоне, воздушная разведка, артрязведка! Немецкие генералы контролируют боевую обстановку в реальном времени. Сообщения о наших движениях ложатся на штабные столы через одну-две минуты...

— Контролировали, — поправляюсь на ходу, — сейчас у авиации строгий приказ. Даже боевые эскадрильи можно иногда пропустить. Воздушных разведчиков и наблюдателей люфтваффе уничтожать немедленно по обнаружении.

— А ты важнейший элемент управления войсками из рук выпустил! — Добиваю командарма. — Смотри у меня! Скоро твои подчинённые в званиях тебя обойдут. Станут генерал-лейтенантами и генерал-полковниками. А ты генерал-майором останешься!

Такой вот у нас вчера разговор состоялся. Справедливости ради надо сказать, что по крайней мере одна положительная черта у Голубева есть. Не мешает своим подчинённым воевать. Не лезет под руки. А то бывают ухари, сами ничего не понимают, но умничают. И потом у них, кто угодно виноват, но только не они сами.

Выхожу из блиндажа. Вслед за мной Голубев, через полминуты. Затягиваемся папиросами, демаскируем позиции табачным дымом.

— В субботу, Константин Дмитрич, пришло свой тэбэ в Скидель (место базирования 127 ИАП, откуда взлетает и ТБ-7 Голубева). Мои ребята должны быть. К тому времени, как хочешь, но у тебя должна появиться своя команда. Проследи, чтобы они ушами лучше мышей ловили.

Командарм вежливо улыбается на мои обороты. Хотя ему без того есть от чего улыбаться. Нахлобучка от начальства, то бишь, меня всего лишь словесная. Помощь ему оказали, команда обслуживания КП восстанавливается. Поработать придётся, но тут извините, работать всем надо и генералам в первую очередь. Генеральская лень оплачивается солдатской кровью.

Не знаю, но чувствую, как он вздыхает, провожая взглядом броневик с броневым автомобилем. Мы оставляем за собой слабый пыльный след, — дождик ночью пролился, — направляемся обратно в Белосток. Там меня мой ТБ-7 ждёт.

27 сентября, суббота, время 08:55.

Вильнюс, штаб группы армий «Центр».

— Фердамт! — Ругательство вырывается произвольно. Присутствующие генералы и

высшие офицеры опускают глаза.

Генерал-фельдмаршал фон Бок вертит в руках листовку от русских. Довольно отчётливо на ней напечатан фотоснимок. Разбомбленное здание имперского министерства авиации узнает любой берлинец и любой лётчик люфтваффе.

— Это правда? Или большевистская пропаганда?

Генералы не поднимают глаз, но шефу разведки не отвертеться.

— К сожалению, правда, герр генерал-фельдмаршал, — встаёт и докладывает майор фон Герсдорф. — Недавно русские бомбили Берлин. Тяжёлые дальние бомбардировщики.

Подавленное молчание остальных подтверждает слова майора. Фон Бок отбрасывает листовку.

— Что будем делать, господа?

Первым осмеливается подать голос генерал-полковник фон Штраус (9-ая полевая армия).

— Видимо взятие Минска придётся отложить...

Конечно, придётся! Ш-шайсе! Речь уже идёт об угрозе окружения всей группы войск. И его и фон Лееба. Только дурак поверит, что угроза реальна, но окружённые под Даугавпилсом части уже не спасти. Если ввязаться в схватку с 11-ой армией русских, то угроза блокады станет вполне реальной. А там и до полного разгрома недалеко. Генерал Павлов воюет азартно и талантливо.

Как такое могло случиться, что он, генерал-фельдмаршал, ещё недавно мечтавший взять Москву, вынужден не наступать, а огрызаться. Как матёрый волк, окружённый злыми псами. Впрочем, есть ещё шансы.

Фон Бок встаёт.

— Господа, положение наше нелёгкое, но есть и плюсы. Предприняв наступление, русские открываются для контрудара. Если русские войска куда-то вошли, то откуда-то вышли. И можно занять это место. Генерал-полковник правильно сказал. Минск для нас закрыт. Но есть множество других мест, куда можно ударить. Прошу вас, предлагайте.

Через полчаса атмосфера в штабе становится обычной, рабочей. У карты распинается Гудериан, остальные слушают, обсуждают.

К обеду план готов и принимается с некоторыми поправками. После обдумывания.

Наступление в этом направлении перспективно и случае успеха сулит многое. Как минимум, сильно озадачит русских. А если будет стремительным, то ошеломит и заставит делать ошибки. Так тому и быть.

— Господа, если больше нет замечаний, то прошу приниматься за дело. Мелкие вопросы, как обычно, решим на ходу.

28 сентября, воскресенье, время 09:00.

Сообщение Совинформбюро.

«Вчера, в девять часов вечера, группа немецко-фашистских войск, окружённая под Даугавпилсом, капитулировала. Это крупный успех войск Западного и Северо-Западного фронтов. В плен попали тридцать пять тысяч солдат и офицеров германской армии. Около пятнадцати тысяч было уничтожено в ходе боёв по окружению и расчленению немецких войск.

Освобождены города Литовской и Латышской ССР: Даугавпилс, Дукшгас, Пабраде Утена, Скапишкис.

Ворвавшиеся на территорию Восточной Пруссии войска Западного фронта захватили

немецкие города Лик, Растенбург, Инстербург, Трейбург и множество мелких населённых пунктов. Подвергнут бомбёжке крупный транспортный узел Тильзит, разрушен мост через реку Неман. Развивается наступление в направлении Сувалок при ожесточённом сопротивлении германских войск.

На остальных участках фронта бои местного значения».

29 сентября, понедельник, время 08:15.

Минск, штаб фронта. Генерал Павлов.

— Чего-о-о! — Вхожу в режим полного офигевания, вертя в руках записку с коротеньким сообщением. Мои генералы вытягивают головы, безуспешно пытаюсь рассмотреть текст. Бросаю записку на стол.

— Фон Бок совсем с ума сошёл! Ударил в сторону Лиды!

Генералы негромко гомонят, обсуждая новость. Хм-м... вообще-то смысл в этом есть. Фон Бок, если ему повезёт взять Лиду, сильно мне логистику испортит. Не фатально, но серьёзно.

— Владимир Ефимович, срочно готовь два приказа и отправляй немедленно. 70-ый корпус отдай под оперативное командование Никитину. Иван Иванович, 59-ую авиадивизию закрепи за 13-ой армией. А я пойду с Никитиным переговорю.

Спускаюсь вниз на радиоузел. 71-ый стрелковый корпус, оказавшийся под ударом, почти весь из новобранцев. Тут и плюс и минус. Плюс в том, что скоро получу обстрелянное соединение. Минус в том... понятно, в чём.

— Дивизии ополчения мне отдашь? — Семёныч молодец, конечно. Ждал его не больше десяти минут и сразу берёт быка за рога. Подгребаёт себе всё, что можно.

— Первую и вторую могу в резерв отдать. Полностью столицу не буду оголять.

Эти две дивизии самые боеспособные. Интенсивнее всех воевали.

— И, Семёныч, слушай внимательно. Если что, Рычагов тебе в помощь, но сам знаешь, он и так небо крепко держит. Лиду не то, что запрещаю отдавать, а на пушечный выстрел чтобы не подпустил! Вмешиваться не буду, тебя учить только портить. Сделай так, чтобы неприятными новостями меня с этого направления не беспокоили.

— Не волнуйся, Григорич. Усё будет путём.

Поднимаюсь успокоенный. Мне есть чем заняться кроме Лиды. На Никитина можно положиться. Не зря же я его единственного постоянно только по отчеству зову. И он меня.

Окончание главы 18.

Глава 19. Эпилог. Железный капкан

1 октября, среда, время 14:25.

Позиции 70-го стрелкового корпуса близ местечка Бастуны (на пути от Вильнюса к Лиде).

Полковник Ильичёв, комкор.

Полковника потряхивало. Не дай бог никому так вляпаться. И грозное начальство рядом, в полном составе. Кузнецов (командарм 3-ей армии) далеко, и он сейчас не совсем начальник. Новый, вот он, чуть позади генерала Павлова, генерал-лейтенант Никитин...

Мы же всё сделали, как надо! Как фрицы смогли взломать в течение нескольких часов трёхслойную оборону? По словам комдива-23, собственным впечатлениям и докладам вырисовывается удручающая батальная сцена.

Поначалу неторопливые немецкие танки резко ускоряются, не дожидаясь конца артподготовки. И успевают проскочить минный заслон. Ну, пусть пять танков из шести, один всё-таки попался. Первая линия обороны смята, минный заслон взорван, дежурный взвод окончательно растоптан следующей волной атаки. Ещё семь танков при поддержке пехоты.

Танковый авангард громит миномётное прикрытие и позиции лёгкой артиллерии. Только и успели сорокопятки «разуть» один танк. Рыча и фыркая, «тройка» крутится на заглублённом миномётном гнезде, превращая в фарш не успевшего удрать вслед за товарищами красноармейца.

Удары дальнобойных гаубиц почти не причиняют наступающим вреда, танкам нет нужды держать дистанцию между собой меньше пятидесяти метров. Своё слово сказали зенитчики, спалив пару танков, и тут же были уничтожены ответным огнём. Вторая ЗСУ на другом фланге успела уйти, и полковник не знал, наказывать их за это или хвалить. Надо разбираться.

Разворачивание примыкающих к прорыву подразделений проходит в целом успешно, но разрыв линии обороны увеличивается. Если бы не...

Генерал Павлов.

— Если бы не парни с 122 ИАПа, тебя бы до самой Лиды гнали.

В моих словах ни капли упрёка. Это ж война, дело житейское. Корпус из новобранцев, чего от них ждать? Столкнулись с профессионалами войны. Тут не успели, тут чуток замешкались, вот и результат.

И хоть нет в голосе ни грамма обвинений, полковник ещё больше сникает и смурнеет. Впечатлительный какой. Тоже необстрелянный, как и его бойцы.

— Нэ тушуйся, Фомич! — Никитин заходит к полковнику с другой стороны и хлопает того по плечу. А я не удерживаюсь от того, чтобы подкинуть перцу на свежие раны.

— Почти на двадцать километров за сутки отступили. Это у нас рекорд, да, Семёныч? У тебя какой самый плохой результат?

— До восьми километров, Григорыч. Это когда вы мне приказали отступить шибче...

Делаю страшные глаза и затыкаюсь. Семёныч тоже понимает, что сболтнул. Хотя, что уж теперь?

— Тогда нам их надо было заманить. Видишь, Егор Фомич? Семёныч намеренно фрицев в ловушку втягивал, и то, больше восьми километров в сутки не мог сделать.

Ильичёв то краснеет, то бледнеет, но в целом обсуждение идёт спокойно. А чего нам? 20-ая танковая дивизия вермахта, обидчица полковника, изрядно потрёпанная, сейчас, истекая кровью, отчаянно пытается выдраться из бульдожьей хватки 13-ой армии. Чудом вырвались из котла, ещё раз промяв оборону 70-ого корпуса.

— Григорыч, корпус надо усилить, — Никитин заводит ту же песню под названием «дай-да-дай, дай побольше!», — полсотни танков подбросишь?

— Танковый батальон хочешь организовать?

— А то ж...

— Пока своими силами обойдись. Первые же поставки танков — твои. Как раз кадры подготовишь, пока технику получишь.

Он прав. Корпус надо делать моторизованным. Танковый батальон в резерве сильная штука. Сам же Никитин доказал сегодня утром. Немецкие танки рванули от атакующих тридцатьчетвёрок, как черти от ладана. Во встречном бою им ничего не светит. Ни по калибру пушек, ни по толщине брони.

— Только учти, 21-ый стрелковый корпус (17, 24, 37 сд) я у тебя забираю в резерв фронта. 2-ой корпус, так и быть, оставляю тебе. — Как-то незаметно вышло, что Никитин сконцентрировал в своих руках огромную мощь за счёт соединений, ранее бывших под непосредственным командованием фронта. Как бы ни больше 10-ой армии.

Сейчас, если вооружиться биноклем, наверное, можно углядеть, как над горизонтом клубятся мошки. Соколы полковника Туренко и генерала Рычагова устроили весёлую воздушную резню с остатками 1-го флота люфтваффе. Бои идут над отступающей 20-ой панцердивизией.

— Семёныч, а тебе потом не жалко будет корпус Кузнецову возвращать?

На моё лёгкое ехидство Никитин досадливо шевелит усами. Ухмыляюсь. И сразу новую вводную:

— Ты в курсе, что я тебя на своё место целю? Так что учись думать обо всём фронте, а не только своей армии.

— Мэня?! — судя по степени удивления, Никитин такой коленкор не обдумывал.

— Есть три кандидатуры. Даже для преемников нужен резерв. Ты, Климовских и Рокоссовский. Ты на первом месте.

— А ты, Григорыч? — Никитин чешет затылок.

— Товарищ Сталин пока ничего не говорит, но чую, прикидывает, какую дыру мной заткнуть.

Мы помаленьку двигаем к броневнику. Это не мой, Никитин выделил. Ильичёв тихонечко топает сзади. Кажется, полковник приходит в себя. Это он сначала думал, что всё пропало. А затем увидел мою ухмылочку и то, как резко Никитин задвинул фрицев на место.

В последнее время всё яснее простая истина. Спокойствие командующего порождает огромную уверенность у подчинённых. От генералов до рядовых. Никогда и никто не видел и не увидит меня суевающимся и нервничающим. Огромный плюс, сам начинаю понимать. А чего мне? Даже если фон Бок разгромит мой фронт целиком, что это даст Германии? Да ничего особенного. К зиме вермахт разгромит три приграничных, — всего лишь приграничных! — округа и расстанется с мечтами о блицкриге. А блицкриг их единственный шанс победить СССР. И попробуй ещё разгори мой фронт! Все зубы обломаешь. Потому я и спокоен, как обожравшийся удав. Прокололся, крупно прокололся корпус. Понёс заметные потери, — до тысячи человек убитыми и ранеными, три

миномётные батареи, две гаубичные, ну, и по мелочи, — и что? Комфронта никакой трагедии не видит. Издевается над неумехой, ехидничает, но прямо на месте голову не откручивает. Пострадавшие части на пополнение и довооружение, перевод под другого начальника, создание мобильного танкового резерва...

— Ну, и обучение личного состава, — оборачиваюсь к задумавшемуся полковнику. — Их потому взяли, что шевелятся не так быстро, как надо. Тактикой артиллерийской дуэли с танками не владеют. С минным заграждением обдумайте, что не так. Ну, или ямы перед позициями выройте против танков...

— Там вражеская пехота будет накапливаться, Грыгорыч, — тут же возражает Никитин.

— Тогда за позициями. Да замаскировать, пусть проваливаются и под пушки подставляются. И под бутылки с бензином от пехоты. Кстати, их тоже не было?

Ильичёв снова прячет глаза. Ещё одно упущение.

— Вот занимайся и тренируй личный состав. Семёныч, выдели им пару трофейных танков, разбитые можно подвезти. Пушай бойцы их со всех сторон обнюхивают. Знакомое не так страшно, как неизвестное.

Сажусь в броневик. Ух, тут намного теплее. Осень вступает в свои права, воздух днём прогревается не выше пятнадцати градусов. Освежает.

— И ждите группу из отдела боевой подготовки. Они вас и покритикуют и помогут, — закрываю двери, махнув напоследок рукой.

30 сентября, вторник, время 15:05.

Сувалки.

По окраинам ещё вспыхивают короткие перестрелки, но на перекрёстках уже стоят танки с красными звёздами, по центральным улицам идут колонны войск 6-го мехкорпуса. Части, в основном тыловые, не успевшие выскочить, сдаются в плен. 46-ой армейский корпус СС небрежно отодвинут на северо-запад. Русских не смутишь разбитым носом в начале драки. Город будет обжит в течение пары суток, а передовые ударные группы, подкреплённые бронепоездом, идут дальше в направлении Каунаса.

С юга слабые линии обороны сувалкинского выступа растаптывают части 4-го стрелкового корпуса (3-я армия).

1 октября, среда, время 19:10.

Минск, штаб Западного фронта.

Генерал Павлов

Разглядываю карту. Мне нужен Каунасский ж/д узел. Кровь из носу. Если возьму, это будет ещё не победа, банк не беру, но лапу на него накладываю.

Сложно всё. Там не столько Каунас, там целый ряд городков: Кайшадорис, Гайжунай, Йонава. И очень неудобно расположены реки. Неман и две впадающие в него, Невежис и Вилия. И по каждой можно устроить линию обороны, которую можно взять только большой кровью. Стереть бы Кайшадорис... верчу в руках аэрофотоснимки. Блядский высер! Там эшелонов полно, и много цистерн. А горячее мне, как воздух, нужно!

А ещё ж/д линию от Сувалок до перегона Алитус — Мариамполе надо восстанавливать. И не быстро, а мгновенно. Хотя можно в обход составы гнать, через Инстербург. Огромное спасибо комдиву 36-ой кавдивизии, взял город. Героя заслужил честно.

— Дмитрий Григорич, тебе не кажется, что мы затеяли авантюру? — Вкрадчиво спрашивает Климовских. Мы вдвоём в моём кабинете вечером. Если не считать верного адъютанта за дверь.

— Да, немцы те ещё авантюристы. А мы у них учимся, — подтверждаю слова начштаба.

Кое-какая мысль меня давно точит. Как-то мне перестаёт нравиться эта гигантомания с мехкорпусами.

— Ефимыч, а ты не находишь, что танковые, то бишь, механизированные корпуса не слишком удачное сочетание родов войск. Да и танковые дивизии в целом...

— И что вам не так, Дмитрий Григорич? — На меня смотрят внимательные и умные глаза.

— Танковая дивизия в полтысячи танков. Вроде бы силища, но неповоротливая. У немцев, кстати, не так.

— Немцам просто танков не хватает. У них промышленность не справляется.

— Не в этом дело. На каждый танк надо не меньше отделения пехоты, а то и взвода.

— Или на взвод не меньше одного танка, — улыбается Климовских.

— Или так.

Молчим. Думаем.

— Менять структуру на ходу? — Сомневается начштаба.

— А как по-другому? Попросить у Гитлера передышку? Ты подожди, Адольф, мы тут войска переформируем, чтобы вас бить сподручнее было?

А вот думать, как изменить штаты пришлось долго. И пока безрезультатно. Но предварительное решение выношу волюнтаристским путём.

— Предложу Никитину в качестве эксперимента заменить в какой-нибудь танковой дивизии танковый полк на стрелковый. Рокировку сделаем с одной из стрелковых дивизий и получим две моторизованные дивизии.

— Слаживание опять проводить... — морщится Климовских.

— На лёгких целях потренируются, на частях второго эшелона. Рокоссовский, между прочим, именно так и формирует дивизии своего мехкорпуса, — Двойной Ка поначалу вынужден был так поступать, танков у него было чуть больше, чем ничего. Насколько знаю, он примерно так и делает, превращает чисто танковые дивизии с двумя танковыми полками в моторизованные с одним танковым полком. Танковые дивизии у него всё равно только на бумаге и были.

Начштаба вздыхает и принимается сочинять приказ. Я спускаюсь в подвал, надо и с Никитиным поговорить. С Рокки тоже. И кроме этого дел полно. До ночи работы хватит. Мне надо готовить козырь, игра начинается по-крупному и надо иметь, чем удивить проклятых немецких фашистов.

1 октября, среда, время 21:30.

Полесье, вокзал г. Ровно.

Идёт погрузка последнего 4-го батальона 214 воздушно-десантной бригады. Ночь — лучшее время для железнодорожных перевозок в военное время. Конечная станция назначения — Минск. Время прибытия — через сутки. Первый батальон уже на месте.

2 октября, четверг, время 09:20

д. Сенча, аэродром 3-его БАП 52 дальнебомбардировочной авиадивизии.

Полковник Филиппов Иван Васильевич, командир авиаполка, обладал типично славянской внешностью. Сними форму, отпусти бороду и получишь обычного крестьянина средне-русской полосы.

Комполка с ординарцем и замполитом, что составляют всю его свиту, плюс бравый комбат-десантник со своим порученцем, наблюдают, как в небе распускаются белые цветы

парашютов. Медленный и величавый ТБ-3 будто грядку в небе высаживает.

— Эх, сколько горючего тратится, — вздыхает комполка.

— Вчера ж пять бензовозов пригнали. Как раз на это дело, — возражает замполит.

— На две заправки не хватит, — хмыкает комполка.

— Мне сказали, пока три раза каждый не прыгнет, десантником считаться не может, — вступает в разговор комбат.

— А до нас не прыгали? — В голосе Филиппова очень большая надежда, которая испаряется после отрицательного ответа.

— Только с вышки.

К группе подбегает штабной лейтенант.

— Товарищ полковник, через пару часов прибывает эскадрилья У-2.

— Зачем?

— Приказ-шифрограмма. Наши лётчики будут в составе экипажей У-2 заниматься ночными бомбардировками. С целью обучения ночным полётам.

Приготовившийся огорчиться Филиппов по краткому размышлению не находит причин для досады. У-2 ест совсем немного, для обучения самое то, не надо гонять тяжёлые самолёты, которые жрут горючку, как стадо мамонтов. Обучать тоже надо. Днём ТБ-3 вообще выпускать нельзя. Слишком лёгкая мишень даже с истребительным прикрытием. Как ещё организовать то прикрытия при двойной или тройной разнице скоростей. Так что, хочешь — не хочешь, а все лётчики обязаны уметь летать ночью.

3 октября, пятница, время 21:40

Центр ж/д треугольника Каунас-Гайжунай-Кайшадорис.

Дюжина ТБ-3 по очереди заходит на точку сброса и высаживает в небе белые парашютные цветы. Ночь, высота около километра, есть надежда, что десант не заметят. Или заметят не сразу.

Приземлившиеся десантники, кто сноровисто и споро, а кто с матюгами шёпотом, пакуют парашюты и распаковывают ящики с боеприпасами и миномётами.

— Все парашюты закопать, замаскировать и запомнить места. Каждый взвод в своё место, — сам комбат и отмечает эти места.

Через сорок минут батальон выдвигается к Кайшадорису.

То же время. Штаб бомбардировочного авиаполка в Сенче.

— И куда такая спешка? — Тяжко вздыхает Филиппов.

— Война, Иван Васильевич, дорогой. — Чуть улыбается начштаба, капитан Далакишвили. — Кто успел, тот...

— Тот на кол и сел, — ворчит Филиппов, капитан веселится.

— Тогда уж кто кол успел наточить, генацвале...

Комполка отмахивается, изучает накладные. Снова горючее подвезли.

— Какой у нас запас, Калистрат?

— Около восьмидесяти процентов от всего объёма цистерн и бочек. — Докладывает капитан. — Только предупредили, что сегодняшние поставки — последние.

— Нам хватит...

На что хватит, то и сделаем, — домысливает Филиппов. Ворчание, оно по привычке. На самом деле, всё правильно. Фактор времени на войне, как бы ни самый главный. И Генерал об этом постоянно талдычит, и жизненный опыт подтверждает. Кто успел, тот и сел. Но не на кол, а на более выгодной позиции. Высоту занял, мост успел захватить, мало ли...

Поэтому второй рейс, почти туда же, только между Кайшадорисом и речкой Вилия, запланированный под утро, понятен. Два батальона лучше, чем один. Только оторопь берёт, как подумаешь, что там десантников ждёт. Километров за сто от линии фронта.

Второй рейс понятен, но, судя по наличию горючего, его полк или ещё пару батальонов закинет, или уже переброшенные будет снабжать.

4 октября, суббота, время 09:25

Подступы к городу Казлу-Руда. Полковой КП 6-го мехкорпуса.

Генерал-майор Хацкилевич.

— Ёлки-моталки... — генерал подавляет острый приступ желания ругнуться длинно и на полную катушку. Или неумение сказывается, всё равнобудет слабое подобие комфронта. Вот кто филигранно выражается. Но не злоупотребляет. И мы не будем. Комфронта всё время напоминает, какое у вас настроение, такое и у вашего войска. Хотя неплохое у него настроение, злое, так что...

— Еловую шишку им в немецко-фашистскую жопу с проворотом! — У-ф-ф! Даже легче становится. Кто это там хихикает? Непонятно. Это по голосу своих узнать легко, а по хмыканью и ржанью уже не просто.

Генерал снова прикидывает к стереотрубе. Видено-перевидено, но надо подумать и согласно заветам комфронта подчинённые не должны зреть командира в смятении. Семь остановленных артогнём танков, большинство «разутых», только один дымится. Ещё две тридцатьчетвёрки разнесены в хлам, с отрывом башки от детонации боеприпасов. Сейчас чадят, догорая.

Комфронта приказал не позже пятого числа если не захватить Каунас, то хотя бы начать штурм. Желательно успешный. Но рванули они, не зная броду и очертя голову. Отданный приказ противоречил собственным поучениям Павлова, но суть противоречия до него тем же комфронта была доведена одним вопросом: «Ты за время рейда хоть на одно минное поле нарвался?». Разведка всё равно работает, хотя по большей части авиационная. Но скорость продвижения явно сказывается. Германцы не успевают выстроить оборону. В десяти километрах сзади разнесённые в пыль позиции 2-го армейского корпуса вермахта. 121-ую дивизию уничтожили практически полностью, 12-ая и 32-ая успели удрать. Но минное поле опять-таки соорудить не успели.

За отсутствие минных полей первое спасибо Павлову. По ночам надоедливо, как крови жаждущие комары, впереди летают лёгкие ночные бомбардировщики. У-2, в основном. Вывешивают осветительные бомбы, забрасывают мелкими, если кого заметят. Опять же разведка работает.

Второе спасибо Павлову за воздушного диспетчера. ТБ-7 наматывает круги над ними каждый день. Поддержка с неба сродни божественной помощи. Говорят, там какой-то еврейчик рулит. Ёлки-моталки! Одного народа с Христом. Так, в сторону опиум для народа!

По танкам фрицы садили из зениток. На железнодорожных узлах их всегда много. И безнадежно сгоревшая пара танков попала под огонь 88-мм Флаков. Но тем самым обнаружили себя, и попали под раздачу по наводке небесного еврейчика. Повторять атаку что-то не хочется, но надо.

— Товарищ генерал! — Подбегает адъютант. — Прибыл взвод тяжёлых танков, только...

Под ожидающим взглядом продолжает:

— Только их всего два, третий сломался по дороге.

Хватит мне и двух, — приободряется генерал.

— Давай сюда комвзвода!

Какая им будет задача, только последний дурак не догадается. КВ пойдут вперёд, артиллерия раздавит выявленные огневые точки. Вслед роту Т-34 с пехотой и можно зацепиться за город. Дальше поглядим. Не справимся до обеда — оставлю здесь полк и танковую роту. На этот вшивый городишко хватит. Нас Каунас заждался.

5 октября, воскресенье, время 08:25

Минск, штаб Западного фронта.

— Два батальона десантников, высаженных близ Кайшадориса, атаковали город. Один батальон захватил вокзал и его окрестности. Зенитные подразделения уничтожены, частично зенитки захвачены. Второй батальон вошёл в город с севера, но его продвижение на соединение с первым пока остановлено. По их оценкам в городке до двух полков охранных и лёгких дивизий, включая различные тыловые службы.

— Продержаться, Иван Иосифович? — Дежурный вопрос задаёт Климовских.

— Сутки должны продержаться, но просят подбросить боеприпасы.

— Подбросим. Но только ночью. Организуйте, — Климовских и сам может, но у него и так голова пухнет. Начальнику оперативного отдела генерал-майору Семёнову не впервой.

Там, конечно, не только боеприпасы, но и... хотя, может, не надо.

— Продовольствия им не надо? — Уточнить лишним не будет.

— Нет. Они даже мешки с мукой, пшеном и сахаром используют для оборудования позиций.

Ну, да. У ж/д полотна не больно-то окопы выроешь. Прессованный щебень можно раскопать, но долго, мучительно, и ни к чему портить то, что самим пригодится.

— Продолжайте Иван Иосифович.

Все слушают так внимательно, что поскрипывание стульев слышно.

— 11-ый мехкорпус у местечка Езнас, — это километрах в двадцати пяти по направлению к Кайшадорису, — смял позиции 28-го армейского корпуса и продолжает движение.

— Так что может и ни к чему слать боеприпасы десанникам? — Вполголоса замечает Копец.

— Боеприпасов много не бывает, — разочаровываю Иваныча, — так что не отлынивай.

— Железнодорожники заканчивают восстановление... обещают сегодня закончить, так что вопрос со снабжением 6-го мехкорпуса можно сказать... будем надеяться, — поправляется осторожный Семёнов, — что решится. Для полноценного снабжения 11-го корпуса надо захватывать Каунас. О делах небесных, наверное, лучше расскажет генерал Копец? — Семёнов смотрит в сторону главкома ВВС, тот с готовностью встаёт.

— Продолжаем держать небо под контролем. Фон Боку разгуляться не даём...

— Какие потери?

— С нашей стороны пять-шесть машин в день. От зенитного огня и в результате воздушных боёв. С немецкой чуть больше, семь-восемь, если не считать разгромленного аэродрома пару дней назад. Там около сорока самолётов разного назначения стояло.

— Сложности в том, что расстояние увеличилось в направлении Каунаса до ста километров и больше. Это дополнительный расход горючего и время подлёта. Свои аэродромы пока опасаемся ставить, линия фронта неустойчивая и сложной формы.

— Используйте немецкие. — Команда неоднозначная. Немцы о своих-то аэродромах

всяко знают, потому могут атаковать без разведки. Но это можно поправить. На недоумение Копца даю разъяснение.

— Стройте взлётку рядом. Можно использовать постройки по их назначению, а старые полосы займите неисправной техникой. Своей и трофейной. Можно просто силуэты нарисовать. 22 июня же сработало.

Потом решали, где нам нужны аэродромы и сколько. Пока трёх хватит. Один бомбардировочный полк и пару истребительных или смешанных. И штаб 11 авиадивизии в Сувалки. А на её место 43-ю истребительную из Витебска. Корпус Рычагова — в район Лиды.

Там же, 13:05.

Долго предаваться унынию, что все мои задумки могут разбиться о бытовые и приземлённые проблемы вроде нехватки боеприпасов, — начинает ощущаться дефицит авиабомб по некоторым позициям, и особо, горючего, — мне не дают.

— Дмитрий Григорич, вас Москва вызывает.

— Иду, — со вздохом встаю и бью себя ладонью по лбу. Прямо, как по заказу. Если защитнику Родины чего-то не хватает, что надо делать? Попросить у Родины, пожалиться ей, глядишь, и подбросит. А как иначе?

Так что спускаюсь в подвал, — надо накрутить хвост связистам, давно пора переговорную наверху сделать, — довольно бодро. Трубка ждёт на столе, сержант затворяет за собой железную дверь.

— Как там у вас дела, товарищ Павлов? — Москва обычно предпочитает разговаривать со мной голосом товарища Сталина.

— Внешне неплохо, товарищ Сталин. Развиваем наступление на Каунас и другие города рядышком. Как только возьмём под контроль мощный железнодорожный узел, фон Боку станет очень скучно. Господство в воздухе над Литвой удерживаем.

— Пачиму сказали, что только внешне хорошо?

— Горючего и боеприпасов хватит только на пару дней боёв такой интенсивности. После этого движение... — хотел сказать «прекратится», но это явный перебор, — сильно снизится. Крупных операций проводить не сможем.

— Ми же вам послали два эшелона?

— Для заправки только одного тяжёлого бомбардировщика требуется семь-восемь тысяч литров. Правда, этого на три тысячи километров хватает. Иногда мы их используем. Недавно вот десант в тыл немцам забрасывали.

— Сколько вам надо горючего?

— Дюжина эшелонов на неделю. Примерно так. И авиабомбы мелких калибров, до десяти килограмм, заканчиваются. Тяжёлые тоже нужны, но они медленнее расходуются.

— Харашо. Будет вам горючее. А что вы планируете делать с фон Боком? Разгромить его?

— Полумиллионную группировку? Нет, конечно. Сил не хватит. Но сильно ослабить, потрепать, заставить отступить, это сможем. Да уже делаем. За дни наступления восемнадцать тысяч пленных взяли. Большая часть из тыловых подразделений, конечно, но для нас это лучше. Будет легче с трофейной техникой разбираться.

— Товарищ Павлов, ви замену себе подготовили?

Неожиданно! Вроде давно такого ждал, но всё равно, как обухом по голове.

— Кандидатуры есть, товарищ Сталин. Но сейчас не время рокировку делать. Как

говориться, коней на переправе не меняют. Надо паузу в боевых действиях дожидаться.

— Мы понимаем. Никто не собирается вас выдёргивать в период наступления. А кого вы хотите?

— Думаю, Никитина Иван Семёновича. Он у меня самый активный. И в обороне работал и в наступлении, — немного искажаю, в контрнаступлении, но это мелочи, — Климовских его подстрахует, он и сам меня заменить может.

— Харашо. Успехов вам, товарищ Павлов. Да, чуть не забыл. Прибыли два танкера с горючим. Из Америки. Так что будут вам эшелоны с бензином.

— Отличная новость, товарищ Сталин! Всего хорошего.

Вечером полковник Виноградов доложил, что ж/д ветку, соединяющую Сувалки с Каунасом, восстановили. Есть контакт! Можно запускать бронепоезда. И вывозить трофеи на радость Мерецкову.

Из оперативных докладных:

6 октября, понедельник. Хацкилевич штурмует Каунас, над которым свирепствуют советские бомбардировщики. Чайки и пешки сверху, тяжёлые (по немецкой классификации Т-34 относится к тяжёлым) танки снизу.

В тот же день, 11-ый мехкорпус 3-ей армии, под командованием генерал-майора Терёхина Макара Фомича, вошёл в Кайшадорис. Город был взят сравнительно легко. Дивизии корпуса и авиация окончательно рассеяли две дивизии 28-го армейского корпуса вермахта и не дали отступить им в город. Тем самым спасли десантников от полного уничтожения. Два батальона из воздушно-десантного корпуса в ходе городских боёв убитыми и ранеными потеряли 50 % личного состава.

В ночь с 6-го на 7-ое ночными бомбардировщиками сильно повреждён мост Йонава — Гайжунай через реку Вилия.

7 октября через Сувалки и Казлу-Руда по восстановленной ж/д ветке к Каунасу выдвинулись два тяжёлых бронепоезда, «Аврора» и «Гефест». Вечером город был окончательно взят. В первых рядах штурмующих штрафной батальон численностью в полтысячи человек. Безвозвратные потери батальона — 60 %.

7 октября Голубев затребовал пехотного подкрепления и в район Сувалок отправился 47-ой стрелковый корпус. На его место в Слуцк и Барановичи 3-я и 4-ая дивизии Минского ополчения.

8 октября в район украинского Полесья в хозяйство Рокоссовского начали прибывать первые дивизии для формирования ударных армий для вторжения на Украину. Москва принимает решение о создании нового фронта (Украинского) под командованием Рокоссовского. Первая армия — 39-ая ударная, которую запланировано увеличить до четырёх корпусов (на настоящее время один моторизованный корпус и один стрелковый из трёх дивизий).

9 октября 4-ый стрелковый корпус (3-я армия) 70-ый корпус и 13-ая армия в целом занимают соответственно левобережье и правобережье Немана от Друнининской до Каунаса. Блокирован Алитус, начинается неторопливая осада города. Хацкилевич (6 МК) при поддержке бронепоездов и авиации штурмует Гайжунай.

За период с 8-го по 12 октября западнее и восточнее Каунаса созданы аэродромы для двух истребительных авиаполков. Спешно создаются или осваиваются аэродромы в других местах.

10 октября войска фон Бока оставляют город Молодечно. Его занимают части 21-го

стрелкового корпуса, что идёт по пятам немецких войск.

10 октября в Минск передислоцирован воздушно-десантный корпус. Других войск для защиты города не осталось, а десантникам надо доукомплектоваться и обучиться. Вновь заработал центр обучения новобранцев под Минском. Москва утвердила создание нового 32-го моторизованного корпуса.

11 октября Рычагов докладывает о создании ещё одного смешанного авиаполка. Истребители, штурмовики, лёгкие бомбардировщики. Новый полк Рычагова планируется перебросить в район Каунаса.

11 октября авиаразведка и войсковая разведка докладывает, что армии фон Бока двигаются в направлении Кайшадориса.

Ещё 24 сентября из Москвы пришло извещение о решении Ставки, оформленной через приказ НКО, о создании 1-ой воздушной армии в составе 4-ёх авиадивизий. 201-ая — истребительная, 215 и 216 — истребительно-штурмовые, 204-ая — бомбардировочная. На начало октября полностью сформированы две авиадивизии: 201 и 215. Частично 216. Нумерация авиаполков идёт, начиная с 239-го сквозным образом по всем дивизиям по порядку. У бомбардировочной авиадивизии автономная нумерация: 6, 38, 130, 248. Последний, 248-ой полк — истребительный, для сопровождения.

11 октября, суббота, время 09:10

Небо юго-восточнее Кайшадориса.

Н-ну! Н-не уйдёшь, гнида! — Невнятно рыча, старший лейтенант Кондратьев закладывает крен почти до вертикали, закручивая вираж выше пределов, указанных в ТТХ. До скрипа и развала машины на части. И всё-таки достаёт мессер левым крылом, вскрывает верх корпуса и кабину пилота, рыскнувшего в сторону и чуть не увильнувшего от таранного удара Як-7М.

Есть! — С огромным облегчением вздыхает старлей. Прикрыл увлётшегося и прозевавшего атаку с фланга командира. И задницы, и свою и всей их команды прикрыл.

Что с самолётом? Взгляд на левое крыло, вернее, на то, что от него осталось. Чуть меньше трети крыла в лохмотья. Что с управляемостью? Заваливает, сильно заваливает налево. Правые закрылки до упора, летим почти прямо и в нашу сторону.

Что с ребятами? Ага, всё в порядке. Командир всё-таки достал того самого, что выбрал целью. Получивший таранный удар, колом валится вниз. Теперь шестеро против пяти... а нет, ещё подходит пара Яков и мессеры резко удирают. Ну-ну...

Вообще-то они приказ нарушили. Не ввязываться в бой без численного перевеса или хотя бы равенства. На него, конечно, давно все плевать хотели. Бывало, парой на шесть мессеров нападали. А что? Если неожиданно, то можно. Ударить, а затем не грех и удрать, скорость не намного, но больше. Только вот у них особый случай, у них кроме обычной боевой задачи всегда ещё одна, которую сам генерал Павлов поставил:

— Если Василий Иосифович погибнет, означать это может только одно: никого из вас уже нет в живых. И даже это не послужит вам оправданием. — Чуть погода добавил, — вы — лучшие, вы справитесь.

Поэтому и приходится вертеть головой, всё ли там в порядке. И только потом можно подумать о себе.

Сесть не получится, машину болтает, и маневрировать невозможно. Высота теряется, но Кайшадорис уже близко.

Когда самолёт на километровой высоте проходит кромку леса, снизу бьёт эрликон. И

бьёт точно. В бок удар будто кувалдой, и повисает рука. Как-то трудно мне тринадцатый сбитый достаётся...

Як продолжает полёт, как ни в чём ни бывало, но через минуту вдруг резко уходит вниз и врзается в землю.

11 октября, суббота, время 11:40

Штаб 201-го авиаполка. Аэродром в 10 км северо-восточнее Каунаса.

Майор Ковтунов, комполка, обычно спокойный и сдержанный опытный лётчик, спокойствия на данный момент не испытывает. Только что сделал краткий доклад генералу Павлову и передал трубку мрачному полковнику Василию Сталину.

Геморрой тот ещё иметь у себя такого подчинённого, да выше по званию. Хорошо, что уважать можно не только за звание. Василий не стал прятаться и отпираться, сразу признал, что увлёкся и подставил своего лётчика. Теперь выслушивает дифирамбы от командования. Даже комполка слышно. Хотя вроде стихает буря, но по инерции Василий держит трубку не вплотную и майор всё слышит.

— Вась, вот честное слово, как-нибудь не поленюсь, лично прилечу и морду тебе отрихтую...

«Как он с ним!» — с холодящим живот восторгом думает комполка. Василий мрачно молчит.

— Ладно, Василий, не бери в голову. Всё бывает... слушай может всё-таки хватит тебе гусарить? Не пора ли делом заняться? Сколько самолётов ты сбил?

— Сегодня шестой...

— Ну, нормально же! У двух третей лётчиков такого не будет даже к концу войны.

— Дмитрий Григорич, не хочется в такой нехороший момент уходить. Конец — делу венец. С таким похоронным настроением как мне потом работать?

Что вполголоса бурчит Павлов, комполка не слышит.

— Обещаю, Дмитрий Григорич. Буду работать аккуратно. До свидания, — Василий осторожно кладёт трубку.

— Что сказал? — Ковтунову удаётся спрятать почти убитую надежду избавиться от такого неподъёмного подчинённого. Василий удручённо вздыхает, хотя слова его вполне оптимистичны.

— На моё усмотрение, Анатолий Палыч. Мне надо пару схем обкатать в боевых условиях, пару самолётов сбить, желательнее мессеров...

— Тактические схемы меняются чаще, чем времена года, товарищ полковник.

— Значит, поучусь их менять...

Майор прикусывает язык, который только что подвёл своего хозяина. Жди теперь, когда он научиться менять тактические схемы.

12 октября, воскресенье, время 08:40

Ж/д пути западнее Кайшадориса. Бронепоезд «Гефест».

— Воздух! — Команда мгновенно переводит всех зенитчиков из режима ожидания в боевой. Только на неискущённый взгляд метания бойцов носят хаотический характер. Навстречу двум лаптёжникам угрожающе поднимаются стволы пушек и пулемётов.

— Как они нас заметили? Мы ж под маскировкой... — недоумевает командир бронепоезда.

Кажется, они попали. Восемь юнкерсов, за ними подтягиваются столько же мессеров. Парами, четвёрками, тем более одиночно, немецкие асы давно не рискуют летать. Наши

прилетят, не позже, чем через десять минут, но их ещё выдержать надо.

Когда пикирующая пара бомбардировщиков снижается метров до восьмисот, бронепоезд открывает огонь. Один самолёт тут же кувыркается и падает в полусотне метров от полотна дороги. От взрыва сотрясается земля и вздрагивает бронепоезд. Второй, не доводя пикирование до конца, скидывает бомбы. По броне хлещут осколки, прямого попадания нет. А вот маскировочную сеть срывает. Положение хуже, чем голому на виду толпы.

Командир по телефону отдаёт команду тяжёлым пушкам. Они раскрыты, уйти не смогут, поездам невозможно тягаться с самолётами, даже самыми медленными. Но кое-что в запасе у него есть.

— Две пушки в одну сторону, две в другую. Угол стрельбы максимальный...

Трубку командир приказывает установить на дистанцию пятьсот метров. И волну бомбардировщиков встречают не только зенитчики, но и шрапнельные залпы тяжёлых МЛ-20...

13 октября, понедельник, время 09:55

Небо над Кайшадорисом. Воздушный КП генерала Павлова.

Рассматриваю сверху пострадавший бронепоезд. «Гефест», сбросив с путей искорёженную платформу с гаубицами и оставив разбитый тепловоз, отползает к Каунасу. Живучесть наше всё. Будь у него один локомотив, пришлось бы дожидаться помощи. И чего раньше дождались бы, не известно. Помощи или очередного, добывающего налёта. Ещё один броневAGON разбит, но ходовая часть, видимо, целая.

Перевожу бинокль на город. Кайшадорис тоже пострадал. Фрицы вышли на окраины и были отброшены. Атаковать под бомбёжками и штурмовкой им не понравилось.

ТБ закладывает вираж, мне надо посмотреть, что там ещё творится. В Вильнюсе ещё есть какое-то движение, но такое, затухающее. Мне надо выбрать момент кое для чего.

Немцы меня удивили. Я бы сказал, разочаровали, если б они союзниками были, но раз враги, то приятно удивили. Оказались не так сильны, как ожидал. После попытки фон Бока прорваться к Лиде ждал удара в районе Алитуса, чтобы отрезать мою каунасскую группировку. Взять их в окружение и пережевать.

Ответ у меня был готов. Не сладко бы им пришлось. Собственно, фон Бок и попробовал. Но как только высунулся из леса в направлении Алитуса, тут же получил бомбовую припарку. И снова спрятался в лес. Он мог бы ещё пробиться к Каунасу, к нему тоже огромное урочище примыкает, но остерёгся. И правильно сделал, иначе я бы его войска в том лесу и похоронил бы. Вместе с лесом. Кассет с зажигательными бомбами у меня ещё много осталось.

Так что фон Бок хлебает полной ложкой то варево, что я ему приготовил. Логистическая ловушка. Ему после потери Каунаса пришлось отступать посуху. Ни одной попутной железной дороги у него нет. А это расход горючего, это систематические бомбёжки, и деваться некуда.

Внимательно рассматриваю, что происходит внизу и продолжаю размышлять.

Самое главное: мы сумели сделать то, для чего предназначены. Защитили страну. Германцы народ хозяйственный, и как только захватывают территории, тут же осваивают ресурсы. В том числе, мобилизационные. Сравнительно с той, неудачной историей, половина Латвии и Эстония остались за нами. Значит, нет эстонской дивизии «Ваффен СС», нет половины латышской. Есть чуть-чуть литовских националистов, которые сейчас в

полной моральной заднице. Полными ужаса глазами любуются, как их хозяев дерут в хвост и гриву в разных позах.

Сформировали кое-какие подразделения из галицийских хохлов? Ну-ну... буду настаивать в Ставке на то, чтобы лишить Украину статуса союзной республики. И ещё кое на чём буду настаивать. Очень они удивятся, когда напорются на то, за что боролись.

Крым тоже уже не захватят. Поэтому поддержки от крымских татар немцы не получают. Туркестанских дивизий в вермахте тоже не предвидится. Ингуши и чеченцы будут честно воевать. С вайнахами отдельная история. Их здорово подвёл их национальный менталитет. У кавказских народов, в особенности чеченцев, культ силы. Ты можешь быть сколь угодно мудрым и образованным, чеченец тебя не будет уважать, если ты слаб. А тут на их глазах вермахт Красную Армию на пинках до самой столицы гонит. Прущее вулканом изнутри презрение к слабакам под красными знамёнами сдержать они не смогли. Как и уважение к немцам, носителям непреодолимой силы. Они не Сталина простить не могут за выселение, на себя злятся, что так прокололись. Красная Армия всё-таки надавала по хлебалам немцам и водрузила красный флаг над Рейстагом. Сами никогда не признаются, но чеченцы до желчи досадают, что не поучаствовали в таком славном деле. Ну, теперь у них такая возможность будет.

Генерала Власова в плен не возьмут, — блядский высер, придётся с этим фруктом отдельно разбираться, — и РОА тоже не появится. Суммарно в том плохом для нас варианте Гитлеру удалось взять под контроль порядка семидесяти миллионов населения, одну треть мобилизационного потенциала СССР. Сейчас не более двадцати. Литва, часть Латвии, Западная Украина и часть центральной. Всё, это максимум, который уже идёт на спад. Не говоря уже о том, что мой фронт кусочек Восточной Пруссии отхватил, то бишь, коренной германской территории.

Обмозговываю один момент. Когда всё это началось? В какой момент капкан для вермахта окончательно и бесповоротно захлопнулся? Когда Прибалтийский и Киевский округа провалили оборону и открыли мои фланги? Да, когда они отступили, а я нет, вермахту пришлось сильно размазать свои войска. Так сильно, что без дыр в линии фронта не обошлось. Моя 10-ая армия фактически не взламывала немецкую оборону, она просто и непринуждённо вошла на германскую территорию. Это даже не наступление было, а почти обычная передислокация, не сложнее, чем вхождение Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию в 39-ом году.

Но при этом 10-ая армия нешуточную угрозу создаёт. Сокращено подлётное время к Варшаве и, — о, ужас! — к Берлину. Ещё немного и к столице Германии фронтовые истребители начнут летать.

Группа армий «Юг» обречена. Либо им спешно надо уносить ноги. Опять же под непрерывными бомбёжками.

Что немцы могли сделать, когда ЗапОВО устоял? Надо было наваливаться всем вместе на меня одного, окружать целиком всю Белоруссию и Смоленскую область. Но для этого надо брать Киев, идти дальше. А чем брать? Резервов нет, коммуникации под угрозой, Одесса сопротивляется. Если бы они рискнули, я бы тоже рискнул и приказал бы Рокки ударить в южном направлении. Вот бы он повеселился.

Чем больше думаю, тем более склоняюсь к мысли, что когда мой фронт мало того, что устоял, но начал отгрызать кусочки обратно, вермахт попал в цугцванг. Любой ход — путь к поражению. Что ни сделай, только ближе к пропасти...

— Теперь летим на север, посмотрим, что там происходит, — лётчик кивает и снова берётся за штурвал.

Движение в Вильнюсе и окрестностях оценил, надо смотреть, как далеко ушёл авангард фон Бока и насколько он велик...

Думаем дальше. Демографические потери СССР вряд ли будут больше миллиона человек. Да пусть даже два. По сравнению с двадцатью, это микродоза. Децимация децимации. СССР этого не заметит. Ежегодный прирост у нас 2–3 миллиона человек.

Война войной, а репарации по порядку. Чего бы нам стрясти с Германии и побольше, вот в чём вопрос. И не только о материальном речь, оборудовании, станках и промтоварах. Москва пока ни сном ни духом о возможностях создания атомного оружия. Ракетное направление, которому в той реальности дали сильный толчок германские разработки, тоже в эмбриональном состоянии. Не только в этих областях немецкая наука сильно продвинулась. Нам ещё придётся их догонять.

Кроме военного наступления на Германию, надо думать и об экономической экспансии. Как бы сделать так, чтобы советский рубль котировался хотя бы на оккупированных территориях? Пользуясь военной обстановкой, довольно просто это сделать. Конtribuцировать какой-нибудь немецкий завод, а потом продавать его продукцию за рубли. В первое время у них будут проблемы с продовольствием. Аналогично, продавать за рубли. Но европейцам чтобы что-то купить, надо что-то продать. Найдут, что продать. Драгоценности, фарфор, мебель, что угодно можно в комиссионку военторга снести. Можно будет и заработать. На ремонте разрушенной инфраструктуры, например. Требующейся нам, разумеется. Свою пусть сами отстраивают.

Свою нишу на европейском рынке искать придётся. В перспективе это нефтепродукты, своей нефти в Европе мало. Кое-какая сельхозпродукция, короче, будем разбираться. Если удастся в Восточной Европе запустить оборот советского рубля, то для СССР это будет победой негромкой, но не менее важной, чем взятие Берлина.

Такие мероприятия помогут предотвратить мародёрство. А зачем что-то отнимать, когда можно зайти в любой магазин или лавку и купить? Рубли у моих бойцов будут... и флаг в руки моему Мерецкову.

Что у нас там? Кажется пора.

— Сержант, сигнал «Скальпель» Анисимову.

Связист козыряет и берётся за ключ. Анисимову уносится команда, он уже на старте. Вчера у него уточнял.

Между вильнюсским и каунасским лесом есть удобный прогальчик. Никитин со своей стороны подтягивает туда 20-ый мехкорпус и 2-ой стрелковый. Аэродромчик трофейный спешно освоен.

А с той стороны, — подлетаем туда ближе, — начинается гроза. Четвертьмиллионная группировка Анисимова вгрызается в уходящую гигантскую колонну немецких войск. Их там, в организуемом котле, останется не меньше ста тысяч. Выйти они уже не смогут. И больше мы переварить не сможем. Все четыреста или пятьсот тысяч воинства фон Бока взять невозможно. Получится анекдот о том, как мужик медведя поймал. А вот откусить сто тысяч, это нам по силам.

15 октября, среда, время 08:10.

Минск, правительство республики, зал заседаний.

Военный Совет Западного фронта.

— Итак, товарищи, — оглядываю длинные ряды этих самых товарищей, военных и гражданских, — Вильнюсский котёл, в основном сформирован. Ожидаемое количество пленных от ста до ста пятидесяти тысяч человек. Вам надо решить, что с ними делать. Сколько оставим себе, сколько отправим на большую землю. Надо приготовить запасы продовольствия, кормить эту прорву.

— Далее. По освобождению Вильнюса придётся восстановить ж/д узел. Немцы там что-то сделали, но по минимуму.

— После ликвидации котла военные действия стихнут. По наступлению зимы вермахт будет вынужден сильно сократить свою активность. К войне в зимних условиях они не готовы. А нам надо освоить захваченные территории. Кирилл Афанасьич, вы разворачиваете там сеть военторга. Магазинные полки заполните трофеями и продукцией наших колхозов и предприятий.

— Гражданским властям очень советую присмотреться к военнопленным. Мне уже докладывали, что в одном из колхозов фрицы сумели организовать пивоварню...

Оживление в зале. Смешки. «Баварское трофейное» кто-то уже пробовал. Я в том числе. Неплохое пиво, очень неплохое, свежему «Жигулёвскому», как минимум, не уступит.

— Думаю, надо включить немчуре зелёный свет. Пусть строят пивоварни, сыроварни, маслобойки, всё, что могут. Пусть работают сами и наших учат. Среди них есть рабочие разных специальностей и тут такое дело...

Беру паузу для обострения внимания.

— Вы все думаете, что знаете, что такое трофеи. Проверим. Что это?

Народ пожимает плечами. Слышу возгласы «Танки, пушки, пулемёты», «продовольствие и амуниция».

— Вот и говорю, что не знаете. Что сказал товарищ Сталин в 31-ом году? — Без упоминания имени вождя можно обойтись, но если есть возможность... — Он сказал: «Мы отстали от передовых стран на сто — сто пятьдесят лет. Если мы не догоним их за десять лет, нас сомнут». Так вот, товарищи, мы до сих пор их не догнали.

Поднимаю руку, успокаивая лёгкий недоумённый шум.

— Расскажу анекдот для лучшего понимания. Немецкая разведка выкрала чертежи нового советского супертанка. На своих заводах немцы сделали всё точно по чертежам, но почему-то получился паровоз...

В зале смешки.

— Пробуют ещё раз, ещё тщательнее сверяясь с чертежами. Опять получается паровоз. Немецкая бравая разведка выкрадывает с нашего завода инженера и привозит его в Германию. Его обступают немецкие коллеги, трясут перед ним чертежами и возмущаются. «Чего вы шумите, геноссе», — отмахивается наш. — «Вы же грубо нарушили технологию». «Варум? Где?», — кричат немцы. «А вот же! Смотрите, на каждом листе приписка «Доработать напильником»».

Моё лицо серьёзно и даже хмуро. Противоположно в зале смешки переходят в хохот. Терпеливо жду штиля.

— Это не совсем анекдот, товарищи. И по большому счёту смеяться не над чем. Вы знаете, что очень часто бывает так, что запчасть с одного нашего танка не подходит другому такому же и с того же самого завода? Наши рабочие сильно уступают немецким в уровне индустриальной культуры. Потому такие казусы и происходят. Причины понятны. Германия индустриализовалась на сто лет раньше России, и за этот срок сформировала культуру

промышленного производства. Понимаете, куда я клоню?

Понимают или нет, но вывод давать мне.

— Индустриальная культура, вот важнейший трофей. И поэтому для наших партийных органов тут большое поле деятельности. Нашему рабочему надо перенять эту культуру. Впитать её. Это помимо многих технических достижений Германии, которых у нас пока нет.

— Например? — Фоминых желает уточнить.

— Например, аппараты искусственной вентиляции лёгких. Сейчас врачи в наших госпиталях осваивают несколько таких трофейных устройств. Есть и другие, там целый список, не о том речь. Речь о том, что трофеи это не только товары. Это и станки, которых у нас нет, и... и умение на них работать. А ещё лучше, возможность создавать такие станки. Это тоже трофеи и намного более ценные. Военному Совету, его гражданской части, надо как следует подумать об этом.

Заканчиваю так:

— Товарищи, вы наверняка понимаете, что за военную часть можно быть спокойным. Германию мы окончательно разгромим в будущем году. Никаких сомнений лично у меня нет. Теперь ваша забота, как наилучшим образом распорядиться плодами наших военных успехов. Окончательная победа впереди, но многое можно делать уже сейчас.

Пришлось ещё пару часов сидеть на Совете. Много мелких вопросов, которые лучше и быстрее решать напрямую. Например, почти во все города, включая Минск, можно возвращать эвакуированных, а также детей. Половина деток тихой сапой уже вернулась, по большей части сельских, но можно и всех. Только Брест под запретом, он в зоне доступности дальнобойной артиллерии. И надо возобновлять обычное обучение в школах.

С 17 октября эпизодические осенние дожди переходят в непрерывные, иногда целыми сутками. Крупные наступательные операции становятся невозможными. Госпожа Осень объявляет климатическое перемирие.

25 октября окружённая у Вильнюса группировка сдаётся. В плен попадает 128 тысяч солдат и офицеров.

Окончание главы 19.

Конец книги.